Джеймс Питер

Мертвая хватка

1

Карли забыла поставить будильник и в день катастрофы проспала. Проснулась в тяжелом похмелье. На нее навалился мокрый пес, из комнаты сына доносился одуряющий бой барабанов с литаврами. Поганую атмосферу дополняло серое дождливое утро.

Полежала минуту, собираясь с мыслями. Назначен визит к педикюрше насчет больной мозоли, а ровно через два часа прием в офисе ненавистного клиента. По всему чувствуется, что сегодня тот самый день, когда будет становиться только хуже и хуже. Вроде барабанов с литаврами.

— Тайлер! — завопила она. — Прекрати, ради бога! Ты готов?

Отис, спрыгнув с кровати, принялся яростно лаять на собственное отражение в зеркале на стене.

Барабаны умолкли.

Карли поплелась в ванную, нашла парацетамол, сглотнула две таблетки. Дурной пример для сына. Даже для собаки дурной пример.

Отис явился, как бы на реплику, с надеждой держа в зубах поводок.

— На завтрак что, мам? — крикнул Тайлер.

Она уставилась на себя в зеркало. Почти сплошь сорокалетнее, а нынешним утром двухсотсорокалетнее лицо милосердно завесили клочья светлых волос, в данный момент напоминающих копну соломы.

— Мышьяк, будь любезен! — крикнула она в ответ, хрипя после чрезмерного количества сигарет, выкуренных прошлым вечером. — С гарниром из цианистого калия и крысиного яда.

Отис шаркнул лапой по кафелю.

— Извини, утренней прогулки не будет. Попозже, ладно?

— Я вчера это ел, — объявил Тайлер.

— И ни хрена не сработало, черт побери?

Карли пустила душ, дождалась, пока вода нагреется, и шагнула в кабину.

2

Стюарт Фергюсон, в джинсах, крепких ботинках и фирменной куртке поверх фирменной рубашки поло, сидел в своей высокой кабине, с нетерпением ожидая переключения светофора. Стеклоочистители щелчками сбивают дождь. Внизу под ним сочится пиковый трафик на брайтонской Олд-Шорэм-Роуд. Распевает во весь голос двигатель шестнадцатиколесного рефрижератора «вольво» с арктическим холодом, постоянный поток горячего воздуха поджаривает ноги. Конец апреля, но зима еще не ослабила хватку, и в начале рейса шел снег. Нечего болтать про *глобальное потепление.*

Он зевнул, тупо глядя в скверное утро, хорошенько хлебнул «Ред Булл», сунул банку в держатель на дверце, растер стриженую голову липкими мясистыми ладонями, зашлепал по рулю под «Летучую мышь из ада», грохочущую так, что того и гляди оживет мороженая рыба у него за спиной. За последние часы выпита пятая или уже шестая банка «Ред Булл», даже потрясывает из-за передозировки кофеина. Но сейчас только энергетик и музыка не позволяют заснуть.

Выехал вчера днем из Абердина в Шотландии, за ночь проехал 472 мили, как на данный момент показывает счетчик. За рулем восемнадцать часов почти без перерыва, только закусил на станции обслуживания «Пагнелл» в Ньюпорте и поспал пару часов на придорожной парковке. Если бы не дорожно-транспортное происшествие на пересечении М1 и М6, был бы тут час назад, в восемь, точно по расписанию.

Впрочем, нет смысла ссылаться на происшествие. Аварии и столкновения происходят постоянно. Слишком много людей на дороге, слишком много машин, слишком много автопоездов, слишком много идиотов, слишком много спешащих водителей, слишком многое отвлекает в дороге. Он видит всевозможные происшествия долгие годы. И гордится собственным рекордом. За девятнадцать лет ни одной царапины, ни одной штрафной квитанции.

Пока по привычке оглядывал приборную панель, проверяя давление масла и температуру в холодильнике, светофор переключился. Толкнул рычаг передач и начал постепенно набирать скорость, проезжая перекресток на Баундери-Роуд и спускаясь под горку к морю, до которого меньше мили. После остановки в «Спрингсе» — коптильне в нескольких милях к северу, в суссекском Даунсе, — осталась единственная последняя доставка, и с грузом покончено. Последняя порция предназначена для супермаркета «Теско» в торговом центре в Холмбуше на окраине города. Потом путь лежит в нью-хейвенский порт для загрузки мороженой новозеландской баранины, после чего можно будет урвать часок-другой сна и опять возвращаться в Шотландию.

К Джесси.

Жутко по ней соскучился. Взглянул на ее фотографию на приборной доске рядом со снимками двух своих сыновей, Донелла и Логана. По ним тоже соскучился. Бывшая жена, сучка Мэдди, здорово попортила ему жизнь. Но в конце концов милая Джесси помогла все обратно наладить.

Сейчас беременна на четвертом месяце. Наконец, после трех адских лет, замаячило будущее, на котором можно сосредоточиться вместо бесконечной ругани и обвинений.

Обычно в таких рейсах он старается хорошенько поспать в соответствии с законодательством о работе водителей-дальнобойщиков. Однако рефрижератор на последнем издыхании, температура неуклонно повышается, нельзя рисковать ценным грузом — морским гребешком, креветками, устрицами и лососем. Надо ехать.

Пока ты осторожен, внимателен, все хорошо. Известно, где стоят камеры наблюдения и патрульные, — СВ-радио предупреждает. Поэтому он поехал по городу, а не по окружному шоссе.

Стюарт выругался, увидев впереди красные мигающие огни и опускающийся шлагбаум на переезде у железнодорожной станции Портслейд. Вспыхнули тормозные огни передних машин, поток начал останавливаться. Он тоже тормознул с шипением. Заметил слева светловолосого растрепанного мужчину, согнувшегося на ветру, отпирающего дверь агентства недвижимости «Рэнд и К°».

Интересно, как живешь, имея такую работу? Когда встаешь утром, идешь в контору, вечером приходишь домой, к семье, а не сидишь за рулем нескончаемые дни и ночи, один-одинешенек, питаясь в кафе на станциях обслуживания или жуя гамбургер перед убогим телевизором на задней стенке кабины. Если б у него была такая работа, может, был бы женат до сих пор. Проводил бы с детьми каждый вечер и каждые выходные.

Только известно — не был бы счастлив, сидя на месте. В дороге чувствуешь себя свободным. Это жизненно необходимо. Может быть, парень, который сейчас открывает агентство, взглянет когда-нибудь на автопоезд и мысленно скажет: «Лучше бы я поворачивал ключ зажигания»…

Другие пастбища всегда зеленее. Одно в жизни Стюарт точно усвоил: кто бы ты ни был и что бы ни делал, обязательно попадется дерьмо. И ты в него однажды вляпаешься.

3

Тони прозвал ее Сантой, потому что, когда они впервые занимались любовью в снежный декабрьский вечер в доме его родителей в Хэмптоне, на Сьюзи было темно-красное атласное белье. И он сказал, что к нему сразу пришло Рождество.

А она с ухмылкой ответила: очень рада, что только Рождество, и больше никто.

С тех пор они без ума друг от друга. Настолько, что Тони Ревир отказался от планов получить степень магистра делового администрирования в Гарварде, поехал вместо того за Сьюзи в Англию, к большому неудовольствию своей до безумия властной матери, и стал учиться вместе с ней в Брайтонском университете.

— Лентяйка! — объявил он. — Лентяйка чертова!

— Ну и что? У меня лекций сегодня нет. Ясно?

— Уже полдевятого, правда?

— Угу. Я от тебя слышала: восемь. Потом восемь пятнадцать. Потом восемь двадцать пять. Хочу сладко поспать.

Он взглянул на нее сверху вниз:

— Ты и так сладкая. Знаешь?.. Мы после полуночи не занимались любовью.

— И все-таки ты бросаешь меня?

— Придется.

Она протянула руку, крепко вцепилась в пряжку брючного ремня. Он охнул, Сьюзи усмехнулась.

— Ложись.

— Я должен повидаться с профессором, потом идти на лекцию.

— На какую?

— Проблемы Гэлбрейта[1] и современная рабочая сила.

— Ого! Везет тебе.

— А то. Выбор между современной рабочей силой и тобой не бином Ньютона.

— Хорошо. Ложись.

— Не лягу. Знаешь, что будет, если я не наберу в этом семестре хорошие баллы?

— Вернешься в Штаты к мамочке.

— Ты мою маму знаешь.

— Угу. Страшная женщина.

— Сама говоришь.

— Значит, ты ее боишься?

— Моей мамы все боятся.

Сьюзи приподнялась, отбросила за спину длинные темные волосы.

— Кого больше боишься: ее или меня?

Он наклонился, поцеловал девушку, с наслаждением впитывая сонное дыхание.

— Ты потрясающая. Я уже говорил?

— Около тысячи раз. Ты тоже потрясающий. Я уже говорила?

— Около десяти тысяч раз. Как заевшая пластинка. — Тони забросил на плечи легкий рюкзак.

Сьюзи взглянула на него. Высокий, худощавый, короткие темные волосы смазаны гелем, торчат неровными иглами, на лице модная щетина — очень приятно колется. Стеганый анорак поверх двух футболок, джинсы, кроссовки. Пахнет одеколоном «Эберкромби энд Фитч», который она действительно обожает.

Он покорил ее своей уверенностью при первом же разговоре в темном подвальном баре «Правда» в Гринич-Виллидж, когда она приехала в Нью-Йорк на каникулы вместе с лучшей подружкой Кэти. В конце концов бедняжка Кэти полетела в Англию одна, а Сьюзи осталась с Тони.

— Когда вернешься?

— Как можно скорей.

— Слишком долго!

Он снова поцеловал ее.

— Люблю тебя. Обожаю.

Она замахала руками, как ветряная мельница.

— Еще.

— Ты самое великолепное, прекрасное, очаровательное существо на планете.

— Еще!

— С каждой секундой разлуки скучаю по тебе все больше, и больше, и больше.

Сьюзи снова замолотила руками.

— Еще!..

— Жадничаешь.

— Это ты превратил меня в жадину.

— А ты меня в сексуального маньяка. Пойду, пока чего-нибудь не наделал.

— Прямо так меня оставляешь?

— Вот так.

Еще раз чмокнул, натянул бейсболку, выкатил из квартиры горный велосипед, вышел из парадного в холодное ослепительное апрельское утро. Закрывая за собой дверь, вдохнул солоноватый морской воздух Брайтона и взглянул на часы.

Проклятье!

Встреча с профессором через двадцать минут. Если как следует приналечь на педали, еще можно успеть.

4

Чик. Щелк. Пи-и-и… пи-и-и… кар-р… ух… чирик… кряк… фьють-фьють…

— С ума можно сойти от этого шума, — проворчала Карли.

Тайлер на пассажирском сиденье «ауди» согнулся над айфоном, играя в адскую игру под названием «Сердитые птицы», на которую подсел. Почему он без конца шумит?

Айфон издал звук бьющегося стекла.

— Опаздываем, — сказал мальчик, не глядя на мать и не прекращая игру.

Чик-чирик… кар-р-р… ух-ух…

— Пожалуйста, Тайлер. Голова раскалывается.

— Да? — ухмыльнулся он. — Нечего было вчера надираться. Опять.

Карли сморщилась, услышав неподобающее для ребенка выражение.

Пи-и-и… пи-и-и… ух…

Хорошо бы схватить этот долбаный айфон и выкинуть в окно.

— Ну, ты тоже надрался бы, если б встретился с таким придурком.

— Будешь знать, как ходить на свидания вслепую.

— Спасибо.

— Пожалуйста. Я в школу опоздал. Получу нагоняй. — Тайлер внимательно посмотрел на Карли сквозь овальные стекла очков в проволочной оправе.

Щелк-щелк… тр-р-р…

— Позвоню, предупрежу, — сказала она.

— Вечно звонишь и предупреждаешь. Ты безответственная. Наверное, мне надо просить об опеке.

— Не один год упрашиваю, чтоб тебя опекунам отдали. — Карли уставилась в лобовое стекло на красный свет, на бесконечный поток машин на перекрестке, потом взглянула на часы. 8:56. Если повезет, забросит сына в школу и успеет на прием к педикюрше. Замечательно: вдвойне поганое утро. Сначала удаление мозоли, потом клиент — мистер *Мизери*.[2] Неудивительно, что жена его бросила. Слишком много взяла на себя, выйдя за него замуж. Впрочем, солиситору[3] платят не за суждения. Ей платят за то, чтобы она не позволила миссис Мизери отхватить у мужа оба яичка и прибрать к рукам все прочее его — в строгом смысле, *их* достояние.

— Мам, до сих пор больно, правда…

— Что?.. А, пластинка…

Тайлер дотронулся до губы.

— Слишком тугая.

— Позвоню дантисту, договорюсь о приеме.

Мальчик кивнул и снова сосредоточился на игре.

Светофор переключился. Карли передвинула правую ногу с тормозной педали на акселератор. Начались новости, она потянулась, прибавила звук.

— Я еду к старикам в выходные?

— Мне бы не хотелось, чтобы ты их так называл. Это твои бабушка и дедушка.

Тайлер передернул плечами.

— Обязательно ехать?

— Обязательно.

— Почему?

— Это называется «обслуживание завещания».

— Как? — нахмурился он.

Она усмехнулась:

— Шутка. Смотри не повторяй.

— Обслуживание завещания? — повторил он как эхо.

— Забудь. Глупая шутка дурного вкуса. Буду по тебе скучать.

— Врать не умеешь. Надо было вложить больше чувства. — Тайлер прицельно ткнул пальцем в дисплей.

Чирик… пи-и-и… фьють… ух-ух-ух…

Карли поймала зеленый на следующем светофоре, вильнула вправо на Нью-Черч-Роуд, проскочив под носом отчаянно загудевшего грузовика.

— Хочешь с нами покончить, или что? — уточнил Тайлер.

— Только с тобой, — усмехнулась она.

— Есть организации, которые защищают детей от родителей вроде тебя.

Карли протянула руку, запустила пальцы в лохматые каштановые волосы сына.

Он отдернул голову.

— Эй, не порти прическу!

Карли на секунду любовно на него взглянула. Быстро растет, симпатично выглядит в форменной рубашке с галстуком, в красном блейзере с серыми брюками. Еще не совсем дорос до тринадцати, а девчонки уже за ним бегают. С каждым днем все больше становится похож на своего покойного отца, приобретая такую же грубоватую привлекательность. Выражение лица порой так напоминает Кеса, что, если увидишь нечаянно, не подготовившись, нелегко удержаться от слез даже через столько лет.

Вскоре, в девять с небольшими минутами, «ауди» затормозила перед красными воротами школы Святого Христофора.

Тайлер щелкнул ремнем безопасности, потянулся назад за своим рюкзаком.

— Включил «Маппер»?

Он бросил на мать презрительный взгляд.

— Конечно. Я не ребенок.

FriendMapper — навигационное устройство в айфоне, благодаря которому Карли на своем айфоне видит, где сын находится в каждый данный момент.

— Я купила тебе этот телефон при условии, что навигатор будет постоянно включен. Помнишь?

— Ты чересчур меня опекаешь. Буду эмоционально недоразвитым.

— Готова рискнуть.

Тайлер вылез под дождь, замешкался.

— Ты должна жить полноценной жизнью.

— Жила до твоего рождения.

Он с улыбкой захлопнул дверцу.

Карли проследила, как сын входит в ворота, идет по пустой игровой площадке — все ученики уже в классах. Каждый раз начинает бояться, когда он исчезает из вида. Беспокоится. О том, что все в порядке, сигнализирует только пульсирующая пурпурная точка на айфоне, точно отмечающая местоположение. Тайлер прав, она его чересчур опекает, но ничего не может поделать. Отчаянно любит и знает, что, несмотря на сводящие с ума закидоны и выкрутасы, он любит ее почти точно так же.

Карли развернула машину, направилась обратно к Портленд-Роуд — быстрее, чем следовало, но уж очень опасалась опоздать к педикюрше. Мозоль доставляет страдания, не хотелось бы пропустить прием. И задерживаться там не хочется — обязательно надо попасть в офис раньше клиента, мистера Мизери, и, если повезет, выкроить пару минут на срочные бумаги для предстоящих судебных слушаний.

Звякнул телефон — пришло сообщение. Доехав до перекрестка, она бросила взгляд на дисплей.

«Вечер был потрясающий — дико хочу тебя снова увидеть. XXX».

Во сне, милый мой. Карли содрогнулась при воспоминании. Дэйв из Престона в Ланкашире. Она мысленно называет его Дэйв Престон. По крайней мере, выставила на сайт знакомств свою честную фотографию — ну, разумно честную. Не рассчитывала на чемпиона Вселенной. Просто ждала симпатичного парня, не на сотню фунтов тяжелее и на десять лет старше, чем на снимке, который не станет весь вечер рассказывать, какой он потрясающий и как хорош в постели. Не слишком высокие запросы, правда?

Чтоб добавить горчички, самовлюбленный ублюдок повел ее ужинать в самый дорогой ресторан, который она выбрала для первой встречи, и по окончании предложил оплатить счет пополам.

Держа ногу на тормозе, Карли дотянулась, выхватила телефон из держателя и решительно уничтожила текст, сунув трубку на место с немалым удовлетворением.

Повернула налево под носом у белого фургона, прибавляя скорость.

Фургон сердито загудел, замигал фарами и повис на хвосте. Она выставила два пальца.

В грядущие дни и недели не раз будет горько жалеть, что читала и удаляла это сообщение. Если б не потеряла на перекрестке несколько драгоценных секунд, возясь с телефоном, повернула бы налево на полминуты раньше, и все, возможно, пошло бы совсем по-другому.

5

— Черная, — объявил сержант Гленн Брэнсон, держа над их головами огромный зонт.

Суперинтендент Рой Грейс посмотрел на него снизу вверх:

— Черная?..

— И никакая другая.

При росте в пять футов десять дюймов Рой на добрых шесть дюймов не дотягивает до младшего коллеги и друга и к тому же значительно хуже одет. Приближаясь к сорокалетию, не блещет красотой записного щеголя или идола светских вечеринок. Нос трижды сломан — один раз в драке, два в матчах по регби — и, слегка утратив форму, придает грубоватый вид

в общем-то привлекательному лицу. Светлые волосы коротко стрижены, а ясные голубые глаза его давно пропавшая жена Сэнди всегда сравнивала с глазами актера Пола Ньюмена.

Чувствуя себя ребенком в кондитерской, суперинтендент глубоко сунул руки в карманы анорака, окидывая взглядом шеренги «альфа-ромео» на выставке подержанных автомобилей, сверкающих полировкой и дождевыми каплями.

— Мне нравится серебристая, темно-красная и темно-синяя. — Голос почти утонул в грохоте проехавшего позади грузовика, пронзившего воздух ревом клаксона.

Он воспользовался спокойным началом недели, чтобы смыться из офиса, взглянуть на пару машин, подмеченных на сайте «Автотрейдер», которые имеются у местного дилера.

Сержант Брэнсон, в кремовом макинтоше «Барберри» и сверкающих коричневых штиблетах, тряхнул головой.

— Черный цвет самый лучший. Увидишь, когда захочешь продать. Если, конечно, не собираешься сбросить с утеса, как предыдущую.

— Очень смешно.

Предыдущая машина Грейса, любимая красно-коричневая спортивная «Альфа-ромео-147», разбилась во время полицейского преследования прошлой осенью, после чего он до сих пор сражался со страховой компанией, которая, наконец, согласилась на жалкую компенсацию.

— Надо думать о таких вещах, старина. Незадолго до пенсии следует пересчитывать каждое пенни.

— Мне тридцать девять.

— Скоро сорок.

— Спасибо за напоминание.

— Ну, в таком возрасте старые мозги как раз начинают работать.

— Пошел в задницу! Черный цвет в любом случае не годится для итальянской спортивной машины.

— Черный всегда годится. — Брэнсон стукнул себя в грудь. — Посмотри на меня.

Рой внимательно посмотрел:

— Ну и что?

— Что видишь?

— Высоченного лысого остолопа с дурным вкусом в выборе галстуков.

— Галстук от Пола Смита, — обиженно объявил сержант. — Я цвет кожи имею в виду.

— Упоминание о цвете кожи запрещено Законом о расовом равноправии.

Брэнсон закатил глаза.

— Черный — цвет будущего.

— Да, но раз я такой старый, значит, не доживу до будущего, не увижу его, тем более стоя тут под дождем. Замерз совсем. Слушай, мне эта нравится. — Он указал на двухместную красную машину с откидным верхом.

— Даже не мечтай. Скоро отцом станешь, вспомни. Вот что тебе нужно. — Гленн ткнул в «рено-эспейс» на другом конце площадки.

— Спасибо, не собираюсь заниматься извозом.

— Возможно, придется, если настрогаешь кучу ребятишек.

— Пока ожидается только один. Все равно не смогу ничего выбрать без одобрения Клио.

— Уже подмяла тебя под каблук?

Грейс стыдливо покраснел.

— Нет. — Шагнул к обтекаемой серебристой «альфа-ромео» с двумя дверцами, с вожделением на нее глядя.

— Не подходи, — предупредил Брэнсон, не отставая, прикрывая зонтом. — Ты же не гуттаперчевый мальчик.

— Потрясающая игрушка!

— Тут всего две дверцы. Как посадить и вытащить младенца с заднего сиденья? — Он скорбно покачал головой. — Раз уж станешь семейным мужчиной, надо выбрать что-нибудь практичное.

Грейс вытаращил глаза на «бреру». Пожалуй, ничего красивей не видел. На ценнике 9999 фунтов. Укладывается в отведенную сумму. Хотя пробег великоват: 48 000. Сделал еще шаг, и тут зазвонил мобильник.

Увидел краем глаза, как к ним бежит дилер в строгом костюме, прикрывшись зонтом, взглянул на часы, ответил на звонок, поскольку должен был встретиться с боссом — помощником главного констебля — примерно через час, в 10:00.

— Рой Грейс слушает.

— Рой… — выдохнула Клио, беременная их ребенком на двадцать шестой неделе. Голос жуткий, словно она вообще не может говорить. — Я в больнице…

6

Хватит Митлофа, уже наслушался. Когда шлагбаум начал подниматься, Стюарт Фергюсон включил альбом Элки Брукс. «Жемчужная певица» звучала в пабе на первом свидании с Джесси.

Некоторые женщины на первом свидании стараются держаться подальше, пока получше тебя не узнают. Но они к тому моменту уже полгода общались по телефону и Интернету. Джесси обслуживала столики на стоянке чуть к северу от Эдинбурга, где они впервые встретились и больше часа проболтали. Оба в свое время прошли через жуткий развод. Она нацарапала номер его телефона на обороте счета, не надеясь больше услышать о нем.

Когда уселись в тихой боковой кабинке на первом назначенном свидании, она к нему придвинулась. Когда зазвучала песня, он обнял ее за плечи в абсолютной уверенности, что она содрогнется и вырвется. Вместо этого еще ближе прижалась, повернулась лицом, они поцеловались. Целовались и целовались без перерыва, пока песня не кончилась.

Он улыбался, двигаясь вперед, переваливая через железнодорожные рельсы под щелканье стеклоочистителей, помня о виляющем перед носом мопеде. Сердце сжимается от тоски по Джесси, песня красивая и одновременно мучительная. Сегодня он вернется в ее объятия.

«Через сто ярдов поверните направо», — приказал женский голос из навигатора.

— Слушаюсь, босс, — буркнул он, глянув на скошенную влево стрелку на экране, направляющую его с Баундери на Портленд-Роуд.

Переключил передачу, заранее притормозил перед крутым поворотом на мокрой дороге.

Увидел вдали вспыхнувшие передние фары. Белый фургон сидит на хвосте легковой машины. Видно, за рулем какой-то поддавший лихач.

7

— Сразу видно поддавшего лихача, — пробормотала Карли, глядя на белый фургон, заполнивший зеркало заднего обзора. Она старательно выдерживала предельно допустимую скорость в 30 миль в час, проезжая по широкой улице, ведущей к Баундери-Роуд. Миновала дюжину магазинчиков, почту, индийский ресторан, супермаркет «Сейнзбериз», булочную, где продаются халы-плетенки, большую краснокирпичную церковь, площадку, где выставлены подержанные автомобили.

У магазина кухонных принадлежностей стоит пикап, двое мужчин вытаскивают из багажника ящик, перекрыв обзор. В нескольких сотнях ярдов навстречу идет автопоезд, но расстояние еще большое.

Зазвонил телефон. Карли с раздражением увидела на дисплее номер Дэйва Престона. На мгновение захотелось ответить, выразить удивление, что он звонит не за счет вызываемого. Только она не настроена с ним разговаривать. Перевела глаза на дорогу, и вдруг на нее, откуда ни возьмись, выскочил какой-то хренов велосипедист, прямо сквозь пешеходов на переходе, как раз в тот момент, когда светофор переключился на красный.

На мгновение Карли в панике подумала, что выехала на встречную полосу, круто вывернула руль влево, ударила по тормозам, перевалила через бровку тротуара и заскользила на заблокированных колесах по мокрому покрытию.

На нее ринулись пустые стулья и столики на открытой площадке кафе, как в туннеле ужасов на ярмарке. Она застыла в шоке, вцепившись в руль, — беспомощная сторонняя наблюдательница, на которую налетает стена. Врезавшись в расколовшийся стол, на секунду поверила, что погибает.

— Ох, ч-ч-черт! — взвизгнула она, когда нос машины ударил в стену под витриной. Прозвучал оглушительный взрыв. Что-то сильно ударило в плечи, сверкнула белая вспышка, почему-то возник запах пороха. Перед вздыбившимся капотом рассыпалось стекло.

Где-то взвыла сирена.

— Господи Исусе, — задохнулась потрясенная Карли. — Ох, боже…

Уши отложило, звуки стали громче.

Машина может загореться, как в кино. Надо вылезти! Она сорвала привязной ремень, толкнула дверцу. Та не поддалась. Толкнула еще раз, сильнее. На коленях лежит пухлый белый мешок. Сработала подушка безопасности. Карли снова дернула ручку, рванула изо всех сил. Дверца открылась, она вывалилась, запутавшись ногой в ремне, больно шлепнулась на четвереньки на мокрый тротуар.

Пролежала минуту, все время слыша над головой дикий вой. Охранная сигнализация, сообразила она. К сигнализации добавился другой страшный звук. На этот раз человеческий крик. Вопль.

Кто-то сбит? Пострадал?

Не замечая адской боли в колене и руке, Карли поднялась. Оценила сперва вред, причиненный кафе, а потом уже глянула на дорогу.

И заледенела.

Автопоезд стоит за спиной. Гигантский рефрижератор замер под необычным углом. Из кабины вылезает водитель. На дорогу выбегают люди. Бегут к безобразно смятому горному велосипеду, напоминающему абстрактную скульптуру, к бейсболке, каким-то обломкам, к чему-то вроде свернутого в рулон ковра, лежащему поодаль, из-под которого течет темная жидкость на черный под дождем асфальт.

Движение полностью остановилось, бегущие люди на мгновение превратились в статуи. Карли вгляделась в застывшую картину, потом, хромая, вышла на дорогу, и тут пронзительный вой сирены перекрыл визг девушки с зонтом, стоявшей на другой стороне тротуара и глядевшей на свернутый в рулон ковер.

Споря с рассудком, который подсказывал что-то иное, Карли увидела на конце рулона зашнурованную кроссовку.

И поняла, что это не ковер. Это оторванная человеческая нога.

Ее вывернуло наизнанку, мир вокруг завертелся.

В 9:00 Фил Дэвидсон и Вики Донохью, одетые в зеленую форму парамедиков,[4] болтали в фургоне «скорой», стоявшей в полицейском «кармане» напротив шеренги такси у брайтонской Часовой башни, куда их направил диспетчер.

Власти требуют, чтобы «скорая» добиралась до мест происшествия категории А за 8 минут, а отсюда при несколько агрессивном стиле вождения, как правило, можно попасть в любую точку Брайтона и Хоува, легко уложившись в положенное время.

В данный момент их двенадцатичасовой смены они наблюдают суету в час пик. Картина несколько размыта струями дождя, покрывшими лобовое стекло. Вики каждые пять минут включает стеклоочистители, проясняя картину. Кругом такси, автобусы, товарные фургоны, потоки людей, семенящих на службу, мокрых, угрюмых, сгорбившихся под зонтами. Этот городской район не особенно впечатляет даже в солнечный день, а в сырую погоду просто угнетает.

«Скорая помощь» — самая занятая из экстренных служб, парамедики уже побывали на первом вызове категории В, приняв старушку, упавшую на улице возле своего дома в Роттингдине.

Первый жизненный урок, усвоенный Филом Дэвидсоном за восемь лет службы в «скорой», очень прост: не старься. Если все же придется, не старься в одиночестве.

Около девяноста процентов вызовов приходится на пожилых. Падения, аритмия, инсульты, сердечные приступы или просто сил не хватает доехать в такси до больницы. Целая стая хитрых старых птичек умело использует систему. Половину рабочего времени, к немалому раздражению медиков, «скорая» служит просторным бесплатным такси для ленивых, вонючих, нередко ожиревших стариков.

Нынешнюю милую старушку они недавно доставили в отделение травматологии Королевской суссекской больницы и теперь стоят в ожидании очередного вызова. Вот что особенно нравится Филу Дэвидсону в его работе: никогда не знаешь, что будет дальше. Ни один день не похож на другой, двух одинаковых вызовов не бывает. В кабине взвоет сирена, в кровь хлынет адреналин. Что там впереди? Обычный случай или то, что на долгие годы запомнится? На консольном мониторе будет обозначена категория от А до С, указано место происшествия, перечислены изначальные факты, которые уточняются по мере поступления информации.

Фил взглянул на экран в ожидании дальнейших событий. В час пик в такой дождливый день часто случаются катастрофы: «дорожно-транспортные происшествия», как теперь следует говорить, потому что всегда кто-нибудь виноват.

Ему особенно нравятся травмы. «Скорая» битком набита последними техническими достижениями в сфере травматологии: приспособлениями для остановки критического кровотечения, перевязочными материалами, разработанными для израильской армии, есть также полевой турникет, фиксатор Ашермана для грудной клетки — стандартное оборудование британских и американских вооруженных сил. Дары войны, нередко цинично думает Фил. Мало кто из жертв, выживших благодаря бригадам скорой помощи, вовремя прибывшим на место, знают, что они обязаны жизнью открытиям, сделанным на поле боя.

Вики быстренько сбегала в туалет в кафе «Старбакс», находящееся рядом. Научилась пользоваться каждой возможностью, поскольку на этой работе никогда не знаешь, в какой момент тебя вызовут и скоро ли представится другой шанс облегчиться.

Когда снова села за руль, ее сегодняшний напарник разговаривал по телефону с женой. С Филом она выезжает всего второй раз и очень довольна совместной работой. Этот худой жилистый мужчина под сорок, с предельно коротко стриженными волосами, длинными баками и модной щетиной напоминает «плохих парней» из кино, что абсолютно не соответствует действительности. На самом деле он мягкий, добросердечный, беззаветно

предан семье, для каждого пациента найдет доброе, ободряющее слово, по-настоящему одержим своим делом, как и сама Вики.

Закончив беседу, Фил взглянул на экран.

— На удивление тихо пока.

— Думаю, ненадолго.

Минуту посидели в молчании под колотившим в крышу дождем. За время работы в скорой Вики обнаружила, что у каждого сотрудника имеется излюбленная область и он как будто по капризу судьбы получает именно такие вызовы. Одному коллеге постоянно достаются душевнобольные. Она сама за три прошедших года приняла пятнадцать младенцев. А Фил за всю службу только одного.

Вики всего один раз побывала на месте серьезного дорожно-транспортного происшествия, в свою самую первую смену, когда пьяный водитель подвозил в Брайтон нескольких подростков и врезался в центре города в припаркованную машину на большой скорости. Один мальчишка погиб на месте, другой умер на дорожной обочине. Ей тогда было ужасно страшно, но она знала, что делает свое дело.

— Знаешь, Фил, — сказала Вики, — странно, что я практически не была на дорожных авариях.

Фил открутил крышку бутылки с водой.

— Поработай подольше, и будешь. Все получишь со временем.

— Тебе никогда не приходилось принимать ребенка?

— Однажды… — сардонически начал он, но его прервал тонкий пронзительный вой, способный порой свести с ума, особенно в ночной тишине. Вой, оповещающий о вызове.

Фил мгновенно глянул на экран и прочел сообщение:

«Экстренная служба: 00521. Категория В.
Портленд-Роуд, Хоув.
Пол неизвестен.
Столкнулись три транспортных средства. Включая велосипед».

Он нажал кнопку, принимая вызов. Информация автоматически загрузилась в навигационную систему.

Для случаев категории В установлено время прибытия в восемнадцать минут — на десять больше, чем для категории А, — хотя дело все равно срочное. Вики запустила мотор, включила синюю мигалку и сирену, осторожно проехала на красный свет, повернула направо, прибавила на холме скорость, миновала церковь Святого Николая, выехала на правую полосу, заставив притормозить встречный транспорт, переключила сирену на полную мощь, привлекая максимальное внимание автомобилистов и пешеходов.

Через несколько секунд Фил, не сводя глаз с монитора, проинформировал:

— Ситуация осложняется. Уже и других вызывают… Оценка повышена до категории А… Машина врезалась в кафе… Ох, черт! Велосипедист столкнулся с автопоездом… Диспетчеры в ситуации не уверены, запрашивают подтверждение.

Он потянулся назад за флуоресцентным жилетом дорожной службы.

У Вики желудок сжался в комок.

Мчась к забитому перекрестку на Севен-Дайалс, полностью сосредоточившись на вождении, она молчала. Водитель такси благоразумно выскочил на тротуар, пропустив «скорую». «Чтоб мне провалиться! — мысленно охнул Фил. — Сознательный таксист!»… Он отстегнул привязной ремень, надеясь, что Вики не использует этот момент, чтоб разбиться. Его взгляд был прикован к монитору.

— Возраст неизвестен… пол неизвестен, — вслух читал он напарнице постоянно обновлявшиеся сведения. — Состояние дыхания неизвестно… Неизвестно число пострадавших… Ух ты! Мобилизованы высшие силы… Вызван реаниматолог.

Значит, положение осложняется с каждой минутой.

Тут же последовало подтверждение.

— Ампутация конечности… — прочел Фил на экране. — Ох, плохой у кого-то выдался день. — Повернулся к Вики и заключил: — Похоже, твое желание исполнилось.

9

В больницах у Роя Грейса мурашки бегут по всему телу. Особенно в этой. В Королевской суссекской больнице его родители с интервалом в несколько лет провели последние дни своей жизни. Отец умер первым, всего в пятьдесят пять, от рака кишечника. Через два года, всего в пятьдесят шесть, мать скончалась от вторичных последствий рака груди.

Парадный фасад внушительного неоклассического викторианского здания с безобразным крытым подъездом из черного металла и стекла напоминает приют для обреченных: войдешь и больше никогда не выйдешь.

Дальше и вверх по холму за главным корпусом больницы громоздится беспорядочный комплекс построек, старых и новых, высоких и низких, соединенных бесконечными лабиринтами коридоров.

Он вел серебристый полицейский «форд-фокус» без опознавательных знаков к восточному краю комплекса, где свернул на маленькую парковку у площадки для разворота «скорых». Строго говоря, парковка предназначена только для «скорых» и такси, но ему в данный момент наплевать. Остановился сбоку, чтобы никому не мешать, и выскочил под дождь.

Он уже привык молиться за будущего ребенка, хотя с подросткового возраста не имеет никаких религиозных убеждений. Вот и сейчас молился, чтобы с любимой Клио и еще нерожденным младенцем все было в порядке.

Пробежал мимо пары «скорых», пятившихся к въезду в отделение реанимации; приветственно кивнул знакомому парамедику, который стоял под табличкой, запрещавшей курить на территории больницы, зажав в кулаке сигарету; влетел в двери для посетителей, повернул к отделению скорой помощи.

По опыту известно, что по утрам здесь тихо. На стуле сидит юнец в наручниках, с широкой повязкой на лбу, рядом стоит служащая полиции, болтает с медсестрой. Длинноволосый мужчина с лицом цвета алебастра лежит на каталке, устремив в потолок пустой взгляд. Плачет девочка-подросток. Стоит сильный больничный запах дезинфекции и мастики для пола. Еще двое знакомых санитаров провезли мимо пустую каталку.

Рой поспешил к пропускному пункту, где множество суетливых людей поспешно зачитывали по телефону данные из медицинских карт, колотили по клавиатурам компьютеров. «Дежурные санитары» — написано на большой белой доске на стене. Грейс наклонился к самому окошечку, стараясь привлечь к себе внимание.

После смертельно долгой минуты дежурный, с копной тонких светлых волос, в голубом хлопчатобумажном халате и брюках, повернулся к нему.

Грейс махнул служебным удостоверением, хотя явился по личному делу.

— Кажется, вы только что приняли Клио Мори?

— Клио Мори? — Мужчина заглянул в список, оглянулся на белую доску. — Действительно, она у нас.

— Где?

— Ее отправили в родовое отделение. Знаете, как пройти?

— Более или менее.

— Это в башне Томаса Кента, — махнул рукой дежурный. — Сюда и дальше по указателям к лифту.

Грейс поблагодарил и понесся по коридору налево, направо, мимо указателя с надписью: «Рентген, ультразвук. Прочие корпуса», остановился на секунду, вытащил из кармана мобильник. 9:15. В волнении набрал номер босса, помощника главного констебля Ригга, чтобы предупредить об опоздании на десятичасовую встречу. Ответившая секретарша посоветовала не беспокоиться: Ригг все утро свободен.

Рой миновал кофейню, вновь побежал по коридору, разрисованному плывущими рыбками, следуя указателю к двум лифтам, нажал кнопку, раздумывая, не подняться ли лучше по лестнице, но дверцы сразу разъехались, и он шагнул в кабину.

Поднимался, казалось, целую вечность. Наконец оказался с колотившимся в горле сердцем перед дверью с табличкой «Родовое отделение». Толкнул ее, ворвался в ярко освещенную приемную с рядами розовых и сиреневых стульев. За окнами чудесный вид на крыши Кемптауна и на море, в одном углу ксерокс, в другом автоматы с продуктами и напитками. На стенах брошюры. На телеэкране веселыми красками переливаются слова «Дородовое наблюдение».

За большой конторкой приятная с виду женщина в голубой униформе.

— Ах да, суперинтендент Грейс, снизу предупредили о вашем визите. — Она указала в глубь желтого коридора. — Клио Мори в седьмой палате. Четвертая дверь слева.

Рой в горячке ничего не спросил, только пробормотал слова благодарности.

10

Вики Донохью отметила, что дорожное движение замедлилось, а на Портленд-Роуд полностью остановлено. Фил Дэвидсон натянул хирургические перчатки, готовясь к предстоящей работе.

Перед ними рефрижератор, дверца кабины открыта, у задней части собралась толпа. Кто-то снимает сцену на мобильный телефон. В боковую стену кафе врезалась черная «ауди» с откидным верхом. Водительская дверца распахнута, возле нее стоит женщина в полуобморочном состоянии, судя по виду. Пока никаких признаков других машин экстренной помощи.

Вики вывела «скорую» на встречную полосу, внимательно наблюдая, все ли водители слышат сирену. Поползла тихонько, заглушив сигнал, остановилась перед рефрижератором. Во рту вдруг пересохло.

Она посмотрела на экран монитора. Они добрались до места за шесть минут двадцать секунд. Хорошо, что восемь минут, установленных для категории А, не превышены. Хотя утешение слабое. Фил Дэвидсон выключил мигалку. Прежде чем покинуть машину, парамедики огляделись.

Стоящая возле «ауди» женщина с вьющимися светлыми волосами, в дорогом дождевике держит мобильный телефон на некотором расстоянии за ухом, как бейсбольный мяч, который готова метнуть. Вокруг автомобиля валяются сломанные, опрокинутые стулья и столики. У женщины явных признаков повреждений не видно. Люди вокруг, кроме фотографирующего юнца в длинной непромокаемой куртке с капюшоном, сосредоточенно смотрят на задние колеса рефрижератора.

Парамедики вышли, внимательно глядя по сторонам, стараясь подметить как можно больше деталей и убедиться, что машины на дороге никому не причинят вреда. Впрочем, движение решительно остановилось.

К ним бросился коротенький плотный мужчина лет сорока пяти, в фирменной куртке и джинсах, с мобильником в руке. По мертвенно-бледному лицу, вытаращенным глазам и дрожащему голосу Вики поняла, что он в шоке.

— Под колесами… — выдавил мужчина, оглянулся и махнул рукой. — У меня под колесами…

Чуть дальше на дороге валяется велосипедный фонарь и седло. И еще нечто вроде штанины от джинсов с кроссовкой. Вики судорожно сглотнула, чувствуя вкус подступившей к горлу желчи, рванулась вместе с Филом к задней части шестнадцатиколесного рефрижератора. Толпа вежливо расступилась. Молодая женщина, стоявшая там на коленях, поднялась.

— Пульс есть, — сообщила она.

Кивнув в знак благодарности, парамедики тоже опустились на колени, чтобы заглянуть под грузовик.

Освещение слабое. Чувствуется запах рвоты, смешанный с запахом машинного масла, разогретого железа и еще чего-то… ну конечно, это кисло-медный привкус крови, который вечно напоминает Филу Дэвидсону визиты в детстве с матерью в мясницкую лавку.

Вики разглядела юношу с короткими, слипшимися от крови темными волосами, с израненным лицом, неестественно вывернутым телом. Глаза закрыты. На нем разорванный анорак и джинсы, одна нога под колесом, от другой осталась лишь белая кость в обрывке джинсовой ткани.

Анорак и две футболки порваны на животе, в лужу крови на дороге кольцами вываливаются кишки.

Вики заползла под рефрижератор — напарник за ней, — вцепилась в запястье, нащупала пульс — очень слабый. Они с Филом перепачкались маслом, дорожной грязью и кровью. Голубые хирургические перчатки в одну секунду стали грязными и окровавленными.

— ОН ХУПЕЖ, — мрачно пробормотал Фил.

Вики кивнула, сглотнув едкую желчь. Она уже слышала это условное выражение, тогда, во время первого происшествия со смертельным исходом. Висельный юмор парамедиков помогает не потерять рассудок от жутких картин. Это означает: оживить невозможно, хотя, увы, пока еще жив.

С внутренними органами, валяющимися на асфальте, очень мало шансов на выживание. Даже если доставить парня в больницу фактически живым, инфекция прикончит его. Вики оглянулась на опытного напарника в ожидании указаний.

— Пульс? — спросил он.

— Слабый, радиальный. — Радиальный пульс свидетельствует, что система кровообращения еще поддерживает функцию некоторых органов.

— Оставайся, чего-нибудь делай, — шепнул Фил одними губами, зная, что выбора нет: нельзя перенести пострадавшего с застрявшей под колесом ногой. — Я набор принесу.

«Оставайся, чего-нибудь делай» не означает «бери ноги в руки и беги». Это означает, что, хоть шансов практически нет, надо сделать все возможное, изо всех сил стараться, пока паренек не умрет. Делай свое дело, когда больше нечего делать.

Воздух снова огласил вой сирены. Звук ее становится все громче. Вики стиснула руку юноши.

— Держись, — попросила она. — Слышишь? Как тебя зовут?

Нет ответа. Пульс слабеет. Сирена воет уже немилосердно. Вики взглянула на обрубок ноги. Кровь почти не течет. Единственный положительный признак на данный момент. Человеческое тело неплохо справляется с травмами. Капилляры закрываются. Как два года назад, когда парнишка умер почти без кровотечения у нее на глазах на дорожной обочине. Организм в шоке. Если наложить турникет и осторожно собрать кишки, может быть, будет шанс?

Вики крепко прижала пальцы к лучевой артерии. Пульс уходит с каждой секундой.

— Держись, — взмолилась она. — Еще чуть-чуть. — Оглядела лицо. Симпатичный мальчик. Только с каждой секундой бледнеет. — Пожалуйста, оставайся со мной… Все будет хорошо…

Пульс почти исчез. Пальцы забегали, отчаянно отыскивая биение.

— Сможешь! Сможешь… Давай!.. Держись!

Теперь это уже личное дело.

Возможно, для Фила ОН ХУПЕЖ. А для нее вызов. Хорошо бы навещать его в больнице, видеть, как он начинает садиться среди букетов цветов, открыток с наилучшими пожеланиями.

— Ну, давай, давай, — повторяет без остановки Вики, глядя на черное дно рефрижератора и на заляпанный грязью колесный обод, — держись!..

Фил заполз под грузовик с большой красной сумкой, с набором для остановки кровотечения. У них есть все, что предлагает жертвам современная травматология.

Но когда напарник открыл сумку с отделениями, набитыми спасительными препаратами и приспособлениями, Вики уже знала — в данном случае это одна косметика. Оконные занавески.

Пульс едва прощупывается.

Раздался визг сверла по кости — быстрейший способ вставить катетер. Жизненно важна каждая секунда. Вики помогла Филу нащупать кость чуть пониже колена, профессионально отбросив всякие эмоции. Надо стараться. Они постараются.

— Не уходи! — умоляла она.

Фил Дэвидсон оценивал вероятные повреждения костей и внутренних органов. Похоже, колесо размозжило таз, чего вполне достаточно для обширного внутреннего кровотечения и практически верной смерти.

Дай бог, чтоб парень поскорей умер, угрюмо заключил он, делая свое дело.

11

Рой Грейс, не обратив внимания на дивный вид из окна на Кемптаун, обомлел от бледности Клио, лежавшей на высокой койке в палате с многочисленными аппаратами на голубеньких стенах. У койки стоит высокий мужчина лет тридцати с короткими редеющими каштановыми волосами, в голубой униформе и бахилах. Переписывает показатели мониторов в свой блокнот на планшетке.

На Клио зеленая больничная рубашка, светлые волосы, обрамляющие лицо, отчасти потеряли естественный блеск. Она беспомощно и нерешительно улыбнулась, как бы радуясь Рою и одновременно огорчаясь, что он ее застал в таком виде. На груди целый лес электродов, на большом пальце монитор-наперсток, считающий пульс.

— Прости, — робко вымолвила она и ответила слабым пожатием, когда Рой схватил ее руку.

Душу заполонила паника. Потеряла ребенка?..

— Что случилось?

Мужчина повернулся к нему. На именной табличке значится: «Д-р Н. Кросс. Ординатор».

— Вы муж?

— Будущий, — еле выдавил суперинтендент, потому что перехватило горло. — Рой Грейс.

— Ах да, конечно. — Ординатор покосился на обручальное кольцо на пальце Клио. — Н-ну, мистер Грейс… ничего страшного, но пациентка потеряла много крови.

— Что случилось? — повторил Рой.

— Пришла на работу, — еле слышно ответила Клио, — приготовила тело к вскрытию, вдруг пошло сильное кровотечение, будто что-то внутри взорвалось. Заподозрила выкидыш. Потом жуткая боль в животе вроде спазмов… Очнулась на полу, надо мной стоит Даррен. Он меня дотащил до машины и привез сюда.

Даррен — помощник Клио в морге.

Рой, почувствовав облегчение, покосился на ординатора:

— А ребенок?..

— Только что проведено ультразвуковое обследование, — сообщил доктор Кросс. — Подобные случаи называются предлежанием плаценты. То есть плацента расположена в нижнем отделе матки.

— Это чем-нибудь грозит… младенцу?

— Бывают определенные осложнения, хотя в данный момент с плодом все в полном порядке, — заверил доктор Кросс любезно, но устало и повернулся к двери, приветственно кивая вошедшему в палату солидному мужчине в очках, с выстриженными до короткой щетины темными волосами, с лысиной на макушке, в голубой рубахе с открытой шеей, в серых костюмных брюках и уличных черных ботинках, похожему на снисходительного директора банка.

— Доктор Гольбейн, это будущий муж Клио.

— Здравствуйте. — Доктор протянул руку, представился: — Дес Гольбейн, консультант-гинеколог.

— Спасибо, что пришли.

— Не за что, это моя обязанность. Очень рад вас видеть. Необходимо принять кое-какие решения.

Рой снова встревожился, хотя деловитость консультанта, напротив, внушала уверенность. Он ждал продолжения.

— На двадцать первой неделе Клио прошла плановое ультразвуковое обследование, и все было в порядке. Но с тех пор плод нисколько не прибавил в весе, что нехорошо, если честно сказать. Значит, плацента плохо работает. Ее хватает только на поддержание жизни плода, а рост она не обеспечивает.

Сердце сжалось.

— Что это означает?

Доктор Гольбейн улыбнулся — как директор банка, одобривший заем, но с натугой.

— Ну, один вариант — родить прямо сейчас.

— Сейчас?.. — ошеломленно переспросил Грейс.

— Да. Однако при родах на двадцать шестой неделе шансы только слегка превышают пятьдесят на пятьдесят. В будущем месяце повысятся до девяноста процентов. Если дотянем до тридцать четвертой недели, вырастут до девяноста восьми. — Доктор бесстрастно оглядел всех по очереди; по лицу ничего не угадаешь.

Грейс тупо смотрел на него, в душе неожиданно вскипела злоба. Речь идет об их ребенке, а консультант подсчитывает проценты, будто собирается сделать ставку на скачках. Бред какой-то. Ничего подобного не сказано ни в одной прочитанной книге, даже в

«Дневнике Эммы» и прочих брошюрах, которыми снабжают Клио в консультации. Везде говорится лишь об идеальной беременности и идеальных родах.

— Что посоветуете? — спросил он. — Что бы сделали, если бы это был *ваш* ребенок?

— Пойти сейчас на преждевременные роды означает, что шансы на гибель ребенка высокие. Если он родится живым, то проведет несколько месяцев в инкубаторе, что не идеально ни для него, ни для матери. Окончательное решение за вами, но я советую Клио немного у нас полежать, пока мы постараемся справиться с кровотечением.

— Потом можно будет вернуться к работе? — спросила она.

— Да. Только не поднимать никаких тяжестей, отдыхать определенное время в течение дня. И мы будем внимательно следить за вами на оставшемся сроке беременности.

— Такое может повториться? — спросил Грейс.

— Честно сказать, в пятидесяти процентах случаев нет. А в пятидесяти процентах да. Тут действует правило вылета на третьем ударе. При повторном кровотечении я буду настаивать на дальнейшем сокращении служебных обязанностей вашей будущей жены. — Консультант обратился к Клио: — После третьего кровотечения пролежите до родов в больнице.

— А ребенок? — спросил Грейс.

— На данной стадии невозможно судить. Повторяю, все дело в неадекватной работе плаценты. Это такой же орган, как почки или легкие. Ребенок может недополучать свое. И, как следствие, не будет должным образом развиваться. В крайнем случае — да, может умереть.

Рой снова стиснул руку Клио, поцеловал в лоб. Мысли вихрем неслись в голове. От страха даже замутило. Проклятая статистика. Проценты. Пятьдесят процентов — дерьмо собачье. Клио сильная и решительная. Переживем. Справимся. У констебля Ника Николла в прошлом году было нечто подобное с женой и ребенком, который в конце концов родился здоровым и невредимым.

— Все будет хорошо, дорогая, — заверил он.

Клио кивнула со слабой улыбкой:

— Конечно.

Грейс, взглянув на часы, обратился к врачам:

— Можно нам поговорить минуточку с глазу на глаз? Мне надо на совещание.

Доктора вышли.

Рой прижался щекой к щеке Клио, осторожно положил ладонь ей на живот. Страх породил в нем чувство ужасной неадекватности. Быть годным для борьбы с преступниками и абсолютно негодным для помощи любимой женщине и будущему ребенку. Что может быть хуже этой ситуации?

— Я люблю тебя. Очень люблю.

По щеке скользнули ее пальцы.

— И я тебя. Весь мокрый… Дождь не кончился?

— Нет.

— Смотрел машину? «Альфу»?

— Мельком. Не уверен, что она практичная… — Рой прикусил язык, не договорив «для ребенка».

Кивнул, держа Клио за руку, коснулся губами обручального кольца на пальце. Всякий раз при виде его испытывает неудержимую радость, хотя и окрашенную неким дурным предчувствием. На пути к настоящей женитьбе по-прежнему стоит существенное препятствие

— минное поле формальностей, связанных с официальным признанием смерти его жены Сэнди, бесследно пропавшей десять лет назад.

Он изо всех сил старается учесть каждую мелочь. По указаниям службы регистрации актов гражданского состояния недавно разместил объявления в местных суссекских и общенациональных газетах с просьбой к Сэнди и тем, кто ее видел за прошедшие десять лет, связаться с ним. До сих пор никто не объявился.

Друг-полицейский и его жена абсолютно уверены, что в прошлом году видели Сэнди в Мюнхене, когда проводили там летний отпуск, но, хотя Рой туда лично отправился, задействовав свои контакты в германской полиции, ничего из этого не вышло. Только укрепилась уверенность, что супружеская пара обозналась. Тем не менее он сообщил об этом службе регистрации, попросив разместить соответствующие объявления и в германских газетах, что уже сделано.

Рой письменно под присягой перечислил всех опрошенных им в ходе поисков, вплоть до последнего, кто видел Сэнди живой, — ее коллеги по работе в медицинском центре, который заметил, как она в час дня вышла из офиса, после чего пропала. Представил полицейские протоколы о беседах со всеми сотрудниками медицинского центра, а также друзьями и знакомыми Сэнди. Подтвердил под присягой, что осмотрел весь дом после ее исчезновения, не обнаружив никаких пропаж, кроме сумочки и машины.

Маленький «фольксваген-гольф» отыскали через двадцать четыре часа на краткосрочной стоянке в лондонском аэропорту Гатуик. В тот день Сэнди дважды воспользовалась кредиткой, заплатив 7.50 в аптеке «Бутс» и 16.42 за бензин на местной заправке «Теско». Она не взяла с собой одежду и прочие личные вещи. Автомобиль не засекла ни одна камера наблюдения в городе.

В определенном смысле нудный процесс заполнения разнообразных бланков оказал терапевтическое воздействие. Уже виден какой-то конец. Если повезет, дело закончится вовремя, чтобы успеть жениться до рождения ребенка.

Рой тяжело вздохнул, снова сжал руку Клио. «Умоляю, пусть все будет хорошо, дорогая. Не переживу, если что-нибудь с тобой случится. Правда не переживу».

12

Прослужив восемь лет в дорожной полиции, констебль Дэн Пейтон усвоил, что первого прибывшего на место аварии ждет хаос. Тем более в дождь. Хуже того — из-за срезанного бюджета он в двойной меланхолии едет по Портленд-Роуд один.

На монитор и по рации поступает хаотичная информация. Первым свидетельством серьезности происшествия стало количество сообщений о нем — в диспетчерскую уже поступило восемь звонков.

Автопоезд, велосипед, легковушка.

Автопоезд с велосипедом всегда плохо.

Дэн приблизился к пункту назначения и действительно увидел сквозь залитое дождем лобовое стекло тот самый хаос: скособоченный рефрижератор, сразу за ним машина скорой помощи, валяющийся на дороге искореженный велосипед, битое стекло, бейсболка, кроссовка, тьма людей… Одни ошарашены, другие щелкают фотокамерами и мобильниками. Небольшая толпа сгрудилась позади автопоезда. С другой стороны дороги черная легковушка «ауди» с откидным верхом воткнулась в стену кафе.

Дэн остановил под углом казенный БМВ с броскими опознавательными знаками, ограждая место происшествия, до чертиков надеясь на скорое прибытие помощи — тут потребуется не меньше двадцати рук сразу. Для уверенности он запросил по радио дополнительную бригаду, натянул фуражку и флуоресцентный жилет, выскочил из машины, прихватив оперативный блокнот. Постарался быстро оценить ситуацию, припоминая

инструкции, которые ему вдолбили во время учебы и переподготовки, а также усвоенные на собственном опыте.

К нему бросился юнец в промокшем плаще.

— Слушайте, это белый фургон проскочил на красный свет, сбил его и уехал!..

— Номер заметили?

Парень затряс головой.

— Нет… извините… все произошло слишком быстро.

— Что скажете о фургоне?

— По-моему, «форд-транзит»… Вроде на нем ничего не написано…

Пейтон сделал пометку и снова взглянул на юнца. Свидетели часто торопятся смыться, особенно в такой дождь.

— Будьте добры, назовите ваше имя, фамилию, номер телефона, — попросил он и записал в блокнот. — Можете сесть в мою машину и чуть обождать?

Парень кивнул.

Рассудив, что свидетель, пожалуй, предпочтет остаться в сухости и тепле, Дэн передал в диспетчерскую информацию и направился к рефрижератору. Заметив на дороге оторванную ногу, проигнорировал пока данный факт, опустился на колени рядом с парамедиками. Бросил быстрый взгляд на бесчувственного раздавленного велосипедиста, на кольца кишок в луже крови и снова не отреагировал, слишком занятый делом.

— Что скажете? — спросил, понимая ненужность вопроса.

Парамедик из скорой — знакомый — тряхнул головой:

— Похоже, ничего хорошего. Мы его теряем.

Исчерпывающий ответ. Любое дорожное происшествие чревато потенциальным убийством, пока не подтвердится обратное. Как единственный полицейский, находящийся в данный момент на данном месте, констебль первым делом должен был обозначить и оградить участок и проследить, чтобы транспорт не двигался, а свидетели не разбежались. С облегчением услышав сирену, Дэн вернулся к патрульному автомобилю и крикнул:

— Прошу свидетелей происшествия подойти, назвать имя, фамилию и номер телефона!..

Затем открыл багажник, вытащил шест с табличкой «Проезд закрыт. Полиция», установил позади патрульной машины, одновременно сообщая по рации о предполагаемом наезде и бегстве с места происшествия, вызывая пожарных, следственную бригаду, волонтеров из общества содействия полиции и штатных сотрудников.

Один конец сине-белой ленты ограждения он привязал к фонарному столбу, а другой к знаку стоянки на противоположном тротуаре. Закончив, увидел двух бежавших навстречу сотрудников своей бригады. Им он велел оградить дорогу с другой стороны и переписать потенциальных свидетелей, находившихся за рефрижератором.

Когда территория была оцеплена, Дэн Пейтон сорвал с себя флуоресцентный жилет и набросил его на оторванную ногу, чтобы люди не пугались, а олух в непромокаемой куртке перестал фотографировать.

— Выйди за ограждение! — прокричал он ему. — Если ты свидетель, подойди к патрульной машине, если нет, то прошу удалиться!

Прибыли еще «скорые» и машина реанимации. Теперь следовало отыскать в толпе зевак и возможных свидетелей водителей рефрижератора и «ауди».

Хорошо одетая женщина с размокшими под дождем волосами, стоявшая у открытой передней дверцы «ауди», слепо глядела на автопоезд как загипнотизированная. Дэн бросился к ней.

— Это ваша машина? — выпалил он.

Она кивнула, глядя мимо него пустыми глазами.

— Пострадали? Нужна медицинская помощь?

— Он выскочил неизвестно откуда… вон из того переулка… прямо на меня… Пришлось свернуть, чтоб не сбить…

— Кого? — Дэн осторожно подался вперед, принюхался к дыханию, уловил слабый душок перегара.

— Велосипедиста, — беззвучно пробормотала женщина.

— А белый фургон видели?

— Он сидел у меня на хвосте.

Констебль бросил взгляд на «ауди». Хотя капот смят, подушки безопасности сработали, салон с виду не поврежден.

— Хорошо, мадам… Пожалуйста, посидите в своей машине, если не возражаете. — Он осторожно обхватил женщину за плечи, развернул спиной к рефрижератору. Известно, что попавшие в аварию водители, слишком долго присутствуя на месте серьезного ДТП, получают тяжелую психологическую травму. Эта несчастная уже достаточно нагляделась. Дэн подвел ее к «ауди», усадил, с трудом закрыл дверцу с покосившейся петлей.

К нему подскочил волонтер.

— Есть еще кто-нибудь из ваших? — спросил Пейтон.

— Да, сэр. — Мужчина кивнул на двоих своих коллег.

— Хорошо. Стойте здесь и смотрите, чтобы дама не вышла.

Он расставил волонтеров по краям огороженной площадки, приказав за ленту никого не пускать. И тут с облегчением увидел тощую фигуру дежурного сержанта Пола Тимбера, который с мрачным видом спешил к нему под дождем, зажав под мышками катушку ленты ограждения и конусные указатели дорожной полиции.

Наконец пришла подмога, констебль Пейтон был уже не один.

13

Карли тупо сидела в своей «ауди», благодарная дождю, залившему окна. Стекла стали матовыми, ее не видно снаружи, она в одиночестве. Помнит о темном силуэте волонтера, маячащего у машины на страже. В груди молотом бьется сердце. Радио включено, как обычно, передает местные новости Южных графств. Слышен бодрый голос Нила Прингла, но слов не понять.

Мысли без конца крутятся вокруг того, что находится под днищем рефрижератора. Бодрый голос Нила Прингла внезапно перебило сообщение о закрытии Портленд-Роуд в Хоуве в связи с серьезным ДТП.

С тем самым, в которое она попала.

Часы на приборной панели показывают 9:21.

Проклятье. Карли набрала номер офиса, предупредила свою веселую секретаршу Сюзанну, что будет неизвестно когда, попросила позвонить педикюрше. Разъединившись, задумалась, кому звонить сначала — матери или Саре Эллис, лучшей подруге. Сара, служащая адвокатской конторы в Кроли, остается надежной опорой после гибели Кеса, попавшего пять лет назад под лавину во время катания на лыжах в Канаде. Набрала ее номер, отчаянно надеясь, что та ответит.

После пятого гудка с облегчением услышала родной голос, но, прежде чем нашла слова, горько разрыдалась.

В стекло постучали, дверь через секунду открылась, в «ауди» заглянул полицейский, который раньше усадил ее в машину. Крепкий мужчина лет тридцати пяти, с серьезной физиономией под белой фуражкой, с каким-то небольшим прибором в руках вроде счетчика.

— Прошу выйти, мадам, если не возражаете.

— Сара, я перезвоню, — сказала Карли и вылезла под дождь с полными слез глазами.

Полицейский с приборчиком в водонепроницаемом черно-желтом футляре обратился к ней жестким, официальным тоном:

— Вы являетесь участницей дорожно-транспортного происшествия, поэтому я возьму у вас пробу дыхания. Предупреждаю — отказ противоречит закону.

Карли кивнула, шмыгнув носом.

— Употребляли спиртное в каком-либо виде в течение двадцати последних минут?

Интересно, многие ли употребляют спиртное до девяти утра? Мысль показалась идиотской, однако на Карли нахлынула паника. Господи помилуй, сколько выпито прошлым вечером? Не так много, наверняка уже алкоголь вывелся из организма. И она качнула головой.

— Курили в течение последних пяти минут?

— Нет. Хотя сейчас адски хочется затянуться.

Проигнорировав замечание Карли, полицейский осведомился о ее возрасте.

— Сорок один.

Он ввел цифры в машинку, добавил еще пару данных, протянул ей прибор с торчащей трубкой.

— Пожалуйста, снимите стерильную оболочку.

Карли повиновалась, обнажила белую пластиковую трубочку, смяв в кулаке обертку.

— Спасибо. Попрошу сделать глубокий вдох, плотно прижать губы к трубке, выдохнуть сильно и продолжительно, пока я не дам знак.

Карли глубоко вдохнула и выдохнула, ожидая и не получая знака. Когда легкие почти совсем опустели, послышался писк и полицейский кивнул:

— Спасибо.

Показал дисплей с надписью «Образец взят» и отступил на шаг в ожидании результата.

Карли с тревогой наблюдала, дрожа от уже расходившихся нервов. Лицо полицейского отвердело.

— С сожалением сообщаю, что показатели не соответствуют норме. — Он снова предъявил алкотестер, и Карли прочла: «Тест не пройден».

Ноги подкосились. Видно, как из окна кафе на нее смотрит какой-то мужчина. Невероятно. Почему не пройден? Черт возьми, сколько ж вчера было выпито?..

— Миссис Чейз, показатели свидетельствуют о превышении установленного предела, поэтому вы задержаны для дальнейшей проверки. Можете хранить молчание, но сокрытие каких-либо сведений в ходе расследования повредит вашей последующей защите в суде. Ваши ответы рассматриваются как официальные показания.

Карли затрясла головой:

— Это невозможно. Я… действительно… была в компании прошлым вечером, но…

Пару минут назад казалось, хуже не бывает. А теперь полицейский ведет ее твердой рукой под проливным дождем к патрульному автомобилю за лентой ограждения. Поблизости две машины скорой помощи, две пожарные, полный набор патрульных. Над рефрижератором натянут брезент; воображение разыгралось сверх меры, угадывая, что под ним происходит.

Жуткая, почти сверхъестественная тишина угнетает. Словно вообще нет никаких звуков. Только упорный плеск дождя. Прошли мимо желтого флуоресцентного жилета, валявшегося на дороге. На спине надпись «Полиция». Карли с недоумением подумала, почему его бросили?

Высокий тощий мужчина с двумя фотокамерами на шее навел на нее объектив и щелкнул, когда она нырнула под ленту.

— Газета «Аргус», представьтесь, пожалуйста, — крикнул он.

Карли не ответила. В голове крутится одно слово: задержана, задержана, задержана. Она неуклюже забралась в БМВ и нашарила привязной ремень. Полицейский захлопнул за ней дверцу.

Этот громкий хлопок словно поставил точку в последней главе в ее жизни.

14

— Пыль. А? Видишь? Нет?

Девушка тупо смотрит на указующий палец. С английским у нее не совсем хорошо, понимать трудно, хозяйка говорит слишком быстро, слова сливаются в непрерывный гнусавый визг.

Может, у идиотки горничной проблемы со зрением или еще что-нибудь? Фернанда Ревир, в вишневом спортивном костюме от Версаче и эксклюзивных кроссовках от Джимми Чу, сердито промаршировала по кухне, позвякивая браслетами на запястьях. Худощавая женщина сорока двух лет с хирургически подправленной в некоторых местах внешностью, с небольшими морщинками, которые удерживают в разумных пределах регулярные инъекции ботокса, источает неистощимую энергию.

Ее муж Лу сгорбился на высоком барном табурете, поедая утренний бублик и всеми силами игнорируя происходящее. Рядом с тарелкой газета «Уолл-стрит джорнел», на высоко укрепленном телеэкране президент Обама.

Фернанда остановилась перед сдвоенной мраморной раковиной, где запросто утонет слоненок. За обширным эркерным окном чудесный вид на выстриженный газон, исхлестанный дождем, на дальние густые кусты живой изгороди, за которой простираются песчаные дюны, окаймляющие пролив Лонг-Айленд. На полу лежит мегафон, которым ее муж пользуется в редких случаях, угрожая туристам, вторгшимся в природный заповедник.

Только в окно она в данный момент не взглянула. Провела указательным пальцем по одной из полок над раковиной, поднесла его к самым глазам горничной.

— Видишь, Манни? Знаешь, что это такое? Пыль.

Девушка растерянно таращит глаза на темно-серый мазок на изящном кончике ухоженного пальца. До невозможности длинный ноготь намазан лаком. На запястье часы от Картье, инкрустированные бриллиантами. Пахнет духами от Джо Мелона.

Фернанда Ревир сердито тряхнула короткими обесцвеченными волосами, проехалась испачканным пальцем по носу горничной. Та испуганно сморгнула.

— Советую запомнить. Я не терплю в доме пыли, понятно? Усвой своими глупыми мозгами. Хочешь вылететь пинком под задницу обратно на Филиппины?

— Милая, — вмешался муж. — Дай бедной девочке время освоиться. — И вернулся к Обаме в телевизоре. Президент выступает с новой политической инициативой насчет Палестины. По мнению Лу, можно применить и дома его дипломатию.

Фернанда оглянулась:

— Не стану тебя слушать в этом идиотском наряде. Выглядишь полным кретином.

— Обычный костюм для гольфа. Всегда его ношу.

И всегда в нем смешон, мысленно заметила она.

Он схватил пульт дистанционного управления, стараясь прибавить звук, заглушить ее голос.

— Что такого плохого в костюме для гольфа?

— Что плохого? Штаны как у клоуна в цирке, рубашка как у сутенера. Выглядишь очень… очень… — она замахала руками, подыскивая точное слово, — глупо! — И обратилась к горничной: — Правда? Согласна, что мой муж глупо выглядит?

Манни промолчала.

— Я имею в виду, почему вы играете в гольф, наряжаясь цирковыми клоунами?

— В частности, чтобы лучше видеть друг друга на поле, — пояснил Лу.

— Может, лучше мигалки поставить на лоб? — Фернанда бросила взгляд на часы на стене, а потом на свои. 9:20. Пора на йогу. Любовно и кратко махнула супругу, как бы прогнав муху. — До встречи.

Раньше они всегда обнимались и целовались, даже при расставании на полчаса. Лу даже не припомнит, когда прекратили, — по правде сказать, его уже это не интересует.

Фернанда повернулась к горничной:

— Пыль. Понятно? П-ы-л-ь!..

Манни нервно и покорно кивнула.

— Повидаешься нынче с доктором Готтлибом, милочка? — поинтересовался Лу.

— Тоже глупый до чертиков. Повидаюсь. Только, по-моему, надо сменить психоаналитика. Найти другого. Полина, которая вместе со мной занимается йогой, знает одного получше. От Готтлиба толку ни хрена.

— Попроси какое-нибудь сильнодействующее лекарство.

— Хочешь превратить меня в зомби или еще в какое-нибудь дерьмо?

Лу на это ничего не сказал.

15

Карли сидела на заднем сиденье патрульной машины, по стеклу у нее за спиной текли струи дождя, по щекам струи слез. Машина шла в горку на север по шоссе А27. Она смотрела на знакомый травянистый пейзаж брайтонских окраин, размытый дождем, и ей казалось, будто она отделилась от тела и наблюдает за собой со стороны, испуганная и растерянная, одновременно видя перед собой того самого велосипедиста под рефрижератором. И белый фургон в зеркале заднего обзора, растаявший как призрак.

Может, просто привиделся? Может, она сама сбила велосипедиста? Последний час размылся в сознании, как вид за стеклом. Карли сжимала и разжимала пальцы, слушая треск рации и обрывки слов, вылетавшие из нее. В салоне пахло отсыревшей одеждой.

— Вы… думаете… с ним все будет в порядке? — спросила она.

Полицейский что-то отвечал по рации, не слыша ее или делая вид, что не слышит.

— Отель-танго-четыре-два следует в Холлингбери с подозреваемой, — доложил он.

С *подозреваемой.*

Карли содрогнулась.

— Думаете, велосипедист оправится? — повторила она громче.

Констебль взглянул на нее в зеркало. Белая фуражка лежит рядом с ним на сиденье.

— Не знаю, — сказал он, вертя руль так, будто ехал по кругу.

— Прямо на меня откуда-то выскочил… Но я точно его не сбивала.

Машина уже покатилась с холма. Он опять мельком взглянул на нее. Сквозь твердость во взгляде пробилось сочувствие.

— Будем надеяться, выживет. Вы-то сами в порядке?

Карли помолчала, а потом кивнула.

Подкатили к зданию в стиле ар-деко, которое ей напоминает громаду старого уставшего круизного парохода. Перед ним выстроились полицейские автомобили. По иронии судьбы это здание очень хорошо ей знакомо. Его снимки висели на стенах фирмы, где она служила в начале карьеры, будучи стажером-солиситором. В то время фирме удалось отбить участок у фабрики, выпускавшей кредитные карты «Америкэн экспресс», для нынешней штаб-квартиры суссекской полиции.

Машина замедлила ход, круто свернула влево на подъездную дорожку, остановилась перед зелеными воротами из армированной стали. Справа высокая ограда из заостренных прутьев, за ней высокая обшарпанная кирпичная постройка. На синей табличке написано: «Брайтонский центр предварительного заключения». Полицейский высунул руку в окно, чиркнул в прорези пластиковой карточкой. Через секунду ворота начали раздвигаться.

Въехали по крутому пандусу к ряду фабричных отсеков для разгрузки, свернули с дождя под навес. Полицейский вылез, открыл заднюю дверцу, крепко подхватил Карли под руку. Кажется, не столько для поддержки, сколько для того, чтобы она не сбежала.

Впереди зеленая дверь со смотровым окошечком. Полицейский сунул карточку в щелку, дверь открылась, он провел ее в голое узкое помещение футов пятнадцати в длину и восьми в ширину. Стены выкрашены в кремовый цвет, пол из какой-то твердой пятнисто-коричневой субстанции. Никакой мебели, кроме голой жесткой зеленой скамейки.

— Садитесь, — сказал он.

Она села, уткнувшись в кулаки подбородком, отчаянно желая закурить. Никаких шансов.

Зазвонил мобильник, Карли с трудом расстегнула сумочку и полезла за трубкой. Ответить не успела — констебль качнул головой.

— Простите, придется отключить. — И указал на табличку с надписью: «Пользоваться мобильной связью на территории Центра предварительного заключения запрещено».

Она мельком на него взглянула, стараясь припомнить, что сказано в законе насчет звонков при задержании. Но во время учебы ей почти не пришлось ознакомиться с уголовным законодательством — это не ее область, и вообще не хочется спорить с констеблем. Если подчиняться и делать что сказано, возможно, кошмар скоро кончится, можно будет отправиться в офис и постараться хоть как-то поправить дела. В голову вдруг ударило, что надо обязательно позвонить педикюрше, переназначить на другой день встречу с чрезвычайно требовательным клиентом и уж абсолютно необходимо присутствовать в два часа дня на совещании барристера[5] с другой клиенткой, слушания по финансовым аспектам развода которой пройдут завтра в суде.

Карли выключила мобильник и сунула его обратно в сумочку. Потом посмотрела на голую стену перед собой, где висели распоряжения, оправленные в ламинат. «Задержанные подлежат тщательному досмотру со стороны дежурного офицера. Немедленно сообщите о находящихся при себе или в своем жилище запрещенных законом предметах».

И еще: «Задержанные фотографируются, у них снимаются отпечатки пальцев, а также берутся пробы на анализ ДНК».

Карли постаралась точно припомнить, сколько вчера выпила. Два бокала белого совиньона в пабе… или три… Потом в баре ресторана «Космополитен». Потом еще за ужином.

Черт побери.

Дверь позади распахнулась, констебль пригласил ее жестом пройти внутрь и направился следом, держась совсем близко. Как конвоир.

Карли вошла в просторное, ярко освещенное помещение с полукруглым возвышением в центре из какого-то блестящего крапчатого композитного материала, разделенным на две секции. В каждой сидят мужчина и женщина в белых рубахах с черными погонами и черными

галстуками. По периметру расположены зеленые железные двери, между ними внутренние окна в маленькие комнатушки. Совсем другой мир.

Перед одной из секций полицейский в форме и голубых резиновых перчатках обшаривает карманы высокого лысоватого мужчины славянского типа в тонком спортивном костюме и кроссовках. Перед другой ждет своей очереди мрачный парень в мешковатой одежде, со скованными за спиной руками, под охраной двоих полицейских.

Констебль подвел Карли к конторке почти на уровне ее головы. Бесстрастный мужчина лет сорока с небольшим, в белой рубашке с черным галстуком и тремя полосками на погонах, держится любезно, но всем своим видом показывает, что мозги ему никогда в жизни никто не запудрит.

На голубоватом видеомониторе, установленном на уровне глаз, написано: «Ничего не скрывайте. Признайтесь в прежних правонарушениях».

Карли молча слушала женщину из дорожной полиции, которая изложила причины ее задержания, а потом, как бы делая снисхождение, обратилась непосредственно к ней:

— Я сержант Конфорд. Вы слышали, что я сказала? Я уполномочена задержать вас для дачи и подтверждения показаний, а также для допроса. Понятно?

Карли кивнула.

Женщина протянула желтый сложенный лист формата А-4, озаглавленный «Права и обязанности».

— Возможно, пригодится вам, миссис Чейз. Вы имеете право кого-либо проинформировать о своем задержании и повидаться с солиситором. Если желаете, пришлем дежурного юриста.

— Я сама солиситор. Хочу связаться со своим партнером Кеном Акоттом из «Акотт Арлингтон», — объявила Карли и со слабым удовольствием заметила пробежавшую по лицу женщины тучку. Кен Акотт широко известен как лучший в городе поверенный по уголовным делам.

— Номер назовите, пожалуйста.

Карли продиктовала, надеясь, что Кен у себя, не в суде.

— Позвоню, — кивнула сержант. — Но должна сообщить, что, хотя вы имеете право на встречу с поверенным, процессы по обвинению в вождении в нетрезвом состоянии не откладываются. Я уполномочена вас обыскать. — Она достала пару зеленых пластиковых подносов и заговорила по интеркому.

Констебль Пейтон отошел в сторону, подошла девушка в полицейской форме, натягивая голубые резиновые перчатки. Окинула Карли бесстрастным внимательным взглядом, ощупала начиная с макушки, пошарила в карманах, попросила снять обувь, нагнулась, осмотрела каждый палец на ногах.

Карли молчала, испытывая беспредельное унижение. Потом девушка проверила ее металлодетектором, отложила прибор, принялась рыться в сумочке, выкладывая на поднос под пристальным взглядом констебля телефон, кошелек, ключи от машины, салфетки «Клинекс», губную помаду, компактную пудру, пакетик жевательной резинки и, к смущению Карли, тампоны «Тампакс».

По окончании Карли расписалась в протоколе, и констебль Пейтон повел ее в маленькую боковую комнатку, где веселый полицейский, тоже в перчатках, снял у нее отпечатки пальцев и взял мазок с внутренней стороны щеки, для анализа ДНК.

Затем констебль, держа желтый бланк, повел ее наверх в узкое помещение вроде лаборатории. Слева белые кухонные шкафчики, раковина и холодильник, в дальнем конце серо-голубой видеомонитор. Справа деревянный стол с двумя голубыми стульями. Стены заклеены объявлениями.

«Не более одного задержанного в помещении. Благодарим за понимание».

И еще:

«Вы вернетесь».

И еще белыми буквами на красном фоне:

«Желаете снова пройти через это?»

Констебль Пейтон указал на вмонтированную в стену камеру.

— Должен предупредить, что все сделанное и сказанное здесь регистрируется и записывается. Понимаете?

— Да.

Затем он объяснил принцип действия аппарата, анализирующего дыхание. Необходимо дыхнуть дважды; учитывается низший показатель. Если он выше 40, но ниже 51, будет предложено сдать на анализ кровь или мочу.

Карли выдохнула в трубку, отчаянно надеясь, что показатель теперь уже ниже предела и кошмар — по крайней мере, в данной части — закончится.

С ужасом увидела на мониторе 55.

Затрясла головой:

— Не могу поверить… я столько не пила… правда…

— Попробуем еще раз, — спокойно предложил констебль.

Снова 55.

16

У Грейса зазвонил мобильник. Он выпустил руку Клио, полез в карман за трубкой и услышал деловитый голос Гленна Брэнсона:

— Эй, шеф… как она там?

— Ничего, спасибо. Все будет в порядке.

Клио взглянула на него снизу вверх, он свободной рукой погладил ее по лбу, она внезапно сморщилась, Рой в тревоге прикрыл ладонью микрофон.

— Что?..

Клио слабо улыбнулась:

— Пузырь брыкнулся…

— Из дорожной полиции сообщают, — доложил Гленн. — Смертельный случай на Портленд-Роуд. Предполагают наезд, причем виновник скрылся. Просят нашей помощи — похоже на убийство. По неосторожности или даже умышленное.

Будучи на этой неделе дежурным следователем, суперинтендент Грейс отвечает за расследование любого тяжкого преступления. Прекрасная возможность для Гленна, которого он считает своим протеже, продемонстрировать собственные способности.

— Ты свободен?

— Да.

— Хорошо. Отправь туда кого-нибудь, потом сам поезжай, помоги «крысам», проследи, чтобы у них было все необходимое.

Дорожных полицейских прозвали «черными крысами» с тех давних пор, когда все патрульные машины были черными. Некоторые до сих пор с гордостью носят жетон с изображением черной крысы.

— Уже еду.

Когда Грейс сунул мобильник в карман, Клио взяла его за руку.

— Все хорошо, милый. Возвращайся к работе. Я отлично себя чувствую.

Он с сомнением посмотрел на нее, поцеловал в лоб.

— Люблю тебя.

— Я тебя тоже.

— Не хочу здесь оставлять.

— Иди лови плохих парней. Пускай все сидят за решеткой к рождению Пузыря!

Рой улыбнулся. Какая она хрупкая и беззащитная на больничной койке… С их ребенком внутри. Жизнь Клио и пока неродившегося малыша висит на такой тонкой нитке, что страшно подумать. Она очень сильная, уверенная, оптимистично настроенная. Поэтому — кроме тысячи других причин — он влюбился в нее. Казалось, ничего плохого случиться не может. Невозможно поверить, что еще нерожденный ребенок грозит ее жизни. Она справится. С ней все будет отлично. Чего бы это ни стоило.

Клио вернула его к жизни после адских лет, прошедших в поисках исчезнувшей Сэнди. Разве ее могут у него отнять?

Он оглядел лицо с нежной бледной кожей, голубыми глазами, изящным высокомерным носом, вызывающе надутыми в усмешке губами, абсолютно точно зная, что все будет хорошо.

— Мы с Пузырем чувствуем себя прекрасно! — объявила Клио, стиснув его пальцы, как будто прочла мысли. — Просто слегка зубки режутся. Поезжай к себе, сажай в тюрьму подонков, обеспечь нам безопасный мир!

Рой просидел еще час, ожидая возможности поговорить наедине с доктором Гольбейном, хотя тому почти нечего было добавить к уже сказанному. Теперь каждый день на счету.

Попрощавшись с Клио, пообещав заехать попозже сегодня же, он выехал с больничной парковки на Сент-Джеймс-стрит. Следовало повернуть налево и направиться по окраинам в офис, но Грейс вместо этого свернул вправо к месту происшествия на Портленд-Роуд.

Убийства внушают ему, как и многим коллегам из отдела тяжких преступлений, настороженное нетерпение. У него давно выработался иммунитет к самым жутким сценам, хотя он до сих пор не может вспомнить без содрогания одно из самых первых дел, над которым работал еще новичком-констеблем, когда молоденькую брайтонскую проститутку обнаружили в ее квартире пригвожденной к полу двумя кинжалами, воткнутыми в глаза.

Однако дорожные происшествия — другое дело. Они лишают покоя. Слишком близко к дому. Сегодня он ищет не знаков судьбы, а поддержки друга. Правда, сержант Гленн Брэнсон, переживающий в данный момент крушение семейной жизни, неподходящий для этого кадр. Впрочем, нынче утром он был чуть пободрее. Вдобавок есть план, как вытащить его из пучины уныния.

Надо уговорить Гленна сдать в этом году экзамен на инспектора. Он способный и к тому же обладает важнейшим для хорошего копа качеством — умным сердцем.

Если только удастся избавить его от психоза из-за погибшего брака, наверняка преуспеет и станет инспектором.

В середине утра дорожное движение в Брайтоне вполне спокойное, дождь перешел в легкую морось. Портленд-Роуд с многочисленными магазинами и кафе в окружении крупных жилых массивов обычно загружена в любой час дня и ночи, но, когда Грейс свернул на нее, там было тихо, как в призрачном городе. Неподалеку впереди развернут поперек дороги БМВ дорожной полиции, за которым натянута лента ограждения, где топчется волонтер в форме с блокнотом и кучка зевак. Многие щелкают фотоаппаратами, снимают на мобильные телефоны.

За лентой идет спокойная деловитая работа. Виден огромный рефрижератор, накрытый сзади зеленым брезентом, пожарная машина, темно-зеленый фургон коронера, рядом с ним худощавая моложавая фигура Даррена Уоллеса, младшего патологоанатома, помощника Клио. Там же его коллега Уолтер Хордерн, элегантный любезный мужчина сорока с лишним лет. Оба в анораках поверх белых рубашек с черными галстуками, в черных брюках с черными ботинками.

Дальше через дорогу протянута другая лента, стоит другой постовой, другая машина дорожной полиции и другие зеваки. На обочине фургоны инспектора и следственной бригады, занимающейся дорожно-транспортными происшествиями.

Сегодня дежурит по городу инспектор Рой Аппс; методично работает полицейский фотограф Джеймс Гартрел; хорошо знакомый суперинтенденту Колин О'Нил — старший офицер следственной бригады дорожной полиции — расхаживает вокруг, делая заметки, беседуя с Гленном Брэнсоном; Трейси Стокер — ответственная за место происшествия из отдела тяжких преступлений, рядом коронер Филип Ки. Ни на ком нет бахил и защитных костюмов. В целом считается, что места дорожно-транспортных происшествий и так уже сильно затоптаны и заезжены.

На дороге валяется исковерканный велосипед, рядом желтая идентификационная карточка с номером. Другая отмечает какие-то осколки, кажется от разбитого велосипедного фонаря. Чуть дальше что-то прикрывает флуоресцентный жилет, и еще одна желтая карточка. Карточки разбросаны повсюду. Прежде чем Грейс успел поприветствовать Брэнсона, словно из воздуха материализовался молодой репортер криминальной хроники из местной газеты «Аргус» Кевин Спинелла.

Журналист двадцати с чем-то лет, с острым взглядом и тонким лицом, жует резинку мелкими, острыми, крысиными зубами. Короткие волосы спутались под дождем, ворот черного макинтоша поднят, под ним кричащий галстук с массивным узлом, на ногах мокасины с кисточками.

— Доброе утро, суперинтендент! — крикнул Спинелла еще издали. — Довольно скверно, правда?

— Имеется в виду погода? — уточнил Грейс.

Репортер ухмыльнулся, дернул челюстью, будто резинка застряла в зубах.

— Нет. Сами знаете. Из того, что я слышал, похоже на убийство. Вы тоже так думаете?

Грейс сдержался, не желая открыто грубить репортеру. Полиции необходимо привлечь на свою сторону средства массовой информации, которые бывают чрезвычайно полезными. Хотя порой больно кусаются.

— Просветите меня — я ведь только приехал, вам наверняка больше известно.

— Свидетели, с которыми я беседовал, упоминают белый фургон, который проехал на красный, сбил велосипедиста и скрылся на большой скорости.

— Вам надо было бы стать детективом, — заключил Грейс, глядя на пробиравшегося к нему Гленна Брэнсона.

— Пожалуй, останусь газетчиком. Ничего мне сказать не хотите?

Пошел в задницу, мысленно отрезал суперинтендент, а вслух с улыбкой сказал:

— Вы первым узнаете обо всем, что мы обнаружим, — и чуть не добавил: «Все равно узнаешь, даже если не расскажем».

Хуже всего то, что у Спинеллы имеется информатор в полиции, благодаря которому он всегда прибывает на место раньше остальных репортеров. Рой с прошлого года старается установить личность «крота», но пока ничуть не продвинулся, хотя обещает себе в один прекрасный день схватить его за шкирку.

Он отвернулся, расписался в регистрационном блокноте и нырнул под ленту, приветствуя Брэнсона. Оба направились к рефрижератору подальше от журналиста.

— Ну что?

— Парень под автопоездом. При нем студенческий билет Брайтонского университета на имя Энтони Ревира — туда уже кто-то отправился узнать подробности и насчет ближайших родственников. Из того, что пока накопала следственная бригада дорожной полиции, получается, что он выехал сбоку, с Сент-Эллен-стрит, свернул налево на Портленд-Роуд по встречной полосе, из-за чего вон та самая «ауди» вылетела на тротуар. Тут его и сбил белый фургон, ехавший на красный свет, — «форд-транзит» или что-то вроде того. До этого держался прямо за «ауди», направляясь на запад. От удара парень пролетел через дорогу под колеса рефрижератора, двигавшегося на восток, а фургон смылся.

Грейс на минуту задумался.

— Водителя кто-нибудь разглядел?

Брэнсон покачал головой.

— Я опросил кучу свидетелей. Отправил людей ко всем камерам наблюдения в округе. Приказал дорожным патрульным задерживать каждый белый фургон на расстоянии двух часов езды отсюда. Хотя на такой территории его искать — это все равно что иголку в стоге сена.

Грейс кивнул.

— Номера неизвестны?

— Пока нет… разве что с видеокамерами повезет.

— А водители «ауди» и автопоезда?

— Женщину из «ауди» задержали: не прошла тест на дыхание. Водитель рефрижератора в шоке. Слишком долго ехал без отдыха.

— Лучше не бывает, — саркастически констатировал Грейс. — Одну машину вела пьяная, другую — уставший до чертиков, третья скрылась.

— Пока только одно надежное свидетельство, — доложил Брэнсон. — Найдены обломки бокового зеркала. Похоже, от фургона. На них серийный номер.

— Хорошо, — кивнул Грейс и махнул рукой вниз по дороге. — Что там под жилетом?

— Правая нога велосипедиста.

Рой нервно сглотнул.

— Очень рад, что спросил.

17

Сообщать о смерти по возможности отправляют сотрудников из отдела семейных проблем, прошедших специальную подготовку, однако в зависимости от обстоятельств и общей занятости с этой задачей может столкнуться каждый полицейский. А задача эта в высшей степени неприятная, и служащие дорожной полиции неохотно за нее берутся.

Констебль Омотосо — крепкий, мускулистый, темнокожий, с десятилетним опытом работы в бригаде — сам однажды взглянул в глаза смерти, мчась на полицейском мотоцикле. Несмотря на все ужасы, которые он повидал и лично пережил, оптимизм ему не изменяет даже в самых неприятных случаях.

Сейчас первым делом надо установить ближайших родственников жертвы, руководствуясь сведениями, обнаруженными в рюкзаке, валявшемся под рефрижератором. Самым ценным оказался студенческий билет погибшего юноши.

В учебной части Брайтонского университета выяснилось, что Энтони Ревир гражданин Соединенных Штатов, ему двадцать один год, проживал он вместе со студенткой по имени Сьюзен Каплан, англичанкой, уроженкой Брайтона. Сегодня ее в кампусе никто не видел, до

завтра у нее нет занятий, значит, она, скорее всего, дома. В учебной части имеются подробные сведения о семье Ревира в Нью-Йорке, но Омотосо с заведующей решили, что первой следует известить Сьюзен. Возможно, она больше расскажет о своем приятеле и официально опознает тело.

Констебль решил прихватить с собой своего постоянного напарника Йена Аппертона — главным образом ради моральной поддержки. У высокого тощего Аппертона с подстриженными до легкого облачка светлыми волосами молодая семья. Он ежедневно сталкивается с тяжелыми случаями, но гибель таких мальчишек особенно волнует его, не давая покоя и дома, как большинству полицейских.

Выслушав просьбу поехать вместе, Йен покорно кивнул. В дорожной полиции учишься делать любое дело, даже самое жуткое. В среднем раз в неделю случается настоящий кошмар. В прошлое воскресенье они по частям собирали останки мотоциклиста, теперь, три дня спустя, отправляются с известием о смерти велосипедиста.

Если позволить себе задуматься, сразу утонешь, поэтому Йен изо всех сил старается не попасть в эту ловушку. Хотя иногда, как сейчас, ничего нельзя сделать. Тем более что недавно сам обзавелся велосипедом.

Омотосо медленно вел патрульную машину по Вестберн-Виллас — широкой улице, уходящей на юг от Нью-Черч-Роуд к морю. Аппертон рассеянно смотрел на многочисленные викторианские виллы за окном. Стеклоочистители с интервалом в пару секунд, поскрипывая, сметали морось и опять замирали. Впереди за краем дороги маячили зловеще-серые беспокойные воды Ла-Манша.

Сплошной мрак, как на душе у обоих.

— Направо, — подсказал Аппертон.

Вылезли из машины рядом с угловым домом, неожиданно роскошным для студентов, вошли в портик перед парадным, выложенный мозаичной плиткой, натянули форменные фуражки. Взглянули на панель со списком жильцов. Восьмая квартира: Каплан/Ревир.

Констебль Омотосо нажал кнопку.

Полицейские втайне надеялись, что никто не ответит.

Никто не ответил.

Вновь позвонили. Еще пару раз попробовать, и можно уходить. Если повезет, тяжкая задача достанется кому-то другому.

К несчастью, раздался треск, а потом прозвучал сонный голос:

— Да?..

— Сьюзен Каплан? — уточнил Омотосо.

— У-гу… Кто там?

— Полиция. Можно войти?

Тишина длилась пару секунд — показалось, что гораздо дольше.

— Полиция?..

Полицейские переглянулись. По опыту известно, что звонящую в дверь полицию редко привечают.

— Да. Будьте добры, мы должны с вами поговорить, — вежливо, но твердо сказал Омотосо.

— Э-э-э… ох… поднимайтесь на второй этаж к дальней двери. Вы насчет моей сумки?

— Какой сумки?.. — нахмурился констебль.

Через секунду послышался писк и щелчок. Он толкнул дверь, вошел с напарником в подъезд, где пахло вчерашним ужином — вареными овощами, — а еще старой шерстью, может быть старыми коврами. На стене неуклюжие почтовые ящики с прорезями, на полу

валяются рекламные листовки заведений, доставляющих на дом готовые блюда. Снаружи дом вполне приличный, а краска и побелка внутри обветшали.

Полицейские поднялись по лестнице, застланной грязной облысевшей ковровой дорожкой, на второй площадке распахнулась дверь с облупившейся краской. Их встретила сонной улыбкой хорошенькая девушка лет двадцати, босая, закутанная в большое белое банное полотенце. Темные волосы длиной до плеч нуждаются в хорошей расческе.

— Только не говорите, будто нашли! — воскликнула она. — Не поверю…

Они вежливо сняли фуражки, шагнули в узкую прихожую, чуя запах свежего кофе и легкий душок мужского одеколона.

— Что нашли? — переспросил Омотосо.

— Сумку, — вопросительно прищурилась девушка.

— Какую?..

— Которую украл какой-то скот в дансинге в субботу вечером!

Славная квартира, отметил констебль, войдя в открытую гостиную, хоть кругом беспорядок и обстановка скудная — типично для студентов. Голый отполированный дубовый пол, телевизор с большим плоским экраном, дорогая с виду стереосистема, минималистская мебель с кожаной темно-коричневой обивкой. На мониторе включенного ноутбука на письменном столе под окном, выходящим на улицу, главная веб-страница Bebo. На полу пара кроссовок, скомканный кардиган, женские трусики, белый носок, листы бумаги, полупустая кофейная кружка, лазерные диски, айпод с наушниками, остатки готовой китайской еды.

В прошлый раз трагическое известие сообщал Аппертон. Сегодня очередь Омотосо. У каждого полицейского своя манера: констебль предпочитает мягкий, но прямой подход.

— К сожалению, Сьюзен, дело не в сумке… боюсь, нам о ней вообще ничего не известно. Мы из дорожной полиции, — объяснил он, отметив секундное замешательство девушки. — По сведениям из Брайтонского университета, вы проживаете вместе с Энтони Ревиром, верно?

Она кивнула, оглядывая полицейских с внезапным подозрением.

— К несчастью, он на своем велосипеде попал в ДТП.

Девушка сосредоточилась, взгляд ее стал пристальным.

— С прискорбием вынужден сообщить о смертельном исходе.

Сознательно прямо так и сказал. Давно взял за правило говорить откровенно. Так лучше и быстрее усваивается.

— Вы хотите сказать… умер?..

— К сожалению, да.

Девушка пошатнулась. Констебль Аппертон подхватил ее под руку, подвел к широкому коричневому дивану напротив стеклянного кофейного столика. Она молча села перед неловко стоявшими полицейскими. Всегда тяжело. Реакция разная. Сьюзен Каплан молчала. Потом ее тело сотрясла дрожь, голова замоталась из стороны в сторону, и она внезапно сказала:

— Ох, черт… Вот дерьмо. — Потом вся как-то сжалась, закрыв лицо ладонями. — Ох, черт, скажите, что это неправда…

Полицейские переглянулись.

— Кто-нибудь может прийти, побыть с вами сегодня? — спросил Омотосо. — Позвольте вызвать подругу, кого-нибудь из родных?

Сьюзен крепко зажмурилась.

— Что случилось?

— Он попал под грузовик, подробности нам не известны.

Последовало долгое молчание. Сьюзен обхватила себя руками и заплакала.

— Может, кого-нибудь из соседей позвать? — предложил Омотосо.

— Нет… я… мы… ох, черт, черт, черт…

— Может, чего-нибудь выпьете? — вставил Аппертон. — Чаю, кофе?..

— Не надо никакого дерьма. Мне Тони нужен, — всхлипнула она. — Пожалуйста, расскажите, в чем дело…

У Омотосо затрещала рация, он ее заглушил.

— Мы должны убедиться, что это действительно Тони Ревир. Не согласитесь опознать тело сегодня попозже? На случай, вдруг вышла ошибка…

— Его мать всем распоряжается… до умопомрачения, — выдавила девушка. — С ней и поговорите.

— Поговорю со всеми, кого посоветуете. У вас есть номер ее телефона?

— Она в Нью-Йорке… в Ист-Хэмптоне. Всеми потрохами меня ненавидит.

— Почему?

— Я же говорю, всегда должна быть самой главной.

— Хотите, чтоб именно она опознала Энтони?

Сьюзен вновь замолчала, а потом, захлебываясь слезами, сказала:

— Так будет лучше. Она мне все равно не поверит.

18

Зуб маленький. Это проблема с детства. Из-за малого роста его задирали другие ребята. Впрочем, почти никто не задирал дважды.

Он был самым маленьким младенцем, которого принял в Бруклине акушер Харви Шеннон, хоть и вполне доношенным. Мать, совсем одуревшая от наркоты, поняла, что беременна, лишь на шестом месяце и проходила полный срок. Доктор Шеннон даже не был уверен, соображала ли, что рожает, а работники больницы живо описывали ее недоумение при виде как бы неизвестно откуда взявшегося ребенка.

Однако акушера волновала другая проблема. У мальчика оказалась абсолютно неправильная нервная система. У него как будто отсутствовали болевые рецепторы. Можно было воткнуть иглу в крошечную ручку, не добившись никакой реакции, тогда как любой нормальный малыш заорет во все горло. Есть немало вероятных объяснений, но, по мнению доктора, дело, скорее всего, в злостной наркомании матери.

Мать Зуба умерла от жуткой передозировки героина, когда ему было три года, поэтому он почти все детство кочевал по Америке из одной приемной семьи в другую. Нигде надолго не задерживался, потому что его не любили. Его опасались.

В одиннадцать, когда другие ребята стали посмеиваться над малым ростом, начал защищаться, осваивая боевые искусства, и вскоре получил возможность серьезно искалечить каждого, кто его разозлит. Так калечил, что из любой школы вылетал через несколько месяцев, потому что его все боялись, и учителя упрашивали перевести куда-нибудь опасного недомерка.

В последней школе он научился извлекать выгоду из недостатка. С помощью самоконтроля, которому учат на курсах боевых искусств, мог задержать дыхание минут на пять, побивая любого задиру. Предлагал за доллар изо всех сил ударить его в живот. За пять долларов воткнуть шариковую ручку в руку или в ногу. Этим ограничивалось общение с одноклассниками. Настоящего друга у него никогда в жизни не было. И в сорок один год не имеется. Только пес Йоссариан.

Хотя Зуб с собакой не столько друзья, сколько *партнеры.* Как с теми, на кого он работает. Некрасивый пес. Глаза разноцветные — один серый, другой ярко-красный; среди

предков далматин, спутавшийся с мопсом. Имя дано в честь героя одной из немногих до конца дочитанных книг — «Уловки-22».[6] В самом начале книги Йоссариан с первого взгляда безрассудно влюбился в армейского капеллана. Пес тоже с первого взгляда безрассудно влюбился в Зуба. Просто четыре года назад пошел за ним следом по улице в Беверли-Хиллз, где он обследовал дом, куда надо проникнуть.

Это была шикарная широкая тихая улица с тенистыми деревьями, большими особняками, со сверкающими машинами на подъездных дорожках. Кругом газоны, подстриженные как бы маникюрными ножничками, посреди них поливальные установки брызжут в разные стороны, суетится армия садовников-испанцев.

Для такой улицы пес не годится — лохматая помесь с воспаленным глазом. Зуб ничего не знал про собак, но понимал, что в этом не видно никакой породы и ему тут не место. Может, выпрыгнул из какого-то испанского грузовика. Может, его просто выбросили из машины в надежде, что какой-то богач посочувствует.

Вместо этого пес нашел Зуба.

Зуб дал ему пищу, но не сочувствие.

Он никому не сочувствует.

19

— Что… теперь? — обратилась Карли к полицейскому.

— Подпишите, пожалуйста. — Полицейский протянул длинную тонкую ленту бумаги, озаглавленную «Результаты теста на алкоголь». Указаны также ее имя, фамилия, дата рождения, есть графа «подпись». Ниже в рамочке: «Проба № 1 — 10:42–55; проба № 2 — 10:45–55».

Она подписала, едва удерживая дрожащими пальцами ручку.

— Теперь я отведу вас в камеру, где вы будете ждать поверенного, — сообщил констебль и тоже расписался внизу бумаги. — В присутствии солиситора с вас снимут первичные показания, затем освободят под залог.

— У меня очень важная встреча с клиентом, — сказала Карли. — Я должна быть в офисе.

Констебль сочувственно улыбнулся.

— У каждого участника ДТП наверняка есть важные дела, только я тут ничего не решаю. — Он указал на дверь, осторожно подхватил ее под правую руку, повел и остановился, чтобы ответить на звонок телефона.

— Дэн Пейтон слушает. — Краткое молчание. — Понял, сэр, спасибо. Я в Центре предварительного заключения с задержанной.

С *задержанной…* Карли содрогнулась.

— Да, сэр, спасибо. — Констебль сунул мобильник в нагрудный кармашек, повернулся к ней с бесстрастным непроницаемым выражением. — Прошу прощения, должен кое-что уточнить. Миссис Чейз, вы задержаны по подозрению в наезде со смертельным исходом и управлении транспортным средством в нетрезвом состоянии. Вы вправе хранить молчание, но сокрытие каких-либо сведений в ходе расследования может повредить вашей последующей защите в суде. Ваши ответы будут рассматриваться как официальные показания.

На горле словно сжалась петля. Во рту пересохло, язык и губы онемели.

— Велосипедист умер?.. — еле слышно прошептала она.

— К сожалению.

— Это не я… Я его не сбивала. Врезалась в стенку… чтобы не сбить. Свернула, чтобы не сбить, потому что он ехал по встречной. Иначе бы сбила. — Карли вдруг в панике встрепенулась. — Моя машина… надо ее забрать… в ремонт…

— Мы обо всем позаботимся. К сожалению, машину пока придется изъять.

Вышли в узкий коридор с кремовыми стенами и многочисленными зелеными дверями. Перед поворотом направо в глаза бросилась желтая табличка с надписью: «Внимание, ведется уборка!»

Остановились перед зеленой дверью с маленьким стеклянным окошечком. Констебль открыл ее и препроводил охваченную ужасом Карли в камеру.

— Вы меня здесь оставите?..

Запищала рация, полицейский ответил. Карли в смятении оглядывала помещение. Маленькое, узкое, с унитазом и раковиной на стене. В дальнем конце жесткая постель с голубой подушкой. Едко пахнет дезинфекцией.

Констебль закончил беседу и обратился к ней:

— Здесь будете дожидаться солиситора.

— А… как же машина? Когда ее отдадут ремонтировать?

— Это будет зависеть от старшего следователя. Не раньше, чем закончится следствие и состоится суд.

— Но на это уйдет несколько месяцев!..

— Сожалею. Такова обычная практика.

— А… там мои вещи…

— Личные вещи получите в приемнике, куда отправят машину. Вас уведомят. Ну, мне надо идти. Вы останетесь здесь. Хорошо?

Нехорошо. Совсем нехорошо. Но она слишком потрясена, чтобы спорить. Потому лишь тупо кивнула.

И дверь за полицейским захлопнулась.

Карли взглянула вверх, откуда на нее взирала камера наблюдения. Шагнула к постели, взглянула на высокое матовое окошко. Села, стараясь собраться с мыслями.

Но в памяти лишь без конца прокручивалась картина происшествия. Белый фургон позади нее. Велосипедист под рефрижератором.

Смерть.

В дверь стукнули, и она открылась. Карли вскочила, увидев невысокую пухлую женщину в белой рубашке с черным воротником, катившую перед собой тележку, нагруженную потрепанными книжками в бумажной обложке.

— Желаете что-нибудь из библиотеки?

Она затрясла головой, вдруг подумав о Тайлере. Сын задерживается после уроков, учится играть на корнете.

Через пару секунд дверь закрылась.

Внезапно жутко захотелось пописать, но это невозможно перед чертовой камерой наблюдения. Неожиданно вспыхнула ярость.

Распроклятый Дэйв Престон! Не будь он таким сукиным сыном, не напилась бы до чертиков. Не разбила бы машину. Конечно, она всегда готова выпить вечером пару бокалов вина. Только так, как вчера, — никогда.

Если б ответила ему отказом…

Если б забросила Тайлера в школу раньше на минуту-другую…

Чересчур много «если».

Смерть.

Велосипедист умер.

В какое-то мгновение выехал на нее. Откуда ни возьмись. И умер.

Она точно его не сбивала.

Господи помилуй, он вывернул на встречную полосу! Теперь ее обвиняют…

Дверь внезапно распахнулась. За ней стоит худой высокий мужчина в белой рубахе с черными погонами. Рядом маячит учтивая физиономия одного из ее старших партнеров — Кена Акотта.

Многим коллегам он напоминает молодого Дастина Хоффмана и в данный момент действительно похож на известного киногероя: короткие жесткие темные волосы, серый костюм в тонкую полоску, сверкающие штиблеты от Гуччи, небольшой черный кейс. Шагнул в камеру, источая властную уверенность.

Акотт пользуется заслуженной репутацией одного из самых ловких юристов в Брайтоне и Хоуве. Если кто-то способен вытащить ее из заварухи, то именно он.

Видя, с каким апломбом держится Кен, Карли сломалась, утратила всякое самообладание и рванулась к нему со слезами.

20

Незадолго до пяти Рой Грейс сидел в своем кабинете на первом этаже в отделе тяжких преступлений суссекского полицейского управления, прихлебывая чай из кружки и отыскивая в Интернете все, что связано с нынешним состоянием Клио.

Пусть чай практически холодный — он давно привык к остывшей еде и чуть теплым напиткам. С тех пор как почти мальчишкой пришел в полицию двадцать с лишним лет назад. Именно тогда он усвоил, что любая еда и питье — это роскошь. Если тебе требуется свежемолотый кофе и здоровые домашние блюда, значит, ты ошибся в выборе профессии.

Сегодня больше, чем обычно. Кажется, будто горы бумаг растут самовольно, словно замешенные на дрожжах, а электронные сообщения поступают быстрее — не успеваешь читать. Трудно на чем-нибудь сосредоточиться, кроме Клио. После ухода утром из больницы он только и делает, что звонит, проверяет. Несомненно, дежурная сестра уже признала его одержимым.

Перед глазами на столе открытая пухлая папка. Сегодня он не только руководитель отдела тяжких преступлений, но и дежурный старший следователь, а значит, обязан знакомиться с каждым новым правонарушением. Для кого-то работа заканчивается с арестом подозреваемого, а для него это лишь первая стадия. Поддерживать обвинение во многом труднее, чем поймать преступника.

Мир суперинтендента Грейса населяют сплошные мерзавцы, но мало кто из них хуже жирного гада, который смотрит сейчас на него с тюремных фотографий в фас и профиль. Карл Веннер, бывший офицер армии США, заперт ныне в тюремном крыле категории В за весьма прибыльный бизнес — съемки грязных фильмов, запечатлевших пытки и убийства реальных людей, которые покупали по Интернету богатые извращенцы. При аресте скотины был ранен Гленн Брэнсон. Дело стало в высшей степени личным. Скоро суд.

Взяв секундную передышку, Грейс откинулся на спинку кресла, глядя в южное окно. Суссекс-Хаус — главное управление уголовных расследований — стоит на холме в промышленной зоне на окраине Брайтона и Хоува. Под окном торчит из земли скелетообразное дерево. Овальная кирпичная стена окружает узкую потрескавшуюся бетонную парковку. Дальше загруженная дорога и забор, за которым высится слабо замаскированный голыми деревцами серый прямоугольник супермаркета — неофициальной столовой сотрудников управления. Еще дальше видны в ясный день крыши Брайтона, иногда и голубой Ла-Манш. Сегодня вид застилает серая зимняя дымка.

Проследив за зеленым грузовым фургоном супермаркета, заползавшим на холм, Грейс перевел взгляд на экран монитора, застучал по клавишам, просматривая сводку, которая обновляется каждые полчаса. В сводке зарегистрированы все известные на данный момент происшествия. Кроме столкновения на Портленд-Роуд, ничего значительного. Обычные ежедневные казусы: инциденты на дорогах, шумные скандалы между соседями, пропавшая собака, драки, кражи, взлом фургона, угон машины, прошения об освобождении под залог, разбитая витрина магазина, семейная ссора, два украденных велосипеда, подозрительный юнец, крутившийся возле автомобиля; шоколадки, пропавшие со склада «Теско»; скоропостижная кончина пожилой дамы, не вызывающая подозрений — по крайней мере, на данном этапе.

За исключением тяжкого преступления с изнасилованием, пришедшегося на момент исполнения Грейсом обязанностей старшего следователя, два первых месяца года прошли сравнительно спокойно. А с приближением весны город как взбеленился. За недавнее время два десятка убийств, — столько раньше совершалось в Суссексе за год. Плюс вооруженное ограбление ювелирного магазина, когда полицейский во время погони получил пулевое ранение в ногу, и четыре дня назад жесточайшее изнасилование медсестры, которая шла в одиночестве по брайтонской набережной.

В результате задействованы почти все силы четырех филиалов отдела тяжких преступлений в графстве, включая обе здешние бригады. Для проведения первого инструктажа по операции «Скрипка», как компьютер по произвольному выбору обозначил смертельный наезд на велосипедиста на Портленд-Роуд нынче утром, Грейс вместо просторного зала в Истборне в получасе езды отсюда выбрал соседний кабинет Джека Скеррита. Шеф управления сейчас в отъезде, а стол в его кабинете гораздо вместительней круглого столика суперинтендента.

Хорошо бы собрать небольшую, крепко сплоченную следственную бригаду. Судя по прочитанным на данный момент свидетельствам и показаниям непосредственных очевидцев, дело довольно ясное. Водитель фургона мог скрыться с места происшествия по множеству разных причин: фургон угнан или не застрахован, шофер побоялся теста на алкоголь или вез что-нибудь запрещенное. Похоже, найти его будет нетрудно. Заместительница Грейса Лиззи Мантл, пользующаяся его особым благоволением, отправилась в отпуск, поэтому можно возложить ее обязанности на Гленна Брэнсона. Неплохой экзамен для сержанта, отвлекающий от текущих семейных проблем и, главное, предоставляющий шанс отличиться перед окончательным решением вопроса о повышении. Пусть-ка продемонстрирует способность возглавить реальное следствие.

Стукнув в дверь, вошел констебль Ник Николл, длинный как жердь, в сером костюме, сшитом на мужчину еще выше ростом, с воспаленными глазами из-за бессонных ночей — у Николла маленький ребенок.

— Собираемся в пять, шеф?

— В кабинете старшего суперинтендента Скеррита, — кивнул Грейс. Он назначил совещание раньше обычной половины седьмого, стремясь вернуться к Клио в больницу.

— Клио в больнице? Все в порядке? — осведомился констебль, когда они вместе шли по коридору.

— Да, спасибо… пока ничего. Помню, у твоей жены тоже были проблемы во время беременности?

— Дважды открывалось кровотечение, — ответил Николл. — Первое где-то на двадцать четвертой неделе.

— Почти то же самое. Но ведь все обошлось?

— Сначала казалось, что не обойдется.

— Тревожное время…

— Еще бы! Необходим полный покой, это самое главное.

— Спасибо, позабочусь.

Грейс гордится, что превратил Ника Николла из самого быстрого футбольного форварда в трехчетвертного полицейской команды по регби, которую сам создал. Хотя после рождения сына констебль думает о другом и совсем выдохся.

Через минуту-другую к усевшемуся за длинным столом заседаний Нику присоединилась сержант Белла Мой — женщина тридцати с лишним лет, с жизнерадостным лицом в обрамлении темных волос, простовато одетая, с коробочкой шоколадных драже в одной руке, с бутылкой воды в другой. По мнению Роя, если ее приодеть и подкрасить, была бы вполне привлекательной.

Затем явилась констебль Эмма Джейн Бутвуд, стройная, симпатичная, предельно внимательная, с длинными светлыми волосами, схваченными в «конский хвост», чудом оправившаяся после того, как девять месяцев назад ее едва не раздавил преступник в угнанном фургоне. За ней пришаркал сержант Норман Поттинг.

По ныне принятой пенсионной системе большинство полицейских выходят в отставку, прослужив тридцать лет. Система работает против старослужащих. Только Поттинга интересуют не деньги. Он *хочет* быть копом и, похоже, решил тянуть сколько сможет. В результате бесчисленных личных катастроф его жизнь полностью сосредоточилась на суссекской полиции. Хотя из-за свойственной ему бестактности и политической некорректности, характерной для представителей старой школы, очень многие предпочли бы его проводить на заслуженный отдых, включая главного констебля.

Однако, как бы ни раздражал Норман Поттинг, к нему нельзя не испытывать уважение. Это истинный коп в лучшем смысле слова. Настоящий ротвейлер среди политкорректных кисок.

Сержант в пропахшем трубочным табаком и нафталином костюме, который, судя по виду, носил его отец после демобилизации по окончании Второй мировой войны, с заметным брюшком и зачесом на лысину, похожую на вытертый ковер, уселся и выпустил из груди воздух, как из спущенной кислородной подушки. Ненавидящая Поттинга Белла Мой опасливо на него покосилась, ожидая неизбежных высказываний.

Ожидания оправдались. Прозвучал возмущенный утробный голос:

— Что в этом городе происходит с футболом? Почему в Манчестере есть «Манчестер», в Лондоне «Арсенал» и «Челси», в Ньюкасле «Ньюкасл», а у нас? Получается, Брайтон самое жалкое поселение в Англии.

— Ты хоть раз в жизни бил по мячу? — фыркнула Белла.

— Фактически да, — объявил Норман Поттинг. — Верьте не верьте, мальчишкой играл за Портсмут во втором составе. Центральный полузащитник. Стал бы профессионалом, если б не свернул коленную чашечку.

— Впервые слышу, — признался Грейс.

Норман передернул плечами и вспыхнул.

— Я большой поклонник Уинстона Черчилля, шеф. Знаешь, что он сказал?

Суперинтендент затряс головой.

— «Успех — это умение терпеть провал за провалом, не теряя энтузиазма».

Грейс сочувственно посмотрел на него. Если кто-нибудь вправе это сказать, то как раз Норман Поттинг. Пережил три неудачных брака, и, похоже, к тому же идет четвертый с тайкой, с которой сержант познакомился по Интернету.

— Тебе лучше знать, — ехидно заметила Белла Мой.

Грейс взглянул на заметки, перепечатанные к совещанию его помощницей по организационным вопросам, поджидая Гленна Брэнсона, который как раз вошел вместе с бодрым инспектором дорожной полиции Джеймсом Ларджем, запросившим помощь отдела тяжких преступлений в расследовании дорожно-транспортного происшествия.

— Итак, — начал суперинтендент, кладя перед собой повестку инструктажа и протокольный блокнот, — проводится первое рабочее совещание по операции «Скрипка»: расследованию смерти студента Брайтонского университета Энтони Ревира. — Он представил своей команде Ларджа, симпатичного, делового, с коротко стриженными светлыми волосами. — Пожалуйста, Джеймс, опишите сегодняшние события.

Инспектор обрисовал в общих чертах утреннюю катастрофу, особо подчеркнув показания свидетелей насчет белого фургона, который проехал на красный свет, сбил велосипедиста и скрылся с места происшествия. Пока, доложил он, имеются две вероятные записи с видеокамер, хотя качество даже при увеличении не позволяет идентифицировать номера.

На первых кадрах «форд-транзит», отвечающий описанию, движется на большой скорости к востоку от места происшествия приблизительно через тридцать секунд после столкновения. На других, снятых через минуту, белый фургон без зеркала на левом ветровом окне сворачивает направо в полумиле от места первого снимка. Это существенно, объяснил Лардж, ибо на месте происшествия обнаружены обломки зеркала. Серийные номера проверяются. Пока всё.

— Патологоанатом министерства внутренних дел приступит к вскрытию погибшего велосипедиста приблизительно через час, — объявил Грейс. — На нем будет присутствовать временно замещающий меня сержант Брэнсон, Трейси Стокер и коронер. — Покосился на сморщившегося Гленна, который тут же поднял руку.

— Босс, я только что говорил с сотрудником из отдела семейных проблем дорожной полиции, которому это дело поручено. Он связался с нью-йоркской полицией. Покойный Энтони Ревир — гражданин США, учившийся в магистратуре Брайтонского университета. Не знаю, имеет ли это значение, но девичья фамилия его матери Джордино.

Все с недоумением уставились на него.

— Это что-то кому-нибудь говорит? — спросил Гленн, оглядывая сидевших за столом.

Коллеги качнули головой.

— Никто не слышал про Сола Джордино? — переспросил сержант.

Все снова промолчали.

— «Крестного отца» кто-нибудь видел? — допытывался он.

Все кивнули.

— Марлон Брандо, да? Самый главный. Крестный отец. Всему голова, правда?

— Да, — подтвердил Грейс.

— Отец матери погибшего парня Сол Джордино — крестный отец нью-йоркской мафии.

21

В нью-йоркское отделение Интерпола пришел стандартный протокол о смерти гражданина США, о чем должна быть уведомлена полиция по месту проживания ближайших родственников погибшего. В данном случае это полиция округа Суффолк, куда входит Ист-Хэмптон.

К семействам вроде Джордино подход особый. В компьютерах отмечены все известные члены мафиозных семей, даже дальние кузены и кузины; в соответствующих полицейских департаментах имеются контактные адреса и телефоны; к каждому, кто представляет какой-нибудь интерес в этом смысле, прикреплен конкретный сотрудник.

Следователь Пат Лэниган из специальной следственной бригады при управлении окружного прокурора сидел за своим рабочим столом в Бруклине, когда позвонили из Интерпола. В тот момент он торчал в Интернете, просматривая каталог «Тиффани» в поисках подарка жене Лорне на тридцатилетнюю годовщину свадьбы. Лэниган сразу схватил авторучку и полностью сосредоточился.

Здоровенный американец ирландского происхождения с рябоватым лицом, седеющим ежиком и бруклинским акцентом, Лэниган начинал жизнь в военно-морском флоте, потом работал грузчиком в манхэттенских портах, потом пошел в нью-йоркскую полицию. С виду он похож на крутого потрепанного киногероя, настолько мощного физически, что мало кто осмелится с ним сцепиться. К пятидесяти четырем годам следователь накопил тридцатилетний опыт общения с «умниками», как нью-йоркские полицейские прозвали мафиози. Многих знает лично, ведет досье на семьи, отчасти потому, что родился и вырос в Бруклине, где обосновались Гамбино, Дженовезе, Коломбо, Лючезе, Джордино и Боннано.

В семидесятых годах вскоре после прихода в полицию Пата прикрепили к бригаде, которая не один год выслеживала убийц известного гангстера Джо Галло, застреленного за обедом в рыбном ресторане «Умберто» в Маленькой Италии.[7] Впрочем, Пат к нему сочувствия не испытывал. Сукин сын по прозвищу Чокнутый Джо держал у себя в подвале матерого льва, не кормил по три дня, после чего приводил должников к рычавшему зверю, предлагая либо расплатиться, либо поиграть с домашним животным.

Потом Лэниган очутился в бригаде, которая с помощью внедренных агентов в конце концов накрыла пресловутый питейный клуб «Джемини-лаундж», на верхнем этаже которого члены семьи Гамбино пятнадцать лет убивали и расчленяли трупы примерно двух сотен противников, по частям упаковывали и выбрасывали на свалку или затапливали в Гудзоне.

Пат с большим неудовольствием выслушал сообщение представителя Интерпола о наезде и бегстве виновника. Месть — один из главных принципов мафиози. У каждой семьи имеются враги — как старые, исторические, так и новые, образующиеся почти ежедневно. Если случилось нечто подобное, лучше съездить в Ист-Хэмптон и лично свидеться с семьей. Предпочтительно иметь дело с «умниками» в их собственном логове. Там их видишь иначе, чем в допросной или за решеткой. Вдобавок, выслушав страшную новость, кто-нибудь может о чем-нибудь проговориться.

Через полчаса, запив диетической колой и глотком кофе приготовленный женой куриный салат, Пат затянул узел галстука, влез в спортивную куртку и вместе со своим постоянным напарником Деннисом Бейкером направился на стоянку к грязному коричневому «форду» без опознавательных знаков.

Лэниган — сторонник президента Обамы — уделяет добрую долю свободного времени благотворительной деятельности в пользу раненых ветеранов. Деннис — несгибаемый республиканец — уделяет добрую долю свободного времени лоббированию закона о беспрепятственном ношении оружия и охоте. В отличие от Лэнигана, который, несмотря на все дела с мафией, ни разу за время службы не выстрелил из табельного пистолета, Бейкер трижды стрелял в разных случаях и убил двух человек. Они не похожи, как мел и сыр. Без конца спорят. И все же близки.

Когда Пат тронулся с места, набрав скорость, с приборной панели на колени Бейкеру упала картонная карточка с надписью «Окружная прокуратура Бруклина». Не говоря ни слова, он бросил ее на заднее сиденье, перевернув вниз надписью. Деннис вообще немногословен, а в определенном настроении иногда может молчать часами. Но никогда ничего не упускает.

Неожиданно он спросил на ходу:

— Что думаешь?

Лэниган пожал плечами:

— Не знаю. А ты?

Бейкер пожал плечами:

— Похоже на наезд. В том самом смысле. *Наезд,* прямо на лбу написано.

Рано утром трафик на Лонг-Айленде жидкий, и останется жидким на протяжении полутора часов езды до Ист-Хэмптона. В разгар курортного сезона на этом отрезке дороги ползешь впритык. Расслабившись, Пат одной рукой направлял машину по роскошной дороге с кустами и лужайками по бокам, зорко приглядываясь к указателям поворотов, не слишком доверяя подсказкам навигатора.

Бейкер рассказывал о своей новой богатой подружке с обширным поместьем во Флориде, как собирается выйти в отставку и устроиться там вместе с ней. Пата огорчает перспектива разлуки с приятелем. Самому не хочется думать об уходе с любимой работы.

Навигатор указал направо — за деревьями и кустами открылись окраины Ист-Хэмптона с огромными особняками, далеко отстоящими от шоссе, за которыми пошли белые, дорогие с виду магазины. За гаражом «Мобил ойл» полицейские выехали на лиственную аллею с двойной желтой полосой посередине.

— Знаешь, что одно можно точно сказать обо всех этих Хэмптонах? — внезапно спросил Бейкер с отрывистым бостонским произношением, прервав двадцатиминутное молчание.

— А?.. Что? — Во рту у Лэнигана вечно как бы катается пара мраморных шариков.

Бейкер кивнул на грандиозное сооружение в колониальном стиле с портиком.

— Тут никогда не встретишь отставного нью-йоркского полицейского.

— Однако это и не резервация «умников», — указал Пат.

— Мать погибшего парня замужем за Лу Ревиром, правда?

— Угу…

— А он банкир мафии. Знаешь? По слухам, на прошлых выборах отвалил республиканцам десять миллионов.

— Тем более надо его припугнуть.

— Смотри, сам не обваляйся.

Пат Лэниган ухмыльнулся.

Двойная желтая линия кончилась, дальше пошла одна полоса. По обеим сторонам стоят конусы ограждения с натянутой меж ними лентой.

— Правильно едем?

— Да.

Навигатор сообщил, что приехали.

Пат остановил машину у серых высоких закрытых ворот, опустил стекло, нажал на панели кнопку. Циклопический глаз видеокамеры подозрительно глянул на них, затрещал голос на ломаном английском:

— Да, пожалуйста, слушаю?

— Полиция. — Пат предъявил жетон камере. Через минуту створки медленно открылись и они въехали.

За широким газоном и растениями, пересаженными прямо из тропических лесов, высится потрясающий современный серый особняк с круглой пристройкой слева, напомнившей Пату рубку атомной подводной лодки.

— Похоже на халупу твоей новой подружки? — спросил он напарника.

— Нет. У нее побольше. В таком у нее плавательный бассейн.

Пат усмехнулся, проезжая к гаражу, куда поместится самолет, остановился рядом с золотистым «порше-кайен». Потом перед ними открылась парадная дверь, выглянула нервозная горничная-филиппинка в служебной форме.

— Нам нужны мистер и миссис Ревир, — сказал Лэниган, предъявляя жетон. Деннис Бейкер тоже показал.

Девушка еще сильнее занервничала, и Пат сразу ее пожалел. Видно, что с ней дурно обращаются. Для таких людей, как ее хозяева, обычное дело.

Девушка что-то пробормотала и повела их через просторный вестибюль с вымощенным серыми плитами полом к впечатляющей лестнице. Стены увешаны зеркалами в декоративных рамах и модернистскими абстрактными картинами.

Потом горничная, как-то неопределенно помахивая рукой, ввела полицейских в роскошную гостиную с высоченными потолками и верхней галереей для музыкантов. Как в кино из жизни тюдоровской Англии, решил Пат. На потолке дубовые балки, на стенах гобелены, портреты предков — неузнаваемых. Скорее куплены на аукционах, чем унаследованы.

Мебель сплошь антикварная. Диваны, кресла, шезлонги. Огромное эркерное окно выходит на газон и живую изгородь, за которой пролив Лонг-Айленд.

Пол застелен коврами, чувствуется слабый сладкий мускусный запах, как в музеях.

За такой дом, за такую гостиную можно умереть. Многие действительно и умерли, в чем Пат абсолютно уверен.

В гостиной сидит привлекательная, но суровая женщина лет сорока с небольшим, с короткими светлыми волосами и словно слепленным по мерке носом. На ней розовый спортивный костюм, дорогие кроссовки, в одной руке пачка «Мальборо лайтс», в другой зажигалка. Когда вошли полицейские, она вытряхнула сигарету из пачки, зажала в губах, щелкнула зажигалкой, как бы бросая вызов.

— Слушаю, — затянувшись и выпустив дым в потолок, сказала она.

Пат протянул жетон.

— Следователь Лэниган и следователь Бейкер. Вы миссис Фернанда Ревир?

Женщина тряхнула головой, как бы отбрасывая с лица воображаемые длинные пряди.

— Что нужно?

— Ваш муж дома? — терпеливо осведомился Пат.

— В гольф играет.

Полицейские осмотрелись. Взглянули на фотографии. Их очень много — над камином, на столах, на полках. На всех, насколько можно судить по первому быстрому взгляду, Лу и Фернанда Ревир с детьми. К сожалению, никаких друзей — *партнеров.*

— Скоро вернется?

— Не знаю, — бросила она. — Часа через два, через три.

Полицейские переглянулись.

— С сожалением должен вам сообщить, миссис Ревир… — начал Пат. — У вас есть сын Тони, верно?

Женщина приготовилась сделать очередную затяжку, но остановилась, на лице отразилась тревога.

— Да…

— Мы получили известие от полиции Брайтона в графстве Суссекс в Англии, что ваш сын нынче утром скончался в результате дорожно-транспортного происшествия.

Детективы без приглашения сели в кресла напротив миссис Ревир.

Она молча смотрела на них.

— Что?..

Пат Лэниган повторил сказанное.

— Что за дерьмо собачье? — после паузы воскликнула миссис Ревир.

— К несчастью, это правда, — подтвердил Пат. — От души сожалею. Кто-нибудь может прийти, побыть с вами, пока муж не вернется? Соседи? Подруги?

— Дерьмо. Да? Скажите, что пошутили.

Она стряхнула пепел с тлеющей сигареты в большую хрустальную пепельницу.

— Мне очень жаль, миссис Ревир…

— Шутите, правда? — повторила женщина после долгой паузы. Зрачки ее расширились, руки затряслись. Она раздавила в пепельнице окурок с такой силой, будто вонзала в кого-то нож. Схватила пепельницу, швырнула в стену. Хрусталь взорвался под картиной, брызнув осколками. — Нет, — сказала она, дыша все быстрей и быстрей. — Не-е-ет!

Вцепилась в столик, перевернула.

— Не-е-ет! Не-е-ет! Неправда. Скажите, что неправда! Скажите!..

Мужчины молчали.

Она сдернула картину со стены, крепко ударила о колено, прорвав изображение Мадонны с Младенцем.

— Только не мой Тони. Не мой сын. Не-е-ет! Только не он!..

Схватила статуэтку в виде высокого худого мужчины с гантелями — ни Лэниган, ни Бейкер не имели понятия, чье это изображение и сколько стоит, — и расколотила голову об пол, исторгая истошные вопли:

— Пошли вон! Вот, вон, вон!..

22

Тайлер сгорбился за сосновым кухонным столом в школьных черных брюках, белой расстегнутой сверху рубашке с распущенным форменным красно-серым галстуком, просматривая на телеэкране на стене любимые эпизоды «Топ гир»,[8] где команда врезается в караван бедуинов. Звук включен на полную мощность.

Прямые каштановые волосы мочалкой свисают на лоб, частично закрывая глаза за овальными стеклами очков в проволочной оправе, из-за чего многие видят в нем сходство с маленьким Гарри Поттингом. Для Тайлера это не проблема, скорее лестный отзыв, а Карли он все больше напоминает Кеса, погибшего мужа. Настоящая миниатюрная копия. Она сглотнула слезы под звоночек микроволновки. Боже, как сейчас нужен Кес! Он знал бы, что делать, как выбраться из жуткой заварухи, и хоть немножко облегчил бы ей жизнь в этот страшный момент.

Она взяла тарелку и приказала:

— Локти со стола!

Отис, черный пес, помесь лабрадора с кем-то неизвестным, потащился за ней по кафельному полу с вечной надеждой. Карли поставила еду перед сыном, схватила пульт и выключила звук.

— Фрикадельки с макаронами? — скривился Тайлер.

— Ты же любишь. — Она водрузила на стол миску с салатом.

— В школе сегодня ел.

— Повезло тебе.

— Там готовят лучше, чем ты.

— Большое спасибо.

— Сама меня учишь всегда говорить только правду.

— И также учу быть тактичным.

— Как скажешь. — Сын пожал плечами, подозрительно ткнул вилкой фрикадельку. — Как же я завтра в школу поеду?

— Пешком пойдешь.

— Спасибо, вот здорово! — Мальчик вдруг встрепенулся. — Слушай, на велосипеде доеду!

Карли сотряс озноб.

— Ни в коем случае. На велосипеде не поедешь. Такси вызовем.

Отис в ожидании таращился на Тайлера.

— Не клянчи! — велела Карли псу и села рядом с сыном. — Знаешь, у меня был поганый день, ясно?

— Не настолько, как у того самого велосипедиста, правда?

— Что это значит?

Тайлер вдруг вскочил и бросился из кухни.

— У него наверняка мать не пьяница! — И хлопнул дверью.

Карли какое-то время тупо смотрела на дверь, потом приподнялась и села. Через минуту сверху донесся бешеный барабанный бой. Отис дважды глухо гавкнул, выпрашивая подачку.

— Извини, не совсем хорошо себя чувствую. Попозже погуляем.

От запаха фрикаделек тошнит. Она встала, шагнула к двери, открыла, хотела что-то крикнуть сыну и передумала. Снова села за стол, закурила, читая по губам текст участников «Топ гир». Вообще ничего не чувствовала.

Зазвонил телефон. Это была Сара Эллис, жена солиситора Джастина Эллиса, самая чуткая личность из всех ей известных. А мир в данный момент превратился в ни с чем не сравнимый кошмар, если не считать того дня, когда пришло известие о гибели мужа, так что ей сейчас жизненно необходима *чуткость.*

— Ну, как ты, красотка?

— Не слишком красивая, — мрачно ответила Карли.

— Мы тебя в вечерних новостях видели. На месте происшествия. Полиция ищет белый фургон, тебе говорили?

— Они мало что мне говорили.

— Едем с бутылкой шампанского, немножко взбодримся. Будем через десять минут, — сообщила Сара.

— Спасибо, компании рада, хотя о распроклятой выпивке думать даже не хочется!

23

Клио спит на больничной койке. Рукав голубой рубашки завернут за локоть, и Рой, сидя с ней рядом последний час, разглядывает ее лицо, пушистые светлые волоски на изящном предплечье, восхищается ее сонной прелестью. Потом на глаза попадается серая пластиковая трубка с иглой, воткнутой в вену, и душу снова затопляет страх.

Проводки, прикрепленные к животу, посылают постоянный поток информации в компьютер в ногах кровати, но он не понимает показателей на мониторах. Остается надеяться на лучшее. В слабом мерцании телевизора на стене Клио выглядит совсем бледной, беспомощной.

Страшно. Смертельно страшно.

Рой прислушивался к ритмичному дыханию. Воздух вдруг распорол скорбный вой сирены — внизу подъехала очередная «скорая». Клио здоровая, сильная, следит за собой, ест

полезную пищу, работает, поддерживает форму. Конечно, до беременности любила по вечерам выпить, но, когда узнала о зачатом ребенке, ограничилась одним бокалом вина время от времени, а в последнее время и вообще от спиртного отказалась.

Среди многих прочих достоинств Клио он особенно ценит ее положительный настрой, умение видеть в людях и ситуациях что-то хорошее. Она будет великолепной матерью. Вот только бы ей не потерять ребенка!

Хуже только предупреждение консультанта о возможности потерять Клио. Немыслимо!

На коленях лежит лист бумаги со списком документов, необходимых для обвинения подонка Карла Веннера. В последний час Рой старается сосредоточиться на нем, внимательно перечитать, убедиться, что ничего не упущено. Утром состоится встреча с финансовым инспектором Эмили Кертис для окончательного утверждения протоколов о конфискации. Обязательно надо спросить Эмили про любимого пса Бобби, о котором она постоянно рассказывает и фотографии которого показывает.

21:10. По телевизору с выключенным звуком идет новый криминальный сериал «Лютер». Подобно большинству полицейских, Рой редко смотрит подобные фильмы, раздражаясь из-за неточностей, и первую серию «Лютера» он смотрел на прошлой неделе всего минут пятнадцать, пока главный герой — предположительно опытный детектив — не прошелся по месту убийства в обычной одежде.

Мысленно вернувшись к фатальному утреннему происшествию, Рой просмотрел сводку первых показаний очевидцев. Велосипедист ехал не по своей полосе — тут нет ничего необычного, дураки нередко выезжают на встречную. Если наезд был спланирован, парень сильно облегчил дело злоумышленникам. Но водитель фургона никак не мог предвидеть, что он нарушит правила. Обстоятельства не сходятся, и это очень плохо, даже учитывая, что фургон ехал на красный свет.

И преступные связи нью-йоркской семьи по каким-то пока непонятным причинам его беспокоят. Просто есть нехорошее подозрение.

Многие скажут, что итальянская мафия, изображенная в фильмах вроде «Крестного отца», превратилась ныне в лопнувший мыльный пузырь. Но Рой Грейс лучше знает. Шесть лет назад на кратких курсах повышения квалификации в учебном центре ФБР в Вашингтоне он подружился с одним бруклинским детективом, специалистом по мафии.

Да, теперь это другая организация по сравнению с временами расцвета. В период сухого закона 1920–1933 годов, полностью запретившего продажу и потребление алкоголя на территории США, криминальные семьи американской мафии крепли день ото дня. К середине тридцатых годов мафия с ее властными структурами, выстроенными по образцу древнеримских легионов, так или иначе затронула почти каждого американца. Взяла под контроль все крупные профсоюзы, а также швейное, табачное, строительное производство, железнодорожный транспорт, нью-йоркские доки, азартные игры, ночные клубы, проституцию, организованный рэкет по отношению к тысячам предпринимателей и владельцев недвижимости, ростовщичество…

Сегодня традиционно известные криминальные семьи не столь заметны, но столь же богаты, несмотря на растущую конкуренцию так называемой русской мафии, набирающей силы. Основную долю доходов дают наркотики — некогда запретная по их законам сфера, — поддельные фирменные товары, пиратские фильмы, широкомасштабное компьютерное мошенничество.

Перед уходом из офиса нынче вечером Рой отыскал в Гугле Сола Джордино и ничуть не обрадовался. Хотя Сол отдыхает в тюрьме, его многочисленная команда ведет весьма активную деятельность, явно ставя себя выше закона и уничтожая соперников такими же жестокими методами, как прежние преступные семьи.

Могут их щупальца дотянуться до Брайтона?

Проблема наркотиков на первом месте в городе. За девять лет Брайтон заслужил нелестный титул «столицы Соединенного Королевства по смертям от наркотиков». Снабжение местных наркоманов — крупный бизнес, но еще масштабнее продажа «веселящего» зелья вроде кокаина. Инициированная ныне полицией операция «Минимизация» эффективно разорвала многие основные цепочки, но, сколько ни арестовывай, вместо прежних выступают новые игроки, поджидавшие за углом. Полицейская разведка пока не нащупала связей местных наркодилеров с американскими преступными семьями — может, теперь нащупает?

Неожиданно прозвонил телефон, Грейс вышел из палаты, чтобы не разбудить Клио, которой консультант предписал абсолютный покой.

Сержант Норман Поттинг до сих пор прилежно сидит на службе. Известна скорбная причина — жуткой жизни дома он предпочитает рабочий стол, где хотя бы действительно нужен.

— Босс, мне только что звонили из нью-йоркского Интерпола. Решил тебя уведомить. Родители погибшего велосипедиста Тони Ревира летят на частном самолете. Прибудут в лондонский Гатуик в шесть утра. Забронировали номер в «Ройял Йорк». Дорожная полиция посылает своего сотрудника, чтоб проводить их в морг позже утром, и, по-моему, надо кого-нибудь от нас отправить.

— Хорошая мысль, — согласился Грейс, поблагодарил сержанта, разъединился и крепко задумался. Хорошо бы лично встретить и оценить родителей. Однако на данной стадии не стоит их настораживать, намекать на какие-то подозрения со стороны полиции. Их наверняка смутит присутствие полицейского высокого ранга. Не надо рисковать. Если уж ждать чего-то от встречи с родителями, то лучше не засвечиваться. Послать кого-нибудь помладше, как бы в знак уважения.

Гленн Брэнсон ответил почти сразу. Его голос прозвучал на фоне музыкальной темы из старого фильма Клинта Иствуда «Хороший, плохой, злой». Друг страстно обожает старые фильмы.

Рой мысленно увидел Гленна, растянувшегося на диване в его собственном доме, где сержант живет уже несколько месяцев после того, как его выгнала жена. Осталось недолго, ибо дом уже выставлен на продажу.

— Эй, старик!.. — Голос пьяненький. До крушения брака Гленн особо не увлекался выпивкой, поэтому это уже тревожный звоночек.

— Что показало вскрытие? — осведомился Рой.

— Пока ничего необычного. На куртке парня на левом плече белая краска, совпадающая со ссадинами на коже — возможно, фургон туда ударил. Смерть наступила от многочисленных внутренних повреждений. Кровь и прочие жидкости проверят на наркотики.

— Свидетели утверждают, что он ехал по встречной.

— Он американец, может быть, рано утром не совсем проснулся, перепутал, где право, где лево. Или типичный чокнутый велосипедист. Видеокамеры зарегистрировали реальный момент столкновения?

— Пока не знаю. — Грейс сменил тему. — Не забываешь Марлона кормить? — Приходится ежедневно напоминать о золотой рыбке.

— Угу. К Джейми Оливье возил. Съел обед из трех блюд и десерт.

Рой усмехнулся.

— Знаешь, вид у него невеселый. Девчонка нужна, — вздохнул Брэнсон.

Тебе тоже, мысленно заметил Грейс.

— Пробовал, он всех к чертям съедает.

— Как Эри.

Рой проигнорировал едкую шпильку Гленна в адрес жены.

— Надеюсь, не собираешься завтра залеживаться.

— Почему?

— Ты мне нужен в морге при полном параде.

24

В 7:15, всего через двенадцать часов после отъезда отсюда, Гленн Брэнсон остановил серебристый «хёндэ» без опознавательных знаков на пустой парковочной площадке за зданием морга Брайтона и Хоува. Заглушил мотор, крепко сжал виски пальцами, стараясь облегчить жгучую боль в голове. Во рту пересохло, горло выстлано наждаком, несмотря на выпитые пинты воды и принятые час назад таблетки парацетамола, которые еще не подействовали. Вообще нет уверенности, что подействуют.

Похмелье все хуже. Возможно, потому, что пьется все больше. Вчера вечером ушла бутылка красного вина, купленная в супермаркете по специальному предложению — спасибо. Думал выпить стаканчик перед телевизором под цыпленка из микроволновки и как-то незаметно высосал до донышка, чтобы утопить злость, приглушить боль в сердце, неотступную тоску по детям, снять спазмы в животе при каждой мысли о другом мужчине, который живет с его женой, играет с его детьми, купает их, черт побери. О каком-то скользком ипотечном агенте, которого Гленн уже готов убить. И еще из-за кучи дьявольского вранья в бумагах о разводе, лежащих рядом в белом конверте на пассажирском сиденье.

Днем назначена встреча с солиситором по поводу этих самых бумаг, для дальнейшего обсуждения финансовых обязательств и условий общения с детьми.

Дьявольская несправедливость. Пока полицейский из сил выбивается, рискует жизнью ради предотвращения преступления и поимки преступника, все нравственные принципы вылетают в окошко. Жена не обязана хранить верность — идет куда хочет, трахается с кем пожелает, выгоняет мужа из дома, приводит любовника.

Гленн в полном отчаянии вылез под моросивший дождик, открыл зонт. Одежда тоже не вдохновляет: синий дождевик поверх темного костюма с нехарактерно строгим галстуком, простые черные штиблеты, начищенные, как всегда, до зеркального блеска. Одна из немногих принятых во внимание рекомендаций суперинтендента Грейса по поводу внешнего вида относится именно к подобным случаям.

Слегка оживившись на свежем воздухе, сержант с неприятным предчувствием посмотрел на закрытый подъезд. Здесь всегда пробивает озноб, особенно с похмелья.

Здание морга серее и мрачнее прежнего. Спереди напоминает длинное пригородное бунгало со стенами из бетона с галькой и матовыми окнами, сзади больше похоже на склад — из-за крытых подъездов для незаметной доставки и вывоза трупов. Морг стоит рядом с оживленной Льюис-Роуд в центре Брайтона, отгороженный высокой стеной от соседних домов, а на крутом холме позади расположено молчаливое, заросшее деревьями кладбище Вудвейл.

Сержант задержался, заслышав приближающуюся машину, и вскоре из-за угла вывернула Белла Мой в лиловом «ниссане». Суперинтендент направил ее сюда не только как детектива из отдела тяжких преступлений, но и как опытного специалиста по родственным связям.

Гленн любезно открыл дверцу, накрыл коллегу зонтом. Она поблагодарила, скупо улыбнулась:

— Как поживаешь?

— Пока живой, спасибо.

Интересно, отметил ли зоркий взгляд Беллы, что глаза его налиты кровью? Он явно утрачивает форму, пару месяцев не заглядывал в гимнастический зал, впервые появился намек на брюшко. Подозревая, что изо рта идет запах спиртного, полез в карман за мятной жвачкой, протянул ей — она вежливо отказалась, — бросил в рот подушечку и принялся жевать.

Жалко, что у Беллы, блистательного детектива, катастрофически отсутствует вкус. Приятное лицо портит бесформенная масса темных волос, одежда никудышная, старомодная — мешковатая красная дутая куртка, дедовский костюм-двойка бутылочного цвета, неуклюжие черные ботинки по щиколотку. Никакого стиля, начиная с тусклых часов на поношенном тряпичном ремешке, заканчивая автомобилем — совсем устаревшим, по мнению Гленна.

Похоже, Белла Мой в тридцать пять лет окончательно посвятила жизнь работе и уходу за престарелой матерью, полностью наплевав на свой собственный вид. Если бы он отважился ее модернизировать, как Роя Грейса, то наверняка превратил бы в красивую женщину.

Но даже намекнуть невозможно. В нынешнем политкорректном мире постоянно ходишь по минному полю. Белла может окрыситься, обозвать его женоненавистником.

Они одновременно оглянулись на подъехавший голубой «форд-мондео». Брэнсон узнал сидевшего за рулем констебля Дэна Пейтона из дорожной полиции. Рядом на пассажирском сиденье подозрительно вертит головой высокомерный мужчина лет пятидесяти с прилизанными серебристыми волосами, в профиль смахивающий на барсука; позади него женщина.

Барсук вылез, зевнул, огляделся, моргая. Вид усталый, убитый. На нем дорогое желтовато-коричневое пальто с бархатным воротником, ярко-оранжевый галстук в коричневую полоску, коричневые мокасины с золотыми пряжками, на безымянном пальце перстень с изумрудом в затейливой оправе, лицо желтоватое от искусственного загара и бессонной ночи.

Он только что потерял сына, и, кем бы ни был в американском преступном мире, Гленн невольно пожалел его в этот момент.

Задняя дверца автомобиля распахнулась, как бы взорвавшись, пахнуло духами, сначала показались ноги, потом женщина поднялась в полный рост, оказавшись чуть-чуть выше мужа. Привлекательное, но суровое лицо перекошено от горя; короткие светлые волосы подстрижены по моде и безупречно уложены; от верблюжьего пальто, темно-коричневой сумочки и таких же сапог из крокодиловой кожи веет благополучием и богатством.

— Мистер и миссис Ревир? — уточнил Брэнсон, шагнув вперед, протягивая руку.

Женщина взглянула на него, как на пустое место, презрительно тряхнув головой — должно быть, с чернокожими не разговаривает. Мужчина слегка улыбнулся, кивнул, представился:

— Лу Ревир. Моя жена Фернанда, — и ответил на рукопожатие гораздо крепче, чем ожидалось.

— Сержант Брэнсон и сержант Мой. Мы с констеблем Пейтоном прибыли встретить вас и оказать всемерную помощь. Примите глубочайшие соболезнования. Как долетели?

— Чертовски хреново, если хотите знать, — отрезала женщина, по-прежнему не глядя на сержанта. — Льда нет в самолете. Верите? Нету льда. Одни черствые сэндвичи. Так и будем стоять на проклятом дожде?

— Нет-нет, прошу вас, пройдемте.

— Милая, — пробормотал мужчина. — Милая… — Бросил на детективов виноватый взгляд. — Собрались в последнюю минуту. К счастью, один знакомый собрался лететь, его

самолет уже вышел на взлетную полосу в аэропорту Ла Гуардиа… Иначе мы прибыли бы гораздо позже, если не завтра…

— Отвалили двадцать пять тысяч баксов, а там льда даже нет, — повторила жена.

Невозможно поверить, что мать, потерявшая сына, злится из-за отсутствия в самолете какого-то льда. Впрочем, Гленн Брэнсон дипломатично ответил:

— Очень неприятно, — и направился к моргу, возглавив процессию. Остановился перед маленькой голубой дверью с матовым стеклом под укрепленной наверху камерой наблюдения, нажал кнопку звонка.

Открыл Даррен Уоллес — жизнерадостный парень двадцати пяти лет с черными вздыбленными волосами, смазанными гелем, в голубой униформе с заправленными в резиновые сапоги штанинами, приветливо улыбнулся визитерам.

Запах мигом навалился на Брэнсона, и он, как обычно, с трудом сдержал отрыжку. Сладкий, липкий запах дезинфицирующего средства не полностью маскирует дух смерти, пропитавший все здание. Его неизменно уносишь с собой на одежде.

Прошли через небольшой кабинет, где приезжих представили коронеру Филипу Ки — высокому худому мужчине в темном костюме с симпатичным смуглым лицом с густыми бровями под темными, стриженными ежиком волосами, источающему обходительность и компетентность.

Потом Даррен Уоллес повел их по выложенному кафелем коридору мимо застекленного окна изолятора, поспешно проскочил мимо открытой двери зала для вскрытия, где лежали три обнаженных тела, и ввел в небольшое помещение для совещаний. Там стоял восьмиугольный стол с расставленными вокруг восемью стульями, на стене две пустых белых доски и круглые часы в стальной оправе, которые показывали 7:28.

— Позвольте предложить чаю, кофе? — осведомился Даррен, жестом предлагая садиться.

Американцы покачали головой и остались стоять.

— У вас тут что, забегаловка? — фыркнула Фернанда Ревир. — Я прилетела увидеть сына, а не распивать дерьмовый кофе.

— Милая… — Муж предупредительно поднял руку.

— Перестань талдычить, — приказала она. — Попугай долбаный.

Лу Ревир взглянул на Гленна Брэнсона, Беллу Мой, Дэна Пейтона. К американцам обратился коронер спокойно, но твердо:

— Благодарю за приезд. Понимаю, как вам нелегко.

— Да? — вставила Фернанда Ревир. — В самом деле?

Филип Ки дипломатично промолчал, только выпрямился на стуле. Проигнорировав вопрос, он снова заговорил, переводя взгляд с одного супруга на другого.

— К несчастью, при столкновении ваш сын получил очень тяжелые повреждения. Его уложили так, чтобы травм по возможности не было видно. Возможно, таким вы пожелаете его запомнить. Я бы посоветовал смотреть через окно.

— Я прилетела в чертовскую даль не затем, чтобы смотреть на сына в окно, — заявила Фернанда Ревир ледяным тоном. — Хочу его видеть, ясно? Обнять. Тут адский холод, ему нужна мама.

Присутствующие смущенно переглянулись.

— Да, конечно, — сказал Даррен. — Прошу следовать за мной. Только приготовьтесь, пожалуйста.

Они вошли в спартанскую комнату ожидания с некогда белыми стульями вдоль стен и автоматом с горячими напитками. Полицейские остались в ней, а Даррен ввел Ревиров и

Филипа Ки через дальнюю дверь в узкое помещение, служившее смотровым залом и одновременно церковной капеллой для христиан всех вероисповеданий.

Чтобы хоть слегка создать религиозную атмосферу, нижняя половина стен была отделана деревянными панелями, верхняя выкрашена в кремовый цвет, устроены ложные ниши с искусственными цветами в вазах, на месте алтаря абстрактное изображение золотых звезд на черном фоне из сгустившихся туч. На полках с обеих сторон стоят синие коробки с салфетками для скорбящих посетителей.

В центре на столе угадываются очертания человеческого тела под шелковым кремовым покрывалом.

Фернанда Ревир зарыдала. Муж обнял ее за плечи.

Даррен Уоллес осторожно приподнял покров, обнажив голову юноши, повернутую набок. Он уже научился неплохо справляться почти с любой ситуацией в такой щекотливый момент, но все-таки не может угадать, как кто отреагирует при виде умершего любимого человека. Много раз он слышал материнские вопли, но ничего даже близко похожего на дикий вой этой женщины.

Внутри нее словно разверзлась адская пучина.

25

Прошло больше часа, прежде чем Фернанда Ревир вышла из зала, еле передвигая ноги, поддерживаемая обессилевшим мужем.

Помощник патологоанатома провел обоих к стульям. Фернанда села, вытащила сигареты из сумочки и закурила.

— Прошу прощения, — сказал Даррен, — здесь курить не разрешается. Можно выйти на улицу.

Фернанда глубоко затянулась, глядя на него так, будто он ничего не сказал, выпустила дым и опять затянулась. Брэнсон дипломатично протянул пустую кофейную чашку.

— Вместо пепельницы, — пояснил он, тайком кивнув Уоллесу и своим коллегам.

Лу Ревир заговорил тихо, но уверенно, с легким бруклинским акцентом, будто вдруг овладел ситуацией.

— Нам с женой хочется точно знать, как это произошло. Как погиб наш сын. Вы меня понимаете? Мы слышали только от третьих лиц. Что можете сказать?

Брэнсон и Белла Мой посмотрели на Пейтона.

— К сожалению, мистер и миссис Ревир, — начал представитель дорожной полиции, — у нас еще нет полной картины. В происшествии участвовали три машины. Судя по имеющимся на данный момент показаниям очевидцев, ваш сын выехал с боковой улицы на главную дорогу по встречной полосе прямо на легковой автомобиль «ауди». Водительница, по всей видимости, совершила маневр, избежав столкновения, и врезалась в стену кафе. Впоследствии она не прошла тест на дыхание и была задержана по подозрению в управлении транспортным средством в нетрезвом состоянии.

— Хреновина, мать твою, — выдавила Фернанда перед очередной затяжкой.

— На данном этапе степень ее участия в столкновении четко не установлена, — продолжал Пейтон, глядя в свой блокнот, лежавший на столе. — Видимо, белый «форд-транзит», который следовал за «ауди», проскочил на красный свет и сбил вашего сына. Удар отбросил его на дорогу вместе с велосипедом под колеса автопоезда, двигавшегося во встречном направлении. В результате он получил смертельные травмы.

Последовало долгое молчание.

— Автопоезд? — переспросил Лу Ревир. — Что это такое?

— По-моему, в Америке это называется грузовик с прицепом, — услужливо подсказал Гленн Брэнсон. — Или трейлер.

— Что-то вроде «Мэк Тракс»?[9] — уточнил Ли Ревир. — Действительно очень большой.

— Установлено, — вставил Дэн Пейтон, — что у водителя автопоезда была переработка.

— Что это значит? — спросил Лу Ревир.

— В Соединенном Королевстве строго ограничено количество часов, проведенных шоферами грузовиков за рулем без отдыха. Все рейсы контролирует тахометр, установленный в машине. Обследование автопоезда-рефрижератора, участвовавшего в инциденте, приведшем к гибели вашего сына, показало, что шофер превысил лимит.

Фернанда Ревир швырнула окурок в кофейную чашку, вытащила другую сигарету.

— Потрясающе, — сказала она. — Просто до чертиков. — Задумчиво закурила, наклонила голову, по щеке скатилась одинокая слеза.

— А белый фургон? — задал очередной вопрос ее муж. — Что говорит водитель?

Пейтон пролистал странички блокнота.

— Он скрылся с места происшествия не останавливаясь, и у нас нет его описания. Машину ищут повсюду. Но словесного портрета водителя пока не имеется. Надеемся получить данные с камер наблюдения.

— Давайте проясним, — потребовала Фернанда Ревир. — Одна водительница под мухой, другой шофер превысил допустимый лимит, третий скрылся с места происшествия. Я правильно понимаю?

Пейтон осторожно взглянул на нее.

— Да. Надеемся на поступление новой информации в ходе следствия.

— *Надеетесь?* — Тон едкий, как серная кислота. Она ткнула пальцем на закрытую дверь. — Там мой сын. — Покосилась на мужа. — *Наш* сын. Представляете, что мы сейчас чувствуем?

Пейтон качнул головой:

— Нет, миссис Ревир, не представляю, однако глубоко сочувствую вам, всем вашим родным и близким. Все, что могу сделать я, моя бригада дорожной полиции и наши следователи, — это всеми силами постараться установить факты. Я здесь для того, чтобы ответить на ваши вопросы и заверить, что мы сделаем все возможное для установления фактов, приведших к гибели вашего сына. — Он протянул визитную карточку. — Вот мои контактные телефоны, пожалуйста, звоните в любое время дня и ночи, и я сообщу вам любую полученную информацию.

Фернанда Ревир не притронулась к карточке на столе.

— Скажите, вы когда-нибудь теряли ребенка?

Пейтон какое-то время пристально смотрел на нее.

— Нет. Но я тоже отец. Не представляю, что это такое. Не представляю, что вы переживаете, и даже не пытаюсь представить.

— Да, — холодно кивнула она. — Правильно. Даже и не пытайтесь.

26

Зуб с партнером Йоссарианом сидел на веранде спортивного бара «Укус акулы», выходящей на ручей на южном краю побережья острова Провиденсиалес. Прово, как его называют местные жители, длиной в тридцать миль и шириной в пять, расположен в Карибском море на полпути между Гаити, Ямайкой и Флорида-Кис.[10] Это главный туристический остров в архипелаге Теркс и Кайкос, хотя по-прежнему практически необустроенный, что вполне годится для Зуба. Как только его окультурят, он сразу уедет.

Температура воздуха вечером 36 градусов, влажность высокая. Зуб потеет в отрезанных по колено джинсах, футболке с изображением Джимми Пейджа и шлепанцах. Каждую пару минут бьет москитов, курит «Лаки страйк», пьет бурбон со льдом. Пес сидит рядом, смотрит на мир, время от времени лакает воду из миски на деревянном полу.

В баре «радостный час» начала продажи спиртного, внутренний зал с кондиционерами полон беглых британцев, американцев, канадцев, в большинстве знакомых друг с другом, выпивающих вместе в баре по пятницам. Зуб никогда ни с кем не разговаривает. Сегодня у него день рождения — сорок два. Вполне можно провести его с партнером.

В подарок себе он выбрил голову и трахнулся с черной девчонкой по имени Тиа, которую посещает почти каждую неделю в ночном клубе «Камеос» на дороге к аэропорту. Тиа не интересует, что у него день рождения, Йоссариана тоже! И очень хорошо. Он не любит, когда интересуются.

Из бара раздался взрыв смеха. Пару недель назад тут была перестрелка. Ворвались два гаитянина, размахивая оружием, приказали лечь на пол, выложить бумажники. Пьяный пузатый английский адвокат-экспатриант, в блейзере, белых фланелевых брюках и старом школьном галстуке, выхватил «глок» 45-го калибра и насмерть уложил обоих. Потом крикнул бармену, чтобы подал еще порцию розового джина.

Вот такое заведение.

Вот почему Зуб предпочитает здесь жить. Никто не задает вопросов, всем глубоко плевать. Оставляют Зуба с партнером в покое, и они их тоже. Поселились на первом этаже многоквартирного дома за ручьем, с маленьким садиком, где партнер от души может справлять нужду. Уборщица кормит пса в тех случаях, когда Зуб два-три раза в год отправляется по делам.

Острова Теркс и Кайкос находятся под британским протекторатом, хотя британцы не могут этого себе позволить, и это им абсолютно не нужно. Однако из-за стратегического расположения между Гаити, Ямайкой и Флоридой здесь излюбленная промежуточная остановка торговцев наркотиками и нелегальных гаитянских иммигрантов, пробирающихся в США. Соединенное Королевство делает вид, будто следит за ними, назначило марионеточного губернатора, но в основном предоставляет дело местной коррумпированной полиции. Присутствующие крупные силы береговой охраны США занимаются главным образом происходящим в море.

Дела Зуба никого не занимают.

Он выпил еще два бурбона, выкурил еще четыре сигареты и направился домой с партнером по темной пустынной дороге. Может, это последняя ночь в его жизни, а может быть, нет. Скоро будет известно. Вопрос его действительно не волнует, причем это не пьяный треп. Решать будет тяжелый кусок металла, запертый дома в шкафчике.

Зуб бросил школу в пятнадцать, кочевал какое-то время, очутился в Нью-Йорке, работал сначала посменно на складе, потом сборщиком на авиационном заводе на Лонг-Айленде. Когда Джордж Буш-старший влез в Ирак, записался в армию США, где обнаружил, каким особым талантом его наградила врожденная выдержка. Он оказался на редкость точным стрелком из дальнобойной винтовки.

После двух лет пребывания на театре военных действий командир посоветовал поступить в школу снайперов. Там Зуб нашел свое призвание. На одной стене квартиры развешаны подтверждающие медали. Время от времени он отстраненно на них поглядывает, как на музейные экспонаты, словно они остались от жизни какого-то давно умершего незнакомца.

Среди них взятый в рамку наградной лист за храбрость, полученный за вынесенного с линии огня раненого товарища. Среди прочего там написано: «Великому патриоту Америки».

Несколько лет назад тот самый пьяный английский юрист из спортивного бара «Укус акулы», который насмерть застрелил двух гаитян, настойчиво предложил ему выпить. Сидел, прихлебывая джин, кивал, потом спросил, патриот он или не патриот.

Зуб ответил, что не патриот, и ушел.

А юрист крикнул вслед:

— Молодец! Патриотизм — последнее прибежище негодяев!

Зуб вспомнил эти слова, в последний раз осматривая медали и наградной лист в рамке вечером в свой сорок второй день рождения.

Как всегда в день рождения, он вышел на балкон с партнером, стаканом бурбона, пачкой сигарет и револьвером системы «кольт».

Сидел, курил, пил виски, мысленно подсчитывал финансы. Нынешних денег хватит еще на пять лет. Со временем найдется другой выгодный контракт. На счету в швейцарском банке накоплено около двух с половиной миллионов долларов, которые обеспечат комфортную жизнь, хотя неизвестно, сколько он проживет. Надо заправить горючим двухмоторную яхту в сорок два фута под названием «Дальний выстрел», на которой он добывает основное пропитание.

На яхте идут дни его жизни.

Неизвестно, сколько дней еще отпущено.

Каждый год в день рождения он преподносит себе подарок — играет в русскую рулетку. Заряжает одну пулю из шести, крутит барабан, слушая механические щелчки, подносит к виску дуло, спускает курок — всего один раз. Если боек щелкнет впустую, живет дальше.

Вошел в комнату, отпер шкафчик, вытащил револьвер. В течение последних десяти лет заряжается одна и та же пуля 38-го калибра. Вытряхнул ее на ладонь из барабана.

Десять лет назад сам выпилил на ней надрезы, превратив в разрывную «дум-дум». Два глубоких вертикальных распила на головке. Значит, пуля разорвется при выстреле, пробьет в любой мишени дыру размерами с теннисный мяч. Никаких шансов выжить.

Зуб осторожно сунул пулю на место. Закрутил барабан, прислушиваясь к методичным щелчкам. Может, пуля окажется в стволе, может быть, не окажется.

Потом прижал дуло к виску. Туда, где эффект будет самым убийственным.

И спустил курок.

27

Грейс перенес утренний инструктаж из кабинета Джека Скеррита в конференц-зал, потому что участников стало очень много. Среди них Трейси Стокер, ответственная за место происшествия; Джеймс Гартрел, полицейский фотограф; Пол Тимбер, сержант из отдела дорожно-транспортных происшествий, и Джеймс Лардж из дорожной полиции.

Рой добавил к своей следственной бригаде еще двух сотрудников. Первый — молодой двадцатидвухлетний констебль Алек Дэвис — произвел на него впечатление еще в патрульной полиции. Он быстро перевел его в управление и теперь включил в команду. Поручил спокойному, робкому с виду парню руководить волонтерами из общества содействия полиции, которые прочесывают территорию в миле от места происшествия, надеясь обнаружить записи с других видеокамер.

Второй — Дэвид Хоувс, высокий обходительный констебль лет сорока пяти в сером костюме в тонкую полоску и клетчатой рубашке, с аккуратно причесанными рыжими волосами, вполне может сойти за биржевого брокера или служащего корпорации. Он очень хорош как переговорщик. Раньше курировал места заключения.

Зал вмещает двадцать пять человек, которые могут усесться на жестких красных стульях вокруг прямоугольного стола, и при необходимости еще тридцать могут стоять. Зал

используется также для брифинга, в связи с чем в противоположном конце от видеоэкрана находится доска, выкрашенная в голубой цвет, на которой крупно указан адрес веб-сайта суссекской полиции, номер телефона и красуется надпись «Борцы с преступностью». На этом фоне полицейские чины делают сообщения для средств массовой информации. Жалюзи скрывают удручающий вид на Центр предварительного заключения, высящийся за окном.

На стене рядом с видеоэкраном белая доска, на которой Джеймс Лардж начертил схему расположения участвовавших в аварии автомобилей, сразу после наезда на велосипедиста.

Исчезнувший белый фургон обозначен цифрой 1, педальный велосипед — 2, рефрижератор — 3, «ауди» — 4.

Суперинтендент объявил:

— Восемь тридцать, пятница, двадцать третье апреля. Второе рабочее совещание по операции «Скрипка» — расследованию смерти студента Брайтонского университета Тони Винсента Ревира, — проводится на второй день после его гибели при столкновении на Портленд-Роуд в Хоуве сначала с неустановленным фургоном, затем с грузовиком-рефрижератором Шотландской Северо-западной рыболовной компании. На совещании отсутствуют сержант Брэнсон, констебль Пейтон и сержант Мой, которые в данный момент находятся на опознании тела погибшего его родителями, прилетевшими из Соединенных Штатов.

— По-моему, для начала полезно послушать вас, Пол, — обратился Грейс к сержанту Тимберу.

Тот поднялся.

— Мы ввели всю информацию, полученную из первоначальных свидетельств, отпечатки протекторов и параметры обломков в автоматическую систему, которой пользуемся сейчас для компьютерного моделирования происшествий. Возникли две картины. Первая относится к «ауди».

Пол Тимбер нажал кнопку на дистанционном пульте. На экране возникло условное изображение приближающегося к легковушке автопоезда и неожиданно выскакивающего с боковой улицы, на встречную полосу, прямо на нее велосипедиста. В последний момент велосипедист виляет влево, а «ауди» вправо. Почти в тот же миг белый фургон сбивает велосипедиста, который летит через дорогу и попадает между колесами рефрижератора. Рефрижератор резко тормозит, схематичная фигурка зажата под колесами, откуда вылетает оторванная правая нога.

Оживление стихло, установилась тишина.

Ее прервал Грейс, повернувшись к инспектору дорожной полиции Ларджу:

— Джеймс, по этой модели не похоже, чтобы миссис Карли Чейз в «ауди» хоть как-нибудь задела Ревира.

— Согласен, основываясь на полученных до сих пор показаниях. Только я не уверен, что мы видим историю полностью. Возможно, женщине в «ауди» просто не повезло — пришлось сдавать алкотест наутро после возлияний. Хотя на данной стадии рано исключать ее из числа потенциальных виновных.

Грейс перешел к ответственной за место происшествия:

— Что у вас, Трейси?

Трейси Стокер, старший криминалист, чуть выше пяти футов ростом, обладает энергией миниатюрной электростанции и является самым уважаемым в брайтонской полиции специалистом в своей области. Миловидное лицо обрамляют прямые темные волосы; сегодня она в штатском — в синем брючном костюме с серой блузкой. На шнурке на шее висит стандартная идентификационная карточка с бело-голубой надписью: «Служим Суссексу».

— Да, шеф, кажется, есть нечто существенное. Обнаружены обломки бокового зеркала, по нашему предположению с «форда-транзит», участвовавшего в столкновении. На них серийный номер. По этому номеру компания «Форд» установила год выпуска — две тысячи шестой. Сейчас я ожидаю от них сообщения о номерных знаках и цвете фургонов, выпущенных в том году, а также о местах их поставки.

— Наверняка тысячи, правда? — вставил Ник Николл.

— Да, — подтвердила Трейси Стокер и добавила: — Возможно, видеокамеры засекли какой-нибудь фургон с одним зеркалом. Само зеркало разбито; я попросила проанализировать отпечатки с оправы. Водители поправляют боковые зеркала, так что у нас хороший шанс получить нужный результат, хотя наверняка уйдет время. Пластмасса под дождем намокла, а это и в лучшем случае не самый подходящий материал для четких отпечатков.

— Спасибо, Трейси, хорошо поработали. — Суперинтендент посмотрел на Алека Дэвиса. — Не повезло пока с видеокамерами?

Юный констебль покачал головой:

— Нет, сэр. Мы посмотрели все, снятое в нужном ракурсе и на соответствующем расстоянии, но деталей еще недостаточно.

В этот момент Рой вспомнил о Клио, что бывает буквально через каждые пять минут. Сегодня он уже с ней разговаривал и с радостью отметил, что голос чуть лучше вчерашнего. Будем надеяться, завтра она сможет вернуться домой. Он смотрел на констебля, не понимая, что тот говорит. Пришлось извиниться и просить повторить.

Тот повиновался.

— Хорошо, Алекс. По-моему, надо пошире раскинуть сеть. Если фургон ехал на скорости тридцать миль в час, то проезжал милю за две минуты. Расширьте поиск до радиуса в десять миль, сообщите, сколько людей для этого понадобится, и я выделю.

Норман Поттинг поднял руку, Грейс кивнул.

— Босс, с учетом поступившей вчера информации насчет связи семьи покойного с нью-йоркской мафией, не стоит ли заподозрить тут нечто большее, чем рядовое дорожно-транспортное происшествие? Знаю, мы ищем фургон, который совершил наезд и скрылся, а вдруг это *наезд* в другом смысле?

— Хорошее замечание, Норман, — согласился суперинтендент. — Лично я пока не вижу никаких признаков гангстерских разборок. Однако надо убедиться, что эта смерть не связана с мафией. Необходимо собрать надлежащую информацию. — Он взглянул на аналитика-криминалиста Эллен Зоратти, достойную во всех отношениях двадцативосьмилетнюю женщину, которую он также привлек в команду. — Эллен уже связалась с нью-йоркской полицией, чтобы выяснить, не возникало ли каких-нибудь конфликтов между членами семьи Тони Ревира, его матери, принадлежавшей к семье Джордино, и других криминальных семей.

У Грейса зазвонил телефон. Извинившись, он ответил. Оказалось, что помощник главного констебля Ригг желает его немедленно видеть. Голос невеселый.

Рой обещал прибыть через полчаса.

28

Мэллинг-Хаус — штаб-квартира суссекской полиции — находится в пятнадцати минутах езды от офиса Грейса. Расположенный на окраине Льюиса — главного города графства Восточный Суссекс, этот комплекс современных и старых построек вмещает главным образом администрацию и высшее руководство, управляющее пятью тысячами полицейских и служащих.

Остановив серебристый «форд-фокус» перед контрольным шлагбаумом, Грейс почуял порхающих в желудке бабочек, как в школе, когда его вызывали к директору. Ничего не

поделаешь. Так бывает при каждом визите сюда, хотя новый босс Питер Ригг, перед которым он теперь отчитывается, гораздо благожелательнее своей предшественницы, ядовитой и непредсказуемой Элисон Воспер.

Грейс кивнул охраннику и, резко свернув вправо мимо базы дорожной полиции и курсов вождения, въехал на крытую стоянку. Попробовал позвонить Брэнсону за свежей информацией, но попал на автоответчик. Оставил сообщение. Попытался поймать Беллу Мой, тоже безуспешно. И зашагал вдоль комплекса, склонив голову под упорной моросью.

Кабинет Питера Ригга находится на нижнем этаже в передней части главного здания — красивого особняка в стиле королевы Анны. За большим окном открывается вид на гравийную подъездную дорожку и круглый газон за ней. Как и во всех других помещениях, в кабинете чудесная деревянная резьба, прекрасная лепнина, впечатляющий потолок, тщательно отреставрированный после пожара, едва не уничтожившего постройку несколько лет назад. Поскольку помощник главного констебля приступил к обязанностям лишь в начале года, пока известно только, что Грейс произвел на него впечатление, можно сказать, понравился. В то же время в присутствии босса он как бы ходит по стеклу.

Ригг — элегантный, даже изысканный мужчина сорока пяти лет, со здоровым цветом лица, аккуратно и консервативно подстриженными светлыми волосами, резким учительским голосом, ростом на несколько дюймов ниже суперинтендента, но идеальная выправка придает ему военный вид, отчего он кажется высоким. Одет в простой синий костюм с клетчатой хлопчатобумажной рубашкой и полосатым галстуком. Стены его кабинета украшают многочисленные снимки гоночных автомобилей.

Когда Грейс вошел, он говорил по телефону, но приветственно махнул, указывая на пару кожаных кресел перед огромным столом из розового дерева. Прикрыв трубку ладонью, он предложил чего-нибудь выпить.

— Спасибо, сэр… Хорошо бы кофе, крепкого с молоком.

Ригг повторил заказ в трубку то ли своей секретарше, то ли дежурному офицеру, разъединился и улыбнулся. Манеры приятные, но деловые, без чепухи. Грейс сразу увидел в нем потенциального главного констебля. К чему сам никогда не стремился, зная, что не обладает достаточным самоконтролем для неизбежных политических игр. Ему нравится быть действующим детективом, это он лучше всего умеет и больше всего любит.

В принципе скорее предпочел бы остаться инспектором, как пару лет назад, находясь на передней линии расследования, чем выступать в своей нынешней роли. Повышение в суперинтенденты и недавнее назначение руководителем отдела тяжких преступлений требует от него навыков бюрократа и политика, в чем он не мастер. Но порой, когда очень хочется, можно еще закатать рукава и приняться за дело. Никто его не остановит. Единственное препятствие — вечно растущая гора бумаг в кабинете.

— Я слышал, ваша подруга в больнице, Рой, — сказал Ригг.

Грейс удивился осведомленности начальника.

— Да, сэр. Осложнения в ходе беременности. — На глаза попались две фотографии в рамочках на письменном столе. На одной уверенный подросток с лохматыми светлыми волосами в регбистской форме смеется так, будто ему нет никакого дела до внешнего мира; на другой девочка лет двенадцати в сарафане, с длинными светлыми кудрями и белозубой улыбкой. Кольнула зависть. Возможно, если повезет, у него на столе тоже будут стоять подобные снимки.

— С сожалением слышу, — кивнул Ригг. — Если понадобится свободное время, предупредите. Какая неделя?

— Двадцать пятая.

Босс нахмурился:

— Ну, будем надеяться, все обойдется.

— Спасибо, сэр. Завтра она вернется домой, похоже, непосредственная опасность миновала.

Вошла секретарша с кофе для Грейса. Ригг взглянул на лист бумаги с отпечатанным текстом и его поправками от руки.

— Операция «Скрипка»… — задумчиво проговорил он и с усмешкой поднял глаза. — Приятно, что у нашего компьютера есть чувство юмора.

Пришла очередь Грейса хмуриться.

— Чувство юмора?..

— Помните фильм «Некоторые любят погорячее»? Там гангстеры носят автоматы в скрипичных футлярах…

— Ах да, конечно! Мне как-то в голову не пришло. — Грейс тоже усмехнулся, и вдруг в груди неприятно кольнуло. Это был самый любимый фильм Сэнди на все времена. Они вместе смотрели его в каждое Рождество при повторах по телевизору. Она идеально повторяла некоторые реплики. Особенно последнюю: «Что ж, у каждого свои недостатки!»

Помощник главного констебля перестал улыбаться.

— Рой, меня беспокоит связь мафии с этим делом.

Грейс кивнул.

— Родители сейчас здесь… осматривают тело.

— Знаю. Мне не нравится, что мы попадаем на незнакомую территорию. По-моему, тут кроется потенциальная опасность.

— В каком смысле?

Задав вопрос, Грейс сразу понял, что спрашивать не следовало, однако уже поздно, слово вылетело.

Ригг помрачнел.

— Кризис в разгаре, бизнес в городе страдает. Туризм сокращается. Брайтон не одно десятилетие пользуется нежелательной репутацией «криминальной столицы Англии», мы стараемся исправить положение, заверяя, что посещение нашего города столь же безопасно, как любого другого на планете. Меньше всего хочется видеть газетные заголовки насчет проклятой американской мафии.

— У нас налажены хорошие отношения с «Аргусом»… наверняка можно держать этот аспект под контролем.

— Вы уверены? — Ригг помрачнел. Грейс впервые видел у босса такое выражение лица.

— По-моему, можно, сэр, если обращаться с местными акулами пера осторожно и информировать раньше, чем национальную прессу.

— Что тогда скажете по поводу вознаграждения?

Грейс как будто получил удар паровым молотом по макушке.

— Чего?.. — удивился он.

— Вознаграждения.

— Простите, сэр… не понимаю.

Ригг протянул руку к компьютеру на столе, стукнул по клавишам, указал на монитор.

Грейс увидел шапку электронной версии «Аргуса», набранную черными буквами и подчеркнутую красной чертой. Ниже шла строка: «Последние заголовки на 9:25».

«Дочь босса мафии предлагает вознаграждение в $100 000 за убийцу сына».

Сердце сжалось. Он продолжил читать дальше.

«Фернанда Ревир, дочь „крестного отца" нью-йоркской мафии Сола Джордино, отбывающего в настоящее время за убийства восемь пожизненных сроков, нынче утром заявила репортеру „Аргуса" Кевину Спинелле у ворот брайтонского морга, что предлагает $100 000 за информацию, которая позволит установить личность водителя фургона, виновного в гибели ее сына Тони двадцати одного года, студента Брайтонского университета, который был сбит вчера на велосипеде в ходе ДТП с участием автомобиля „ауди", вышеозначенного фургона и автопоезда-рефрижератора на Портленд-Роуд в Хоуве.

Полиция разыскивает свидетелей. Инспектор Джеймс Лардж из дорожной полиции Хоува говорит: „Мы разыскиваем водителя белого фургона „форд-транзит", участвовавшего в инциденте и поспешно скрывшегося с места происшествия. Это жестокое бессердечие"».

— Знаете, что мне особенно не нравится, Рой? — спросил Ригг.

— В объявлении, сэр?

Ригг кивнул.

— *Установить личность.* Вот что меня особенно беспокоит. Обычно просят информацию, которая поможет *задержать виновного и предать правосудию.* Мне не нравится, что запрашивается информация, которая позволит *установить личность.* Наводит на мысль о самосуде.

— Возможно, мать просто расстроена… устала после долгого перелета… не совсем точно выразилась… — Даже не договорив, Грейс понял, что предположение слабоватое.

Ригг укоризненно посмотрел на него.

— В прошлый раз вы меня уверяли, что этот репортер Спинелла у вас в кармане.

В данный момент Рой готов был убить Спинеллу голыми руками. Оторвать яйца, забить в глотку.

— Не совсем, сэр. Я сказал, что наладил с ним хорошие рабочие отношения, но меня тревожит, что у него есть «крот» в суссекской полиции. По-моему, это вновь подтвердилось.

— Для меня подтвердилось кое-что другое.

Грейс взглянул на начальника и вдруг почувствовал себя плоховато.

— Видимо, — продолжал Ригг, — моя предшественница Элисон Воспер была права, посоветовав внимательно за вами присматривать.

29

Грейс выехал из Льюиса и запетлял по окраинам Брайтона, направляясь к больнице, кипя гневом, переживая жестокое унижение.

Все добрые отношения с помощником главного констебля Риггом, налаженные при расследовании предыдущего дела, когда он охотился за сексуальным маньяком, рассыпались в пух и прах. Он-то надеялся, что призрак Элисон Воспер навсегда испарился, и теперь с ужасом понял, что, удалившись, она оставила за собой неизгладимый ядовитый след.

Он набрал свободной рукой номер мобильника Кевина Спинеллы. Репортер «Аргуса» ответил почти сразу.

— Ты только что лишился всякого доверия с моей стороны и со стороны управления, — в бешенстве объявил Рой.

— Суперинтендент Грейс?.. Что… в чем дело? — Тон Спинеллы был не слишком уверенным.

— Отлично знаешь, черт побери, что дело в твоей болтовне на первой странице!

— А… ох… да…

В трубке слышится чавканье жевательной резинки.

— Даже не верится в такую чертовскую безответственность!

— Заметку опубликовали по просьбе миссис Ревир.

— Не потрудившись поговорить ни с одним следователем?

Наступило молчание. Потом Спинелла пробормотал, все еще довольно робко:

— Не думал, что это обязательно.

— О последствиях тоже не думал? Полиция предлагает вознаграждение в пределах пяти тысяч фунтов. Чего хочешь добиться? Чтобы в Брайтон хлынули самодеятельные охотники за наградой, разъезжая в пикапах, набитых автоматами под самую крышу? Возможно, в своей стране миссис Ревир так дела делает, но у нас это не принято. Ты с твоим опытом должен знать.

— Простите, если я вас рассердил, суперинтендент.

— Знаешь что? Судя по тону, ты вовсе не чувствуешь себя таким уж виноватым, но почувствуешь, когда рикошетом ударит, это я обещаю.

Грейс разъединился и занялся пропущенным звонком Гленна Брэнсона.

— Эй, старик! — воскликнул сержант, не дав ему даже слова сказать. — Слушай, я сейчас кое-что понял. Операция «Скрипка» — дьявольски остроумно! Вполне годится для нью-йоркской мафии.

— «Некоторые любят погорячее»? — вставил Грейс.

Брэнсон был страшно разочарован.

— А… уже достукал…

— Угу. Прости за испорченное утро. — Рой решил не упускать редкий случай, когда удалось обойти друга в сфере кино, не открывая источник информации, и быстро сменил тему: — Что происходит?

— Этот говнюк Спинелла отловил нас на выходе из морга. По-моему, кое-что будет в вечернем «Аргусе».

— Кое-что уже есть в Интернете, — сообщил Грейс и пересказал заметку, неприятный разговор с Риггом, беседу со Спинеллой пару минут назад.

— К сожалению, я ничего не мог сделать, босс. Гад стоял у ворот, точно знал, кто выйдет, и отвел их в сторонку.

— Кто его наводит?

— О приезде родителей многие знали. Не только в управлении… может быть, и в отеле. Одно могу сказать про Спинеллу — трудяга.

Суперинтендент помолчал. Конечно, вполне может быть кто-нибудь из отеля. Портье или носильщик, пользующийся возможностью время от времени заработать, продавая газетчику информацию. Не исключено, что так и есть, хотя это не совсем объясняет, почему Спинелла *всегда* появляется в нужном месте в нужное время.

У него должен быть осведомитель, имеющий доступ к внутренней информации.

— Где сейчас родители?

— С коронером и с Беллой Мой. Недовольны, что тело им сразу не выдали, вопрос будет решать коронер.

— Что за люди? — спросил Грейс.

— Отец нормальный, довольно чувствительный, потрясен до глубины души. Мать — отрава. Но ведь она опознавала покойного сына, правда? Не тот момент, чтобы о ком-то судить. Кто знает? Только она точно ходит в штанах, и я бы назвал ее Царицей Ада.

Грейс ехал к западу по шоссе А27. Слева кампус Брайтонского университета. Он свернул к Фолмеру, миновав корпуса, где учился погибший парень, и впечатляющий строящийся стадион «Американ экспресс», который нравится ему все больше по мере обретения формы, хотя он не поклонник американского футбола.

— Насчет заметки Спинеллы о вознаграждении… Ты видишь что-нибудь нехорошее в предложении денег за информацию, которая позволит установить личность водителя, а не задержать и отдать под суд? — спросил он.

Вопрос был встречен молчанием, и Рой понял, что связь прервалась. Дотянулся до радиотелефона и перезвонил. Повторил вопрос ответившему Гленну, упомянув об опасениях помощника главного констебля.

— Что он имеет в виду под *потенциальной опасностью*? — уточнил сержант.

— Не знаю, — честно признался Грейс. — По-моему, очень многие нервничают при упоминании мафии. На начальство давят, требуют избавить Брайтон от исторического имиджа курорта, где кишмя кишат преступники, поэтому, как я догадываюсь, хотят максимально притушить связи с мафией.

— Я думал, нью-йоркская мафия ослабла раз в десять.

— Не такая могущественная, как раньше, но по-прежнему в игре. Надо быстро найти белый фургон и взять водителя под арест. Это остудит горячие головы.

— То есть арестовать для обеспечения безопасности, босс?

— Ты просмотрел столько фильмов про мафию, — напомнил Грейс. — Дай волю воображению.

— Сто кусков, — проговорил Гленн Брэнсон, подражая герою «Крестного отца», как бы набив рот камешками. — Похоже на предложение, от которого никто не сможет отказаться?

— Закрой варежку, — не слишком любезно ответил Грейс, хоть в душе понимал, что сержант, скорее всего, прав.

30

Лу Ревир не любит, когда жена напивается, а в последние годы, когда трое детей выросли и разъехались, Фернанда крепко прикладывается к бутылке почти каждый вечер. Для нее стало нормой пьяно шататься по дому после восьми.

Напившись, она становится еще сварливее, начинает винить Лу во всем, что взбредает ей в голову, во всем, что ее не устраивает. То ругает за слишком высоко укрепленный на стене телевизор, из-за чего приходится больно вытягивать шею, то за разбросанный по полу костюм для гольфа, но чаще всего за то, что младший сын Тони, в котором она души не чает, уехал жить в Англию с каким-то куском дерьма.

«Будь ты *мужчиной*, — кричала она, — топнул бы ногой, заставил его закончить учебу в Америке. Мой отец никогда не позволил бы сыну уехать!»

Лу пожимал плечами и отвечал: «Сейчас совсем другое поколение. Дети делают то, что хотят. Тони мальчик умный, самостоятельный, ему нужна независимость. Я тоже по нему скучаю, но он правильно сделал».

«Правильно сделал, что бросил семью? — вопрошала она. — Ты ведь *мою* семью имеешь в виду?»

Именно, только сказать об этом он никогда не посмеет. Хотя в душе надеялся, что мальчик, уехав, вырвется из когтей семьи Джордино. Порой жалеет, что самому храбрости не хватило. Теперь уже поздно. Глубоко увяз в этой жизни. В ней немало хорошего. Он богаче, чем в самых безумных фантазиях. Ладно, богатство еще не все, деньги, которыми он распоряжается, грязные, а иногда кровавые. Однако так уж мир устроен.

Кроме того, он любит жену, несмотря на нестерпимо вздорный характер. Гордится ее внешностью, роскошными приемами, которые она устраивает; тем, что до сих пор безумствует в постели, когда не успевает впасть в пьяный ступор.

Конечно, надо признать, ее связи не причинили конкретного вреда его карьере.

Лу Ревир начинал бухгалтером, получив степень в Гарварде. Несмотря на принадлежность к нью-йоркскому криминальному семейству, соперничавшему с Джордино, он поначалу не собирался связываться с преступным миром. Все переменилось в тот вечер, когда он встретился с Фернандой на благотворительном балу. А был он в то время красивым и стройным. Ей особенно понравилось, что он ее смешил, и еще в нем была некая внутренняя сила, напоминавшая ей собственного отца.

На Сола Джордино произвело впечатление спокойное стратегическое мышление Лу, и он был не прочь укрепить связи с семьей Ревир. Желая своей дочери самого лучшего, он решил помочь парню, за которого она собралась замуж. Возможно, и тот, в свою очередь, будет ему полезен.

За пять лет Лу Ревир стал главным финансовым консультантом криминальной семьи Джордино, отмывая сотни миллионов долларов прибыли от наркотиков, проституции, поддельных фирменных товаров и компьютерного мошенничества. В течение следующих двадцати с лишним лет он выгодно вкладывал деньги в законное предпринимательство, наиболее успешно проявившееся в создании целой империи по утилизации отходов, протянувшейся через Соединенные Штаты Америки и Канаду, а также распространении порнографических фильмов. А еще он значительно умножил собственность семьи, главным образом за рубежом, в развивающихся странах, включая Китай, Румынию, Польшу и Таиланд.

В тот период Лу хитро прикрыл свою задницу, а также своих ближайших родственников. Когда Сола Джордино впервые судили за уклонение от налогов, Лу никто не тронул. Близкий сподвижник Сола, потеряв все деньги, пошел на сделку со следствием и целых три месяца давал показания против «крестного отца». В результате дело, начинавшееся как налоговое, закончилось обвинением Джордино в семнадцати убийствах по предварительному сговору. Ему предстоит умереть в тюрьме, и если такой итог жизни волнует старого волка, то он этого не показывает. Когда газетный репортер спросил, как он относится к тому, что живым не выйдет на свободу, старик буркнул: «Надо ж где-то умереть».

Фернанда уже напилась. Экипаж самолета «Гольфстрим», стараясь извиниться за неудобства на пути в Англию, запасся на обратный рейс водкой «Серый гусь», льдом и клюквенным соком, а также разнообразной едой, к которой она не притронулась. К концу семичасового перелета прикончила одну бутылку, принялась за другую. Держала в руке стакан, даже когда самолет коснулся посадочной полосы в аэропорту Рипаблик в Ист-Фармингдейле в 14:15 по местному времени.

Лу помог ей спуститься по невысокому трапу. Она почти не понимала, что происходит, когда они проходили иммиграционный контроль, и через пятнадцать минут уже рылась в баре лимузина «линкольн», который повез их в Ист-Хэмптон.

— Может, хватит, милая? — сказал Лу, удержав жену за руку.

— Мой отец знал бы, что делать, — пробормотала она в ответ. — Ты ничего не знаешь, правда? — И принялась неловко возиться с айфоном, глядя в адресную книгу на имена и номера, слегка расплывавшиеся в глазах. Наконец нашла имя брата.

Фернанда была еще достаточно трезвой, чтобы убедиться, что стекло, отделявшее их от шофера, поднято, интерком отключен, и поднесла трубку к уху, ожидая ответа.

— Кому звонишь? — спросил Лу.

— Рики.

— Ты ведь ему уже сообщила, правда?

— Звоню не для известий. Надо, чтоб он кое-что сделал. Вот дерьмо, — резко выдохнула Фернанда. — Чертов автоответчик… Рики, это я, перезвони, надо срочно поговорить! — приказала она и разъединилась.

Лу взглянул на нее.

— О чем? — Брат Фернанды настоящий слизняк. Ленивый, самодовольный, грязный. Унаследовал безжалостную жестокость отца, но ни капли его ума и хитрости. Лу терпит Рики только потому, что нет другого выбора, но симпатии никогда не питал.

— Объясняю, — с трудом выдавила Фернанда. — О пьяной бабе за рулем, о проклятом шоферюге в фургоне, который не остановился, о грузовике, которого вообще не должно было быть на той самой дороге. Вот о чем.

— И что должен сделать Рики?

— Должен кого-то знать.

— Кого?

Фернанда повернулась, взглянула на мужа — взгляд острый, пронзающий, как сверло.

— Мой сын мертв. Мне нужна та самая пьяная сука, тот самый водитель фургона и тот дальнобойщик, которые его убили. Понятно? Хочу, чтобы они помучились.

31

Бегло просмотрев подготовленные к инструктажу заметки, Рой Грейс обратился к своей команде:

— Восемь тридцать, суббота, двадцать четвертое апреля. Четвертое совещание по операции «Скрипка» — расследованию смерти Тони Ревира — проводится в начале третьего дня после происшествия.

Что нынче выходной, не имеет значения. На первых неделях после любого серьезного случая команда работает бесперебойно, хотя при нынешнем дефиците финансов за внеурочной работой следят более пристально.

На вчерашнем вечернем инструктаже констебль Алек Дэвис прокрутил запись с камеры наблюдения на зоомагазинчике напротив места происшествия. Кадры крупнозернистые, но четко видно, что столкновения велосипедиста с «ауди» не было, хотя они едва разминулись. Инспектор Джеймс Лардж из дорожной полиции подтвердил, что после дальнейших бесед с миссис Карли Чейз и осмотра ее автомобиля можно положительно утверждать, что она юношу не сбивала. Поэтому ей не предъявят других обвинений, кроме вождения в нетрезвом виде.

Рой догадался, что миссис Чейз ошибочно думала, как многие другие, будто спиртное к утру исчезает из крови.

Гленн Брэнсон и Белла Мой осведомили команду о визите родителей погибшего в морг. Описали, что́ Ревиры увидели и как себя вели. Ни Гленн, ни Белла не заметили по их поведению ничего, что свидетельствовало бы об иных причинах происшествия, кроме трагической случайности. Безусловно, они не приписывают смерть сына сознательному *наезду.*

Единственная проблема с Ревирами в том, доложил Брэнсон, что они рассердились, не получив возможности увезти с собой тело сына, которое будет подвергнуто повторному вскрытию. Коронер Филип Ки объяснил, что это в их же интересах. Если водитель фургона будет найден и отдан под суд, защитник не обязательно согласится с результатами первого вскрытия.

В ответ отец Тони заявил по-простому, что для обнаружения причин смерти их сына не требуется никакой долбаный Шерлок Холмс.

Грейси Стокер подняла руку, и Грейс подал ей знак.

— Шеф, мы с Филипом объяснили родителям, что, независимо от необходимости повторного вскрытия, коронер выдаст тело только после получения результатов токсикологических анализов. Их придется ждать минимум две недели, если не больше. Тони Ревир выехал на встречную полосу, поэтому я предполагаю, что вечером он мог употреблять спиртное или наркотики.

— Можно сделать полное токсикологическое обследование, Рой? — спросил Дэвид Хоувс.

Власти потребовали от главного констебля Тома Мартинсона срезать годовой бюджет полиции на 35 миллионов фунтов. Управлению приказано отсылать в лабораторию только самое важное, ибо любое криминалистическое исследование слишком дорого стоит. Полный токсикологический анализ, включающий глазную жидкость, обходится в две с лишним тысячи.

В обычных обстоятельствах Грейс постарался бы сэкономить эти деньги. Велосипедист явно нарушил правила дорожного движения. Женщина за рулем «ауди», превысившая лимит спиртного, судя по видеозаписи, в столкновении не участвовала. Только водителю фургона, проехавшему на красный, будут предъявлены серьезные обвинения. Что касается шофера автопоезда, то он хоть и переработал, никак не мог избежать столкновения. Результаты токсикологии к этим фактам ничего не добавят, разве что объяснят, почему велосипедист выехал на встречную полосу. Однако защита водителя фургона может воспользоваться недостатком свидетельств.

Вдобавок обстоятельства не обычные. Родители погибшего злятся, что в данном случае естественно, но не могут ли они каким-нибудь образом выместить злость. С полной уверенностью можно сказать одно — они отправились прямо к своим нью-йоркским юристам. Том Мартинсон попадет в безвыходное положение. Если со стороны родителей хлынет поток обвинений против женщины в «ауди», водителя исчезнувшего фургона и шофера автопоезда, в полицию первым делом нагрянут представители страховых компаний, желая увидеть, что сделано для установления степени виновности велосипедиста. И зададут множество неприятных вопросов насчет полного токсикологического обследования.

— Можно, Дэвид, — ответил Грейс. — К сожалению, даже нужно. — Он изложил команде свои соображения и сменил тему: — С удовольствием сообщаю о возможном прорыве нынешним утром. Отпечатки пальцев, снятые с разбитого зеркала, предположительно сорванного с дверцы фургона при наезде на велосипедиста, идентифицированы.

Все взгляды устремились на суперинтендента. В зале воцарилась полная тишина. Вдруг раздалась мелодия из «Индианы Джонса» с мобильника Нормана Поттинга. Он ее заглушил, пробормотав извинения. Потом зачирикала трубка констебля Дэвиса, который взглянул на дисплей и тоже поспешно нажал на кнопку.

— Отпечаток принадлежит Ивену Прису, тридцати одного года, осужденному за торговлю наркотиками и в данный момент отбывающему последние три недели из шестилетнего срока в тюрьме Форд, — объявил Грейс. — По программе реабилитации его выпускают на день для работ на строительной площадке в Арунделе. В среду, двадцать первого апреля, он не вернулся к вечерней поверке. Я справился в Суонси насчет зарегистрированных на его имя машин, она только одна — «фиеста» восемьдесят четвертого года, без страховки и налоговых деклараций, разбившаяся и утонувшая несколько месяцев назад.

— А ведь я его знаю, — сказал Норман Поттинг. — Ивен Прис. Гаденыш. Когда-то давно я его прищучивал за угон автомобилей.

— А сейчас ничего не слышал? — спросил Грейс. — Где он может быть? Зачем бежать за три недели до выхода?

— Знаю, у кого можно спросить, шеф.

Рой сделал пометку.

— Хорошо. Постарайся. Я как раз перед совещанием разговаривал с Лизой Сеттерингтон из Форда. Говорит, Прис в тюрьме был чистым золотом. Сам решил учиться на штукатура.

Говорит, хорошо его знает, и он, по ее мнению, никогда бы не пошел на побег. Для него это нехарактерно.

— Нехарактерно для поганца вроде Приса? — фыркнул Поттинг. — Помню его в пятнадцать лет. Я тогда был в совместной команде.[11] Ему было сделано официальное предупреждение, чтоб не якшался с шайкой сопляков, которые катались на угнанных машинах. Я его пожалел, пристроил к столярам в мастерскую, а он даже на собеседование не явился. Через какое-то время остановил его с двумя корешами, спросил, почему не пошел. Он сплел байку, будто его родителей выселили из муниципального дома. — Сержант покачал головой. — Не так просто выселить кого-то из муниципального дома с маленькими детьми. И родители у него были дерьмовые. У Приса никогда не было ни единого шанса. А я думал, может, порядочный парень, мне его было жалко. Поспорил на десятку, что к шестнадцати сядет в тюрьму. Он принял пари.

Белла Мой недоверчиво покосилась на Поттинга:

— Ты свои деньги поставил?

Поттинг кивнул:

— Знал, что не проиграю. Его взяли через полгода за угон машины. Не удивляюсь такому концу.

— Он с тобой расплатился? — спросил Дэвид Хоувс.

— Ха-ха, — ответил Поттинг.

Неожиданно вмешался Ник Николл:

— Босс, может, было бы неплохо пустить по тюрьме слух о вознаграждении. Может, там кто-то знает, что Прис задумал. Заключенные в курсе, кто чем занимается.

— Хорошая мысль, — кивнул Грейс. — Поезжай туда, Норман, взгляни, кто с тобой согласится поговорить.

— Сделаю, шеф. Знаю, с кем в Брайтоне поговорить для начала. Такой олух, как Ивен Прис, надолго не скроется.

— Особенно когда на нем висит ярлычок с суммой в сто тысяч долларов, — заметил суперинтендент.

32

Зуб встал на рассвете, как каждое утро, пока солнце не раскалилось. Пробежал обычный круг в десять миль по выжженным холмам неподалеку от дома — на нем была майка, шорты и кроссовки, партнер маячил рядом.

Вернувшись домой через полтора часа, покачал спортивные снаряды в гимнастическом зале, устроенном в небольшой свободной комнате с кондиционером. Йоссариан терпеливо ждал завтрака. Потом потренировался в боевых искусствах. Порой, находясь за вражеской линией, стрелять непрактично. Зуб отлично справляется голыми руками. Предпочитает руки ножам. Голыми руками можно причинить гораздо больше вреда, если знать, куда направить их силу. Скажем, пробить барабанные перепонки, выткнуть глаза, оторвать мошонку. Заставить помучиться по-настоящему, прежде чем убивать. Причем не останется ни капли крови.

Он отрабатывает движения в гимнастическом зале. Особенно разрабатывает плечевые мышцы, бицепсы, трицепсы, колотя боксерскую грушу с грузом на руках, занимается кистями и пальцами, укрепляя хватку. Пусть он маленький, разнесет кирпич в пыль ребром правой и левой ладони.

Покончив с гимнастикой, принял душ, насыпал сухой корм в миску партнера, открыл банку рыбных консервов, вывалил туда же, выставил на балкон, через пару минут вышел сам с собственным завтраком. Ел энергетический порошок, разведенный водой, рассеянно

поглядывая на тихие воды, на яхты, стоявшие вдоль причала ниже таверны «Укус акулы», читал сегодняшнюю «Нью-Йорк таймс» на своем портативном компьютере.

День прекрасный, как почти каждый здешний день, прогноз на погоду в море хороший. Они с Йоссарианом выйдут в море на «Дальнем выстреле», включат гидролокатор и начнут рыбачить. Всем, что будет поймано, он поделится с партнером. Вместе живут этой дерьмовой жизнью и заботятся друг о друге.

Однажды несколько месяцев назад местный вонючка забрался в квартиру, когда Зуб отправился за покупками. Забраться просто — дверь внутреннего дворика остается открытой на террасу первого этажа на случай, если Йоссариан, который любит спать в тени внутри, захочет облегчиться. О вторжении стало известно по четырем откушенным пальцам в лужице крови на кафельном полу возле обеденного стола. Партнер свое дело сделал.

Перед рыбалкой еще одно. Ритуал, совершаемый каждое утро после дня рождения. Жизнь проста, если заботишься о тех, кто заботится о тебе. Он заботится о партнере и о револьвере системы «Кольт».

Вот и теперь вытащил его из запертого шкафчика, положил на газету, начал разбирать. Приятно прикосновение к тяжелому металлу. Приятно видеть перед собой, как разъятый скелет, рамку, ствол, щечки рукоятки, барабан, спусковую скобу. Приятно знать, что неодушевленная, идеально сконструированная машина вместо него решает, когда ему жить и когда умереть. Приятно снять с себя всякую ответственность.

Он капнул машинное масло на тряпочку, протер ствол. Запах машинного масла приятен, как для некоторых запах тонкого вина. Он видел по телевизору винных экспертов, толкующих о нотках кедра, сигары, перца и корицы, крыжовника, лайма и цитрусовых. У масла металлический привкус с оттенком льняного семени, меди, гнилых яблок. Он так же прекрасен, как у доброго вина.

Сколько времени проведено в одиночестве на вражеской территории с винтовкой и револьвером… Запах оружия и машинного масла, которое его питает и смазывает, действует на него сильнее, чем запах самой прекрасной женщины на свете. Единственный в мире запах, которому можно верить.

Неожиданно зазвонил телефон.

Зуб взглянул на черную трубку «нокия», лежавшую рядом на столе. Высветился номер. Номер штата Нью-Йорк, незнакомый. Он прервал звонок и чуть-чуть посидел, собираясь с мыслями.

Лишь один человек знает, как с ним связаться. Знает номер его нынешнего мобильника. У него пять таких в сейфе. С каждого он делает всего один звонок, потом уничтожает трубку. Очень полезная предосторожность. Тот самый человек — мелкий босс из одной нью-йоркской криминальной семьи, — понимает Зуба, и он, со своей стороны, доверяет ему.

Зуб вытащил из трубки сим-карту, подержал над пламенем зажигалки, пока окончательно не расплавилась. Потом достал из сейфа другой телефон, убедился, что его номер не определится, и начал набирать.

— Да?.. — почти сразу ответил мужской голос.

— Ты звонил.

— Мне сказали, ты можешь помочь.

— Условия знаешь?

— Согласен, отлично. Когда встретимся? Сегодня вечером?

Зуб быстро прикинул. Рейсы отсюда до Майами и время пересадочных рейсов почти во все крупные города, которые его интересуют, известны. Всегда можно собраться за час.

— Пусть тот, кто дал мой номер, даст другой. Позвонишь в шесть вечера, скажешь адрес.

И Зуб разъединился.

Звякнул уборщице, которая присматривает за Йоссарианом в его отсутствие, сунул кое-что в дорожную сумку и вызвал такси. В ожидании поболтал с партнером, выдал лишний огромный собачий бисквит в виде кости.

Йоссариан принял и удалился с несчастным видом в темный угол квартиры к своей корзинке. Известно, что, когда он получает большой бисквит, вожак стаи собирается уходить. Значит, никаких прогулок. Это что-то вроде наказания, хотя пес не знает, в чем провинился. Бросил бисквит в корзинку, есть не стал. Будет еще много времени.

Через несколько минут послышался знакомый звук удаляющихся шагов. Потом хлопнула дверь.

33

Вскоре после 14:30 Рой Грейс покинул свою команду, пообещав вернуться к 18:30, и поехал к собственному дому. Надо забрать почту, оценить общее состояние, потому что завтра агент по недвижимости пришлет кого-то для осмотра; проведать золотую рыбку Марлона, посмотреть, насыпан ли корм в автоматическую кормушку. Это дело нельзя доверять Гленну в его нынешнем рассеянном состоянии из-за расстроенных чувств.

День солнечный, воздух прогрелся, рассылая первые обещания приближающейся весны. Проезжая по широкой Черч-Роуд, Рой неожиданно опечалился. Десяток лет назад он каждый раз испытывал здесь взволнованный трепет — через несколько мгновений будет дома. Дома, с обожаемой женщиной. С Сэнди.

Подождал в начале своей улицы, пока мимо проедет старик в моторизованной коляске, двинулся вниз к набережной. Дома с обеих сторон одинаковые — 1930-х годов в псевдотюдоровском стиле, — с тремя спальнями, встроенными гаражами, небольшими передними садиками и участками побольше сзади. С годами мало что меняется, кроме марок соседских автомобилей и объявлений о продаже вроде того, которое вывешено сейчас на его доме.

Он ехал по подъездной дорожке как бы к дому-призраку. В последние месяцы старался избавиться от всяких напоминаний о Сэнди, даже сложил в коробки ее одежду, отнес на благотворительную распродажу, но все равно сильно чувствует ее присутствие. Остановил «форд» перед гаражной дверью, зная, что за ней стоит ее старый черный «фольксваген-гольф», заросший пылью, с давным-давно севшим аккумулятором. Непонятно, почему не продал, хотя за него нынче почти ничего не получишь. Автомобиль обнаружили через двадцать четыре часа после ее исчезновения на краткосрочной автостоянке у южного терминала лондонского аэропорта Гатуик. Возможно, не расстался, до сих пор надеясь обнаружить какие-то необнаруженные свидетельства или просто из сентиментальных соображений.

Тот, кто сказал, что прошлое — это чужая страна, не ошибся. Несмотря на то что вокруг почти ничего не изменилось, дом и улица постепенно становятся чужими; и это чувство усиливается при каждом приезде.

Вылезая из машины, Грейс увидел одну из неизменных здешних примет субботнего вечера — Норин Гринстед, соседку из дома напротив. Нервная женщина с ястребиным взглядом, лет семидесяти пяти, муж которой пару лет назад умер от болезни Альцгеймера, полирует в резиновых перчатках старенький «ниссан», как будто ее жизнь зависит от этого. Оглянулась на него, махнула рукой.

Нынче почти приходится набираться храбрости, чтоб войти в дом, навевающий болезненные воспоминания. При его покупке здесь царили разруха и запустение — недвижимость выставил на торги судебный исполнитель, — и Сэнди со своим тонким вкусом и пристрастием к минимализму дзен превратила дом и участок в потрясающую современную картинку. Теперь, без должного ухода, опять воцаряется хаос.

Возможно, дом купит другая молодая пара, полная счастливых мечтаний, и он для них станет особенным местом. Но при нынешнем упадке рынка недвижимости мало что покупается и продается. Шеф агентства недвижимости Грэм Рэнд предложил скостить начальную цену, что Грейс и сделал. Сейчас, весной, рынок может оживиться, и, если повезет, дом, наконец, будет продан. Тогда, получив ожидаемое свидетельство о смерти Сэнди, он сможет переехать.

К изумлению Роя, почта аккуратной стопкой лежит на столике в прихожей; коридор как бы вымыт и вычищен ретивой прислугой. И гостиная, которую Гленн за последние месяцы перевернул вверх дном. Рой помчался наверх, заглянул в комнату, где расположился сержант. Вид тоже безупречный, постель аккуратно застелена красивым покрывалом. Не дом, а выставочная витрина. Неужели Брэнсон постарался?

И все же, как ни странно, старательно прибранный дом навевает печаль. Будто вернулся дух Сэнди. Она всегда одержимо поддерживала порядок.

Кормушка Марлона полная; сам он, если можно так выразиться о золотой рыбке, искренне рад видеть хозяина. Описал в аквариуме круги, остановился, уткнулся лбом в стекло, открывая и закрывая рот со скорбным выражением.

Рой не перестает удивляться, что это существо еще живо. Он выиграл рыбку в стрельбе по мишеням на ярмарке одиннадцать лет назад и до сих пор помнит радостный вопль Сэнди. Когда позже отыскивал в Гугле ярмарочных золотых рыбок и спрашивал советов, узнал, что для них очень важна компания. Однако Марлон проглатывал всех приобретенных позже друзей и подруг.

Он глянул в окно, пережив очередной шок. Газон подстрижен. Интересно, что творится в голове у Гленна? Неужели объявление о продаже дома его окончательно доконало и он надеется, что если навести полный лоск, то хозяин смягчится и отменит решение?

Рой взглянул на часы. Почти три. Клио разрешили забрать из больницы в любое время после четырех, когда консультант закончит обход. Он налил чашку чаю, перебрал почту, бросая рекламный мусор в корзинку. В остальных конвертах только счета и новое напоминание налоговой инспекции по поводу его списанной «альфы-ромео». Одно адресовано миссис Сэнди Грейс. Приглашение на частный просмотр в брайтонской художественной галерее. Современное искусство тоже было ее страстью. Он выкинул конверт с билетом, подумав, что она числится в каких-то очень старых компьютерных списках, которые давно нуждаются в обновлении.

* * *

Двигаясь через двадцать минут по набережной к Кемптауну, Грейс все гадал, почему Брэнсон постарался привести дом в порядок. Возможно, из чувства вины? Потом вспомнил вчерашний выговор, полученный от Ригга, о чем вспоминать еще больно. Невозможно поверить, что стерва Элисон Воспер предупредила помощника главного констебля о необходимости внимательно присматривать за строптивым суперинтендентом.

Почему? Показатели за прошедший год хорошие. Каждое его расследование результативно доведено до конца. Ну ладно, двое подозреваемых погибли в машине, два члена команды пострадали — Эмма Джейн Бутвуд и Гленн Брэнсон. Может, надо было быть осторожнее, но были бы тогда результаты? Даже если Ригг не полностью ему доверяет, он знает, что Грейса поддерживает старший суперинтендент Джек Скеррит, возглавляющий управление и повысивший его в должности только в прошлом ноябре.

И, черт побери, он уже представил Риггу один впечатляющий результат, раскрыв серийные изнасилования, совершавшиеся двенадцать лет назад!

Грейс переключился на текущее дело. Ивен Прис вел белый фургон, сбил велосипедиста и скрылся. Во-первых, нельзя точно сказать, что именно он вел фургон, несмотря на отпечатки на зеркале. Но тот факт, что Прис вечером не вернулся в тюрьму Форд, уверенно указывает на его виновность. Применяя простой принцип «бритвы Оккама», который Рой интерпретирует в том смысле, что самое простое и очевидное обычно является верным ответом, можно заключить, что парень с большой степенью вероятности окажется водителем.

А также что будет скоро задержан. Его знает в лицо половина брайтонских полицейских, как патрульных, так и детективов, и в каждом участке на стенах развешаны многочисленные плакаты с шапкой «Разыскивается» и тюремными снимками Приса. Если полиция не успеет первой, это наверняка сделает кто-то другой ради вознаграждения.

Если чуть повезет, они отыщут его за пару-тройку дней и выяснят, почему удрал с места происшествия. Может быть, потому, что в девять утра в среду должен был работать на стройке рядом с тюрьмой, а не разъезжать в фургоне по Брайтону. Наверняка с каким-то противозаконным грузом.

Если удастся получить от Приса объяснение, следствие можно будет свернуть к концу будущей недели. И заработать у Питера Ригга несколько выигрышных очков.

Хорошо, что Рой Грейс в этот момент не догадывался, как жестоко обойдется действительность с его надеждами.

34

На подъезде к окружной дороге напротив Дворцового пирса, переименованного в Брайтонский — неправильно, по мнению Грейса, — образовалась длинная пробка. Он медленно полз вперед, наблюдая за парой на променаде, катившей детскую коляску. Поймал себя на том, что смотрит с напряженным любопытством, и понял — в нем что-то решительно изменилось. Никогда близко даже не интересовался младенцами. А в последние недели то и дело в любом месте города разглядывает детей в колясках.

Несколько дней назад, покупая сэндвич в супермаркете напротив офиса, завел идиотский бессмысленный разговор с родителями крохотного существа, будто они втроем были членами какого-то эксклюзивного клуба.

Теперь, под лениво урчавший мотор и мелодию, которую играло радио Южных графств, он невольно оглядывается в поисках колясок с детьми. Недавно вечером, как раз перед тем, как Клио загремела в больницу, они долго разглядывали их в Интернете, составляли список подходящих.

Клио хочет такую, с которой он мог бы совершать пробежки. По ее мнению, это укрепит связь с ребенком, поскольку при его работе другого времени для общения почти не останется. Об этом сказано в одной книге для будущих родителей, которую они вместе читали. То есть, пока мать сидит дома, сближаясь с младенцем, работающий отец все больше от него отдаляется.

На другой стороне дороги мужчина приблизительно его лет бежит с коляской «Маунтин багги». Потом женщина с особенно ему понравившейся «Кэнди эпплер». Еще одна коляска для джоггинга привлекает названием «Клио грако», а вдали на променаде видна восхитившая их обоих — «Бугабу гекко», к несчастью из самых дорогих.

Деньги не проблема. По словам Клио, ее родители с радостью все купят. Но Грейс привык сам за все расплачиваться — так его воспитали. Но, подсчитав расходы на ребенка, он ужаснулся. К тому же расходы никогда не кончатся. Нужно переоборудовать свободную комнату в доме Клио в детскую. Им посоветовали перекрасить ее заранее, чтобы малыш не надышался парами краски. Потом Клио пожелала установить цифровые датчики, чтобы слышать дыхание младенца. Еще нужна «моисеева корзинка»,[12] где ребенок будет спать

первое время. И это еще не все. Одежду они пока не купили, не зная, кто будет — мальчик или девочка.

Пол им неизвестен. Ни он, ни Клио не хотят выяснять. Хотя Клио несколько раз заявляла, что это, по ее убеждению, мальчик, потому что живот торчит вперед и потому что ей хочется кислого, а не сладкого. Так говорят старые женские поверья.

Ладно, что будет, то и будет. Главное, чтобы ребенок родился здоровым и с Клио все было в полном порядке — для него это еще важнее. Он читал, что иногда в критических случаях отцу приходится решать, кого спасать — дитя или мать. Для него нет абсолютно никаких вопросов. Он в любом случае спасет жизнь Клио.

На променаде коляска «Зико херби». Дальше «Фил даш» и «Май чойс». Жалко, что за такое короткое время не приобретешь энциклопедических познаний о детских колясках.

Зазвонил телефон.

— Босс, — сказал Норман Поттинг, — у меня хорошая новость… и… плохая. Только батарейка в «блэкберри» почти сдохла.

— Говори.

Но трубка замолчала.

35

Кто-то оставил газету «Мюнхнер Меркур» на другом краю раскладного стола, за которым она сидит в одиночестве у пруда Зеехаус в обширном мюнхенском Английском саду. «Меркур» — одна из двух городских газет. На первой странице снимок большого серебристого автобуса, лежащего на боку, уткнувшись в барьер ограждения. Вокруг бригады экстренных служб в оранжевых жилетах, на носилках видны окровавленные жертвы.

Заголовок, который она мысленно перевела на английский, гласит: «Семь погибших при крушении автобуса на автобане».

Свободно теперь говоря по-немецки, она все еще думает по-английски, по утрам иногда понимает, что сны тоже снятся по-английски. Интересно, пройдет ли когда-нибудь это? В ней германская кровь. Бабка по материнской линии родилась в небольшом городке неподалеку отсюда, и она с каждым днем все сильней ощущает, что ее истинный духовный дом здесь, в Баварии. В любимом Мюнхене.

Этот парк — самое любимое место в любимом городе. По возможности она сюда приходит каждое субботнее утро. Сегодня апрельское солнце не по сезону жаркое — надо сказать спасибо ветерку с пруда. Даже в легкой футболке, лайкровых шортах для джоггинга и кроссовках она сильно вспотела после десятикилометровой пробежки. С наслаждением в один прием выпила полбутылки холодной минеральной воды.

Теперь сидит неподвижно, вдыхая сладкий запах травы и воды, полированного дерева, чистого воздуха. Вдруг учуяла аромат табачного дыма и опечалилась, вспомнив мужчину, которого некогда сильно любила.

Вновь хлебнула из бутылки, потянулась к газете, на которую вроде никто больше не претендует. Всего одиннадцать утра, а в Английском саду уже оживленно. Десятки людей сидят за пивными садовыми столиками, среди них явные туристы, но много и местных, отмечающих начало выходных. Перед большинством стоят кружки с пивом, некоторые, вроде нее, пьют воду или коку. Многие катаются по пруду на лодках и водных велосипедах, вокруг деревянного острова плывет утка с выводком крошечных коричневых утят.

Внезапно прямо к ее столу направилась с весьма решительным видом, крепко стиснув зубы, дама лет шестидесяти, нордического типа, в ярко-красной лайкре, постукивая по дорожке лыжными палками.

Оставь меня в покое, найди другое место, мысленно приказала она, ставя локти на стол и устремляя на даму воинственный взгляд. Подействовало. Женщина протопала дальше, уселась за столик поодаль.

В иные моменты — такие, как этот, — отчаянно хочется уединения, которое можно найти лишь в редких драгоценных случаях. Это одна из самых дорогих радостей субботних утренних пробежек. Надо постоянно думать о многом, а сосредоточиться некогда. Новые наставники каждую неделю подбрасывают на рассмотрение новые мысли. На этой неделе сказали: прежде чем искать новые горизонты, наберись храбрости потерять из виду берег.

Разве она не сделала это десять лет назад?

Снова облачко дыма, опять внезапная боль. Дурной день, дурная неделя. Все вызывает сомнение. Она одинока, подавлена, сомневается в самой себе. Ей тридцать семь, она одна, позади две неудачные связи, а что впереди?

Ничего в данный момент.

Добрый старый немецкий философ Ницше сказал, что, если достаточно долго смотреть в пустоту, пустота посмотрит на тебя.

Ясно, что он имеет в виду. Чтобы отвлечься, она взглянула на первую страницу газеты, прочла сообщение об аварии. Все пассажиры автобуса — члены Христианского общества из Кельна. Семь погибших, двадцать семь серьезно пострадавших. Интересно, что они думают теперь о Боге? Рассердилась на себя за подобную мысль и перевернула страницу.

На снимках велосипедист, удирающий от полиции; еще одна авария на дороге — на сей раз перевернутый «фольксваген-пассат»; репортаж о закрытии фабрики — неинтересно, равно как и фотография школьной футбольной команды. Она снова перевернула газетный лист и заледенела.

Смотрела не отрываясь на печатный текст, не в силах поверить собственным глазам, мысленно переводя на английский каждое слово.

Читала, перечитывала, превратившись в соляной столп.

Объявление. Небольшая колонка. Текст гласит:

«Сандра (Сэнди) Кристина Грейс
Жена Роя Джека Грейса, проживающего в Хоуве на Дерек-авеню 48, г. Брайтон и Хоув, Восточный Суссекс, Англия.
Исчезла десять лет назад, предположительно мертва. В последний раз ее видели в Хоуве, графство Суссекс. Рост пять футов семь дюймов (170 см), худощавого телосложения, волосы светлые, длиной до плеч (в момент последней встречи). Если никто не представит свидетельств, что указанная личность жива, она будет официально признана умершей. Свидетелей просят обращаться в контору „Эдвардс и Эдвардс" по следующим адресам».

Она все смотрела, читала и перечитывала.

Снова и снова.

36

— Знаешь, чего я действительно жду? — спросила Клио. — Чего по-настоящему жажду?

— Безумного секса? — с надеждой предположил Рой, мельком улыбнувшись. Они сидят в машине, едут из больницы домой, Клио выглядит в тысячу раз лучше. На лицо вернулись краски, оно лучится, светится, став еще прекрасней прежнего. Отдых в больнице явно пошел на пользу.

Клио соблазнительно пробежалась пальцами по его бедру.

— Прямо сейчас?

Рой остановился перед светофором на Эдвард-стрит рядом с полицейским участком, который называется в обиходе «брайтонским обезьянником».

— Пожалуй, не самое лучшее место.

— Заняться безумным сексом было бы неплохо, — согласилась она, по-прежнему провокационно щекоча ногу. — Но, даже рискуя ранить твое самолюбие, в данный момент мне хочется большего чем ваше тело, суперинтендент Грейс.

— Чего же?

— Невозможного. Хорошего куска бри с бокалом красного вина.

— Ужас. Я соперничаю с сыром за твое предпочтение?

— Речи быть не может. Сыр побеждает.

— Пожалуй, отвезу тебя обратно в больницу.

Клио дотянулась, чмокнула его в щеку.

— Не обижайся.

Загорелся зеленый, Рой тронулся с места, притворно надувшись.

— Арестую каждую головку проклятого бри в этом городе.

— Прекрасно, и посади в холодильник. Все проглочу после рождения Пузыря. Но сначала тебя, обещаю!

Поворачивая к югу на Гранд-Парад и направо в аллею с маячившим впереди Королевским павильоном, Рой неожиданно впал в эйфорию. После жутких страхов за Клио и младенца в последние дни все вдруг снова стало хорошо. Клио прекрасна, весела, жизнерадостна. Ребенок в порядке. Упреки помощника главного констебля Ригга кажутся пустяком по сравнению с этим. Подлого слизняка Ивена Приса найдут со дня на день, если не с минуты на минуту. Единственное, что для него действительно важно, находится сейчас рядом.

— Люблю тебя очень, — сказал он.

— Да?

— Да.

— Точно? Даже с таким пузом и предпочтением сыра?

— С пузом еще больше люблю.

Клио неожиданно схватила его руку, прижала к животу. Чувствуется, как что-то движется, крошечное, но сильное. От радости перехватило горло.

— Пузырь?..

— Брыкается! Говорит нам, что счастлив вернуться домой.

— Ох-х-х!..

Клио выпустила руку, откинула со лба волосы. Рой остановился у поворота направо перед павильоном.

— Значит, ты по мне скучаешь? — спросила она.

— Каждую секунду.

— Врешь.

— Правда. — Светофор переключился, он миновал перекресток и двинулся дальше. — Все ищу в Гугле коляски и имя для ребенка.

— И я много думала об именах.

— Ну?

— Если девочка, хотя я считаю иначе, мне пока нравится Амелия, Тилли и Фрейя.

— А если мальчик?

— Я бы назвала его Джеком в честь твоего отца.

— Правда?

Клио кивнула.

Внезапно раздался звонок. Рой извинился, подняв палец, нажал кнопку радиотелефона.

— Прошу прощения, шеф, — сказал Норман Поттинг, — батарейка совсем не тянет. Но по-моему, ты должен знать…

Молчание.

— Что? — переспросил Грейс.

И снова пустота.

Набрал номер своего отдела, осведомился, не оставлял ли Поттинг сообщений. Но ответивший Ник Николл сказал, что никто от сержанта ничего не слышал. Грейс предупредил, что приедет к вечернему инструктажу, и разъединился.

Клио лукаво на него посмотрела:

— Значит, безумный секс будет быстрым?

— Зато будет твердый сыр.

— Листерии[13] живут в мягком. — Она его снова чмокнула. — Твердый звучит неплохо.

37

Бегать больше не хочется. Хочется выпить. Она заказала подошедшей официантке большую кружку пива. Литровую.

Снова уставилась на объявление в «Мюнхнер Меркур».

«Сандра (Сэнди) Кристина Грейс
Жена Роя Джека Грейса, проживающего в Хоуве на Дерек-авеню 48, г. Брайтон и Хоув, Восточный Суссекс, Англия.
Исчезла десять лет назад, предположительно мертва. В последний раз ее видели в Хоуве, графство Суссекс. Рост пять футов семь дюймов (170 см), худощавого телосложения, волосы светлые, длиной до плеч (в момент последней встречи). Если никто не представит свидетельств, что указанная личность жива, она будет официально признана умершей. Свидетелей просят обращаться в контору „Эдвардс и Эдвардс" по следующим адресам».

В душе нарастает слепая ярость. Надо как-то сдержаться. Управление гневом — одна из вещей, которой ее учат. Она уже справляется гораздо лучше, только надо сильно сосредоточиться. Вернуть сознание по спирали туда, где была до того, как разозлилась. К нераскрытой газете «Мюнхнер Меркур», лежащей на столе.

Она закрыла ее, оттолкнула, слегка успокоилась, но борьба продолжается. Злость грозит прорваться, чего нельзя допускать. Нельзя позволить злобе победить. Злость и так слишком часто руководила ее жизнью — плохо и неразумно.

Погаси ее, мысленно приказала она. Погаси, как спичку на ветру. Просто пусть погаснет. Проследи, как исчезнет.

Успокоившись, вновь открыла газету, вернулась к странице, взглянула на адреса внизу — почтовый, электронный, номера телефонов.

Следующий вопрос — *зачем* опубликовано объявление?

Уже хладнокровно подумала — разве это имеет значение?

Она собирает о нем сообщения, особенно в последние годы, когда в Интернет выходит электронная версия суссекской газеты «Аргус». Это нетрудно — в новостях часто цитируются высказывания офицера полиции, занимающего в иерархии все более видное место. Он занят любимым делом — служит копом. Дерьмовый муж, но великий коп. Жена всегда на втором месте. Некоторые согласны. Некоторые сами копы, поэтому понимают. Но ей хотелось не такой жизни. По крайней мере, так она думала.

А теперь здесь, в одиночестве, с каждым прошедшим днем все меньше уверена в правильности принятого решения. Объявление действительно взволновало ее больше, чем можно было представить.

«Мертва? Я?

Очень кстати для суперинтендента Роя Грейса, ныне руководителя отдела тяжких преступлений суссекской полиции. Да, я за тобой слежу. Отстаю лишь на пару шагов. Преследую, как призрак. Хорошо продвигаешься со своей страстью к карьере. Отец дослужился всего до сержанта. Ты уже поднялся выше, чем в самых безумных мечтах — по крайней мере, в тех, которые мне открывал. До чего дойдешь? До чего хочешь дойти? Всю дорогу до самой вершины? Туда, куда на самом деле не хотел дойти, как меня уверял?

Счастлив?

Помнишь, как мы рассуждали о счастье? Помнишь вечер, когда напились в баре „Браун" и ты изрек, что в жизни могут быть счастливые моменты, но только идиот бывает постоянно счастлив?

Ты прав».

Она снова открыла газету, снова перечитала. Снова вспыхнул гнев. Молчаливый. Огонь, который надо потушить. Это одно из первых, чему ее учили на уроках самопознания. Злоба — очень большая проблема. Научили распевать про себя мантру. Повторять снова и снова.

Жизнь — это не ожидание, когда кончится буря. Это умение танцевать под дождем.

Повторяя эти слова снова и снова, она постепенно опять начала успокаиваться.

38

Тони Кейс, начальник вспомогательной службы, занимающейся техническим обеспечением, позвонил среди дня и сообщил Рою Грейсу, что одно из текущих дел кончилось раньше, чем ожидалось, поэтому рабочее помещение Первого оперативного штаба свободно. Поддерживая с суперинтендентом добрые отношения, Кейс знает, что тот предпочитает заниматься следствием именно в ОШ-1.

Когда Грейс туда направлялся в 18:30, у него зазвонил телефон. Он остановился в коридоре перед диаграммой на стене — белым листом, пришпиленным к красной доске, с шапкой: «Оценка места происшествия».

На линии Кевин Спинелла.

— Суперинтендент, найдется для меня секунда?

— Не найдется даже наносекунды. Даже пикосекунды. Ни фемтосекунды.

— Ха-ха. Очень остроумно. И квадрильонной доли не найдется?

— Разбираетесь в этом? — удивился Грейс.

— Ну, знаю, что наносекунда — это миллиардная доля секунды, а пикосекунда — триллионная. Фактически, знаю и про фемтосекунду.

В трубке слышно, как парень, по обыкновению, жует жвачку. Будто лошадь топает в грязи.

— Не догадывался, что вы физик.

— Жизнь полна сюрпризов, правда? Так у вас есть время потолковать об операции «Скрипка»?

— Как раз иду на совещание.

— На инструктаж в шесть тридцать?

Рой с трудом сдержался. Есть что-нибудь, чего не знает маленький говнюк?

— Да. Полагаю, повестка известна вам лучше, чем мне.

Проигнорировав шпильку, Спинелла спросил:

— Речь пойдет об Ивене Присе? Основном подозреваемом?

Грейс открыл рот не сразу. Голова пошла кругом. Откуда он узнал? От кого?

Впрочем, понятно, имя могло просочиться из десятков источников, начиная с тюрьмы Форд. В данный момент ничего не выиграешь, если начнешь допытываться.

— Пока у нас нет основного подозреваемого, — сообщил он репортеру, усиленно работая мозгами, стараясь придумать, как лучше использовать Спинеллу в ходе расследования. И сказал, потянув время: — Ивена Приса необходимо опросить, чтобы исключить из списка фигурантов.

— И снова запереть в Форде? Вы наверняка удивляетесь, зачем кому-то бежать за три недели до окончания срока, правда?

Грейс вновь старательно подумал перед ответом. Над этим вопросом он сам усиленно размышляет. Пробует поставить себя на место Приса. Это непросто, поскольку мышление рецидивиста уникально приспособлено к конкретным обстоятельствам. Но только полный идиот сбежит за три недели до освобождения — если на то нет весьма основательной причины. Одна из них — ревность. Другая — открывшаяся финансовая возможность.

Может быть и третья, которая заключается в том, что Прис очутился не в то время не в том месте? Ехал в фургоне по Брайтону, когда должен был работать на стройке в Арунделе?

— Вознаграждение в сто тысяч долларов, — сказал Спинелла, — наверняка поможет найти водителя фургона. Думаю, уже звонят в дежурную часть.

На самом деле звонков примечательно мало, что удивляет. Обычно на вознаграждение как мухи слетаются сумасшедшие и ловцы удачи. Сейчас как раз есть возможность расширить огласку и посильнее надавить на каждого, кому известно местонахождение Приса.

— Да, — соврал Грейс, — нас радует общественная реакция, и уже проверяются многие ниточки, которые мы получили благодаря крупному вознаграждению.

— Можно вас процитировать?

— Можно.

Грейс завершил разговор и вошел в ОШ-1. Как всегда при серьезном расследовании, какой-то шутник прилепил на дверь смешную картинку, обыгрывая название операции. Сегодня особенно удачно — рисованный человечек в широкополой шляпе, в макинтоше, вывернутом наизнанку, с гигантской сигарой в зубах и футляром для скрипки в руке.

В Суссекс-Хаус два оперативных штаба — № 1 и 2, — где находится нервный центр уголовных расследований. Несмотря на высокие, недоступные взгляду матовые окна, ОШ-1 наполнен воздухом, светом, заряжен положительной энергией. Это любимое место суперинтендента во всем здании. Если в других кабинетах ему не хватает беспорядочного гомона полицейского участка, в котором он вырос, то здесь себя чувствуешь как в трансформаторной будке. L-образный зал разделен на три отсека, в каждом из которых помещается длинный скругленный стол на восемь человек и несколько больших белых досок. На одной с надписью «Операция „Скрипка“» висит схема расположения автомобилей, участвовавших в ДТП, представленная раньше инспектором дорожной полиции Доджем. На другой начинает вырисовываться семейное древо Тони Ревира, включая ближайших родственников его подружки. На третьей список фамилий и контактных телефонов основных свидетелей.

Атмосфера полной сосредоточенности нарушается лишь постоянным писком телефонов, на которые члены разросшейся команды поспешно отвечают.

Грейс увидел говорившего по телефону Нормана Поттинга. Они так и не связались после двух неудачных попыток сержанта дозвониться в машину. Рой сел, положил перед собой бумаги и, когда Поттинг закончил беседу, сказал, повысив голос, чтобы привлечь всеобщее внимание:

— Так!.. Восемнадцать тридцать, суббота, двадцать четвертое апреля. Пятое совещание по операции «Скрипка» — расследованию смерти Тони Ревира. — Взглянул на ответственную за место происшествия. — Трейси, вы продвинулись, как я понимаю?

Неожиданно грянула популярная танцевальная музыка. Смущенный констебль Алек Дэвис быстро заглушил мобильник.

— Да, шеф, — кивнул Трейси Стокер. — В компании «Форд» положительно идентифицирован тип фургона по серийному номеру бокового зеркала. Эти номера присвоены модели 06, которая, как нам известно, участвовала в столкновении. Поэтому, с учетом времени и места, где обнаружена оправа зеркала, можно с определенной уверенностью утверждать, что оно принадлежит подозреваемому «форду-транзит». — Она указала на белую доску. — Транспортное средство номер один на схеме.

— Известно, сколько в том году выпущено таких фургонов? — спросила Эмма Джейн Бутвуд.

— Да, — кивнула Трейси Стокер. — В две тысячи шестом году в Соединенном Королевстве продано пятьдесят семь тысяч четыреста тридцать четыре фургона «форд-транзит». Девяносто три процента белые, значит, нашему описанию отвечают сорок три тысячи четыреста тридцать. — Она сухо усмехнулась.

Сержант Пол Тимбер предложил:

— Может быть, среди прочего стоит связаться с ремонтными мастерскими, не приводил ли кто-нибудь «транзит» с отбитым боковым зеркалом.

Грейс кивнул, сделал пометку.

— Да, я тоже об этом подумал. Хотя надо быть полным кретином, чтобы сразу после такого инцидента отдавать машину в ремонт. Скорее всего, она где-нибудь спрятана.

— Ивен Прис не самая светлая голова, — заметил Гленн Брэнсон. — По-моему, это надо учитывать, босс.

— Я дам поручение выездной следственной бригаде. Возможно, подключим пару добровольцев. — Грейс обратился к Поттингу: — Норман, доложишь нам новости из тюрьмы Форд?

Поттинг кивнул.

— Обязательно, шеф, — пробурчал он со свойственным ему деревенским говором. Если бы Поттинг жил в другую эпоху, он был бы, по мнению Грейса, несговорчивым и дотошным блюстителем порядка в какой-нибудь далекой сельской местности.

Поттинг заговорил медленно и методично, частично по памяти, частично заглядывая в блокнот и щурясь на собственные каракули.

— Я беседовал со старшим офицером Лизой Сеттерингтон, которую ты уже упоминал.

Грейс кивнул.

— Она подтвердила, что Прис был примерным заключенным, вроде как решил исправиться.

Сержанта перебили смешки тех, кто имел раньше дело с упомянутой личностью.

— Ну и что, что примерный? — саркастически переспросила Белла Мой. — Почему тогда ехал в белом фургоне за двадцать пять миль от того места, где должен был быть в среду утром?

— Вот именно, — согласился Поттинг.

— Вдобавок примерные заключенные из тюрьмы не сбегают, — едко добавила она.

— Конечно, конечно, — согласился сержант, словно утешая ребенка.

Грейс опасливо переводил взгляд с одного своего сотрудника на другого, гадая, не затеют ли они, по обыкновению, перепалку. Но Белла уже переключила внимание на коробочку шоколадных конфет на столе.

— Хорошая новость та, — продолжал Поттинг, — что слух о награде в сто тысяч, как и предполагалось, прошел по тюрьме. Многие, кто контактировал с Присом, явились к начальнику тюрьмы с предположениями, где он может залечь. Я раздобыл шесть адресов и фамилий для оперативной проверки.

— Молодец, — похвалил сержанта Грейс.

Поттинг позволил себе краткую самодовольную ухмылку, хлебнул чаю из кружки.

— Только есть и плохая новость. У Ивена Приса был давний дружок в тюрьме, тоже заключенный… — он заглянул в свои записки, — Уоррен Талли, почти с таким же сроком. Они очень крепко корешились. Его собрались привести для беседы со мной. Пошли за ним и обнаружили в камере мертвым. Повесился.

Все мгновенно умолкли, переваривая известие. Грейс первым делом подумал, не дошло ли это известие до Спинеллы.

— Что известно об обстоятельствах? — спросил констебль Дэвид Хоувс.

— Ему оставалось два месяца, — сообщил Поттинг. — Женат, трое малых детей, с семейной жизнью все явно в порядке. Лиза Сеттерингтон его тоже знает. Клянется, что только и ждал, когда выйдет и встретится с ребятишками.

— Не было никаких очевидных причин для самоубийства? — допытывался Хоувс.

— Похоже, не было, — ответил Поттинг.

— Я просто предполагаю, однако… — продолжал Хоувс. — Может, Уоррен Талли знал, где найти Приса?..

— И убит из-за этого? — подхватил Грейс. — Не покончил с собой?

— Начато полномасштабное следствие в тесном контакте с нашим Западным филиалом, — доложил Поттинг. — По их мнению, слишком уж удачное совпадение.

— Трудно в Форде повеситься? — поинтересовался Гленн Брэнсон.

— Легче, чем во многих тюрьмах, — ответил сержант. — У каждого отдельная камера, как в мотеле. Тюрьма открытая, гораздо больше свободы, заключенные чаще остаются одни, чем в тюрьмах строгого режима. Если захочешь, повесишься запросто.

— И другого запросто повесишь? — уточнил Хоувс.

Его слова прозвучали в гробовой тишине.

— Сто кусков немалая сумма для заключенного, — заметил Гленн.

— Для любого немалая, — вставил Ник Николл.

— Вполне достаточная для убийства, — угрюмо заключил Хоувс.

Констебль Алек Дэвис поднял руку:

— Сэр, может, я повторю очевидное, но если Уоррен Талли знал, где Прис, и если его убили, то только по одной причине. Убийца тоже знает, где Прис.

39

Фернанда Ревир беспокойно ерзала на краешке зеленого дивана, держа в одной руке стакан, а в другой сигарету, то и дело нетерпеливо стряхивая пепел в хрустальную пепельницу. Потом вдруг сорвалась, схватила сотовый и уставилась на дисплей.

На дворе свирепствует непогода, дождь и ветер с залива Лонг-Айленд летят через дюны, дикую траву и кусты, слышно, как струи хлещут в окна, чувствуется ледяное дыхание океана.

Сегодня огромная гостиная с галереей для музыкантов, резной мебелью и гобеленами на стенах похожа на мавзолей. Огонь трещит в топке, однако до Фернанды тепло не доходит. По телевизору футбол — нью-йоркские «Джайантс» играют с какой-то другой командой, и ее брат орет непрерывно. Ей плевать на футбол. Дурацкая мужская игра.

— Почему эти скоты из Англии не перезванивают? — спросила она, глядя на телефон, ожидая услышать звонок.

— Там середина ночи, милая, — объяснил муж, взглянув на часы. — У них на пять часов позже. Час ночи.

— Ну и что? — Фернанда вновь сердито затянулась и выпустила струю дыма. — И где этот *партнер*? В самом деле явится? Точно? Ты уверен, Рики? — Фернанда подозрительно посмотрела на брата, сидевшего напротив, который нянчил стакан с виски и посасывал сигару, размером с крупный фаллос.

Лу, в клетчатом джемпере поверх рубашки поло, хлопчатобумажных брюках и мягких туфлях на резиновой подошве, взглянул на Рики, и лицо его вдруг отвердело.

— Действительно приедет? Человек надежный? Ты его знаешь?

— Надежный. Один из лучших. Он в машине, с минуты на минуту будет. — Рики взял приготовленный коричневый конверт, еще раз проверил содержимое, положил на место с удовлетворенным видом и вернулся к игре.

Рики Джордино сорок. Он похож на отца, но силы, как у того, в лице нет. Вялая рябоватая физиономия, пухловатая, как у младенца, почти постоянно лоснится от жира из-за врожденной проблемы с потовыми железами. Черные волосы с челкой, рот не совсем правильной формы, будто ему в детстве прооперировали заячью губу. На нем плотный черный пиджак с металлическими пуговицами, мешковатые синие джинсы, скрывающие пистолет, постоянно пристегнутый к лодыжке, и черные ботинки с резинками на высоких каблуках. К неудовольствию матери, он до сих пор холост, бесконечно таскает за собой безмозглых малышек, но сегодня явился один — таков его особый способ проявлять уважение.

— Ты дела с ним делал? — допытывалась Фернанда.

— Его рекомендуют. — Рики самодовольно ухмыльнулся. — Один мой коллега. Еще один плюс — он знает Брайтон, однажды там кое-чем занимался. Сделает то, что ты хочешь.

— Пускай постарается. Хочу, чтобы они помучились. Ты его предупредил?

— Он знает. — Рики пыхнул сигарой. — Ты с мамой говорила? Как она?

— А как ты думаешь? — Фернанда допила стакан, неуверенно встала и шаткой походкой направилась к бару.

Рики вновь переключился на игру, через секунду вскочил с кресла, потрясая сигарой, рассыпая вокруг пепел.

— Мать твою! — рявкнул он. — Что эти раздолбаи делают?..

Уселся, из холла тут же долетели резкие звонки. Рики снова вскочил.

— Вот и он.

— Манни проводит, — сказал Лу.

Зуб сидел на заднем сиденье «линкольна», одетый свободно, но аккуратно — спортивная куртка, рубашка без ворота, коричневые кожаные мокасины: в такой одежде можно пойти куда хочешь, не привлекая вопросительных взглядов. Коричневый вещмешок лежит рядом.

Встретив его в аэропорту Кеннеди, шофер хотел сунуть мешок в багажник, но Зуб никогда не выпускает его из виду. Никогда никуда не сдает, всегда берет с собой в салон самолета. Там чистое белье, запасная рубашка, штаны, башмаки, ноутбук, четыре мобильника, три чистых паспорта, разнообразные фальшивые документы, заложенные в пустые внутри книжки в бумажных обложках.

Он никогда не ездит с оружием, за исключением парализующего 3-квинуклидинил-бензилата, замаскированного под шариковые дезодоранты, в сумке с туалетными принадлежностями. Вдобавок лучшее оружие у него в руках.

В свете фар он следил, как под проливным дождем открываются высокие серые электрические ворота. Дальше поехали по участку, пока впереди не возникла громада вычурного современного особняка.

Водитель за все время не вымолвил ни слова, что вполне устроило Зуба. Он не разговаривает с незнакомцами.

— Приехали, — произнес водитель одно-единственное слово с той минуты, как спросил его имя в аэропорту.

Зуб не ответил. Сам видит.

Шофер открыл заднюю дверцу, и он вышел под дождь с вещмешком. Парадную дверь распахнула нервная филиппинка в форме горничной. Почти сразу за ней появился пузатый мужчина с мясистой физиономией, в черном пиджаке, джинсах и черных ботинках, с сигарой между пальцами.

Зуб первым делом подумал, что сигара — добрый знак, значит, можно курить, и шагнул в огромный вестибюль, вымощенный серыми каменными плитами.

Перед ним широкая лестница. Кругом позолоченные зеркала и гигантские причудливые абстрактные картины, для него абсолютно бессмысленные. Его не интересует искусство.

Мужчина протянул пухлую руку, сверкнув кольцами.

— Мистер Зуб? Рики Джордино. Хорошо долетели?

Зуб кратко пожал руку и поспешно бросил, как дохлую крысу. Он не любит рукопожатий. На руках бывают яйца глистов.

— Нормально.

— Чего налить? Виски? Водку? Бокал вина? Может быть, еще что угодно?

— На работе не пью.

— Мы пока не начали, — усмехнулся Рики.

— Я говорю, не пью на работе.

Улыбка исчезла с лица, остался только безобразный оскал.

— Ладно. Тогда, может, воды?

— В машине пил.

— Замечательно. Потрясающе. — Рики осмотрел сигару, запыхтел, раскуривая. — Поесть чего-нибудь?

— В самолете ел.

— Да ведь там одно дерьмо!

— Ничего.

После пяти военных походов, в большинстве в одиночку, находясь за вражеской линией, когда последние дни питаешься жучками, грызунами и ягодами, годится все, что подают на тарелке и в миске. Никогда не собирался становиться гурманом. Его не интересует изысканная еда.

— Ну, тогда хорошо. Все улажено. Вещи не хотите оставить?

— Нет.

— Ладно, пошли.

Зуб, по-прежнему с мешком, последовал за хозяином по коридору, обставленному затейливыми столиками с декоративными китайскими вазами, мимо гостиной, которая ему напомнила зал английского барона в давно виденном фильме. Какая-то сучка в синем бархате сидит на диване, курит сигарету, рядом полная окурков пепельница. Напротив какой-то обмылок смотрит на шайку тупых бугаев, которые играют в американский футбол.

«Вот за что я рискую жизнью, отдаю всего себя. Чтобы вот такие жирные задницы посиживали в своих роскошных домах, со своими игрушечными телефонами, глядя на большом экране, как придурки носятся с мячиком».

Рики нырнул в гостиную и сразу вынырнул с коричневым конвертом. Повел Зуба дальше по коридору в холл, а оттуда в подвал. В подвале стоит на боку абстрактная картина высотой с Зуба, покрытая фотоснимками дико искаженных лиц. Он слегка заинтересовался, сверкнув глазами.

— Вещь особая, — объявил мужчина. — Сантлоуфер. Восходящая звезда. Будущий великий современный американский художник. Покупаешь сейчас, платишь тридцать кусков. Через десять лет выложишь миллион. Ревиры известные покровители искусства. Среди прочего моя сестра и зять отыскивают новые таланты. Искусство надо поддерживать, понимаешь? Покровительствовать.

Картина смотрела на Зуба, как кривое зеркало на ярмарке. Он прошел за мужчиной в бильярдную, где сам стол почти потерялся на узорчатом ковре. В одном углу барная стойка с кожаными табуретами и холодильником со стеклянной дверцей, загруженным бутылками вина.

Мужчина опять затянулся сигарой, лицо на секунду скрылось в клубах густого дыма.

— Моя сестра очень сильно расстроена. Потеряла младшего сына. Обожала парня, понимаешь?

Зуб промолчал.

— В бильярд играешь?

Зуб пожал плечами.

— А в боулинг? — Мужчина поманил его за собой в соседнее помещение. Оно произвело впечатление даже на Зуба.

Здесь был полноценный подземный боулинг с десятью кеглями и одной дорожкой с полированным деревянным покрытием. Безупречно. Шары выстроились в лотке. Рисунок обоев изображает набитые книжные полки.

— Играешь?

В ответ Зуб выбрал шар, вставил пальцы в отверстия, прищурился, оценивая длину желоба, видя на месте белые сверкающие кегли.

— Давай, — сказал мужчина. — Развлекайся.

Обувь неподходящая, поэтому Зуб разбежался осторожно, пустил шар. В тихом подвале шар зарокотал, словно далекий гром, сбил переднюю кеглю точно там, куда был направлен, чуть в сторонке от центра, и произвел желаемый эффект. Все десять кеглей сбиты.

— Ловкий удар! Должен признать, неплохо. — Мужчина опять затянулся, раздул щеки, выпустил дым. Нажал кнопку, глядя, как автомат собирает и расставляет кегли.

Зуб полез в карман, вытащил пачку «Лаки страйк», закурил. После первой затяжки мужчина выхватил у него сигарету, раздавил в пепельнице из оникса.

— Не хочу, чтобы дешевое дерьмо портило мою «гавану»! Хочешь сигару — попроси. Ясно?

— Сигар не курю.

— А здесь никаких сигарет! — Он вызывающе глянул на Зуба.

— Наверху курят.

— А ты внизу. Делай по-моему или ничего не делай. Твое поведение мне не очень-то нравится, мистер.

Зуб старательно обдумал, не убить ли его. Проще простого, пара секунд. Однако деньги манят. Честно сказать, работа в последнее время валом не валит. Даже не видя дома, он знал о богатстве семьи. Куш хороший. Лучше не упускать.

Взял другой шар, бросил, снова сбил десять кеглей.

— Да ты мастер, а? — протянул мужчина.

Зуб не ответил.

— Бывал в Англии в городе Брайтоне? Как Брайтон-Бич в Нью-Йорке?

— Не помню.

— Ты работал на моего кузена. Брал в тамошнем порту эстонского капитана, который с наркотой левачил.

— Не помню, — повторил Зуб, сознательно темня.

— Шесть лет назад. Кузен тебя хвалит. Тело так и не нашли. — Рики одобрительно кивнул.

Зуб пожал плечами.

— Вот какие условия. Тут в конверте фамилии и вся имеющаяся информация. Моя сестра готова заплатить миллион. Половину сейчас, половину по завершении. Хочет, чтоб каждый помучился по-настоящему. Это ведь твоя специальность, правда?

— Как помучился?

— Ходят слухи, будто ты копируешь фокус Снеговика с крысами. Правда?

— Я никого не копирую.

Снеговику платили за то, чтобы жертва помучилась. Клиент требовал доказательств. Поэтому он обмотал липкой лентой голого мужчину, оставил только глаза, рот, гениталии и спустил в подвал, полный крыс, которые неделю голодали, установив там видеокамеру. Потом клиент получил возможность увидеть, как крысы съедают жертву, начиная с обнаженных мест.

— Ладно, сестра оценит твою творческую фантазию. Договорились?

— Вперед сто процентов наличными, — сказал Зуб. — Плюс расходы. Я не торгуюсь.

— Мать твою, не знаешь, с кем дело имеешь?

Зуб, будучи на шесть дюймов ниже, твердо взглянул мужчине в глаза.

— Знаю. А ты? — Вытряхнул из пачки другую сигарету, сунул в рот. — Огонька не найдется?

Рики Джордино выпучил глаза.

— Вижу, ты мужик с яйцами. — Он снова запустил автомат, расставляющий кегли. — Откуда я знаю, что справишься? Что всех троих сделаешь?

Зуб выбрал еще один шар. Выровнялся, пробежал, изогнулся, метнул. Опять десять кеглей с треском свалились. Он полез в карман за пластмассовой зажигалкой, провокационно медленно поднял — пусть попробует остановить.

Но Рики Джордино, к его удивлению, вытащил золотой «Данхилл», откинул колпачок и поднес язычок к сигарете.

— По-моему, мы с тобой… почти пришли к взаимопониманию.

Зуб прикурил, но не ответил. Его не интересует *взаимопонимание.*

40

«Уверенный в будущем, преуспевающий, нежный, чуткий мужчина, 46, любит рок, классическую музыку, бельгийский шоколад, жизнь в девственной глуши, ценит честность и преданность. Желает познакомиться с доброй умной женщиной 40–50 лет, для совместного времяпрепровождения, отвечающего взаимным интересам».

Жизнь в девственной глуши?

Карли свернулась в клубок на диване с бокалом красного вина. По телевизору начинается «Топ гир», кругом воскресные атрибуты. Первая выпивка после аварии на дороге, жизненно необходимая в ее нынешнем состоянии полного упадка душевных сил.

«Санди таймс» открыта на странице с долгожданной еженедельной рубрикой знакомств. Как всегда, ищется не единственный-неповторимый, а тот, с кем куда-нибудь можно пойти поразвлечься.

Жизнь в девственной глуши… Что это значит, черт побери? Долгий жизненный опыт свидетельствует, что в подобных объявлениях всегда есть вызывающий подозрения подтекст. Что доводит дурака до оргазма? Прогулки в голом виде? Единение с природой? Охота на животных с луком и стрелами? Ну что же, это, пожалуй, неплохо, но жизнь в глуши?.. Нет, спасибо.

Возможно, если бы вместо этого было написано «поиски окаменелостей» или «археология», что пришлось бы Тайлеру по вкусу, она дала бы отмашку. А так представляется бородатый дикарь, вылезающий из старенького «лендровера» в шляпе Дэви Крокетта[14] и набедренной повязке из травы и листьев. Нет ничего неожиданнее и удивительнее знакомств по Интернету.

Она уже давно ни с кем не спала, больше года — и в тот раз была катастрофа. В предпоследний раз тоже. Все свидания заканчивались катастрофой, и встреча с Дэйвом Престоном всего лишь последняя в долгом ряду.

В эти выходные он прислал еще три текстовых сообщения, она все уничтожила.

Боже мой, прошло шесть лет, а порой наваливается страшная тоска по Кесу. Клиенты часто говорят, что верят ей, потому что она очень сильная. Сейчас ясно, как никогда, — нет у нее вообще никакой силы. Перед клиентами просто прикидывается. Носит маску — «Карли Чейз на работе». Была бы по-настоящему сильной, забывала бы о клиентах в конце каждого дня. Но о многих забыть невозможно.

Кес не раз повторял, что она слишком заботится о клиентах, до самоистязания. Только тут ничего не поделаешь. Счастливый брак, как у них с Кесом, дает удивительную внутреннюю силу, ощущение полноты жизни. Несчастный — настоящая каторга, судя по слезам, дрожащим голосам, трясущимся рукам клиентов, подписывающих бумаги.

«Аргус» каждый день рассказывает о столкновении на дороге, кроме сегодняшнего — газета в воскресенье не выходит. В пятницу на первой странице красовалось сообщение о вознаграждении в сто тысяч долларов, предложенном семьей погибшего парня за сведения о водителе фургона. Фото Карли на второй странице. Солиситор из Брайтона задержана на месте дорожного происшествия со смертельным исходом.

В вечернем выпуске в пятницу вновь про нее, и в субботу. Дошло до общенациональной прессы с ярким освещением в таблоидах, а сегодня и в «Санди таймс». Самая громкая новость та, что Тони Ревир внук «крестного отца» нью-йоркской мафии. Репортеры звонят даже в офис, но Карли с ними не разговаривает по совету партнера по юридической фирме Кена Акотта. Хотя страшно хочется указать, что столкновение произошло не по ее вине и не она сбила велосипедиста.

С недавних пор кажется, будто все дурное, что в целом могло случиться дома и в жизни, случилось одновременно. В душе сгустился мрак. Синдром «утра понедельника» нежеланно нагрянул на двенадцать часов раньше обычного.

Воскресные вечера стали еще хуже после гибели Кеса. Приблизительно в это время шесть лет назад на порог явились полицейские. С ними через Интерпол связался представитель канадской полиции из Уистлера, поручив сообщить ей об исчезновении мужа, предположительно попавшего в лавину, когда он спускался на лыжах со склона, куда его доставил вертолет. Последовали четыре дня тревожных ожиданий со слабой надеждой на чудо, пока не было обнаружено тело.

Она часто подумывала продать дом, переехать в другой район города, но не хотелось лишать Тайлера привычной, устоявшейся жизни. Друзья и горячо любимая мать уговорили ее в первые месяцы после смерти Кеса не принимать поспешных решений. Поэтому через шесть лет они все еще здесь.

Дом, стоящий на взгорке над дорогой, с двойным подземным гаражом, с виду не слишком привлекательный. Краснокирпичное сооружение с неуклюжим флигелем и безобразным двойным остеклением, оставшимся от прежних владельцев, которое Карли с Кесом планировали сменить, построено в 60-х годах. Но им уж очень понравилась огромная гостиная с внутренним двориком, из которого можно войти в большой чудесный сад на склоне. Там два маленьких пруда, альпийская горка, летний домик на самом верху, где Кес с Тайлером создали мужское царство. Тайлер бил там в свои барабаны, Кес сидел, думал, курил свои сигары.

Кес с Тайлером были близки не только как отец с сыном, но как истинные друзья. Каждую субботу ходили на футбол, болея за «Альбион», летом рыбачили, играли в крикет, а чаще отправлялись в любимое место Тайлера в Брайтоне — в Естественно-исторический музей Бута. Они были настолько близки, что Карли порой почти ревновала, не посвященная в некоторые их секреты.

После смерти Кеса Тайлер перетащил ударную установку к себе в комнату, и она больше не видела, чтобы он поднимался к летнему домику. Карли прилагала большие усилия: сама ходила с сыном на футбол и на крикет, выезжала на рыбалку в лодке из брайтонской гавани, жестоко страдая от морской болезни. В результате возникла какая-то близость, но между ними еще остается дистанция. Будто призрак отца всегда в доме.

Карли взглянула на расплывающееся коричневое пятно на обоях на противоположной стене. Сырость просачивается. Дом разваливается. Необходимо взять себя в руки, либо сделать капитальный ремонт, либо, наконец, переехать. Куда? Она по-прежнему любит дом, чувствует здесь присутствие Кеса. Особенно в гостиной.

Для уюта они поставили перед телевизором два широких дивана, купили современный электрический камин с пляшущим пламенем. На каминной полке тонны приглашений на приемы и свадьбы, куда они собирались пойти после ежегодной мальчишеской поездки Кеса в горы. До сих пор не хватает духу убрать. Конечно, это все равно что жить в остановленном времени. Когда-нибудь переезд состоится. Только не сейчас. Она еще не готова.

Тем более после недавних тяжелых событий.

Она взглянула на фотографию Кеса, стоящую среди приглашений. Он и она рядом на лужайке у церкви Всех Святых в Патчеме в день свадьбы. Кес в черном смокинге, полосатых брюках, с цилиндром в руке. Высокий, красивый, со слегка вихрастыми угольно-черными волосами, с несколько высокомерным индифферентным видом. Таким его видели те, кто не знает, какой он на самом деле. За этим фасадом, неизменно производившим в суде убийственное впечатление, скрывался милый, на удивление беззащитный человек.

Карли хлебнула еще вина, помахала рукой, разгоняя особенно мощный и зловонный залп газов, выпущенный заснувшим у нее в ногах Отисом. Взяла пульт, прибавила звук в

телевизоре. Обычно и Тайлер сюда прибегает, устраивается у нее под боком. Они вместе что-нибудь смотрят. В особенно мрачные и дождливые вечера она больше обычного нуждается в сыне.

— Тайлер! — крикнула Карли. — «Топ гир» начинается!..

Отис проснулся от крика, вскочил, навострив уши, с рычанием выбежал из гостиной.

Джереми Кларксон, в броском пиджаке и в джинсах еще шире прежних, принялся рассуждать о новом «феррари». Карли схватила пульт, остановила изображение, чтобы Тайлер не пропустил ничего.

В последние дни после дорожного происшествия он находится в каком-то непонятном настроении. Это ее тревожит. Будто сын винит ее в случившемся. Но, в тысячный раз поминутно прокручивая в памяти утро среды, она неизменно приходит к заключению, что ни в чем не виновна. Даже если бы не отвлеклась на телефон, затормозила на полсекунды раньше, велосипедист все равно бы попал под фургон.

Правда?..

Хлопнула откидная собачья дверца в кухонной двери, из сада донесся яростный лай Отиса. В чем дело? Иногда к ним забегают городские лисы. Карли боится, как бы пес на них не набросился, сочтя за достойных противников. Выскочила на кухню, но тут Отис вернулся, тяжело дыша.

— Тайлер! — снова крикнула она и снова не получила ответа.

Взбежала наверх, побаиваясь, что сын смотрит программу на собственном телевизоре, и с недоумением увидела сына за письменным столом, с отцовской мемориальной коробкой.

У Тайлера необычные для двенадцатилетнего мальчика устремления. Хочет быть куратором музея. Точнее, куратором *Естественно-исторического* музея. Все его интересы отражены в маленькой комнатке, которая сама похожа на музей эволюции вкусов по мере взросления. Даже цветовая гамма, которую он сам выбрал, — зеленовато-голубые стены с пастельно-зелеными деревянными панелями, веселые яркие светильники на потолке из серого песчаника, — создает экологическую атмосферу.

Книжные полки забиты пластиковыми муляжами растений и рептилий, томами комиксов про Тинтина, «Звездных войн», справочниками по природоведению и палеонтологии. Там же еще одна характерная книга под названием «Самые-самые главные вопросы».

Стены увешаны тщательно отобранными фотографиями, картинками с изображением дикой природы и окаменелостей, собственноручными рисунками, причем все это распределяется по тематическим разделам. Карли особенно нравится раздел «Мечты Тайлера». Там изображен он сам в виде чокнутого профессора рядом с жутким скелетом доисторического чудовища с табличкой «Тайлерозавр» и причудливыми предметами с табличкой «Окаменелости». Под рисунком написано его рукой: «Хочу быть специалистом по окаменелостям в Естественно-историческом музее. Иметь самую крупную коллекцию в мире. Откопать динозавра».

В музыкальной секции стоит ударная установка, на стене гитара рядом с барабаном бонго, корнет на полке, там же книжка «Новая мелодия для духовых каждый день».

— Тайлер, «Топ гир» уже пошел.

Мальчик не шевельнулся. Сидит молча, в длинной серой куртке с капюшоном с надписью на спине «Нью-Йорк Джетс», перед старой обувной коробкой, куда в первые месяцы после гибели Кеса сложил все, что напоминало ему об отце. Возможно, позаимствовал идею из какого-то американского телесериала, но мысль ей все равно понравилась. До сих пор нравится.

Тайлер сдвинул в сторону компьютерную клавиатуру и мышку и выложил содержимое коробки на свободное местечко, не занятое настольной лампой из вулканической лавы,

телескопом, микроскопом и проектором для слайдов. Глазам Карли предстали шелковый крапчатый носовой платок, синий футляр для очков, разрешение на рыбную ловлю, годичный абонемент на матчи «Альбиона» — футбольной команды Брайтона и Хоува, — коробочка с наживкой и рисунок Тайлера, изобразивший отца в виде крылатого ангела у дорожного знака, указывающего на небеса.

Она осторожно пробралась мимо ударной установки, положила ладони сыну на плечи и ласково спросила:

— В чем дело?

Он, не ответив, вытащил отцовский рыбацкий нож. Отис мрачно гавкнул, снова хлопнула собачья дверца, пес снова с лаем выскочил в сад. Карли озадаченно выглянула в окно.

В саду не совсем темно — туда падает свет из окон и соседних домов. Она осмотрела газон на крутом склоне, пруды, взглянула выше на летний домик, увидела бегавшего вокруг пса. На кого лает? Ничего не видно, и все же тревожно. Совсем не похоже на Отиса. Кто-то чужой забрался? Пес замолчал и опять закружил у газона, уткнувшись в землю носом, как бы беря след. Лисы, решила Карли. Наверняка. Оглянулась на Тайлера и с ужасом увидела, что он плачет.

Бросилась перед ним на колени, крепко обняла.

— Что, милый? Скажи!

Мальчик уставился на нее сквозь слезы, текущие из-под очков:

— Я боюсь.

— Чего?

— Начал бояться после аварии. Ты ведь можешь попасть и в другую аварию, правда? — Тайлер помрачнел. — Не хочу заводить еще одну памятную коробку, мам. Не хочу собирать твои вещи…

Карли сильней его стиснула.

— Никуда я не денусь, понятно? Ты будешь со мной. — Чмокнула в щеку.

Отис в саду залаял еще громче.

Она снова выглянула в окно. Тревога нарастала.

41

Самолет приземлился жестко, буквально рухнул на дорожку, будто пилот не догадывался, что она совсем близко. В салоне загромыхало, задребезжало, какая-то дверца распахнулась и громко захлопнулась. Зуб против полетов не возражает. С армейских времен считает подарком приземление в любом месте, где в тебя не стреляют. Поэтому сидел бесстрастно и усиленно думал.

Он отлично спал, не откидываясь в кресле и практически не меняя позы за шесть с половиной часов от Ньюарка. Привык, когда был снайпером в армии. Мог при необходимости днями сидеть на месте в одной и той же позе, справляя нужду в мешки и бутылки, спать где угодно и в любое время.

Если бы захотел, расколол бы клиента на бизнес-класс или даже на первый, но предпочел анонимность эконом-класса. Когда торчишь выше всех, экипаж обращает внимание, а надо исключить вероятность, что его потом кто-то вспомнит. Мелочь. Но он не пренебрегает ни одной, даже самой мелкой мелочью. Поэтому, в частности, вылетел из Ньюарка, а не из аэропорта Кеннеди. Ньюаркский аэропорт поскромнее; опыт показывает, что служба контроля и наблюдения там послабее.

По иллюминатору текут струи дождя. На его часах 7:05 по британскому времени. В циферблат вмонтирована видеокамера размером с булавочную головку. Для клиентов, желающих наблюдать за работой. Вроде нынешнего.

Женский голос сделал объявление для транзитных пассажиров, которое его не касается. Он смотрит на серое небо, бетон, зеленую траву, стоящие самолеты, указатели, огни на посадочных полосах, коробки лондонского аэропорта Гатуик. На его взгляд, все гражданские аэропорты одинаковые. Иногда отличаются цветом травы.

Очкастый американец в соседнем кресле крепко стиснул свой паспорт и посадочный талон.

— На кочку шленулись, а? — сказал он.

Зуб проигнорировал. Сосед пытается завязать разговор с той минуты, как занял место, и он с той же минуты его игнорирует.

Через пятнадцать минут офицер иммиграционного контроля в тюрбане открыл британский паспорт Джеймса Джона Робертсона, взглянул на фотографию, пропустил документ через сканер и вернул владельцу, не говоря ни слова. Очередной британский гражданин вернулся домой.

Зуб прошел через турникеты, проследовал по указателям к багажному отделению и дальше к выходу. Никто не обратил внимания на щуплого, крошечного мужчину с выбритой головой, в темно-коричневой спортивной куртке поверх рубашки поло, черных джинсах и черных кубинских ботинках на каблуках. Он прошагал к зеленому таможенному туннелю с небольшой сумкой в руке и с переброшенным через другую бежевым анораком.

В таможенном зале пусто. Подметил двухстороннее зеркало над прилавками из нержавеющей стали, прошел мимо последнего магазинчика дьюти-фри, вышел в зал ожидания, в море внимательных настороженных лиц встречающих, выстроившихся стеной с табличками, где написаны фамилии встречаемых. По привычке сканировал лица, отмечая каждое, но не увидел ни одного знакомого, которое было бы обращено прямо на него, ничего подозрительного.

Добрался до конторы проката машин «Авис» в аэровокзале. Служащая проверила заказ.

— Небольшой седан темного цвета с автоматической коробкой передач, мистер Робертсон?

— Да. — Можно подделать хорошее английское произношение.

— Усовершенствованную модель не желаете?

— Если б желал, заказал бы, — равнодушно ответил он.

Женщина протянула бланк на подпись, переписала данные из водительских прав, вернула вместе с конвертом, на котором крупным черным шрифтом проставлен регистрационный номер.

— Все в порядке. Ключи в конверте. Вернете в целости и сохранности?

Зуб пожал плечами. Если в ближайшие дни дела пойдут по плану, как всегда бывает, компания свою машину больше не увидит. Он не возвращает взятое напрокат.

42

Когда нет продвижения, первоначальная энергия бригады, расследующей любое новое тяжкое преступление, быстро испаряется. Рой Грейс всегда считает своей главной задачей как старшего следователя заставлять команду работать сосредоточенно и активно. *Внушать* сотрудникам, что дело движется.

И действительно, если не принимать предусмотрительных быстрых решений, следствие неминуемо выдыхается. Идет слишком медленно с точки зрения крупных шишек из Мэллинг-Хаус, которые не любят прессу, связаны обязательствами перед обществом и пугаются нависающей над ними тени криминальной статистики. Идет слишком медленно и с точки зрения родственников жертв. Дни стремительно складываются в недели, недели растягиваются в месяцы. Иногда месяцы превращаются в годы.

Однажды одного из любимых героев Роя, Артура Конан Дойля, спросили, почему он, получив медицинское образование, начал писать детективные рассказы, и тот ответил, что любой хороший врачебный диагноз основан на точном выявлении и разумной оценке мельчайших деталей — разве не это необходимо хорошему детективу?

Рой в который раз глубоко задумался над этими словами, сидя в понедельник на утреннем инструктаже. Пятый день следствия. 8:30. За окном сырое серое утро. В душе ощущение безнадежности. Общее настроение выразил Норман Поттинг.

— Он просто гнида, этот Ивен Прис. Тупой как бревно. Мы имеем дело не с умником, а с идиотом, который живет в грязи на самом дне генетического болота. Козявки у меня в носу умнее.

Белла Мой с отвращением сморщилась.

— Спасибо, Норман. Что именно ты хочешь сказать?

— То, что хотел сказать, Белла, — ответил сержант. — Он не такой умный, чтобы долго прятаться. Его обязательно кто-то накроет, если к тому времени не поспеет полиция. Сотня кусков в награду — у гада никаких шансов.

— Значит, по-твоему, можно сидеть и ждать, не беспокоиться насчет расследования? — поднажала она.

Поттинг указал на белую доску, в центре которой крупными красными буквами написано имя Ивена Приса, обведено кружком, рядом наклеены тюремные фотографии. На них молодой человек с худым, узким лицом. Короткие торчащие волосы, хмуро обвисшие губы, как у ревущего осла, в одном ухе золотое колечко. От кружка с именем тянутся разнообразные линии к другим фамилиям — членов семьи, друзей, известных подельников, знакомых.

— Один из них знает, где Прис. Он поблизости, в городе, помяните мое слово.

Грейс кивнул. У таких, как Прис, вряд ли найдутся контакты за пределами мирка мелких преступников, существующего внутри Брайтона и Хоува. Скорее всего, тем его горизонт и ограничивается. Поэтому еще досаднее, что слизняк уже пять дней никому не попадается на глаза.

В отпечатанных помощницей по организационным вопросам заметках пока намечены четыре линии следствия.

1. Ивен Прис — родные, друзья, контакты, подельники.
2. Поиски фургона — свидетели, камеры наблюдения.
3. Боковое зеркало «форда-транзит».
4. Тюрьма Форд — связь с пунктом 1.

Рой взглянул на белую доску, на родственные и общественные связи Приса, на кунью, худую до истощения физиономию. Имел с ним раньше дело, когда служил два года в оперативной бригаде, прежде чем перейти в управление. Прис подобен многим, кто рос без отца в убогом доме, безалаберная мать никогда им не занималась. Помнится, как Грейс зашел к ней после ареста четырнадцатилетнего Ивена за угнанную и брошенную после веселой поездки машину. Помнится, как она открыла дверь с самокруткой в зубах. «Чего вы от меня хотите? Я иду в бинго играть».

Он обратился к усталому с виду констеблю Дэвису:

— Есть что-нибудь, Алек?

— Да, шеф. — Констебль зевнул. — Простите, всю ночь записи с камер просматривал. Есть несколько кадров, возможно нашего фургона. По времени совпадает.

— Номер где-нибудь схвачен?

Констебль покачал головой:

— Нет, но на некоторых кадрах отчетливо видно, что боковое зеркало отсутствует. Первый снят на пересечении Карлтон-Террас и Олд-Шорэм-Роуд, машина направляется к западу. В том же направлении шла и дальше, судя по камере на Олд-Шорэм-Роуд и Бенфилд. То же самое на камерах на Трафальгар-Роуд и Эпплшем. На последнем кадре едет на юг к Саутвику.

— Водителя не видно? — спросил Гленн Брэнсон.

— Видно, — кивнул Дэвис, — только нечетко, опознать невозможно. Я передал Крису Хиверу в фотолабораторию, может, удастся укрупнить.

— Хорошо, — вздохнул Грейс.

— По-моему, он мог залечь где-нибудь в центре Саутвика. — Алек Дэвис встал, шагнул к другой белой доске с пришпиленной крупномасштабной картой городских дорог. — Вот мои соображения. Машину в последний раз засекли здесь, — указал он. — Наружная камера винного магазина рядом с Саутвик-Грин. Пока на других записях фургона не найдено. Я послал ребят проверить весь район, и если бы он спустился к гавани или вернулся на Олд-Шорэм-Роуд, запутав следы, или выехал на А27, то непременно попал бы в объектив. Там полно камер. — Констебль взглянул прямо на Грейса. — Возможно, это свидетельствует, что он остался вот в этом районе, сэр. — Дэвис обвел пальцем Саутвик и Портслейд, захватив северную оконечность Шорэмской гавани.

— Неплохо, — кивнул Грейс. — Согласен. Очертите границы, поручите выездной бригаде и местной полиции обойти дом за домом. Пусть стучат в каждый, где есть встроенный гараж, попросят разрешения осмотреть. Проверьте, есть ли в районе запертые гаражи, любое другое место, где можно спрятать фургон. Одновременно пусть поговорят с каждым встречным, может, кто-нибудь видел в расчетное время спешивший «форд-транзит».

— Слушаю, сэр.

— По-моему, вам надо отдохнуть.

— Ничего, сэр, — усмехнулся констебль. — Заправляюсь кофеином.

Грейс пристально посмотрел на него.

— Молодец. Только совсем уж не выбивайтесь из сил. — Он взглянул на следующий пункт повестки совещания и обратился к сержанту Полу Тимберу: — Удалось найти что-то новое на боковом зеркале?

— Мне не понравилось, шеф, что не все осколки оказались на месте, — ответил Тимбер. — Я отправил поисковую бригаду обшарить канализацию, и они отыскали недостающий кусочек. Значит, начисто срезана ручка и крепление на пикапе осталось неповрежденным. Для замены достаточно просто купить — или украсть — само зеркало и поставить за пару минут, без всяких специальных инструментов.

Грейс сделал пометку, подумав, что вчера, в субботу, почти все, если не все магазины запчастей не работали, и посмотрел на Нормана Поттинга, зная, что можно всегда на него положиться. Ник Николл дотошный трудяга.

— Норман и Ник, обойдите места, где можно купить новое или подержанное боковое зеркало для подобной машины. Дилеров компании «Форд», склады запчастей, магазины вроде «Хартворда», площадки для утилизации автомобилей и прочее. Выясните, не сообщалось ли о краже бокового зеркала с такого же фургона в районе Брайтона и Хоува.

Если потребуются дополнительные силы, сообщите. По возможности надо с этим покончить к вечернему совещанию.

Николл кивнул, напомнив ретивого щенка. Поттинг, сосредоточенно морщась, записывал.

— А интернет-магазины? Наверняка заменят все, что пожелаешь.

— Хорошее замечание. Рей Пэкем из отдела высоких технологий определенно знает, как быстро проверить. — Грейс вернулся к своим заметкам. — Так. Последний пункт на сегодня тюрьма Форд. Гленн и Белла, отправляйтесь туда и попробуйте что-нибудь вытянуть из заключенных, которые знали Приса и Уоррена Талли. Я говорил с Лизой Сеттерингтон, которая отвечала за Приса, она для вас список составит. Кроме того, она сотрудничает с нашими, кто отвечает за места заключения. По-моему, лучше сосредоточиться на исчезновении Приса, а не на его участии в дорожно-транспортном происшествии и даже не упоминать о Талли. На Сеттерингтон можно положиться, она к вам доставит всех тюремных знакомцев Приса. Если кто-нибудь разговорится, сыграйте на вознаграждении. Соблазните: мол, Приса в любом случае выдаст кто-то другой, почему бы не ты.

— Есть уже результаты вскрытия Талли, шеф? — спросил Ник Николл.

— Жду, — ответил Грейс и снова посмотрел в заметки. — Прис хороший подозреваемый. Прошу всех побеседовать со своими осведомителями. Надо пустить слух по городу, что мы его разыскиваем и за это обещано вознаграждение. Не все читают газеты и новости смотрят.

Констебль Бутвуд подняла руку:

— Шеф, я разговаривала с участником операции «Минимизация», который работает под прикрытием, у него немало информаторов. Он их расспросил по моей просьбе, но за последнюю неделю никто из постоянных контактов Приса не слышал о нем.

«Я бы и сам ни с кем из знакомых не связывался, если б у меня на лбу была проставлена сумма в сто тысяч», — мысленно отметил Грейс.

— Прис явно старается не высовываться, Эмма Джейн, — сказал он. — Но где-нибудь непременно всплывет на поверхность.

Хотя в данном случае подошло бы выражение покрепче.

43

По окончании инструктажа Грейс попросил Гленна Брэнсона минут на десять зайти к нему в кабинет. Пока шел по коридору, позвонил Клио. Хотя консультант приказал ей отдыхать, она нынче упрямо отправилась на работу, впрочем поклявшись не таскать тяжести.

Голос хороший, но Клио занята, разговаривать сейчас не может. Много смертей в выходные — падение с приставной лестницы, байкеры на скоростных мотоциклах; мужчины, давшие себе волю в постели по окончании рабочей недели; одинокий холостяк, не сумевший пережить уик-энд. Роя никогда не перестает удивлять энтузиазм, с которым Клио относится к своей жутковатой работе. Впрочем, она частенько говорит о нем то же самое.

Грейс приготовил себе кофе в крошечном чуланчике с чайником, столиком, раковиной и холодильником, который заменяет в Суссекс-Хаус столовую, понес в кабинет кружку. Едва успел усесться, как явился Гленн.

— Эй, старик, что еще за ахтунг?

Грейс усмехнулся. Недавно он распространил в управлении DVD, полученный от детектива из Лос-Анджелеса, с которым познакомился в прошлом году на ежегодном симпозиуме международной ассоциации следователей-криминалистов. Диск посвящен испанским бандам, занявшим преимущественное положение на улицах и в тюрьмах Лос-Анджелеса. В нем даны указания, как распознать и интерпретировать сленг, символы на одежде, татуировки, сигнальные жесты, которые заимствуют менее организованные, но не менее жестокие американские шайки.

— Ахтунг?..

— Угу.

— Хочу, чтобы ты взял на себя вечерний инструктаж. — Грейс ухмыльнулся, отметив необычайно изысканный даже для Гленна костюм — серый в тоненькую лиловую полоску. — То есть если у тебя не назначено свидание с портным.

— Тебе тоже устрою. Сварганишь новый летний прикид.

— Спасибо, в прошлом году устроил, и это мне обошлось в два куска.

— У тебя очаровательная молодая невеста. Хочешь, чтобы она смахивала на старую цыганку?

— Собственно, поэтому и прошу подменить меня вечером. Везу ее в Лондон. Билеты на концерт достал.

Брэнсон вытаращил глаза:

— Обалдеть! На какой?

— «Иглз».

Гленн бросил на него взгляд, в котором безошибочно читалось «глупая задница», и затряс головой.

— Очнись! «Иглз»? Старая цыганская музыка? Она любит «Иглз»?

— Нет. Я люблю. — Грейс стукнул себя в грудь.

— Знаю. Видел у тебя дома. Даже не верится, что собрал столько альбомов.

— «Лживые глаза» и «Полегче» — лучшие синглы всех времен.

Брэнсон передернул плечами.

— А в айподе у тебя наверняка Вера Линн.[15]

Грейс покраснел.

— Если хочешь знать, у меня нет айпода.

— Оно и видно. — Гленн сел, уткнулся локтями в письменный стол, твердо глядя боссу в глаза. — Клио только что из больницы, а ты собираешься заразить ее песнями «Иглз»? Не могу поверить!

— Билеты куплены сто лет назад, я за них выложил целое состояние. Вдобавок даю отступного.

— Да?

— Взамен обещаю сводить Клио на мюзикл. — Рой беспомощно взглянул на друга. — Не люблю мюзиклы. Ставка принята?

Брэнсон выпучил глаза.

— Дай угадаю!.. На «Звуки музыки»?[16]

Грейс ухмыльнулся:

— Лучше не спрашивай.

44

Зуб выехал с автомобильной стоянки компании «Авис», объехал вокруг аэропорта и направился к въезду на долгосрочную стоянку. Однако не проследовал по указателям к отведенному на сегодня участку, а двинулся вглубь между рядами давно припаркованных машин, отыскивая другие «тойоты-ярис» того же года выпуска и приблизительного оттенка, как прокатная.

За двадцать минут насчитал пять — три в уединенных отсеках, недосягаемых для видеокамер. Быстро свинтил со всех передние и задние номера, сунул в багажник своей машины. Внес минимальную плату за парковку, выехал и повернул к «Премьер-Инн» —

одному из ближайших к аэропорту отелей. Там спросил номер на втором этаже с видом на парковку и главный вход. Номера на втором этаже предпочтительнее. Снаружи никто не заглянет, а если придется срочно уходить через окно, то прыжок не будет смертельным. Он сообщил также администраторше, что ждет доставки посылки через «Федерал-экспресс».

Запер дверь, поставил на кровать сумку, вытащил коричневый конверт, который дал ему Рики Джордино. Прошел к деревянному письменному столу у окна, влез на него, заклеил пластырем дымовой детектор на потолке, сел в лиловое кресло и принялся изучать окрестности. Над стоянкой отель потрудился. Аккуратно подстриженные кусты, низкая живая изгородь, круглые деревянные столики, отдельно отгороженное место для курящих. Ровными рядами стоят семьдесят две машины, включая его маленькую темно-серую «тойоту-ярис». Зуб запомнил модель, цвет и место каждой. Научился в армии. Запоминай, что видишь. Как только какая-то деталь изменится, пусть даже самая мелкая, пора насторожиться.

За дальним краем стоянки торчит высокий красный подъемный кран, вдалеке массивный серый корпус, под крышей которого из крупных белых букв складываются слова «Гатуик. Северный терминал».

Зуб заварил растворимый кофе, снова изучил содержимое конверта.

Три фотографии. Три фамилии.

Стюарт Фергюсон, 51 год. Здоровяк с бритой головой и тройным подбородком, в зеленой рубашке поло с вышитым на груди желтыми нитками названием компании «Океанская рыба из Абердина». Карли Чейз, 40 лет. Довольно симпатичная, в шикарном черном пиджаке и белой блузке. Ивен Прис, 30 лет. Слизняк с торчащими как у дикобраза волосами, в длинной темной куртке с капюшоном поверх серой футболки.

Адреса двух первых есть, вместо адреса Приса номер телефона.

Зуб вытащил мобильник, вставил новую бесконтрактную сим-карту, купленную в Гатуике, набрал номер.

После шестого звонка ответил нервный мужской голос:

— Да?..

— Рики велел позвонить.

— Ох, да. Обождите. — Послышался скрежет, потом снова голос, тише, быстрее. — Слушаю. Неудобно говорить, понимаете?

Зуб не понимал.

— Для меня должен быть адрес.

— Правильно. Рики знает условия?

Зубу все это не понравилось, и он разъединился.

Сердито уставился на детектор дыма — нужна сигарета. Через несколько секунд телефон зазвонил. Номер на дисплее не высветился. Он нажал кнопку ответа, но не ответил.

Тот же мужчина, с которым только что был разговор, уточнил:

— Это вы?

— Адрес, или пошел в задницу, — сказал Зуб.

Мужчина назвал адрес, он записал в гостиничном блокноте, прервал связь, не сказав «спасибо». Вытащил сим-карту, расплавил над зажигалкой, спустил в унитаз.

Развернул дорожную карту Брайтона и Хоува, приобретенную в книжном киоске, и стал искать адрес. Потребовалось время. Потом взял другой мобильник на платформе Google Android, зарегистрированный на имя партнера Йоссариана, и ввел данные в навигатор.

Устройство показало дорогу и время. На машине от «Премьер-Инн» 41 минута.

Потом Зуб вошел в Google Earth с ноутбука, набрал адрес Карли Чейз. Через пару секунд возникла картинка дома и участка с воздуха. Кажется, крутом закрытый сад. Хорошо.

Он принял душ, сменил белье, заварил еще кофе. Вернувшись в Google Earth, освежил в памяти другой район города, с которым пришлось основательно познакомиться в прошлый приезд, — Шорэмский порт и гавань к западу от Брайтона. Семь миль береговой полосы, лабиринт со многими местами, куда не ступала нога человека. Круглосуточный доступ. Все изучено с такой же точностью, как любая вражеская территория.

Вскоре, после одиннадцати, раздался звонок гостиничного телефона. Администратор сообщил, что курьер с пакетом прибыл и ждет. Зуб спустился, забрал посылку, принес в номер, переложил содержимое в сумку, сжег квитанцию и упаковку. Уложил вещи.

За номер заплачено вперед на неделю, но пока неизвестно, когда он вернется. Если вообще вернется.

45

Карли начала неделю в скверном расположении духа. Слабое утешение давала лишь надежда, что она будет все же не такой дерьмовой, как прошлая. Но, глядя в понедельник на сидевшую в кресле клиентку, она не увидела подтверждения этой надежды.

Кен Акотт сообщил, что судебные слушания назначены через неделю, на четверг. Обещал постараться как можно скорее вызволить из полиции «ауди», но машина получила серьезные повреждения, вряд ли удастся отремонтировать за десять дней. Суд наверняка лишит ее водительских прав, хорошо, если на минимальный срок — на год.

Близкая приятельница Клер Мэй, сын которой тоже учится в школе Святого Христофора, отвезла нынче Тайлера на занятия, вечером привезет. Охотно вызвалась помогать, пока все не уладится. Спасибо и на этом. Карли даже не представляла, насколько тяжело без машины, но сегодня решила не сокрушаться по этому поводу. Кес всегда советовал видеть в плохом хорошее. Постараемся, черт побери.

Утром первым делом справилась о расценках на заказ такси по контракту, просмотрела в Гугле расписание автобусов, задумалась о покупке велосипеда. От дома до ближайшей автобусной остановки немалое расстояние, расписание не очень удобное. Велосипед был бы оптимальным решением, по крайней мере на погожие дни без дождя. Однако воспоминание о столкновении еще живо в памяти, поэтому идея не особенно привлекает.

Открытое досье клиентки лежит перед глазами. Миссис Кристина Лавиния Гудинаф. 52 года. Сразу видно, желудок у женщины никуда не годится, седеющие волосы подстрижены как у пуделя в собачьем салоне, пухлые руки крепко тискают сумочку на коленях, видимо не доверяя солиситору; в глазах откровенный воинственный вызов.

По мнению Карли, семейная жизнь редко рушится по серьезным причинам. Скажем, измена мужа или жены нередко переживается без серьезных последствий. Дело чаще всего в мелочах, булавочных уколах, порой совсем незначительных, вроде тех, о которых сейчас рассказывает клиентка.

— Я всю неделю думала. Кроме храпа, который он полностью отрицает, дело еще в том, *как* он мочится по ночам. — Женщина скривилась. — Нарочно старается мне досадить.

Карли не смогла скрыть изумления.

Кабинет и рабочий стол у нее небольшие и не шикарные. На столе едва помещается регистрационный журнал, лоток для входящих и исходящих бумаг, пара ее фотографий с Тайлером. За окнами прекрасный вид на Королевский павильон — и не такой прекрасный на бесконечные потоки машин. В спартанском помещении даже через шесть лет возникает впечатление, будто она сюда только что въехала, из-за штабелей переполненных картотечных ящиков на полу.

— Что значит *нарочно?*

— Отливает прямо в воду с жутким шумом. Ровно в два каждую ночь. Потом еще в четыре. Если б думал обо мне, целился бы в стенки унитаза, правда?

Карли вновь подумала о Кесе. Не помнится, чтобы он отливал по ночам, разве что с сильного перепою.

— Вы действительно считаете, что он делает это нарочно?

Хотя она зарабатывает для фирмы деньги на матримониальных делах, все равно всегда старается отговорить клиентов от обращения в суд. Приятнее помогать им решить проблемы путем переговоров.

— Возможно, просто устает, не задумывается, куда целится?

— Устает?.. Специально плещет. Разве Господь наградил мужчин длинным членом не для того, чтоб точно целиться?

Действительно, Господь обо всем позаботился, хотела сказать Карли, а вместо этого тактично заметила:

— Я бы не советовала приводить этот довод на слушаниях.

— Потому что у судей маленькие члены?

Карли уставилась на клиентку, стараясь сохранять не только профессиональную честность, но и нейтралитет. Хотя для себя сделала однозначный вывод — на месте мужа давно придушила бы эту корову.

Конечно, мысль нехорошая. Но пошли они в задницу.

46

Свернув с магистрали и перевалив через «лежачего полицейского», Зуб испытал недовольство. Широкая, открытая, почти без деревьев улица. Далеко и беспрепятственно просматривается в обе стороны. На ней трудно спрятаться. Небольшой ряд магазинчиков, разнообразных салонов, сдвоенные дома. К некоторым пристроены гаражи, в других подобные пристройки превращены в добавочное жилое помещение. Машины припаркованы у тротуаров с обеих сторон, но свободного места полно. Чуть дальше по дороге школа, что плохо. Нынче люди присматриваются к одиноким мужчинам в автомобилях, стоящих неподалеку от школ.

Искомый дом № 209 с гаражом виден почти сразу через дорогу. Именно здесь, по полученным сведениям, прячется первая цель — Ивен Прис.

Зуб проехал мимо и дальше по улице, попетлял по многочисленным переулкам, через пять минут вернулся. Неподалеку от указанного дома свободное место между полуразвалившимся туристским трейлером и кремовым «фольксвагеном»-«жуком», с проржавевшими крыльями, которое Зуб и занял.

Место хорошее, дом почти на ладони. Сильно нуждается в ремонте. Некогда белая краска на стенах совсем посерела. Подоконники сгнили. В переднем садике свалены черные мешки с мусором, там же ржавая стиральная машина, которая, видно, стоит не первый год. Все-таки люди должны себя уважать, решил он. Не сваливать перед окнами мусор. Надо будет указать Прису — у них хватит времени поболтать.

Вернее, у Приса хватит времени послушать.

Зуб слегка опустил стекло, зевнул, заглушил мотор. Хоть поспал в самолете, а все равно чувствуется усталость. Хорошо бы выпить кофе. Он закурил «Лаки страйк» и остался сидеть в машине, глядя на дом, размышляя. Разрабатывая план, полностью просчитывая все, что произойдет в грядущие часы.

Вытащил фотографию Ивена Приса, еще раз изучил. Настоящая глупая задница. Можно узнать с первого взгляда, если он дома или вернется откуда-то. При условии, что полученные сведения соответствуют действительности и Прис по-прежнему скрывается здесь.

Некоторые важные обстоятельства неизвестны. Начать с того, кто еще находится в доме. Узнать, конечно, не проблема. Тот, кто прикрывает ублюдка вроде Ивена Приса, сам

наверняка такой же облом. В общем, не проблема. На лобовое стекло упали дождевые капли. Хорошо. Дождь поможет. Добрый сильный дождь зальет стекла, сидящего за рулем будет плохо видно, да и люди перестанут шастать по улице. Меньше свидетелей.

И вдруг Зуб заледенел. Из-за угла в дальнем конце улицы вывернули двое полицейских. Он наблюдал, как они прошагали к дому № 209 и позвонили. Через минуту снова нажали на кнопку, потом постучали. Один вытащил блокнот и что-то записал. Потом они направились к соседнему дому, ближе к Зубу. Процедура повторилась.

На этот раз открыла пожилая женщина. Они кратко переговорили на крыльце, женщина зашла обратно, вернулась в дождевике, пошла к гаражу, подняла откидную дверь.

Не надо быть академиком, чтобы понять, что ищет полиция. Но Зубу полиция ни к чему.

Он смотрел, как они кивают, переходят к следующему дому, еще ближе. Мысли с бешеной скоростью крутились в голове.

Один вариант — уехать. Но копы слишком близко, могут обратить внимание; не хочется, чтобы заметили автомобиль. Он взглянул на магазины с другой стороны дороги. Лучше сидеть, сохраняя спокойствие. Поблизости нет никаких знаков, которые запрещают стоянку. Закон не запрещает сидеть в машине, курить сигарету, правда?

Зуб раздавил в пепельнице окурок, продолжая смотреть. Не получив ответа в следующем доме, полицейские перемолвились между собой и разделились: один перешел через дорогу, направился вверх, зашел в первый магазин.

Другой снова принялся стучать в дверь дома № 209.

Курить хочется. Зуб вытряхнул из пачки очередную сигарету, прикурил, наблюдая за окнами, пока полицейский тщетно переминался на ступеньках. Занавеска на верхнем этаже еле заметно дрогнула. Если специально не приглядываться, то и не увидишь.

Значит, там кто-то есть. И не собирается открывать копу дверь. Хорошо.

Полицейский опять постучал, нажал кнопку звонка. Еще раз. Повернулся, но пошел не к следующему дому, а к «тойоте-ярис».

Зуб сидел спокойно. Затянулся сигаретой, бросил фотографию Приса на пол между ногами.

Полицейский наклонился, стукнул в пассажирское окно.

Зуб опустил стекло.

— Доброе утро, сэр, — сказал парень лет двадцати пяти с острым, проницательным взглядом и серьезным лицом.

— Доброе, — ответил Зуб на английский манер.

— Мы ищем белый фургон «форд-транзит», который в прошлую среду разъезжал на большой скорости в этом районе. Ничего не припоминаете?

Зуб помотал головой и спокойно сказал:

— Ничего.

— Спасибо. Просто ради формальности разрешите спросить, что вы тут делаете?

Он приготовился к такому вопросу.

— Жду свою девушку. Прическу делает. — И кивнул на парикмахерскую под названием «Джейн».

— Если она такая, как моя жена, долго будете ждать. — Полицейский пристально оглядел Зуба, распрямился, пошел к другому дому. Зуб поднял стекло, наблюдая за ним в зеркало заднего вида. Коп вдруг остановился, вновь оглянулся на его машину, потом продолжил путь.

Зуб все следил за ним и за его коллегой, переходившими от дома к дому по всей улице. Наконец полицейские скрылись из вида. Тогда он уехал на случай, если вернутся. Вдобавок

не было смысла торчать на виду средь бела дня. Надо вернуться, когда стемнеет. Пока еще много работы.

47

Рой Грейс чувствовал усталость и некоторое отчаяние. Ивен Прис ушел под землю — неизвестно, сколько еще будет прятаться. Завтра уже неделя, как начато расследование, а о подозреваемом не получено никаких сообщений, несмотря на награду.

Положительный факт тот, что умом Прис не блещет, рано или поздно допустит ошибку, кто-нибудь обязательно его заметит. Плохо, однако, то, что сильно давит помощник главного констебля Ригг, на которого, в свою очередь, давит главный констебль Том Мартинсон. Им нужен быстрый результат.

Конечно, со временем страсти утихнут, особенно если случится что-нибудь новое и достаточно громкое. В данный же момент операция «Скрипка» отравляет жизнь многим. В частности, главе исполнительной власти Брайтона Джону Барраделлу, который всеми силами старается избавить город от нежеланной репутации «криминальной столицы Соединенного Королевства». Именно он давит на шефов полиции.

— Восемь тридцать, вторник, двадцать седьмое апреля, — начал Грейс, открывая утренний инструктаж. — У нас имеется новая информация из тюрьмы Форд по поводу смерти Уоррена Талли, приятеля Приса.

Он посмотрел на Гленна Брэнсона, на остальных членов команды, которая растет с каждым днем. В просторном помещении уже заняты все три рабочие станции. Последнее приобретение — сержант Дункан Крокер из полицейской разведки, сорокасемилетний мужчина с редеющими волнистыми волосами, поседевшими на висках. Жизнерадостный и веселый, он каждый день после тяжелой и грязной работы награждает себя достойной выпивкой. Крокер настоящий профессионал, блистательный и прозорливый детектив, дотошно разбирающийся в деталях и работающий в высшей степени эффективно.

— Я получил отчет о вскрытии Талли, босс, — доложил Брэнсон. — Он висел на потолочной балке в своей камере, на веревке, скрученной из разорванной простыни. Ему сразу произвели сердечно-легочную реанимацию, но безрезультатно. Суммирую результаты. — Он махнул пухлым отчетом, демонстрируя количество страниц. — Многие факты указывают, что это не самоубийство. Медицинские обследования, производившиеся во время его заключения, не выявили никаких суицидальных наклонностей. Вдобавок Талли должен был освободиться через три недели, как и Прис.

Телефон Нормана Поттинга сыграл тему Джеймса Бонда. Сержант с кряхтением заглушил его.

— Сменил Индиану Джонса на Бонда? — полюбопытствовала Белла Мой.

— Как-то к этой трубке больше подходит, — уклончиво пробормотал Поттинг.

— Просто качество такое же низкое, — фыркнула она.

Брэнсон продолжил:

— В камере обнаружены следы борьбы, на теле многочисленные кровоподтеки. По мнению патологоанатома, Талли сначала задушили, а потом повесили. Под его ногтями обнаружены частицы эпителия человеческой кожи, которые отправлены на анализ ДНК.

— Если задушил другой заключенный, ДНК его прямо укажет, — сказал Дункан Крокер.

— Если повезет, — Брэнсон кивнул, — результат будет к концу дня или завтра. — Он покосился на Грейса, как бы за одобрением. Рой ему улыбнулся. — По словам Сеттерингтон, которая беседовала со многими заключенными, общавшимися с Присом и Талли, последний без конца болтал о награде. Все видели объявление по телевизору и в «Аргусе». Талли похвалялся, что знает, где Прис. Наверняка недолго выбирал между верностью другу и сотней тысяч долларов.

— Он действительно знал? — спросила Белла Мой.

Брэнсон поднял палец, призывая к вниманию.

— У каждого заключенного в британских тюрьмах имеется телефонный пин-код. Они обязаны сообщать номер, по которому звонят, — разрешается максимум десять.

— А я думал, у всех мобильники, — вставил Поттинг с кривой усмешкой.

Брэнсон усмехнулся в ответ. Стандартная шутка. Мобильные телефоны строго запрещены во всех тюрьмах и поэтому служат даже более ценной валютой, чем наркотики.

— К счастью для нас, у Уоррена Талли мобильника не было. Вот запись его звонка с тюремного телефона на номер Ивена Приса. — Гленн ткнул в нужную клавишу, раздался громкий треск, торопливые приглушенные голоса.

«Ивен, ты где, мать твою? Почему не вернулся? В чем дело?»

«Э-э-э… ну… понимаешь, возникла проблема…»

«Какая, мать твою? Ты мой должник, я бабки вложил».

«Ладно, не психуй. Просто по дороге вляпался. Звонишь с общего телефона?»

«Угу».

«Почему не с мобилы?»

«Откуда у меня мобила?»

«Что за хрен, мать твою!.. Я пока поглубже залягу. Понял? Не бойся, увидимся. Все, лады».

Раздался щелчок, разговор закончился.

Брэнсон взглянул на Грейса.

— Запись сделана в восемнадцать двадцать пять в прошлый четверг, через день после столкновения на дороге. Я время просчитал. Заключенные, выполняющие оплачиваемую работу по программе социальной реабилитации, как Прис, выходят из тюрьмы утром в шесть тридцать, возвращаются к десяти вечера. К девяти утра вполне можно доехать до Портленд-Роуд.

— *Поглубже залягу…* — задумчиво повторил Грейс. — Поглубже залечь можно только у верного человека. — Он встал, шагнул к белой доске с указанием родственников и друзей Приса. Оглянулся на Поттинга. — Норман, ты его неплохо знаешь… с кем он особенно близок?

— Поговорю с соседями, босс.

— По-моему, если фургон, по всей видимости, пропал из вида в Саутвике, значит, он где-то там, у какого-то родственника или подружки. — Рой просмотрел фамилии на белой доске. Как у любого ребенка из неблагополучной семьи, у Приса целая куча двоюродных и сводных братьев и сестер, многие из которых хорошо известны полиции.

— Шеф, — поднял руку Дункан Крокер, — я над этим уже поработал. — Он подошел к доске. — У него три сестры. Одна, Мэнди, эмигрировала с мужем в Австралию, в Перт, четыре года назад. Другая, Эмми, живет в Солтдине. Адреса младшей, Эви, не знаю, но в детстве они с Ивеном были неразлейвода. Когда ей было десять, а ему тринадцать, обоих взяли за взлом прачечной-автомата. Через два года она сидела в машине, которую он угнал покататься. Хорошо бы к ней присмотреться.

— Было бы еще лучше, если она случайно живет в Саутвике, — добавил Грейс.

— Знаю, кто нам скажет, — объявил Крокер. — Инспектор по надзору за условно осужденными.

— За что ей дали условный срок? — спросил Брэнсон.

— За содействие и укрывательство брата! — ответил Крокер.

— Сейчас же звоните инспектору, — велел Грейс.

Крокер пошел звонить, а совещание продолжалось. Через две минуты сержант вернулся, широко улыбаясь.

— Шеф, Эви Прис живет в Саутвике!

Отчаяние смыл внезапный прилив адреналина. Грейс хватил кулаком по столу:

— Молодец, Дункан! Точный адрес есть?

— Конечно. Мэнор-Холл-Роуд, двести девять.

Грейс обратился к Нику Николлу:

— Нужен ордер на обыск дома двести девять на Мэнор-Холл-Роуд в Саутвике.

Тот кивнул.

Рой повернулся к Брэнсону:

— Вызывай местную бригаду поддержки, поедем с визитом. — Он взглянул на часы. — Если повезет получить ордер и быстро доехать, успеем подать ему завтрак в постель.

— Смотрите, чтоб не подавился, шеф, — вставил Норман Поттинг.

— Обязательно, — посулил Грейс. — Всем прикажу обращаться с ним крайне любезно. Спросим, нравятся ли ему яйца всмятку и не срезать ли корочку с хлеба. Ивен Прис пробуждает во мне лучшие качества. Я превращаюсь в доброго самаритянина!

48

Через полтора часа суперинтендент с сержантом медленно проплывали мимо дома 209 по Мэнор-Холл-Роуд. Гленн сидел за рулем, Рой разглядывал дом. Шторы задернуты — верный знак, что обитатели еще не встали или хотя бы не ушли. Дверь гаража закрыта. Если повезет, фургон там.

Грейс связался по радио с другими машинами, Брэнсон остановился в условленном месте за квартал к югу. Поступили новые сведения об Эви Прис. Рассталась с гражданским мужем, живет одна; ей 24 года; в полиции на нее давно заведено досье, в котором числится физическое насилие, пьянство на улице, хранение краденого и наркотиков; ныне ей по судебному постановлению запрещено полгода появляться в центре Брайтона за злостное нарушение общественного порядка. Трое ее детей от разных отцов находятся под опекой социальных служб. Два сапога пара с братцем, заключил Грейс. При встрече, конечно, многого придется наслушаться.

— Ну, старик, рассказывай, как вчерашний концерт? Что говорит Клио о долбаном старом цыганском хоре? — спросил Брэнсон.

— Говорит, потрясающе.

Брэнсон испытующе посмотрел на Грейса:

— Да?

— Да.

— Точно не пошутила?

— Сказала, еще хочет послушать. Потом CD купила.

Сержант пальцем постучал себя по лбу.

— Знаешь, от любви иногда теряют рассудок.

— Очень смешно.

— Ты, должно быть, посередине концерта по-стариковски заснул. Вместе с музыкантами.

— Какой же ты все-таки гад. Мы говорим о величайшей группе всех времен.

— Поедешь вечером в пятницу в Лондон на «Джерси-бойз»? — спросил Гленн.

— Их тоже хочешь с дерьмом смешать?

— Фрэнки Валли и «Фор сизонс» в полном порядке.

— Тебе их музыка действительно нравится?

— Кое-что. Для меня не вся музыка белых дерьмовая.

Грейс усмехнулся, видя в зеркале заднего вида фургон с логотипом полицейских кинологов, рядом с которым через пару секунд остановился белый микроавтобус без опознавательных знаков с восемью сотрудниками местной бригады поддержки, которые мгновенно блокировали дорогу. Еще две патрульные машины доложили, что заняли позицию на другом конце улицы.

Джейсон Хаззард из местной бригады заглянул в машину суперинтендента, Рой выставил оба больших пальца и шепнул одними губами:

— Пошли.

Хаззард опустил щиток шлема, три автомобиля рванулись вперед на большой скорости и резко тормознули у дома. Две группы проводников с собаками побежали перекрыть задний сад. Члены местной бригады в голубых спецкостюмах с пластиковыми наколенниками, в шлемах с опущенными щитками и плотных черных перчатках помчались к передней двери. Один тащил металлический цилиндр размером с хороший огнетушитель — таран, прозванный в обиходе «большим желтым ключом». Двое других несли гидравлический пробойник с источником питания, на случай если дверь укрепленная. Еще двое встали у гаража.

Те, кто был выслан к переднему входу, забарабанили в дверь кулаками, крича во все горло:

— Полиция! Откройте, полиция!.. — сознательно применяя тактику устрашения.

Один из полицейских ударил тараном, створка треснула. Все шесть членов бригады ворвались в дом, с оглушительным криком:

— Полиция!..

Грейс с Брэнсоном последовали за ними в крошечную прихожую, пропахшую табаком. Адреналин бушевал в крови Грейса. Он, как почти каждый полицейский, любил возбуждение облавы, сопровождаемое долей страха. Никогда не знаешь, с чем столкнешься, какое на тебя направят оружие. Глаза настороженно шныряют повсюду, напряженно пульсирует мысль, что кто-то в любой момент может выскочить и напасть, тогда как они с Гленном самые беззащитные, в одних пуленепробиваемых жилетах под куртками.

Опытные и хорошо обученные члены местной бригады рассыпались по дому — одни в комнаты нижнего этажа, другие вверх по лестнице, автоматически выкрикивая:

— Полиция!.. Полиция!..

Детективы, оставшиеся в узкой голой передней, слышали, как наверху хлопают двери, стучат тяжелые ботинки. Вскоре Вики Джонс, которая, по мнению Грейса, отличалась особой отвагой, тревожно прокричала:

— Поднимайтесь сюда, сэр!..

В сопровождении Брэнсона Рой нырнул в открытую дверь справа, в небольшую, безобразно захламленную гостиную, провонявшую табаком и мочой, с диванчиком на деревянном каркасе, винными и пивными бутылками на облысевшем грязном ковре, повсюду валявшейся нестираной одеждой и огромным плазменным телеэкраном на стенке.

На полу лежала лицом вниз, корчилась и стонала женщина, в розовом халате с пышными оборками. Голова привязана к ногам серой липкой лентой, во рту кляп.

— Чисто наверху! — крикнул Джейсон Хаззард.

— В гараже чисто! — крикнул еще кто-то.

Грейс поспешно заглянул в две верхние спальни и ванные, вернулся, присел рядом с женщиной, пока Вики Джонс с коллегой отдирали пластырь.

Женщина лет двадцати пяти, с копной коротких светлых волос и жестким лицом, заговорила сразу, как только смогла открыть рот.

— Суки! — выдавила она. — Где раньше были? Сколько времени, раздолбай?

— Пять минут одиннадцатого, — ответила Вики Джонс. — Как вас зовут?

— Эви Прис.

— Вы пострадали, ранены? — Вики обратилась к товарищу: — Вызови скорую.

— На хрена скорая? Дайте курнуть и выпить.

Грейс взглянул на женщину, не имея на данный момент никакого понятия, сколько она тут провалялась, и не мог не отметить ее самообладания. Вполне возможна инсценировка. Эви Прис не из тех, кому можно полностью верить.

— Где брат? — спросил он.

— Кто?

— Ивен.

— В тюряге. Вы же, свиньи, его посадили.

— Значит, он здесь не ночевал? — поднажал суперинтендент.

— Я сюда ночевать никого не пускаю.

— Кто-то спал в другой комнате.

— Наверно, Человек с Луны.

— Это он тебя связал? Человек с Луны?

— Мне нужен адвокат.

— Ты не задержана, Эви. Адвокат нужен только тому, кому предъявляется обвинение.

— Тогда предъяви.

— Через минуту предъявлю обвинение в препятствии следствию. А пока говори, кто спал в свободной комнате?

Эви Прис промолчала.

— Тот, кто тебя связал?

— Нет.

Хорошо. Большой шаг вперед.

— Мы беспокоимся о твоем брате.

— Чертовски мило. С тринадцати лет травили, теперь вдруг забеспокоились? Охренеть!

49

На вечернем инструктаже Грейс кратко ознакомил команду с итогами рейда. Эви Прис ничего не смогла рассказать о случившемся, хотя суперинтендент счел ее фактическое согласие на медицинское освидетельствование — пусть даже неохотное — подтверждением реального нападения, а не подстроенной вместе с братом инсценировки. Трудно сказать, то ли хаос в доме устроили его обитатели, то ли грабитель, изолировавший хозяйку по естественной необходимости.

По мнению полицейского врача, кровоподтек на шее женщины возник в результате сильного рубящего удара. Он добавил, что именно в это место наносят удар мастера боевых искусств, желая мгновенно лишить жертву сознания.

Все это совпадало с рассказом Эви о том, что она накануне вечером, часов в одиннадцать, вышла в сад выпустить кошку и очнулась связанная, на полу в своей спальне. Она упорно отрицала, что брат был у нее в доме и что в гараже в последнее время стояла какая-либо машина, несмотря на вещественные доказательства обратного. Во-первых, на полу в гараже осталась лужица масла, на вид довольно свежая. Во-вторых, что еще важнее,

в свободной спальне была обнаружена мужская одежда: кроссовки и джинсы, соответствующие размерам Ивена Приса, а в стиральной машине футболка того же размера.

Грейс распорядился задержать ее по подозрению в укрывательстве беглого заключенного и по обвинению в препятствии следствию, поручив опытной Белле Мой разработать стратегию допросов, пока Эви Прис находится в предварительном заключении.

Вдобавок он направил чрезвычайно опытного специалиста Лорну Деннисон-Уилкинс с бригадой как следует осмотреть дом и сад. Пока, кроме автомобильного масла и одежды, были обнаружены признаки проникновения в дом через задний дворик на кухню. Дверь вскрыта с помощью инструмента вроде отвертки, которым работал человек, хорошо разбирающийся в замках.

По мнению Грейса, это исключало мелких преступников из круга Ивена Приса и его сестры, охотящихся за деньгами или наркотиками. Те просто выбили бы окно или дверь. В дом явно проник кто-то опытный. Умеющий не только вскрывать замки, но и изолировать свидетелей. К сожалению, не было найдено никаких отпечатков, а также ничего пригодного для анализа ДНК.

50

Дэвид Харрис, в плотной овчинной куртке, теплых джинсах и шапке, в резиновых сапогах, начал рабочий день ровно в 7:30, как обычно на протяжении последних двадцати пяти лет, с обхода коптилен, где остается с вечера рыба. Он пребывал в жизнерадостном настроении: бизнес процветает, несмотря на кризис, а он искренне любит свое дело.

Особенно сладок запах горящего дерева и богатый маслянистый дух коптящегося лосося. Стоит прекрасное солнечное утро, хоть воздух еще резкий, морозный. Самое любимое утро. Он окинул взглядом сверкающие росой травянистые склоны Южного Даунса, высившиеся за коптильнями, — пусть здесь прожита целая жизнь, милая взору картина никогда не приедается.

Хотя едва ли он так бы радовался, если б знал, что за ним наблюдают с самой первой минуты его появления.

Копченая лососина фирмы «Спрингс» славится по всей Европе, семья гордится качеством продукции. Харрис принадлежит к третьему поколению владельцев компании, которую основал его дед и передал отцу. Расположение в лощине между холмами Южного Даунса неподалеку от Брайтона абсолютно неуместно для переработки рыбы; с виду усадьба тоже не вдохновляет — обветшавшие одноэтажные постройки больше приличествуют разорившейся ферме, чем легендарной, всемирно известной фирме.

Он поднимался по наклонному пандусу мимо автопогрузчиков и рефрижераторов, выстроившихся в шеренги между одинаковыми холодильными камерами. В холодильниках висят на крюках, прицепленных к высоким штангам длиной в сотню футов, копченные в шкурке обезглавленные шотландские лососи и треска — специальность компании; они же лежат в белых ящиках из полистирена, готовые к доставке в магазины деликатесов, рестораны и прочие заведения по всему земному шару. В поддонах другая рыба и морепродукты — креветки, крабы, лобстеры, в основном из Шотландии.

Харрис отпер висячий замок на первой двери, распахнул ее, проверил температуру. Точно так же наведался в три других хранилища и перешел к коптильням. Им уже восемь лет, но работают они в полную силу. Огромные закопченные камеры из кирпича и стали с дровяными печами внизу, с крюками на потолочных штангах, где рядами висит розовое и золотисто-коричневое рыбное филе.

Закончив обход, Харрис вошел в розничный магазин — длинную узкую постройку с прилавком во всю длину с одной стороны и с полками с другой, заставленными консервными банками со всевозможными деликатесами, паштетами и пресервами. Трое служащих в белых

фартуках и колпаках деловито выставляют на витрины свежую копченую рыбу, готовят к отправке заказы, полученные со вчерашнего вечера по телефону и электронной почте.

Менеджер Бетти доложила о возникшей проблеме. Ночью пришел заказ от ненадежных партнеров, которые мучительно долго расплачиваются. Задолженность достигла пугающей суммы, и почти три месяца никаких платежей не поступало.

— По-моему, мистер Харрис, надо предупредить, что поставок не будет, пока не расплатятся, — объявила она.

Он кивнул. Еще десять минут поработали над заказами, потом Харрис сел за компьютер подсчитать запасы. Зазвонил телефон. Он сидел ближе всех, поэтому ответил:

— Коптильня «Спрингс».

Голос с американским акцентом осведомился:

— Когда сможете доставить две с половиной тысячи королевских креветок?

— Когда нужно, сэр?

— До конца будущей недели. Нас подвел поставщик.

Харрис попросил чуть-чуть обождать и сверился с компьютером.

— У нас в данный момент запас небольшой из-за проблем с доставкой, однако груз из Шотландии будет отправлен во вторник, прибудет в среду рано утром. Если желаете, могу добавить к заказу требуемое количество.

— Когда хотите получить подтверждение?

— Собственно, как можно скорее, сэр. Желаете узнать цену?

— Это не проблема. Груз точно будет доставлен? Гарантируете, что придет в среду утром?

— Поставки из Шотландии приходят каждую среду, сэр.

— Хорошо. Перезвоню.

Сидя в прокатной машине неподалеку от узкой дороги к коптильне, Зуб закончил разговор по мобильнику, развернулся, поехал обратно мимо указателя с надписью: «Копченый лосось „Спрингс“ — магазин открыт!»

На секунду подумал свернуть на стоянку для покупателей, заглянуть, чего-нибудь купить. Но уже увидел все, что нужно, — незачем мозолить глаза, это просто бессмысленный риск.

Вдобавок он не интересуется копченой рыбой.

51

Неделя идет без существенного продвижения, хотя анализ ДНК по образцам эпителия под ногтями Талли указывает на гиганта Ли Рогана, заключенного из тюрьмы Форд. Роган отбывает последние месяцы срока за вооруженное ограбление и причинение тяжких телесных повреждений.

Когда ему объявили, что он подозревается в убийстве Уоррена Талли, он заявил в оправдание, что в тот день дрался с ним из-за денег. Пока что в ходе внутреннего расследования не выявилось никаких звонков Рогана с тюремного телефона, не нашлось в его камере спрятанного мобильника, не обнаружилось никаких доказательств, что он намеревался претендовать на награду. Впрочем, при том количестве запрещенных трубок, которые вертятся в тюрьме, он вполне мог у кого-нибудь позаимствовать одну или за деньги взять напрокат. Установить практически невозможно. Бригада Западного филиала отдела тяжких преступлений постоянно информирует суперинтендента о положении дел.

С помощью хитроумного солиситора Лейтона Ллойда, с которым Грейс раньше не раз сталкивался, Эви Прис на все вопросы отвечала «без комментариев» и через 18 часов была выпущена под залог. Суперинтендент установил наблюдение за ее домом на случай возвращения брата. Маловероятно, конечно, хотя Прис по глупости и на это способен.

Рой также побеседовал с услужливым нью-йоркским детективом Патом Лэниганом, который подробно рассказал о родителях погибшего Тони Ревира, хоть ничего не смог сообщить об их намерениях и предполагаемых действиях в данной ситуации. Описал только дикую ярость матери, услышавшей о смерти сына, — что подтвердилось и ее поведением в Англии.

Репортер «Аргуса» Кевин Спинелла перестал названивать — его не слышно уже несколько дней, — а это всегда дурной признак. И Грейс решил назначить на завтра, на пятницу, брифинг для прессы в надежде оживить память общественности и подчеркнуть важность расследуемого дела. Кроме прочих соображений, необходимо продемонстрировать семье Ревир, что делается все возможное для задержания человека, замешанного в фатальном для их сына столкновении на дороге.

В одиннадцать утра конференц-зал Суссекс-Хаус был набит до отказа. Связь с мафией и вознаграждение в сто тысяч долларов привлекли безраздельное внимание средств массовой информации, чего Грейс даже не ожидал. Через них он попросил всех, кто утром в среду 21 апреля находился поблизости от Портленд-Роуд, мысленно вернуться в тот день, постараться припомнить белый фургон «форд-транзит» и назавтра присутствовать при реконструкции происшествия, которая состоится в ходе следственного эксперимента.

Особо он обратился к жителям Саутвика и Мэнор-Холл-Роуд: не видел ли кто из них белый фургон или Ивена Приса, полицейские и тюремные снимки которого были продемонстрированы. Хотя общаться со Спинеллой противно до чертиков, маленький говнюк теперь, по крайней мере, шел Грейсу навстречу.

Возвращаясь в кабинет по окончании брифинга, Грейс заглянул в «блэкберри». В два часа начнется предъявление и обсуждение вещественных доказательств, где он должен присутствовать. Неожиданно его перехватил Гленн Брэнсон.

— Знаешь, для старика ты неплохо провел встречу с акулами пера.

— Учись. Нам нужна пресса, нравится она тебе или нет. Никогда не думал сам побеседовать с ними?

Гленн подозрительно покосился на друга.

— А что?

— Следующий брифинг хочу тебе поручить.

— Черт…

— Каждый раз говорю то же самое перед началом. И еще: возьми на себя вечерний инструктаж. Не возражаешь?

— Ладно. У меня-то вообще жизни нет, так что пользуйся мной, не церемонься.

— Ну что еще случилось?

— Эри заявила своему адвокату, что я грубый и агрессивный, замучил ее неразумными сексуальными домогательствами.

— А ты?

— Н-ну, просил сесть на меня. Это, видишь ли, противоречит ее религиозным принципам.

— Каким принципам? — удивился Рой.

— В некоторых американских штатах подобная поза до сих пор считается противозаконной. Теперь она на меня катит религиозный фундаментализм. Я отступник в глазах Господа, это ясно.

— Выходит, Он подглядывает?..

Кивнув другу в знак извинения, суперинтендент ответил на звонок мобильника:

— Рой Грейс слушает.

— Рой, — сказала Трейси Стокер, — я в Шорэмской гавани. Вам надо приехать. Кажется, Прис нашелся.

52

Грейс позволил Брэнсону вести машину и в очередной раз пожалел об этом. Получив свидетельство об окончании специальных курсов скоростного вождения, Гленн не может удержаться, чтобы не продемонстрировать другу свои способности. Вот и теперь они в мгновение ока пролетели головокружительный спуск по А27, миновали выезд на А23. Стрелка спидометра показывала 120 миль в час. По мнению суперинтендента, сержант абсолютно необоснованно полагается на синюю мигалку и воющую сирену. Нормальному здравомыслящему полицейскому не требуется большой опыт вождения, чтобы понять, что обычные автомобилисты в большинстве своем либо глухие, либо слепые, либо придурковатые, а нередко и то, и другое, и третье.

Рой крепко уткнулся ногами в пол, молясь, чтобы Гленн хоть чуть-чуть сбавил ход, несясь между встречными потоками машин, каждая из которых может бросить их на барьер и в полное забвение. По чистому везению, а вовсе не благодаря водительским талантам Гленна они в конце концов выскочили на подъездную дорогу к Шорэмскому порту — неподалеку от дома Грейса, — целые и невредимые, по крайней мере физически.

— Ну, что скажешь, старик? Все лучше получается, правда? Смотри, какие я уже беру повороты! — горделиво воскликнул Брэнсон.

Неизвестно, куда подевались голосовые связки. Остались за несколько миль позади.

— По-моему, надо больше думать о реакции других водителей, — дипломатично прохрипел Рой. — Поработай над этим.

Резко развернувшись и едва не столкнувшись с «ниссаном», который вел мужчина в плоской шляпе с загнутыми вверх полями, они очутились в промышленной зоне. Справа высокий пакгауз с кирпичными стенами, слева склад из рифленого железа. Между ними Грейс мельком заметил беспокойные воды Олдрингтонской бухты в дальнем западном конце портового канала, фургон с логотипом электрической компании, а также строение с рекламой кормов для домашних животных и полицейскую машину с включенной мигалкой.

По мере приближения в поле зрения попадали другие автомобили, в том числе машина Трейси Стокер и патрульная, развернутые поперек открытых ворот в центре проволочной ограды, преграждая въезд. За оградой тянется причал. Между постройками протянута лента полицейского ограждения, возле которой стоит женщина-волонтер.

Грейс и Брэнсон вышли на сырой жгучий ветер, направились к ней и представились.

— Прошу переодеться, — сказала она, уважительно кивнув обоим.

В тот же момент появилась Трейси Стокер. Одна из ее обязанностей — определение числа допущенных на место происшествия и обеспечение защитной одеждой сотрудников для минимизации потенциального загрязнения, вплоть до типа ткани, чтобы случайные волокна не направили по ложному следу.

Суперинтендент с сержантом вернулись к машине, влезли в бумажные голубые костюмы с капюшоном. Рой проделывал это сотни раз, но сноровки не прибавлялось. Обувь застревает посередине штанин, комбинезон не налезает на бедра.

Наконец справились, нырнули под ленту, пошли по причалу мимо грязной синей таблички с надписью «Всем водителям отметиться на пропускном пункте». Грейс озирался в поисках видеокамер и с глубоким разочарованием ни одной не увидел. Впереди стоит задом огромный фургон специальной поисковой бригады, у причала покачиваются на приколе рыбацкие лодки, дальше ржавый автопогрузчик, мусорный контейнер, за водой в четверти мили штабеля досок на одном из крупнейших в порту складов лесоматериалов.

Рой любит эту часть города, глубоко, со смаком вдыхает острые запахи соли, машинного масла, смолы и канатов, живо вспоминая детство, когда ходил сюда с отцом рыбачить на дальнем конце мола. В детстве Шорэмский порт был таинственным и волнующим местом: вдоль причалов танкеры и грузовые суда под флагами разных стран мира, массивные порталы подъемных кранов, самосвалы, швартовые тумбы, пакгаузы, мощные электрические подстанции.

Повсюду кипит работа. Много полицейских в защитных костюмах, среди них мелькают фигуры маленькой крепкой Трейси Стокер, могучего фотографа-криминалиста Джеймса Гартрела, высокого тощего коронера Филипа Ки.

Члены специальной поисковой бригады в темно-синих куртках, непромокаемых штанах, резиновых сапогах и черных бейсболках с надписью «полиция» над козырьками. Один стоит в сторонке с мотком проводов, красных, желтых и синих, которые тянутся из приборной коробки и уходят в воду с края причала. Видно, под водой находится дайвер.

В центре сцены тускло-белый помятый фургон «форд-транзит» с потеками грязи на боках и крыше. Из окон непрерывно льется вода. Бокового зеркала нет. Четыре стальных троса вертикально тянутся от колес к шкиву мобильного подъемного крана, стоящего позади. Цепкий взгляд Грейса мгновенно выделил из всей картины хорошо различимую мужскую фигуру на водительском сиденье, безжизненно обвисшую на рулевом колесе.

Трейси Стокер, подошедшая поприветствовать Грейса и Брэнсона, привела крупного мужчину лет за пятьдесят, с обветренной физиономией, растрепанными на ветру волосами цвета перца с солью и голыми руками с моряцкими татуировками. На нем желтый флуоресцентный жилет поверх белой рубашки с короткими рукавами, черные рабочие брюки, крепкие резиновые сапоги. С одного взгляда понятно, что даже в таком наряде он не чувствует жгучего ветра.

— Привет, Рой, Гленн, — с веселой улыбкой кивнула Трейси. — Это Кит Уэйди, заместитель главного инженера Шорэмского порта. Кит, это старший следователь суперинтендент Грейс и его заместитель сержант Брэнсон.

Обменялись рукопожатиями. Рою сразу понравился Уэйди, источающий дружелюбие, уверенность и компетентность. Он обратился к Трейси:

— Номера проверили?

— Да, шеф. Липовые. С шасси и двигателя серийные номера спилены, фургон почти наверняка краденый, но больше нам практически ничего не известно.

Грейс поблагодарил Трейси и повернулся к Уэйди.

— Ну, что тут у вас было? — спросил он, снова оглянувшись на фигуру в фургоне.

— Понимаете, сэр, — начал тот, обращаясь к суперинтенденту, но поглядывая и на Брэнсона, — мы проводим регулярную гидролокацию канала, проверяем уровень осадка, ищем посторонние предметы и прочее. Вчера около половины пятого обнаружили автомобиль на восьмиметровой глубине ярдах в сорока от края причала. Он был перевернут колесами вверх, как часто бывает с машинами на глубине.

Рой кивнул.

— Внизу видимость нулевая — при открытии и закрытии шлюзовых ворот всплывает глубинный осадок. Фургон находился под четырьмя футами ила. Мы, естественно, связались

с полицейскими дайверами — это наша стандартная процедура, — и утром, примерно час назад, помогли им вытащить машину. К сожалению, в ней какой-то бедняга… Может, самоубийца — иногда бывает… Даже не пробовал выбраться.

Грейс огляделся. Большой склад кажется пустым, но стоящая рядом вагонетка свидетельствует о его жизнедеятельности.

— Что это? — спросил он.

— Ныне собственность компании «Дадмен». Приобрели несколько месяцев назад. Он давно уже пустой стоял — из-за банкротства.

— Там кто-то работает? Есть охрана?

— Ни охраны, ни видеокамер, сэр. На прошлой неделе были ремонтники, только их на другой объект перебросили.

Место уединенное. Преднамеренно выбрано? Едва ли случайно сюда попадешь.

— Ворота на ночь запираются?

— Да. На висячие замки с цепями, — кивнул Уэйди. — Но когда мы прибыли, были открыты. Либо кто-то не запер, либо замок сорвали.

Грейс направился к водительской дверце фургона.

— Долго в воде пробыл?

— По моей прикидке, дня три-четыре, самое большее, — ответил Уэйди. — Цвет кожи заметно изменился, а сам водитель целый. Рыбы и ракообразные выжидают с неделю, когда тело начнет разлагаться, и уж потом берутся за дело.

Рой вгляделся в окно с опущенным стеклом, отметив, что с другой стороны оно тоже опущено. Чтоб машина поскорей утонула? И задние дверцы открыты. Первое, что приходит на ум: несчастный случай, самоубийство или убийство? Опыт учит никогда не делать поспешных заключений.

Хотя тело разбухло от газов, запачканное грязью лицо все такое же тощее, глаза широко распахнуты от ужаса. Во плоти бедолага еще бледней, чем на снимках; торчащие на фотографиях волосы безжизненно прилипли к скальпу. Но личность хорошо узнаваемая. Грейс просто для проверки вытащил из кармана снимки.

Точно. Ножевой шрам под правым глазом, тонкая золотая цепочка на шее, кожаный браслет на запястье. Все равно надо снять отпечатки, провести анализ ДНК, чтобы исключить любые сомнения. Не стоит доверять опознанию со стороны членов прогнившей семьи Приса.

Он посмотрел на руки мертвеца, вцепившиеся в рулевое колесо с некой мрачной решимостью. Будто, держась за него, можно было удрать от грозившей опасности.

Какая-то бессмыслица.

— Мертвая хватка, — прозвучал рядом женский голос.

Рой оглянулся на сержанта Деннисон-Уилкинс из специальной поисковой бригады.

— Лорна! Как дела?

Она усмехнулась.

— Людей не хватает, нас не ценят, дел по горло. А у вас?

— Точно то же самое. Лучше не скажешь. — Он смотрел на фигуру в машине, одновременно прислушиваясь к непонятным металлическим щелчкам в салоне. — Мертвая хватка?..

— Окоченение, — пояснила Лорна. — При внезапном погружении в воду. Когда тонущий за что-то хватается, то пальцы очень трудно потом разогнуть.

Грейс уставился на пальцы, крепко стиснувшие руль.

— Мы не стали снимать руки, — добавила она. — Чтобы не испортить дело криминалистам.

Суперинтендент с благодарностью отметил бережное отношение коллег к месту происшествия. Но зачем Прис схватился за руль? В шоке от неожиданности? Если бы просто свалился с причала, всеми силами постарался бы вылезти, а не за руль хвататься.

Потерял сознание при падении? Возможно. На голове нет явных следов от удара, привязной ремень застегнут, но все это патолог проверит при вскрытии. Зачем еще держаться за баранку? Сознательно хотел утонуть? Ивен Прис не похож на кандидата в самоубийцы. Судя по прочитанным материалам и прежнему опыту общения с ним, парню на все в жизни было глубоко плевать. Вряд ли он пошел бы на самоубийство из-за погибшего велосипедиста. Тем более что через три недели вышел бы из тюрьмы.

Грейс вытащил из кармана защитного костюма латексные перчатки, натянул, наклонился к окну, попробовал оторвать от руля правый указательный палец. Палец не поддался. По приборной доске пробежал крошечный краб размером с ноготок.

Позади снова раздались металлические щелчки. Он еще раз попытался разжать палец, стараясь не повредить кожу, не смазать отпечаток — и опять безуспешно.

— Проклятье! — неожиданно охнул Кит Уэйди, нырнув в заднюю дверцу. Через пару секунд он распрямился, держа крупного, яростно вырывавшегося черного лобстера длиной в добрых двадцать четыре дюйма, с клешнями размером с мужскую руку. — Прекрасный экземпляр, — объявил инженер, предъявляя добычу стоявшим поблизости полицейским. — Кто желает отведать нынче вечером омара а-ля термидор?

Желающих не нашлось. На лицах появилась гримаса отвращения.

Уэйди бросил лобстера обратно в воду, и тот исчез в бурлящем водовороте.

53

После телефонных переговоров с суперинтендентом Грейсом и ответственной за место происшествия Трейси Стокер патологоанатом министерства внутренних дел согласилась, что тело надо осмотреть на месте, прежде чем отправлять в морг. Только в данный момент она не закончила работу в Лондоне, значит, бригаде придется долго ждать на холоде в гавани.

Сама по себе это хорошая новость. Рой Грейс предпочитает работать с Надюшкой Де Санча. Статная рыжеволосая испанка не только блистательно проводит посмертное вскрытие, оказывая детективам бесценную помощь, но на нее еще приятно смотреть, что является дополнительным бонусом.

Хотя ей далеко за сорок, выглядит она на десять лет моложе. Желающие шпильку пустить намекают, что к ее моложавому виду приложил руку муж, пластический хирург. Впрочем, у нее гораздо больше завистниц, чем недоброжелателей, и добрая половина служащих мужского пола из отдела тяжких преступлений смотрят на нее с вожделением, особенно после исчезновения с «рынка» Клио Мори.

Обычно тело, найденное в море, незамедлительно отправляется в морг, где на другой день бригада местных патологоанатомов проводит вскрытие. Но если у коронера возникли подозрения, полное посмертное криминалистическое обследование должен делать специалист высшей категории, которых в Соединенном Королевстве насчитывается три десятка. Стандартное вскрытие длится меньше часа. Патологоанатомы министерства внутренних дел, в зависимости от состояния тела и сопутствующих обстоятельств, а также работоспособности, затрачивают от трех до шести часов, иногда даже больше.

В качестве старшего следователя Рой Грейс обязан присутствовать на вскрытии. Значит, с горечью понял он, нет ни малейшего шанса успеть вечером с Клио в Лондон на мюзикл «Джерси-бойз». И ведь уже заказан номер в отеле, а на субботу перед майскими «банковскими каникулами»[17] имеются билеты на матч по регби между армейской командой

и военно-морскими силами, куда их пригласил старый друг Нобби Холл с женой Хелен. Нобби возглавляет морскую полицию на Кипре.

Одно утешает, что Клио, в отличие от Сэнди, поймет все правильно, подумал Рой, и на секунду на него нахлынула тоска. Хотя Сэнди с каждым днем уходит все дальше из памяти, любая мысль о ней накрывает его черной тучей и сбивает с толку. Она всегда дулась и замыкалась, несмотря на то, что принимала его пространные объяснения относительно полицейской службы, требующей определенных жертв. Но все-таки заявляла, что не желает стоять на втором месте после его работы. Как бы он ни доказывал, что это неправда, она твердо настаивала на этом, до одержимости.

Однажды спросила: «Что предпочтешь? Если б пришлось выбирать между мной и работой, что выберешь, Грейс?» Она всегда называла его по фамилии — Грейс.

«Тебя», — сказал он.

«Врешь», — усмехнулась она.

«Правда!»

«По глазам вижу. Сам меня научил этому трюку — если смотришь в ту сторону, врешь, если в другую, правда. Ты посмотрел направо, Грейс, в ту сторону, где врешь».

Над головой крикнула чайка. Рой взглянул на часы. Почти половина первого. Мимо плывет драга, направляясь к шлюзу и дальше в открытое море. Надюшка рассчитывает прибыть к двум часам. На месте провозится минимум час, изучая и описывая точное положение тела, фотографируя, отыскивая синяки и ссадины, возможно полученные внутри фургона; собирая волоски, волокна ткани, которые могли остаться при перемещении тела. Хотя после нескольких дней под водой вряд ли остались какие-то волоски и волокна. Рой не переставал удивляться обнаруженным патологоанатомами мелочам, ускользнувшим от ястребиного взора детективов и опытных служащих розыскной бригады.

Он продолжал смотреть на мертвого Приса. Тонкие четкие черты лица на снимках почти утратили форму, лицо обвисло, как проколотый воздушный шарик. Подводные падальщики его не объели — по крайней мере, на первый взгляд. Серая, запачканная илом футболка, черные джинсы, ноги босые… Странновато садиться за руль босиком — припомнились кроссовки, обнаруженные в свободной комнате в доме сестры Приса. Слишком торопился, не успел обуться?

Позорный конец короткой прискорбной жизни мелкого преступника. Повезло хотя бы, что уберегся от ракообразных, учитывая, каким он был дерьмом.

54

Грейс позвонил оперативникам и велел прекратить розыск Приса и белого «форда-транзит», чтобы сосредоточиться вместо этого на ближайших соседях сестры — кто что видел и слышал вечером в понедельник 26 апреля и утром во вторник 27-го. Интересно, заставит ли страшная весть Эви Прис рассказать правду о той самой ночи — если, конечно, она ей известна.

Через час он завершил осмотр прилегающей территории, надеясь на то, что существуют видеокамеры, охватывающие выезды на причал, но таковых не оказалось. На ледяном холоде благодарно принял приглашение выпить кофе в фургоне специальной поисковой бригады, члены которой с трудом втискивались за небольшой столик.

Они с Брэнсоном влезли в фургон, растирая руки и стягивая анораки. Кого-то отрядили в ближайший супермаркет за сэндвичами. Через минуту к компании присоединились коронер Филип Ки и Трейси Стокер, которая объявила о звонке Надюшки Де Санча с сообщением, что та уже вот-вот прибудет. Двое членов поисковой бригады — здоровяк по прозвищу Сок и худенький блондин по прозвищу Хрен Моржовый — сдвинулись, освобождая место.

Грейс пытался дозвониться Клио, но и ее мобильник, и телефон морга были переключены на автоответчик. Он встревожился. Вдруг она там одна и у нее обморок? Обычно в морге находятся трое — Клио, Даррен и Уолтер. Если же Даррен с Уолтером уехали за телом, Клио осталась в одиночестве. Если что случится, пролежит без помощи не один час.

Он и раньше часто беспокоился из-за того, что Клио одна в таком месте, а теперь тем более. Позвонил домой, тоже не получил ответа. Серьезно подумал поехать в морг, убедиться, что с ней все в порядке, и вдруг услышал ее голос.

— Ах! Это вы так работаете?.. — воскликнула Клио с широчайшей улыбкой, заглядывая в дверцу фургона.

Рой вскочил. Не каждый выглядит в голубом бумажном комбинезоне, как в костюме от модного дизайнера, а Клио удается. В штанах, заправленных в сапоги, с заколотыми на макушке волосами, заметно округлившаяся, она будто только что вышла из космического корабля, прибывшего с планеты, где все гораздо красивее землян. До сих пор невозможно до конца поверить, что он теперь живет в этом новом мире. Сердце затрепетало от радости, как при каждой встрече.

Сок с Хреном при виде нее оскалились, как волки.

Обретя прежний цвет лица, Клио сияет сильнее, чем раньше, признал Рой. Выскочив на улицу, он чмокнул ее в щеку и спросил:

— Что ты тут делаешь? — Ему очень хотелось ее обнять, но только не перед кучкой циничных коллег, которые будут над ним потешаться при каждой возможности.

— Поняла, что мюзикл накрылся, и решила вместо этого совершить прогулку на побережье. Кажется, у вас особенно интересные экземпляры подводной фауны.

Рой усмехнулся.

— Врач строжайше запрещает ворочать тяжести, ясно?

Клио отмахнулась:

— Ясно. Воспользуюсь автопогрузчиком. — И улыбнулась. — Не бойся, со мной Даррен. Уолтер приболел.

Заговорила рация охранника у ворот.

— Сэр, вас тут кто-то спрашивает, говорит, вы его ожидаете. Э-э-э… Кевин Спинелла…

Разумеется, Грейс его ожидает, как ожидает трупную муху. Пришлось пройти за угол к барьеру, где стоит Спинелла, маленький, тощий, воротник бежевого макинтоша поднят, как у сыщика в кино, крысиные зубы жуют резинку, залитые гелем волосы не шелохнутся на ветру.

— Доброе утро, суперинтендент!

Грейс постучал по часам:

— Фактически день. — И укоризненно взглянул на репортера: — Не в ваших привычках опаздывать.

— Ха-ха, — усмехнулся Спинелла.

Грейс вопросительно на него посмотрел, однако промолчал.

— Тут у вас труп в фургоне.

— Удивительно, что только сейчас прознали. Я здесь уже не один час.

Спинелла сохранил невозмутимое выражение.

— Итак, что скажете?

— Возможно, меньше, чем вы, — бросил Грейс.

— Есть вероятность, что это Ивен Прис?

Логичное предположение? Или кто-то из членов команды успел стукнуть гаду-репортеру?

— Действительно, в фургоне тело, только оно пока не опознано, — ответил он.

— Есть вероятность, что это фургон, объявленный в розыск?

Рой увидел Надюшку Де Санча в комбинезоне и белых бахилах, направлявшуюся к ним с большой черной сумкой в руках.

— Утверждать слишком рано.

Спинелла сделал пометку в блокноте.

— Сегодня десятый день после происшествия. По вашему мнению, следствие на верном пути в поисках машины и водителя?

— Нас очень радует отклик общественности, — соврал Грейс. — Но еще раз хотелось бы попросить тех, кто видел в районе Саутвика белый фургон между шестью утра понедельника двадцать шестого апреля и восемью вечера вторника, двадцать седьмого, связаться с нами или сделать анонимный звонок «Борцам с преступностью». Назвать номера?

— Знаю, — кивнул репортер.

— Тогда пока все, — сказал Грейс, молча кивнув патологоанатому и сигнализируя жестом, что сейчас ее догонит.

— Может, окажете любезность и сообщите, когда опознаете тело и установите, что это искомый фургон? — продолжал гнуть свое репортер.

— Очень остроумно, — ответил Грейс.

Надюшка расписалась в регистрационном журнале и нырнула под ленту, которую перед ней поднял суперинтендент.

— Патологоанатом министерства внутренних дел? — уточнил Спинелла. — Похоже, расследование убийства продолжается.

Грейс окинул его уничтожающим взглядом.

— Должно быть, иначе себя чувствуешь, когда узнаешь последним? — издевательски бросил он и повел Надюшку Де Санча в сторону причала, подальше от глаз журналиста. Там он ее оставил, зная, что она любит работать в одиночестве, и вернулся в теплый фургон поисковой бригады к Клио и компании.

Через полчаса Надюшка заглянула в ним.

— Рой, хочу вам кое-что показать.

Грейс влез в анорак и последовал за ней к белому фургону. Она остановилась у открытой водительской дверцы.

— Думаю, случайную смерть спокойно можно исключить, и самоубийство тоже.

Рой вопросительно посмотрел на нее.

Надюшка указала на маленький цилиндрический предмет, которого он раньше не заметил, прикрепленный к солнцезащитному козырьку перед креслом водителя.

— Видите? Цифровая подводная камера… с передатчиком. Включена, хоть батарейка села.

Грейс нахмурился и в то же время огорчился, что сам упустил такую важную подробность. Как можно было проглядеть, черт возьми? С дюйм в диаметре, длиной три дюйма, в темно-синем металлическом корпусе. Зачем она тут? Прис сам себя снимал?

Надюшка прервала его размышления, указав на руки мертвеца.

— Мертвая хватка в результате окоченения, верно?.. — лукаво взглянула на суперинтендента.

Грейс кивнул.

Надюшка протянула руку в голубой латексной перчатке, приподняла алебастрово-белый палец мертвеца. Кожа подушечки, похожая на волдырь, осталась на руле.

— Для подтверждения необходимы кое-какие лабораторные анализы, но, по-моему, пальцы приклеены сверхпрочным быстродействующим клеем. Наподобие «Суперглю».

55

Зуб сидел в своем номере перед ноутбуком, потягивая кофе и редактируя видеозапись последних минут жизни Ивена Приса. Дымовой детектор на потолке заклеен, пачка сигарет и пластиковая зажигалка лежат рядом с блюдцем, используемым вместо пепельницы.

Одна камера в часах у него на запястье, другая установлена в фургоне. Фильм еще в черновом варианте, который предстоит подправить. Начинается с картинки, снятой из салона машины ночью на краю причала. Справа швартовая тумба. Виден Прис за рулем, явно без сознания, с заклеенным пластырем ртом.

Потом интерьер. Крупный план Приса в грязной белой футболке, пристегнутого ремнем безопасности. Он открывает глаза, как бы просыпаясь, полностью сбитый с толку, ошарашенный. Смотрит на руки, лежащие на руле, не понимая, почему они не движутся.

Начинает дергаться, старается оторвать. Понимает, что что-то не так, глаза лезут на лоб от ужаса. В кадре появилась рука, сорвала с губ липкую ленту. Прис взвизгнул от боли, повернул голову, заговорил с кем-то невидимым. Тон наглый, но в нем слышен страх.

«Ты кто? Чего делаешь? Ты чего, мать твою?..»

Хлопнула водительская дверца.

Опять вид из салона — панорама вдаль со стороны водителя. За задним стеклом в кадр въезжает автопогрузчик, которым управляет некто в низко надвинутом капюшоне, вилка подхватывает зад машины, продвигает на несколько дюймов вперед, постепенно подталкивает к краю причала.

Фургон нырнул, передние колеса ухнули вниз, задние заскрежетали по каменным плитам.

Опять интерьер. Ивен Прис с выпученными глазами вопит: «Нет!.. Не надо! Чего тебе? Скажи, чего хочешь! Пожалуйста!.. Говори, сволочуга!» Тут он сильно качнулся вперед, повис на ремне, разинул рот в долгом безмолвном крике, будто от страха не мог найти слов.

Снова панорама снаружи. Автопогрузчик совершил последний толчок, зад фургона перевалился за край причала и мгновенно скрылся из виду.

Другой ракурс. Фургон плывет, покачиваясь на волнах, неподалеку от набережной. Нос явно перевешивает, машина тонет медленно, но неуклонно, пуская пузыри.

Опять интерьер. Физиономия Приса превращается в маску смертного страха. Он старается оторвать руки, лихорадочно раскачиваясь взад-вперед, насколько позволяет ремень, выворачивая локти и плечи, рот кривится в ужасе. «Пожалуйста… пожалуйста… помогите… помогите же кто-нибудь!..»

На дальнем плане, снятом снаружи, фургон отплывает от берега. Видно, как Прис пытается вылезти в открытое окно, извиваясь, как «человек-змея» в цирке, пока передняя часть погружается, корпус наклоняется под углом в сорок пять градусов, вода плещет в окно.

Опять интерьер. Слышен глухой рокот. Внутрь хлещет темная вода с белой пузырящейся пеной. Уровень ее быстро повышается, заливая трепещущую грудь Приса, который рвется туда-сюда, отчаянно, яростно, тихо подвывая: «Нет… нет… нет…»

Вода дошла до шеи, до серьги в ухе, до нижней губы. Попадает в рот, он отплевывается, рот уходит под воду. Прис запрокидывает голову, высунув подбородок, и жалобно плачет.

«Кто-нибудь… помогите…»

Вода безжалостно поднимается, поглощает вытянутую шею, вновь доходит до подбородка. Голова мотается из стороны в сторону.

Зуб хлебнул кофе, закурил новую сигарету, бесстрастно просматривая запись, слушая дыхание тонущего человека, лихорадочно хватающего воздух, словно можно надышаться перед смертью.

Вода дошла до крыши. Голова дергается, глаза еще широко открыты. Изображение расплывается. Изо рта струями вырываются пузырьки. Судороги замедляются, прекращаются, голова просто болтается под действием течения.

Последние кадры вновь сняты снаружи. Виден только зад фургона с открытыми дверцами, исчезающий в чернильной бурлящей воде. Еще пузыри, и волны смыкаются, как занавес.

56

Зал брайтонского морга, где производятся вскрытия, недавно расширен вдвое. Одновременно сменены холодильники на более широкие камеры нового поколения в связи с тем, что современные граждане страдают ожирением.

В прежнем зале Роя Грейса мучила клаустрофобия, особенно когда туда набивалась масса народу, обязанного присутствовать при вскрытии. Теперь хотя бы стало просторней. Впрочем, среди кафельных стен в холодном резком свете его все равно пробирает дрожь.

Когда он учился в полицейском колледже, один инструктор любил зачитывать моральный кодекс сотрудника убойного отдела ФБР, составленный его первым директором Дж. Эдгаром Гувером. «Для полицейского нет выше чести и более почетного долга, чем расследование смерти человека».

Рой всегда помнит эти слова и сопряженный с ними груз ответственности. Но, ощущая этот груз, он одновременно испытывает в этом зале и другие чувства — неизменную скорбь о потерянной жизни, даже если это жизнь такого подонка, как Прис. Кто знает, каким бы он стал при других обстоятельствах, если бы начало его жизни не было таким безнадежным?

И еще. Несмотря на осознание своей ответственности, он иногда чувствует себя незаконно вторгшимся в этот зал. Вскрытое и выставленное на всеобщее обозрение тело как бы лишается права на деликатное обращение. И ни сами мертвые, ни те, кто их любит, не могут ничего возразить. Если человек умер при подозрительных обстоятельствах или больше чем через 28 дней после визита к лечащему врачу, коронер потребует вскрытия.

В данный момент Ивен Прис представляет собой сюрреалистическую картину. Он лежит на спине в джинсах и футболке, по-прежнему стискивая черное рулевое колесо, которое по распоряжению Надюшки Де Санча отсоединили и доставили в морг вместе с ним. Возникает впечатление, будто мертвый ведет автомобиль-призрак.

На прозекторском столе практикант-патологоанатом разложил окровавленные внутренние органы, и у Грейса, как всегда, крутит желудок от запаха дезинфекции, крови и разлагающихся тканей. Он оглядел поочередно мозг, печень, сердце, почки, электронные весы чуть поодаль на полке. На соседнем столе другой труп — пожилой женщины цвета мела с открытым ртом, распахнутой грудиной, вывернутыми наружу желтоватыми жировыми прослойками грудей, с завернутой на лобок кожей с живота, будто патологоанатом старался пощадить ее целомудрие.

Рой содрогнулся, шагнул ближе к Прису, шурша на ходу зеленым халатом. Надюшка осторожно отделяет кожу одного пальца тонким маленьким пинцетом вроде тех, которыми выщипывают брови. Фотограф Джеймс Гартрел методично общелкивает тело со всех сторон.

Гленн Брэнсон в углу тихонько разговаривает по телефону. С женой Эри? Или с солиситором?..

Коронер Филип Ки в зеленом халате с маской, болтающейся на завязках под подбородком, наговаривает что-то на диктофон, озабоченно хмурясь.

Клио со своим помощником Дарреном стоят рядом, готовые ассистировать патологоанатому, но в данный момент делать им нечего, и они просто смотрят. Время от времени Клио поглядывает в сторону Грейса, на губах ее играет улыбка.

Суперинтендент усиленно думает. Приклеенные к рулю руки подтверждают без всяких сомнений, что Ивена Приса убили. Но зачем в машине установлена камера? Убийца поставил? Какой-нибудь подельник-садист, знавший, где Прис прячется?

Или еще хуже?

Связь с мафией не выходит из головы. Ответный удар ради мести?

Тело еще не опознано официально. Позже это сделает мать или сестра. Надюшка обещает растворить клей ацетоном, тогда можно будет снять опечатки для окончательного установления личности, подкрепив доказательства анализом ДНК. Хотя в тюрьме Форд уже положительно подтвердили, что это Прис, по татуировкам и шраму под глазом.

Пока Кевин Спинелла из «Аргуса» и прочие представители прессы ничего не знают. Только сотрудники, непосредственно присутствовавшие на причале и в данный момент в морге, осведомлены о приклеенных руках. Так что если в ближайшее время журналисты пронюхают об этом, будет известно, где искать утечку.

Грейс вышел из зала, связался с Норманом Поттингом и поручил ему отобрать нескольких человек, которые займутся камерой. В частности, разузнают, где в городе и окрестностях продается подобная аппаратура и кто ее покупал в последнее время.

Потом он позвонил в США Пату Лэнигану, через которого поддерживается связь с семейством Ревир, и спросил, способны ли родители погибшего парня, находясь в отчаянии, решиться на столь страшную месть.

Лэниган сообщил, что для этого у них вполне достаточно денег, связей и влияния, не говоря уже о том, что такие люди живут по другим правилам. Пообещал запросить разведку — порой до них доходят слухи о заключении контрактов с наемными убийцами — и сразу же перезвонить, как только что-нибудь выяснится.

Разговор произвел на Грейса тяжелое впечатление. Он вдруг поймал себя на желании, чтобы убийцей Приса оказался кто-нибудь свой, местный. Весть об убийстве в самом сердце Брайтона, организованном мафией, никому не понравится — ни совету по туризму, ни помощнику главного констебля Риггу, ни самому Рою Грейсу, если на то пошло.

Он сел на диванчик в маленьком кабинете, налил кофе из кофейника, стоявшего на горячей плитке, и его объяла мрачная решимость. Такие люди живут по другим правилам?..

Только не в его любимом городе!

57

— Восемь тридцать, суббота, первое мая, — объявил Рой Грейс команде, собравшейся на инструктаж. — Восемнадцатое совещание по операции «Скрипка». Во-первых, сообщаю о положительной идентификации Ивена Приса.

— Жалко потерять выдающегося члена брайтонского общества, шеф, — вставил Норман Поттинг. — Тем более что дело так *склеилось.*

Послышались смешки. Грейс укоризненно посмотрел на сержанта.

— Спасибо, Норман. Однако шутки в сторону, у нас серьезные и неотложные вопросы.

Белла Мой встряхнула конфетной коробкой, вытащила шоколадное драже, сунула в рот, захрустела. Суперинтендент углубился в заметки.

— Результаты токсикологического анализа будут через несколько дней, но уже при самом вскрытии обнаружилось кое-что существенное. Во-первых, кровоподтек на шее Приса сбоку очень похож на тот, что мы видели у его сестры Эви, которая заявляет, будто ничего не помнит после того, как вышла в понедельник вечером в сад выпустить кошку. Согласно Надюшке Де Санча, подобный удар наносят ребром ладони мастера боевых искусств, чтобы противник мгновенно лишился сознания. Возможно, таким способом виртуальный злоумышленник отключил Приса.

Грейс снова заглянул в свои бумаги.

— Морская вода в легких свидетельствует, что Прис был жив, пока фургон погружался в воду. Тот факт, что руки приклеены к рулю, делает версию самоубийства крайне невероятной. Кто-то думает иначе?

— Если он был без сознания, сэр, — сказал Ник Николл, — как фургон вообще упал в воду? Столкнуть его снаружи было бы физически трудно: когда передние колеса перевалят за край, задние непременно зацепятся. Он должен был ехать на скорости, правда?

— Хорошее замечание, — признал Грейс. — Служащие компании «Дадмен», которой принадлежит этот участок верфи, заявляют, что их автопогрузчик трогался с места. Может быть, с его помощью и столкнули фургон.

— Значит, у виртуального злоумышленника должен быть ключ зажигания, — заметила Белла Мой.

— Говорят, у погрузчиков такого типа универсальный ключ, — объяснил Грейс. — Годится для всех автопогрузчиков в Соединенном Королевстве. Вдобавок любой умелец способен отверткой включить зажигание.

— Тип клея установлен? — спросил сержант Крокер.

— Образцы отослали в лабораторию для анализа. Пока никакой информации.

— Тюбик не нашли в машине? — поинтересовался Дункан.

— Нет. Ныряльщики из специальной поисковой бригады обыскивают участок затопления, пока безрезультатно. Видимость там почти нулевая, что не облегчает дело. Сегодня продолжат поиски под водой, а также будут искать на причале следы и отпечатки. Только, по-моему, ничего не найдут.

— Почему? — спросил Гленн Брэнсон.

— Потому что я чую работу профессионала. Налицо все признаки, — ответил Грейс и оглядел присутствующих. — Мне сразу не понравилась формулировка насчет ста тысяч долларов. Их предложили не за информацию, которая поможет задержать преступника и предать правосудию, а за установление личности водителя. По-моему, тут надо искать подпольный удар.

— Это что-то меняет в направлении следствия, сэр? — спросила Эмма Джейн Бутвуд.

— В тридцатых годах наш город называли «европейской столицей убийств», — сказал Грейс. — Не хочу, чтобы кто-нибудь думал, будто может приехать, убить кого хочет и выйти сухим из воды. А сейчас мы имеем дело именно с этим.

— Если это целенаправленный удар мафии, — заметил Ник Николл, — тот, кто его нанес, уже мог вернуться в Америку. Или в другое место, откуда прибыл.

— В доме Эви Прис нет внутренней двери в гараж, — продолжал Грейс. — Если наш парень вырубил Приса, то должен был вытащить его из дома на узкую населенную улицу. В Шорэмской гавани должен был оставить его в фургоне, пока открывал ворота. Потом приклеить к рулю руки, завести погрузчик, столкнуть фургон в воду. Это мои предположения. У Эви Прис куча соседей. Шорэмская гавань окружена жилыми домами. Возможно, убийце повезло — никто ничего не заметил. И все-таки надо обойти каждый дом на Мэнор-Холл-Роуд и вокруг гавани. Может, кто-то выгуливал собаку, выходил по делам, не знаю.

Короче, *должны быть люди, которые что-нибудь* видели, и таких людей надо найти. — Он обратился к констеблю Хоувсу: — Дэвид, есть новости из тюрьмы Форд?

— Пока нет, босс. Заключенные, как обычно, сомкнули ряды. Никто ничего не знает. Сотрудники продолжают работать, прослушивают записи всех телефонных звонков за соответствующий период времени, но на это уйдет несколько дней.

Грейс перевел взгляд на констеблей Бутвуд и Николла, которым поручено заняться камерой из фургона.

— Что у вас?

Эмма Джейн покачала головой:

— Пока немного, сэр. Камеры «Кэнон» такой модели имеются в широкой продаже по цене около тысячи фунтов у нас и за рубежом. В Брайтоне продаются в семнадцати розничных точках и, конечно, в бесчисленных интернет-магазинах. В Соединенных Штатах розничных магазинов тысячи. Среди крупнейших поставщиков общенациональная сеть «Радио Шак».

— Прекрасно. Хотите сказать, мы ищем иголку в стоге сена?

— Приблизительно, сэр.

— Хорошо. — Грейс твердо посмотрел в глаза Эмме Джейн. — Ведь мы мастера отыскивать иголки в стоге сена?

— Приложим все силы, сэр!

Грейс сделал очередную пометку и посидел в молчании. Пальцем не нащупать, но дурное предчувствие не отступает. *Нюх легавого*, как говорится. Нутром чувствуется. Инстинкт шепчет.

Маленький говнюк Кевин Спинелла торопит созвать очередной брифинг. Грейс еще не готов, тянет время. Если репортер не получил информацию из внутреннего источника, ему на данной стадии известно одно — в гавани обнаружен фургон с мертвым телом. Тот факт, что об этом пока сообщено лишь в нескольких строчках в печатном и электронном изданиях «Аргуса», свидетельствует, что журналист блуждает во мраке.

Это хорошо.

Если не учитывать, что суперинтендент сам блуждает во мраке.

Это плохо.

58

Зуб тоже пребывал во мраке. Отлично. Одетый сплошь в черное, в черной, низко надвинутой на глаза бейсболке, он почти невидим.

23:23, вечер вторника. Шоссе сухое, темное, оживленное. Только хвостовые огни, фары, иногда проблесковые маячки. Он сосредоточенно думал, ведя машину, просчитывая каждый шаг, учитывая альтернативы, лучшие и худшие сценарии.

После долгого пути автопоезд, за которым он следует от Абердина, свернул на станцию обслуживания. Водитель непрерывно ехал почти пять часов после остановки на ленч чуть к югу от Локерби, а Зубу надо помочиться. Наконец, приспичило так, что он уже приготовился воспользоваться одноразовой фляжкой, которую держит в машине на подобный случай. Точно такие же брал с собой за вражескую линию, чтобы не оставить никаких следов.

Съехал с шоссе, не упуская из виду хвостовых огней автопоезда, и проследовал мимо указателей с символами заправки, столовой, ночлега, стоянки для частных автомобилей.

Очень удачно, как бы исполняя желания Зуба, водитель проехал мимо припаркованных большегрузных автомобилей в самый дальний отсек площадки, за несколько мест от последнего в ряду, в особенно темный угол.

Зуб выключил фары еще раньше, за несколько миль, остановил «тойоту», выскочил и метнулся, пригнувшись пониже, невидимый. Вокруг никаких признаков жизни. Камер наблюдения не заметно. На окнах ближайшего трейлера опущены ставни. Шофер либо спит, либо смотрит телевизор, либо трахает придорожную проститутку. Несмотря на отчаянное желание облегчиться, он терпел, ждал, наблюдал.

В кабине шестнадцатиколесного двадцатичетырехтонного рефрижератора «рено» Стюарт Фергюсон потянулся к ручному тормозу, потом вспомнил, что он расположен не там, где в привычном «вольво». Своя машина находится сейчас в суссекской полиции, где, судя по всему, останется до окончания следствия о гибели парня под ее колесами.

Он выключил зажигание, фары, вместе с тем погас голос Стиви Уандера в плеере.

Стюарт до сих пор потрясен, по ночам ему снятся кошмары. За прошедшие две недели милая Джесси не раз его нежно будила, объясняя, что он кричит и плачет. До сих пор перед глазами бедный мальчик, летящий по мостовой прямо под колеса, вцепившийся в руль велосипеда. И оторванная нога в зеркале заднего вида в нескольких ярдах позади остановившегося рефрижератора.

Вдобавок было опасение, что карьере конец. Из-за превышения нормы рабочих часов ему грозило обвинение в «причинении смерти в результате рискованного вождения», поэтому он с облегчением услышал, что полиция собирается наказать его лишь за нарушение рабочего графика. Несмотря на чудовищное происшествие, Стюарт любит свое дело, а из-за бывшей жены Мэдди, ободравшей его как липку, он должен хорошо зарабатывать, чтобы выплачивать ей содержание и обеспечивать, как полагается, двух сыновей, чтобы те ни в чем не нуждались.

По крайней мере, приятно опять сесть за руль. Фактически, гораздо приятней, чем можно было подумать. В прошлый вторник он пропустил регулярный рейс в Суссекс, поскольку у компании не нашлось лишнего рефрижератора, и босс дал ему недельный отпуск. Надо признать, с учетом всего компания сильно его поддержала, несмотря на грядущее судебное разбирательство. За переработку редко применяются официальные санкции, хотя каждый знает, что закон обязывает. Кризис, черт побери, все стараются спасти свой бизнес.

Если сквозь тучи черного страха пробивается хоть один светлый лучик, то это милая Джесси, беременная на четвертом месяце, которая оказала ему колоссальную помощь. Он узнал ее еще с одной прекрасной стороны, а потому больше прежнего торопится выгрузить мороженые морепродукты и рыбу и скорей отправиться домой. Если ничто не задержит, рано утром в четверг прыгнет в постель, обнимет теплое обнаженное тело. Невозможно дождаться, хочется еще раз позвонить. Однако уже половина двенадцатого. Слишком поздно.

В данный момент также хочется крепкого кофе с сахаром, пончик, датскую булочку с заварным кремом, шоколадный батончик, чтобы продержаться последний отрезок до Суссекса. В нескольких милях северней Брайтона есть придорожная площадка, где можно поспать.

Он вылез на подножку, захлопнул и запер дверцу. Ступил правой ногой на асфальт, что-то ударило в шею, голова закружилась, в глазах замелькали белые полосы, дождем посыпались электрические искры. Настоящий фейерверк, на долю секунды подумал Стюарт Фергюсон, прежде чем отключиться.

Зуб опустился на колени, обхватил тяжелое обмякшее тело, огляделся. Слышен гул трафика на шоссе неподалеку, вдали дребезжит дизель, из какого-то припаркованного фургона слабо доносится музыка.

Он потащил шофера к своей «тойоте-ярис», стоявшей поблизости. Тяжелые ботинки шумно волокутся по асфальту, но наверняка никто не слышит. Взвалил тело на заднее сиденье, захлопнул дверцу, отъехал в полную темноту подальше от других машин.

Там выпростал шофера из штанов, нащупал большими пальцами позвоночник, старательно отсчитал точку С4. Потом, выдернув его из салона, с помощью освоенного в армии приема для беззвучной парализации или убийства неприятеля голыми руками, приподнял и крепко ударил спиной о колено. Раздался хруст. Перелом позвоночника в выбранном месте не убьет, а только обездвижит.

Снова сунул в машину, заклеил рот, связал липкой лентой руки, затолкал тело между передними и задними сиденьями, накрыл специально купленным ковриком — на случай, вдруг «тойоту» по какому-то поводу остановит полиция, — и запер дверцы. На все ушло пятнадцать минут.

Затем Зуб заскочил в кафетерий для проезжающих, еще ниже надвинув бейсболку и подняв ворот куртки под видеокамерами. Воспользовался туалетом, купил большой стакан черного кофе и датскую булочку с заварным кремом. Выбрал столик в тихом углу, съел булку, хлебнул обжигающий напиток. Вышел со стаканом на улицу, прислонился к стене, закурил «Лаки страйк», еще выпил. Необычайно вкусная сигарета. Вообще хорошо. План сложился, как всегда складываются все его планы.

Он не терпит неудач.

59

Стюарт Фергюсон очнулся, ничего не понимая. На секунду подумал, что находится дома с бывшей женой Мэдди. Хотя комната незнакомая. Где Джесси?.. Кругом клубится тьма, как в глубокой пропасти. В голове несмолкаемо стучит отбойный молоток. Слышен какой-то шум или гул, вроде бы скрип колес по асфальту. Голова кружится, вибрирует, чуть покачивается, будто плывет в пространстве.

Заснул в кабине? Свернул на станцию обслуживания перекусить и передохнуть? Задремал на месте? Попробовал дотянуться до выключателя, и ничего не вышло — будто он разучился двигать руками. Еще раз попробовал, и опять ничего. Может, отлежал руку? Только вообще не чувствуется ни рук, ни ног.

Неожиданно жарко вспыхнула паника. По лицу потекли струйки пота. Он прислушался к гулу и шорохам. Хотел заговорить, а губы не слушаются.

Понятно только, что лежит лицом вниз. Нечаянно перевернулся в кабине? Почему ничего не чувствует? Вот дерьмо! Стюарт сосредоточенно прислушался. Определенно находится в движущейся машине. Виден свет. Фары. Внезапно сверкнула очень яркая вспышка. Только какая-то темная тряпка мешает смотреть. Ноздри учуяли запах пыльного ковра.

Произошло что-то очень плохое. Панический страх клубится в голове. Хочется к Джесси. Хочется в ее объятия. Он закряхтел, стараясь повернуть голову. Послышались щелчки. Равномерное тиканье через каждую пару секунд. Машина ускоряет ход. Страх усилился. В машине еще кто-то есть. Кто-то очень плохой.

Вновь подумал о Джесси. Милая. Отчаянно хочется к ней. Он позвал ее, но из заклеенных губ не донеслось ни звука.

60

Дэвид Харрис, как всегда в своей овчинной куртке, теплых джинсах и резиновых сапогах совершал утренний обход коптилен. Кажется, плотные тучи расходятся, между ними

проглядывают клочки стеклянно-голубого неба. Воздух нынче чуть теплее. Весна запоздала, но, может, наконец, начнется.

Он взглянул на часы. 7:45. Доставка из Абердина запаздывает. Как правило, шофер подъезжает по средам ровно в 7:30. Веселый маленький шотландец Стюарт Фергюсон, всегда деловой и проворный. Разгрузится, поможет Харрису и персоналу занести коробки в холодильные камеры, все проверит, подпишет накладные, и в обратный путь.

На прошлую неделю пришелся срыв — единственный за все годы на памяти Харриса. Груз из Абердина не прибыл. Рефрижератор попал в серьезное дорожное происшествие, о котором рассказывалось во всех новостях. Погиб сын из какого-то крупного криминального семейства в Нью-Йорке. Водителем рефрижератора был назван Фергюсон, и Харрис сообразил, что авария произошла вскоре после разгрузки у него в коптильнях.

Интересно, приедет ли сегодня сам Фергюсон, или пришлют кого-нибудь вместо него? Будем надеяться, сам — хочется расспросить, что там на самом деле было. Впрочем, возможно, парня уволили. Или временно отстранили. Харрис снова взглянул на часы и прислушался, не слышно ли подъезжающего автопоезда. Однако услышал лишь слабое блеяние овец на холмах Даунса. Должно быть, новый водитель либо работает по другому расписанию, либо заблудился, что нетрудно на здешних извилистых узких дорогах.

Харрис прошел по наклонному пандусу между двумя постройками, мимо припаркованных фургонов и вдруг с удивлением заметил, что висячий замок на дверях первой коптильни, которую его работники обязательно запирают на ночь, свободно болтается, зацепившись дужкой за петлю. В душе поднялось беспокойство. В каждой кирпичной коптильне рыбы на многие тысячи фунтов, но за всю историю компании никаких краж не было. Поэтому не видно необходимости тратиться на охранные системы и видеокамеры.

Хозяин ускорил шаг, распахнул дверь, шагнул внутрь, включил карманный фонарик. Его окутал любимый сильный запах копченой рыбы. В темной коптильне все вроде в полном порядке — на потолочных крюках висит плотными рядами рыба — шотландский лосось. Харрис уже собрался выйти, но решил все-таки осмотреть рыбу и нажал рычаг, который запускает в движение потолочные штанги с крюками. Он тут же заметил, что четыре крупные тушки сорвались с крючков и валяются в дренажных поддонах.

Как они могли упасть, черт побери?

Что-то случилось здесь ночью? Одно из достижений высокой технологии, на которое фирма потратилась, — сигнальная система температурного контроля. Если температура в печи слишком низкая или температура в холодильной камере слишком высокая, на мобильник инженера Тома Уайта поступает сигнал, и он мгновенно является на место. Может, Том приходил ночью в эту коптильню? Даже если так, он человек обязательный и не оставит на полу четыре дорогие тушки.

Харрис позвонил инженеру — в это время он наверняка у себя в мастерской в дальнем конце участка. Уайт ответил немедленно, но Дэвид ждал не такого ответа. Никаких проблем ночью не возникало. Никаких звонков не было.

Разъединившись, он подумал о попытке ограбления. Поспешно подвесил лососей на место, заглянул в четыре соседние коптильни — все в полном порядке. Прошелся вдоль холодильных камер и вновь в изумлении вытаращил глаза, видя на первой двери точно так же болтающийся в петле замок.

Чертовщина какая-то. Он рванулся вперед, раздвинул тяжелые плотные створки, уверенно ожидая увидеть обычную картину.

Изнутри дохнуло морозным воздухом. Все нормально, ничего не тронуто. Ряды копченого лосося висят на мясницких крюках, прикрепленных к потолочным штангам,

которые перемещаются с помощью ременной передачи. Шесть рядов образуют почти сплошную стену, между ними едва можно протиснуться. Он с облегчением закрыл створки.

Только гораздо позже, когда служащие принялись упаковывать рыбу, готовя заказы к доставке, выяснилось, чего не заметил в холодильной камере Дэвид Харрис.

61

— Восемь тридцать, среда, пятое мая, — сказал Рой Грейс, как всегда заглядывая в свои записки. — Двадцать шестое совещание по операции «Скрипка». — Причем мы ни хрена не продвинулись, хотел добавить он, но удержался. Простои вроде этого бывают при каждом расследовании.

Он в дурном тревожном настроении. Главная тревога — Клио. Чуть не упала в обморок, выходя нынче утром из душа. Уверяла, будто из-за слишком горячей воды. Он хотел тут же ехать в больницу. Она отказалась, заявив, что бодра, как дождик, а в морге рук не хватает, надо идти.

Дело тоже его беспокоит. Ведется полномасштабное расследование убийства, но искра угасла. Хотя в команде самые надежные постоянные сотрудники, не чувствуется привычной сосредоточенности и азарта. Причина известна. Она ошибочная, но такова человеческая натура. Причина в том, что жертва — Ивен Прис.

Невзирая на страшную смерть, никто из сотрудников суссекской полиции на похоронах слезы не уронит. Надо бы направить на кладбище пару детективов в штатском на случай, вдруг кто-нибудь незапланированный явится или мелькнет поблизости.

Однако, каким бы подонком Прис ни был, его убили. Дело суперинтендента не судить пострадавшего, а отыскать убийцу и посадить за решетку. Для этого необходимо стимулировать команду.

— Прежде чем перейдем к отдельным сообщениям, — сказал Грейс, — хочу вновь перечислить направления следствия. — Он встал и указал на белую доску, где красными буквами обозначены три направления. — Прежде всего нам надо выявить *отсутствие* связи между убийством Приса и гибелью велосипедиста. Прис естественно наживал врагов, верно? Возможно, примешалась война из-за наркотиков или что-то подобное. Возможно, он просто зацепил того, кого трогать не следовало.

Дункан Крокер поднял руку.

— В этом смысле, сэр, меня смущает камера. Почему его просто не кокнули? К чему фокусы с аппаратурой за тысячу фунтов?

— Кругом полно садистов, извращенцев, — заметил Грейс. — Хотя насчет камеры я согласен. Мы к этому вернемся. Хорошо. Второе: Приса убил охотник за вознаграждением.

— Тогда встает тот же вопрос насчет видеокамеры, сэр, — заметила Белла Мой. — Если кто-то охотился за наградой, зачем возиться с дорогостоящей техникой?

— Полезно припомнить формулировку в объявлении, Белла, — сказал Грейс. — Награда предложена не за информацию, которая поможет задержать преступника и отдать под суд, как обычно. — Он заглянул в блокнот, перелистал странички. — Вознаграждение предлагается за информацию о *личности* водителя фургона, виновного в смерти сына супругов Ревир. Это большая разница.

— Думаете, что-то не вышло, сэр? — спросил Ник Николл. — Убийца хотел снять Приса на камеру и заставить признаться, а не получилось?

— Может, получилось, — заметил Гленн Брэнсон. — Камера с передатчиком, и нам неизвестно, что и кому было сказано.

— Вряд ли он много сказал под водой, — всхрапнул Норман Поттинг.

Кое-кто из коллег спрятал усмешку.

— Я не могу гадать, что получилось, чего не получилось, — бросил Грейс и снова указал на белую доску. — Третье: учитывая связи семьи Ревир с организованной преступностью, возможна спланированная месть — *наезд.* Я предварительно обратился к своим американским друзьям: пока нет никаких сведений о заключении какого-либо контракта с наемным убийцей, однако сбрасывать со счетов этого нельзя. — Он обратился к Крокеру: — Дункан, поручаю вам сбор более подробной информации о семье Ревир и ее связях.

— Будет сделано, сэр, — кивнул сержант, сделав пометку.

— В пятнадцать тридцать у меня встреча с помощником главного констебля, и я должен продемонстрировать, что мы тут не дремлем, черт побери.

У Грейса зазвонил телефон. Он махнул рукой, извинился, ответил. В трубке раздался голос Кевина Спинеллы. От того, что сказал репортер «Аргуса», и без того поганое настроение совершенно испортилось.

62

Среда не обещает стать одним из лучших дней в жизни Карли Чейз. На 9:15 у нее назначена встреча с солиситором и деловым партнером Кеном Акоттом возле брайтонского суда магистрата. Они выпьют кофе, после чего она предстанет перед судом.

Кен предупредил — по ее мнению, абсолютно напрасно, — чтобы она не садилась за руль, ибо ее наверняка лишат прав, и наказание вступит в действие немедленно. Поскольку разбитая «ауди» еще в полиции, за руль нельзя сесть в любом случае.

Карли взяла такси.

На ней простой темно-синий костюм-двойка с белой блузкой и приличными синими туфлями. Кен посоветовал выглядеть аккуратно и скромно, не ослеплять драгоценностями. Будто она когда-нибудь ослепляла!

Только шагнула на тротуар из машины, правый каблук сломался — отлетел начисто.

Ох, нет! За что? Не надо!..

Никаких признаков Акотта. У здания суда топчутся двое подростков и сердитая костлявая женщина средних лет. Один юнец, в спортивном костюме и бейсболке, жалко горбится, другой, в куртке с капюшоном, держится нахальней. Все трое молчат, курят. Предположительно, женщина — мать одного или обоих. Мальчишки с виду грубые, жестокие, записные правонарушители.

Чувствуется теплое солнце, но обещание погожего дня не развеивает ледяной мрак в душе. Нервы на пределе. Акотт заранее уведомил, что многое будет зависеть от конкретной тройки мировых судей, перед которыми она нынче предстанет. В лучшем случае ее лишат прав на год — минимальное наказание в Соединенном Королевстве за вождение в нетрезвом состоянии, — и оштрафуют на приличную сумму. Если не повезет, будет гораздо хуже. Судьи могут решить, что даже если полиция не собирается обвинять ее в причинении смерти по неосторожности или из-за опасного вождения, наказание должно полностью соответствовать трагическим обстоятельствам. Это означает лишение прав на три года и больше и четырехзначную сумму штрафа.

После смерти Кеса деньги не проблема, однако провинциальные юридические фирмы платят немного, а в будущем году Тайлер перейдет в частную привилегированную среднюю школу, где плата втрое выше нынешней у Святого Христофора. Придется поднапрячься. Перспектива лишения прав на три года, в течение которых надо будет тратиться на такси, плюс большой штраф, не говоря уже о финансовых последствиях огласки приговора в местной прессе, — все это приводит в ужас и отчаяние.

Теперь еще и каблук сломался. Можно представить, какое она произведет впечатление, ковыляя по залу суда.

Карли прислонилась к стене, улавливая дразнящий запах табачного дыма, и сбросила туфлю. Чайка сделала круг над головой, покрикивая, как бы посмеиваясь. «Пошла в задницу», — мысленно огрызнулась она.

Каблук повис на кожаной полоске. Сверху торчат два кривых тоненьких гвоздика. Карли взглянула на часы. Семь минут десятого. Хватит времени добраться до обувной мастерской? Далеко до ближайшей? Вроде по пути мелькнула поблизости. Только где?..

Айфон пискнул — пришло сообщение. Она вытащила его из сумки, взглянула на дисплей. Кен Акотт извещает, что будет через две минуты.

Заодно можно удостовериться с помощью программы «Маппер», что добрая приятельница Клер Мэй без всяких происшествий доставила Тайлера в школу. Нехорошо, что мальчик в таком подавленном настроении. Карли с сыном всегда хорошо понимали друг друга — особенно сблизились после гибели Кеса, — а теперь он отгородился стеной и даже отказывается ежедневно включать навигатор.

«Разве не хочешь знать, где я нахожусь?» — спросила она вчера.

«Зачем?» — Он пожал плечами.

На протяжении двух лет они постоянно пользовались этой программой. Маленькая синяя точка отмечает на карте города положение Карли, а пурпурная Тайлера (цвет сам выбрал). Запустив программу «Маппер», каждый видит, где другой находится. Для Тайлера это была игра, он всегда с удовольствием следил за матерью, время от времени посылая ей фразу: «Я тебя вижу».

Карли с облегчением увидела пурпурную точку в нужном месте, на углу Нью-Черч-Роуд и Вестберн-Гарденс, где стоит школа Святого Христофора, и сунула айфон обратно в сумочку.

Тут из-за угла вывернул элегантный Кен Акотт, в темно-сером костюме с зеленым галстуком, покачивающий в руке массивный кейс, с улыбкой на лице.

— Прости за опоздание, срочно пришлось разбираться с делом об опеке, но у меня хорошая новость!

Судя по выражению лица, можно подумать, что он собирается сообщить о прекращении дела.

— Только что перемолвился словом с секретарем суда — сегодня председательствует Джулиет Смит, в высшей степени опытная и справедливая, — сказал Кен Акотт.

— Замечательно, — кивнула Карли, встретив новость с тем же энтузиазмом, с каким приговоренный к смерти выслушивает, что в комнате, где совершается казнь, недавно сделали ремонт.

63

Зуб утомился, но продолжал делать дело, не сбавляя темпа. Быстрота — жизненно важное условие. Чуть уступишь полиции, и она сядет тебе на хвост. Надо постоянно на два прыжка обгонять.

Он держится на адреналине и кратком сне, к чему привык в армии. Закрыл глаза на пять минут и снова готов идти вперед. Этому учат в снайперской школе. Не один день можно так продержаться. Недели, если придется. Только время от времени обязательно надо недолго поспать. Не давай коту дремать — он погибнет через две недели. Лиши сна человека — он свихнется.

Отсыпаться будем потом, закончив работу. Тогда можно спать сколько хочешь, пока русская рулетка, наконец, не выиграет. Хотя, по правде сказать, он никогда в жизни не спал больше четырех часов подряд. Это неприятно — когда не знаешь, что вокруг происходит.

Зуб пристально разглядывал квартал, по которому проезжал. Не надо быть главным ракетным конструктором, чтобы вычислить, что здесь живут зажиточные люди. Повсюду

особняки, ухоженные газоны, красивые автомобили. За деньги куплено уединение, чистый воздух, частная жизнь. При домах большие сады. Городские джунгли. Он хорошо себя чувствует в городских джунглях.

Слева от широкой извилистой дороги огромный парк с теннисными кортами, закрытыми детскими игровыми площадками, где возятся ребятишки под наблюдением матерей. Зуб нахмурился — он не любит детей. Какая-то женщина собирает собачье дерьмо в пластиковый пакет. Идет игра у футбольных ворот. Хорошо жить в подобном спокойном и безопасном квартале, закончив пятисотлетние победоносные войны против завоевателей. Здесь нечего опасаться солдат-мародеров, которые убивают мужчин, насилуют девушек, детей и женщин, в отличие от других мест на свете, где все это продолжается — Зуб свидетель.

Комфортная зона цивилизации.

Карли Чейз живет в комфортной зоне — по крайней мере, по ее убеждению.

Он свернул на ее улицу. Хоув-Парк-Роуд. Вчера поздно вечером, возвращаясь из лососевой коптильни «Спрингс», он уже побывал тут.

Там было легко и просто. Клиенту понравится. Наверняка.

64

Входя в кабинет помощника главного констебля Ригга ровно в 15:30, Грейс еще кипел гневом после утренней беседы с репортером Кевином Спинеллой. Босс в элегантном голубом костюме в белую полосочку с ярким галстуком-бабочкой в горошек предложил чаю, и Рой с благодарностью согласился, надеясь, что угостят и печеньем, поскольку пропустил ленч. Он пахал без устали, собирая для босса крупицы положительной информации насчет операции «Скрипка», и почти ничего не собрал. В коричневом конверте список последних вещественных доказательств, позаимствованный на демонстрации часом раньше.

— Ну, как наши дела, Рой? — бодро поинтересовался Ригг.

Грейс быстренько обрисовал три направления, в которых продвигается следственная бригада, добавив, что они все плотней занимаются убийством Уоррена Талли в тюрьме Форд. Предъявил список, указав на главное.

— Мне не нравится видеокамера, Рой, — объявил помощник главного констебля. — Не согласуется.

— С чем, сэр?

Секретарша Ригга принесла на подносе чай в фарфоровой чашке с блюдцем, сахарницу и, на радость суперинтендента, блюдо с печеньем ассорти. Прежняя начальница не жаловала такой роскошью. Нынешний босс жестом предложил угощаться. Рой проглотил кружочек с джемом посередине, пожирая глазами шоколадный шарик, и сильно огорчился, когда Ригг до него дотянулся. Сунув печенье в рот, босс сказал:

— Нам хорошо известно, что преступники порой снимают акты насилия на мобильные телефоны и прочее. Однако цифровая видеокамера с передатчиком — это слишком. Зачем столько хлопот и тем более столько затрат?

— Я тоже об этом думаю, сэр.

— И что скажете?

— Стараюсь рассуждать беспристрастно. По-моему, это было задумано после объявления о награде в сто тысяч. Поэтому хочу заявить о серьезной проблеме с криминальным репортером «Аргуса» Кевином Спинеллой.

— Да? — Ригг утащил другое приглянувшееся Рою печенье с заварным кремом.

— Он звонил мне недавно и знает, что руки Приса были приклеены к рулю фургона, несмотря на все наши усилия скрыть это от прессы.

И Грейс изложил историю утечек за прошлый год.

— Догадываетесь, кто его информирует?

— Пока нет.

— Значит, «Аргус» сообщит о клее?

— Нет. Я уговорил обождать.

— Молодец.

Зазвонил мобильник. Суперинтендент извинился, ответил, выслушал плохую новость от Трейси Стокер. Задал несколько кратких вопросов и, закончив разговор, взглянул на босса, внимательно изучавшего список вещественных доказательств. На глаза попалось другое шоколадное печенье, но аппетит внезапно пропал.

— Боюсь, у нас еще один труп, сэр, — объявил Грейс.

Покинув начальственный кабинета, он бегом бросился к своей машине.

65

Среди многого прочего в Брайтоне Рою Грейсу нравится четкая демаркационная линия на севере между городом и потрясающей открытой местностью. Никаких расползшихся предместий — чистая граница на повороте шоссе А27. По одну сторону город, по другую распростерлись луга и поля.

Чертов ров, к которому он сейчас направлялся, вселяет неизменный восторженный трепет, как бы часто и с какой бы целью он там ни бывал, даже сейчас, в предчувствии страшной картины.

В это дивное место он возил Сэнди, когда за ней ухаживал, и после женитьбы они туда часто ездили на велосипедах. Взбирались наверх к автостоянке, дальше шли по полям с живописными видами на округлые холмы Даунса с одной стороны и на море с другой. Выходили по тропке к старому заброшенному форту, который Рой полюбил еще в детстве, гуляя с родителями. В те времена он играл там с сестренкой в ковбоев и индейцев, в жуликов и копов, лазая среди обветшавших стен, стараясь не угодить в коровьи лепешки, которые представляли главную опасность.

Когда наверху бывало слишком жарко, спускались по крутым склонам вниз. По легенде длинный глубокий ров — фактически чудесную естественную лощину — выкопал дьявол, чтобы впустить море и затопить суссекские церкви. Это один из самых сомнительных мифов о темном наследии Брайтона.

В первые годы после исчезновения Сэнди Рой нередко приезжал к лощине один и либо сидел в машине, глядя в окно, либо ходил вокруг. В душе жила смутная надежда, что она вдруг окажется здесь. Скажем, потеряла память. По словам одного психиатра, люди порой при этом что-то частично припоминают и могут вернуться в знакомое место.

А еще в одинокие годы он являлся сюда для того, чтобы почувствовать близость с Сэнди, уловить ее дух на ветру.

Он никогда не гулял с Клио по этим местам. Не хочется, чтобы воспоминания бросили тень на их отношения. Не хочется, чтобы Клио встретилась с его призраками. Они выбрали для себя другие районы и окрестности города.

Он вел серебристый «форд-фокус» на предельной дозволенной для себя скорости по верхней дороге, включив сирену и синюю мигалку. Слева пролетают фермерские поля, мерцающие под почти безоблачным полуденным небом. Примерно в миле к югу возникли дома, жилые кварталы Хэнглтона, Шорэмский порт и гавань, мелькнула на долю секунды высокая дымовая труба электростанции — веха для жителей города и моряков.

На ближнем повороте показалась машина, готовая выехать наперерез со стоянки гольф-клуба «Уотерхолл», и Грейс нажал кнопку в центре приборной панели, усилив вой сирены до зычного рева. Встречные автомобили замерли на месте.

Каждый раз, направляясь на вызов, он мысленно кое-что проверяет. Припоминает ключевые элементы библии детектива — учебника «Расследование убийства». Краткая тематическая сводка со схемами и диаграммами пришпилена к стенке в коридоре отдела тяжких преступлений на самом видном месте. Каждый сотрудник проходит мимо нее несколько раз в неделю. Приступая к новому следствию, обязательно для начала надо вспомнить основы. Никогда не успокаиваться. Одни из важнейших качеств хорошего детектива — методичность и пристрастие к мелочам.

И конечно, ответственность. В данный момент, как и на прошлой неделе на причале с Присом, Грейс ее остро чувствует.

Сначала оценка места происшествия. Пять крупных заголовков врезались в память. Расположение. Жертва. Преступник. Криминалистическое исследование. Посмертное вскрытие.

Оценивая расположение, полагается выявить и ограничить место происшествия; тщательно осмотреть и при необходимости оградить прилегающие окрестности, определить, откуда туда можно попасть; установить, почему преступление произошло именно там; каким образом там оказались участники; как преступник удалился оттуда; случайно ли встретился с жертвой или заранее договорился о встрече.

В ходе криминалистического исследования собираются материальные свидетельства; выявляются вероятные способы нападения и нейтрализации жертвы; отыскиваются признаки ограбления, сексуального насилия, применения отравляющих, парализующих и тому подобных веществ; выясняется, не получил ли преступник какие-то травмы и раны; исследуется распределение следов крови и сопутствующие детали.

Первая критическая стадия расследования — буквально час после обнаружения жертвы — называется «золотым часом», когда есть оптимальный шанс обнаружить криминалистические доказательства, пока место происшествия не затоптали десятки людей, пускай даже в защитных костюмах, и не испортила погода — дождь или сильный ветер.

Грейс промчался мимо живописной, как на почтовой открытке, деревушки Пойнингс, еще более очаровательной Фолкинг, круто свернул вправо у паба «Пастух и собака», куда водил Сэнди перекусить и выпить во время одного из первых свиданий, и еще прибавил газу, углубляясь в Даунс.

Коптильня «Спрингс» — суссекское предприятие с мировой известностью. Рой бывал во многих ресторанах, где его продукция служит фирменным знаком качества, и всегда удивлялся, что производство фактически располагается в почти недосягаемом захолустье. Возможно, владельцы изначально постарались, чтобы соседи не жаловались на запахи.

Миновав кучку фермерских хозяйственных и жилых построек, он замедлил ход на крутом спуске, увидел за поворотом проблесковые маячки патрульного автомобиля и других спецмашин, плотно прижавшихся к обочине дороги, заросшей деревьями. Остановился за патрульной машиной, выключил мотор и мигалку и вылез. Влезая в бумажный костюм, он чуял густой резкий запах горящего дерева и коптящейся рыбы, смешанный со свежими травяными сельскими ароматами.

Вход в коптильни преграждает сине-белая полицейская лента и юный незнакомый констебль в качестве охранника.

Грейс предъявил удостоверение.

— Добрый день, сэр, — несколько нервно поздоровался парень.

Рой натянул латексные перчатки, нырнул под ленту. Констебль указал ему путь по крутому наклонному пандусу между рядами холодильных и коптильных камер. Через несколько шагов он увидел группу людей в таких же защитных костюмах. Среди них Трейси Стокер.

— На совещаниях в таком виде не встретимся, Рой! — бодро воскликнула она.

Он усмехнулся. Ему очень нравится Трейси, блистательный профессионал, которая по сравнению со своими коллегами — с одним, по крайней мере, — до сих пор не заразилась цинизмом. Будучи старшим следователем, скоро понимаешь, что хороший ответственный за место происшествия способен с самого начала придать следствию нужный оборот.

— Ну что?

— Не самая приятная картина из тех, что я видела.

Трейси повернулась и пошла вперед. Грейс кивнул паре знакомых детективов из брайтонского участка на Джон-стрит, которых сюда направили сотрудники оперативного отдела для оценки ситуации, и последовал за Трейси к серым холодильным камерам с толстыми гудронными крышами и белыми раздвижными дверями. Створки первой камеры открыты.

Внезапно возник запах рвоты — всегда дурной знак. Трейси вошла внутрь, жестом поманив его за собой. В лицо дунул ледяной воздух и сильный, почти оглушительный запах копченой рыбы. Впереди почти сплошная стена из крупных безголовых тушек в темно-розовой коже, висящих рядами на крепких железных крюках, прикрепленных к потолочным штангам. Четыре ряда с узкими проходами, куда едва можно протиснуться.

Взгляд сразу приковался к третьему ряду. Сначала Рой увидел среди рыбы огромную пухлую тушу, почти сплошь закопченную. Свинья, мельком подумал суперинтендент.

Потом, когда мозг обработал картинку, он понял, что это такое.

66

Отсюда открывается чудесный вид на Изар — красивую реку, которая пересекает Мюнхен, протекая почти на всем протяжении через сады и парки. Она любит сидеть у окна своей квартиры на четвертом этаже над оживленной Виденмайрштрассе, глядя на людей, которые гуляют с собаками, совершают пробежки, везут по берегу детей в колясках. Но особенно любит смотреть на воду.

Поэтому ходит в Английский сад и сидит у пруда. Вода для нее как наркотик. Она сильно тоскует по морю. Сильней, чем о чем-то другом в Брайтоне. Ей все нравится в Мюнхене, но иногда возникает страшная тоска по морю. А иногда по прежнему одиночеству. Конечно, в свое время она ненавидела это вынужденное одиночество, когда свои права на мужа предъявляла работа. Все планы мигом рушились, и выходные приходилось проводить одной.

Итальянец Джан Винченцо Гравина пишет, что скука лишает человека одиночества, однако не составляет компании.

Вот что происходит сейчас в новой жизни. Он чертовски требовательный. Вся новая жизнь вертится вокруг него. Она взглянула на часы. Он скоро вернется. Вот такая теперь жизнь. Каждый час этой жизни рассчитан.

На мониторе ноутбука на письменном столе электронная версия суссекской газеты «Аргус». Увидев размещенное Роем Грейсом в местной мюнхенской газете объявление об официальном признании ее смерти, она начала ежедневно просматривать «Аргус».

Если он через столько лет решил объявить ее мертвой, на это должна быть причина. И на ум приходит только одна.

Она сделала глубокий вдох, напомнив себе мантру для контроля над злостью. Жизнь это не ожидание, пока кончится буря. Это умение танцевать под дождем.

Произнесла ее вслух. Еще раз. И еще.

Наконец, настолько успокоилась, что открыла страницу с объявлениями. Просмотрела колонку предстоящих бракосочетаний. Там нет Роя Грейса.

Закрыла файл с таким же облегчением, какое ежедневно испытывает.

67

Рой Грейс много лет видит жуткие картины. Набравшись опыта, почти всегда можно оставить их за спиной, однако что-то застревает в памяти и временами всплывает. Тогда ложишься в постель и не можешь заснуть, снова и снова видя это перед глазами. Или просыпаешься с криком от кошмарного зрелища.

Одно из самых тяжких впечатлений — пятилетний мальчик под колесами самосвала. Рой, в ту пору молодой патрульный, первым прибыл на место происшествия. Раздавленная голова ребенка с торчащими светлыми волосами, как это ни дико, напомнила ему Барта Симпсона. На протяжении нескольких лет бедный малыш снился ему три-четыре раза в месяц. Он до сих пор не может видеть по телевизору сериал «Семейка Симпсон», оживляющий страшные воспоминания.

Нынешнюю картину он тоже унесет с собой. Чудовищно, а глаза отвести невозможно; невозможно не думать, какие страдания выпали человеку в последние минуты жизни. Остается надеяться, что последних минут было мало, но почему-то кажется, что это не так.

Мужчина невысокий, плотный, со стрижкой ежиком и тройным подбородком, с татуировками на кистях рук. Голый — одежда сложена на полу, будто он собирался влезть в ванну или нырнуть в бассейн. Синий комбинезон, носки, зеленая рубашка поло с выстроченной надписью «Океанская рыба из Абердина» аккуратно свернуты рядом с тяжелыми ботинками. На коже черные пятна от дыма, голова, лицо, руки покрыты крошечными ледяными кристаллами. Он висит на крепком железном крюке, острие которого вонзается в нёбо широко открытого рта и выходит чуть ниже левого глаза, как у рыбы на браконьерской остроге.

На лице написано бесконечное потрясение — хуже всего выпученные обезумевшие глаза.

Ледяной воздух продолжает накачиваться, неся с собой острый запах копченой рыбы вместе с вонью мочи и экскрементов. Бедняга обмочился и обделался. Ничего удивительного, решил Грейс, глядя на него, осмысливая первые крохи полученной информации. Одна коптильня тоже взломана. Возможно, беднягу сначала подвесили там, а потом перенесли в холодильник.

От смешанных запахов опасно подступила тошнота. Помня советы патологоанатомов, Рой начал дышать ртом.

— Я должна сообщить кое-что неприятное, — предупредила Трейси Стокер, абсолютно невозмутимая с виду.

— Фактически я уже вижу кое-что неприятное.

— Бедняга…

— Известно, кто это?

— Да. Здешний босс его знает. Водитель рефрижератора. Регулярно каждую неделю доставлял грузы из Абердина. Уже много лет.

Грейс как завороженный смотрел на тело.

— Смерть констатирована?

— Пока нет. Парамедики едут.

Каким бы мертвым человек с виду ни был, закон требует официального медицинского освидетельствования и заключения. В прежние времена это сделал бы полицейский врач. Конечно, состояние жертвы в данный момент не вызывает никаких сомнений. Мертвее бывают лишь те, цинично подумал Рой, чей пепел покоится в кремационных урнах.

— Патологоанатом будет? — спросил он.

Трейси кивнула.

— Только не знаю кто.

— Надеюсь, Надюшка. — Грейс снова посмотрел на труп. — Ничего, если я выйду, когда его начнут снимать с крюка?

— Пожалуй, я тоже, — вздохнула Трейси.

Рой мрачно усмехнулся.

— Так вот, это может быть очень важно, — вернулась к началу разговора Трейси.

— Что?

— По свидетельству мистера Харриса, владельца и управляющего компанией «Спрингс», это Стюарт Фергюсон, водитель автопоезда, участник фатального столкновения на Портленд-Роуд.

Грейс взглянул на нее. Прежде чем успел осмыслить информацию, Трейси продолжила:

— Придется подойти поближе, но вы должны увидеть. — Она шагнула вперед и повернулась, указывая на стену приблизительно в футе над дверью. — Узнаёте?

Суперинтендент уставился на цилиндрический предмет со сверкающей стеклянной линзой.

Оправдались наихудшие опасения.

Очередная видеокамера.

68

Карли Чейз приветственно улыбнулась и поспешно усадила вошедшую в кабинет женщину. Встреча отсрочена на 16:45, ибо весь день пошел кувырком. По крайней мере, это последняя на сегодня клиентка.

Анджелина Голдсмит, мать троих подростков, недавно обнаружила, что ее муж-архитектор двадцать лет живет двойной жизнью, имеет другую семью в Чичестере в тридцати милях от родного дома. На той женщине не женился, поэтому по закону не многоженец, но с моральной точки зрения еще какой, черт побери.

Несчастная клиентка явно заслуживает солиситора, способного полностью сосредоточиться на ее проклятом деле, на что Карли в данный момент не способна.

Анджелина Голдсмит из тех доверчивых порядочных женщин, которых измена мужа потрясает до глубины души. У нее мягкий характер, темные волосы, приятное лицо, хорошая фигура; ради семьи она отказалась от карьеры геолога. Теперь вера в себя пошатнулась, ей нужен совет.

Карли проявила сочувствие, принялась обсуждать варианты, посоветовала смотреть в будущее ради себя и детей.

После ухода клиентки кое-что продиктовала своей секретарше Сюзанне, попросила занести в дневник следующую встречу с Анджелиной Голдсмит, назначенную через неделю, и выписать счет на восемью шесть минут — в фирме время приема отсчитывается по шести минутам. Потом проверила голосовую почту, выслушала поток сообщений клиентов и последнее от Клер Мэй. Клер докладывала, что Тайлер всю дорогу плакал, не объясняя почему.

Мать присмотрит за ним до ее возвращения. Тайлер любит бабушку и, будем надеяться, развеселится. Однако поведение сына тревожит. Надо будет поговорить с ним подольше. Карли вызвала по телефону такси и вышла из кабинета.

В машине по пути домой погрузилась в раздумья. Разговорчивый водитель в опрятном костюме все время пытался завязать беседу, но Карли не отвечала. Не в том она настроении, чтобы беседовать.

Кен Акотт оказался прав насчет магистрата. Ее лишили прав на год и оштрафовали на тысячу фунтов, что Кен признал предельно мягким наказанием. Она также согласилась на предложение суда пойти на курсы вождения, сократив срок лишения прав до девяти месяцев.

Чувствуя себя идиоткой, она хромала без каблука по залу суда и обратно. Потом с нетерпением ждала ленча с Сарой Эллис, чтобы взбодриться, а та позвонила с сообщением, что ее престарелый отец, живущий отдельно, упал, похоже, сломал руку и она везет его в больницу.

Будь все проклято, решила Карли. И вместо обувной мастерской поплелась в магазин на Дьюкс-Лейн за шопинг-терапией. В результате на ней теперь красуются утешительно дорогие туфли фирмы «Кристиан Лубутэн» из настоящей кожи, на абсурдно высоких каблуках, с двойным ремешком на щиколотках и красной платформой. Единственная радость сегодня.

Карли выглянула в окно. Такси движется в плотном потоке в час пик по Олд-Шорэм-Роуд. Она отправила Тайлеру сообщение, что через десять минут будет дома, поставила в конце смайлик и строчку поцелуев.

— Живете в конце Голдстоун-Кресент, да? — уточнил водитель.

— Верно.

— Угу.

Радио в машине ожило и снова умолкло. Через несколько минут таксист снова спросил:

— У вас какой бачок в туалете?

— Понятия не имею, — сказала она.

Пришел ответный текст от Тайлера.

«У тебя „Маппер" выключен».

Она написала:

«Прости. Жуткий день. Люблю тебя. XXXX».

— С цепочкой или с ручкой?

— С ручкой.

— Ясно.

Голос резкий, назойливый. Если не заткнется насчет унитазов, никаких чаевых не получит.

К счастью, водитель умолк и молчал до самого дома. Девять фунтов на счетчике. Она дала десятку, отказавшись от сдачи. Когда шагнула на тротуар, шофер крикнул вслед:

— Классные туфли! «Кристиан Лубутэн»? Шестой размер? Угу…

— А вы знаток! — невольно улыбнулась Карли.

Водитель не улыбнулся в ответ, только кивнул и открутил крышку термоса.

Чокнутый малый. Надо сказать в компании, чтобы его больше не присылали. Впрочем, возможно, она просто злится, а он лишь старается проявить дружелюбие.

На другой стороне дороги Зуб в маленькой синей прокатной «тойоте-ярис», которую следовало вымыть, сделал пометку в электронной записной книжке. Сын. Дома в 16:45. Мать. Дома в 18:00.

И зевнул. День был очень долгий. Он запустил мотор и тронулся с места. Отъезжая, увидел медленно двигавшийся навстречу патрульный автомобиль. Ниже натянул бейсболку, проезжая мимо, глянул в зеркало заднего обзора, увидел вспыхнувшие тормозные огни.

69

На кухне гремят тарелки — видно, мать после ужина убирает за Тайлером. Пахнет едой. Лазаньей. На оконном стекле играет солнце. Скоро лето. Карли вошла в дом с тяжелым сердцем. Обычно в этом месяце она чувствует себя бодрее — часы переводятся, день

становится дольше. Радует утренний свет и хор на заре. В страшные годы после смерти Кеса хуже всего она переносит зимы. Летом как-то легче справиться с горем.

Но где теперь *обычная* жизнь, черт возьми?

Обычно Тайлер бежал ей навстречу из школьных ворот. Обычно мчался к двери, чтобы обнять ее после разлуки. Теперь она стоит одна в прихожей, тупо уставившись на викторианскую вешалку, где еще висит панама Кеса и широкополая шляпа, купленная однажды по чистой прихоти; в подставке стоит его зонт с гнутой серебряной ручкой. Он любил антикварные вещи, и большая эдвардианская картинка в рамке с изображением людей на старом брайтонском катке на Вест-стрит висит на стене рядом с гравюрой давно исчезнувшего цепного брайтонского пирса.

Карли с горечью вспомнила, что лето без водительских прав будет безнадежно испорчено. Ну и ладно. Надо мыслить позитивно. Ради Тайлера — и самой себя — не сдаваться. После смерти отца четыре года назад мать сказала на свой философский манер, что жизнь — это книга, в которой открылась другая глава.

То же самое происходит сейчас. Началась глава под названием «Карли без машины». Надо просто приспособиться к расписанию автобусов и поездов, как делают тысячи других людей. Есть в перемене также и плюс: жизнь станет *зеленой.* Экологически чистой. У Тайлера будет обычное лето. Целые дни на пляже. По особым дням зоопарк, парки развлечений, лондонские музеи, особенно его любимый Естественно-исторический. Возможно, ей так понравится ездить общественным транспортом, что она больше не пожелает возиться с автомобилем.

Возможно, небо наполнится крылатыми свинками.

Карли направилась на кухню, откуда вышла мать в фартуке с надписью «Верьте мне — я адвокат» поверх джинсов и черной водолазки. Обняла ее, поцеловала.

— Бедняжка, какая досада!..

Мать присутствует рядом всю жизнь. В свои шестьдесят пять она все еще красивая женщина с короткими каштановыми волосами, хоть и слегка печальная. Была акушеркой, потом медсестрой в окружной больнице, теперь активно занимается благотворительностью, в частности, работает по неполному графику в брайтонском хосписе «Мартлетс».

— По крайней мере, худшее позади, — ответила Карли, заметив местную газету «Аргус» на кухонном столе. Аккуратно сложенную после прочтения. Сама не купила, потому что духу не хватит открыть. — Про меня пишут?

— Маленькая заметка. На пятой странице.

Главный репортаж на первой странице посвящен убийце-маньяку по имени Ли Коэрни, жившему некогда в Брайтоне. Полиция перекапывает сады в двух его бывших домах. О том же рассказывается в новостях по телевизору на стене над кухонным столом. Симпатичный полицейский докладывает о продвижении. Титры внизу экрана сообщают: старший инспектор Ник Слоун из суссекского управления уголовных расследований.

Карли зашуршала страницами, отыскивая краткое упоминание о собственной персоне, отчасти благодарная чудовищу Коэрни, затмившему ее собственную историю.

— Как Тайлер?

— Отлично. Играет наверху со своим милым дружком Харрисоном, который только что явился.

— Пойду поздороваюсь. Тебе идти надо?

— Сначала подам ужин. Чего съешь? Есть салат и лазанья.

— Я бы вина выпила ко всем чертям!

— И я с тобой.

В дверь позвонили.

Карли вопросительно взглянула на мать, потом на часы. 18:15.

— Тайлер предупредил, что, может быть, еще один парень зайдет. Они сегодня разыгрывают на компьютере какую-то битву.

Карли направилась по коридору к двери. Взглянула на болтающуюся цепочку. Пока еще ранний вечер, не стоит накидывать. Открыв дверь, увидела высокого чернокожего мужчину лет тридцати пяти, с чисто выбритой головой, в изысканном костюме с броским галстуком, в сопровождении женщины тех же лет, довольно старомодного вида: темные волосы длиной до плеч подкрашены хной, блузка под пиджаком серого добропорядочного брючного костюма застегнута на все пуговицы по самое горло. Похожа на старую деву.

Мужчина предъявил небольшую кожаную корочку с документом, на котором красуется герб суссекской полиции и его фотография.

— Миссис Карли Чейз?

— Да, — подтвердила она с заминкой, абсолютно не желая отвечать сегодня на очередную кучу вопросов о дорожно-транспортном происшествии.

Мужчина держится дружелюбно, может быть чуть напряженно.

— Сержант Брэнсон и сержант Мой из суссекского управления уголовных расследований. Разрешите войти? Нам надо срочно с вами поговорить. — Он быстро оглянулся через плечо. Его коллега также окинула взглядом улицу.

Карли посторонилась, впустила полицейских, почему-то вдруг встревожившись. Мать озабоченно выглянула с кухни.

— Будьте добры, можно остаться с вами наедине? — спросил сержант Брэнсон.

Карли провела полицейских в гостиную, жестом заверив мать, что все в порядке. Указала им на диваны, захлопнула дверь, смущенно поглядывая на расплывшееся коричневое пятно на обоях, покрывшее уже почти всю стену. Потом села напротив, вызывающе глядя на детективов, гадая, что они еще ей предъявят.

— Чем могу помочь? — Не стала предлагать ни чаю, ни кофе.

— Миссис Чейз, у нас есть веские основания предполагать, что вашей жизни грозит непосредственная опасность, — объявил сержант.

Карли заморгала.

— Простите?.. — Впервые заметила в руках детектива большой коричневый конверт. Он держал его на удивление бережно для столь крупного мужчины, как хрупкую вазу.

— Дело касается дорожного происшествия две недели назад, в результате которого погиб студент Брайтонского университета Тони Ревир.

— Что значит *непосредственная опасность?*

— К столкновению причастны еще две машины — фургон «форд-транзит» и рефрижератор «вольво».

— Это они и сбили несчастного велосипедиста. — Карли перехватила взгляд женщины-сержанта, которая сочувственно улыбнулась, что ее разозлило.

— Вам известна личность погибшего? — осведомился сержант Брэнсон.

— Да. В газетах читала. Прискорбный случай. Крайне неприятно, что я косвенно в него замешана.

— Вам известно, что мать юноши — дочь босса нью-йоркской мафии?

— Тоже читала. И о вознаграждении. Даже не знала, что мафия до сих пор существует… думала, дело прошлое, как в «Крестном отце».

Сержант переглянулся с коллегой, которая сказала:

— Миссис Чейз, я из отдела семейных проблем… полагаю, вам, как солиситору, известно, что это такое?

— Я не специалист по уголовному праву, но понимаю.

— Я должна вам помочь принять кое-какие решения. Помните белый «форд-транзит», участвовавший в столкновении?

— Тот, что ехал прямо за мной?

— По всей видимости, да. Должна сообщить, что водитель фургона мертв. В пятницу его тело обнаружено в машине, затопленной в Шорэмской гавани.

— Я читала в «Аргусе» о найденном фургоне с телом…

— Да, — кивнула Белла Мой. — Но дело в том, что это тот самый фургон и тот самый водитель. Он был убит.

— Убит? — нахмурилась Карли.

— Именно. Детали изложить не могу, но поверьте нам — его убили. Мы пришли сейчас к вам потому, что несколько часов назад водитель рефрижератора «вольво», участвовавшего в столкновении, тоже обнаружен мертвым. Точнее — убитым.

Карли охватил страх. Комната поплыла, закачалась, внезапно наступила жуткая напряженная тишина. Потом вдруг показалось, будто сама она отделилась от тела и летит в ледяную черную бездну. Хочет что-то сказать и не может. Полицейские расплываются перед глазами. Лоб разгорается. Пол под ногами колышется, как палуба корабля. Она вцепилась в диван.

— Я… я… я… думала, что награда… что мать предложила награду… за информацию о водителе фургона…

— Верно, — подтвердила Белла Мой.

— А тогда… почему их убили?.. — В душе вихрем крутится смертный ужас.

— Мы не знаем, миссис Чейз, — сказал сержант Брэнсон. — Может быть, просто редкостное совпадение. Но полиция обязана принять меры. Мы считаем, что ваша жизнь в опасности.

Не может быть. Это какая-то извращенная каверза. Последний удар. Хитроумная ловушка. Мозги юриста протестуют. Ее хотят запугать и заставить признаться в виновности…

— Миссис Чейз, — продолжал чернокожий детектив, — мы предлагаем несколько вариантов. Например, перевезти вас в надежное безопасное место. Что скажете?

Карли с испугом уставилась на него.

— Что это значит?

— То же самое, — пояснила женщина, — что охрана свидетеля, миссис Чейз… можно называть вас Карли?

Она слабо кивнула, стараясь осмыслить услышанное.

— Как перевезти?..

— Мы под конвоем переселим вас с сыном в другой дом в Брайтоне. На время. Если степень угрозы повысится, возможно, предложим переехать в другую часть Англии, сменить имя, фамилию, личность…

Карли смотрела на полицейских в полном смятении, как загнанная зверушка.

— Сменить фамилию?.. Личность?.. Переехать? Сейчас?..

— Прямо сейчас, — кивнул Брэнсон. — Мы подождем, пока вы соберетесь, и вызовем эскорт.

Она всплеснула руками.

— Постойте секундочку. Что за бред? Я всю жизнь здесь живу. Мой сын учится в школе. Здесь живет моя мать. Я просто не могу все бросить и переселиться. Ни в коем случае. Определенно не сегодня. Что касается переезда в другую часть Англии, то это уже полная дичь. — Голос дрогнул. — Слушайте, я в столкновении не участвовала. Ладно, знаю, меня обвинили в превышении нормы спиртного, но я не сбивала бедного парня, Боже сохрани! Меня нельзя винить в его смерти, правда? Дорожная полиция признала… и в суде сегодня…

— Карли, — вступила Белла Мой, — мы все это знаем. Родителям погибшего юноши предоставлена исчерпывающая информация об обстоятельствах столкновения. Но, как сказал мой коллега, полиция Суссекса обязана о вас позаботиться.

Карли заломила руки. Постаралась рассуждать логично. Не получается.

— Давайте проясним, — вымолвила она. — Вы говорите, водитель фургона, что ехал за мной, мертв… убит?..

— Без всяких сомнений убит, миссис Чейз, — с предельной серьезностью подтвердил чернокожий сержант.

— А водитель рефрижератора?..

— Тоже вопросов не возникает. Мы собрали все сведения о семье покойного Тони Ревира. К сожалению, его родные вполне способны на убийство из мести. Осмелюсь сказать, такова их «культурная традиция». Они живут в другом мире.

— Потрясающе, черт побери! — выдохнула Карли. Вместо страха внезапно нахлынула злость. Отчаянно хочется выпить или закурить. — Выпить не желаете?

Детективы отказались.

Она посидела, усиленно размышляя.

— Думаете, послали наемного убийцу, или как это там называется?

— Возможно, — кивнула Белла Мой.

— Хорошо, но ведь есть и другие возможности? Случайное совпадение… Какое-то фантастическое совпадение, черт побери?

— Сто тысяч долларов в вознаграждение большие деньги, миссис Чейз, — напомнил сержант Брэнсон. — Видно, родители сильно разгневаны.

— Значит, мне с сыном надо уехать отсюда? Сменить личность? Вы будете нас охранять до конца жизни? Каким образом?

Полицейские переглянулись.

— К сожалению, — сказала сержант Мой, — полиция вряд ли способна обеспечить подобную степень защиты. Хотя сменить личность поможем.

— Это мой дом, и мы здесь живем. Здесь наши друзья. Тайлер уже лишился отца, хотите, чтобы он и друзей потерял? Серьезно предлагаете немедленно спрятаться? Предлагаете, чтобы я бросила работу, а сын школу? А что будет в другом доме… в другом конце страны? Если тут в самом деле наемный убийца, думаете, он нас не отыщет? Я буду до конца дней бояться стука в дверь, скрипнувшей половицы в доме и хрустнувшей ветки в саду?

— Мы ни к чему вас не принуждаем, — пояснила Белла Мой. — Просто считаем переезд оптимальным решением.

— Если предпочтете остаться, обеспечим защиту, — добавил Гленн Брэнсон. — Установим камеры наблюдения, выделим личную охрану, хотя только на время — на две недели.

— На две? — встрепенулась Карли. — Почему? Из-за бюджета?

Сержант развел руками.

— Перед вами два варианта. — Он вытащил документ из конверта. — Прочтите и подпишите, пожалуйста.

Карли взглянула на печатный текст, и ее заколотило.

70

ПРИЛОЖЕНИЕ F

ПОЛИЦИЯ СУССЕКСА

Предупреждение «Осман»

Уведомление об угрозе личной безопасности

Миссис Карли Чейз
Хоув-Парк-Роуд 79
Хоув BN3 6LN
Восточный Суссекс

Уважаемая миссис Чейз!

Судя по имеющимся у меня сведениям, Вашей жизни в данный момент угрожает опасность.

Подчеркиваю, что ни при каких обстоятельствах не могу открыть источник информации, подтвердить надежность упомянутого источника и полученных сведений, хотя не имею основания для сомнений.

После смерти Ивена Приса, водителя фургона «форд-транзит» белого цвета, сбившего велосипедиста Тони Ревира, и Стюарта Фергюсона, водителя автопоезда-рефрижератора, под колесами которого погиб Тони Ревир, я убедился, что Вам грозит непосредственная опасность — убийство из мести по заказу неизвестных лиц, исполнители — неизвестные в данный момент лица.

Принимая все меры для минимизации риска, суссекская полиция не имеет возможности обеспечивать вам долгосрочную круглосуточную охрану.

Подчеркиваю также, что данное уведомление ни в коем случае не дает Вам права прибегать к противозаконным и соответственно наказуемым методам защиты (т. е. ношению оружия, применению к другим лицам физического насилия, нарушению общественного порядка и пр.).

Поэтому предлагаю либо принять меры для самостоятельного обеспечения личной безопасности в данном месте проживания (т. е. установить сигнализацию, изменить привычный распорядок жизни и пр.), либо покинуть данный район на обозримое будущее. Решение за Вами.

Если сообщите точный адрес будущего места проживания, полиция по моему указанию проведет обследование и проконсультирует вас по поводу обязательных мер безопасности.

Прошу также сообщать полиции о любых подозрительных инцидентах, имеющих отношение к данной угрозе.

Подпись: суперинтендент Рой Грейс.

Время/дата: 17.35, среда, 5 мая 2010 г.

Я (имя, фамилия) подтверждаю, что в (время/дата, год) данное предупреждение мне зачитано офицером суссекской полиции (звание, имя, фамилия).

Подпись

Подпись офицера, зачитавшего уведомление (время/дата)
Подпись офицера, засвидетельствовавшего прочтение (время/дата)

Карли прочла. Посмотрела на полицейских.

— Не совсем понимаю. То есть если не соглашусь переехать, то останусь на собственном попечении?

Белла Мой затрясла головой:

— Нет, миссис Чейз. Как сказал сержант Брэнсон, мы организуем круглосуточную охрану на две недели. И установим камеры наблюдения. Но гарантировать полную безопасность не можем. Просто сделаем все возможное.

— Я должна подписать эту бумагу?

Белла кивнула.

— Это ведь не для меня, правда? Для того, чтобы прикрыть ваши задницы. Если меня убьют, продемонстрируете, будто сделали все, что могли. А что именно?

— Слушайте, — достаточно резко сказал Брэнсон, — вы же умная женщина. Сотрудники суссекской полиции постараются всеми силами вас уберечь. Но если не желаете переселяться — и я вас вполне понимаю, никому не хочется уходить в подполье, — то наши возможности ограничены. Мы с вами должны решать и действовать вместе. — Он выложил на кофейный столик визитную карточку. — Сержант Мой будет с вами поддерживать постоянную связь, но и мне не стесняйтесь звонить в любой час дня и ночи.

— Прекрасно, — сказала Карли, взяла авторучку и, изо всех сил стараясь рассуждать логично, проставила дату и подпись. Ей было страшно.

71

Рой Грейс лежал в постели рядом с Клио, ворочаясь с боку на бок, взвинченный до предела. Он пробыл в морге до двух часов ночи, пока, наконец, не закончилось вскрытие водителя автопоезда-рефрижератора. По крайней мере, сумел уговорить Клио уйти домой пораньше, вскоре после полуночи. Живет теперь в постоянном страхе, что у нее случится новое кровотечение, угрожающее ее жизни и ребенка.

Надюшка Де Санча была занята, пришлось довольствоваться педантом-патологоанатомом Фрейзером Теобальдом. Медлительный, но дотошный доктор Теобальд раскопал кое-какую полезную информацию о смерти несчастной жертвы.

На ярко-голубом дисплее радиочасов в нескольких дюймах перед глазами 3:58 одним щелчком сменились на 3:59. И после нескончаемой паузы на 4:00.

Проклятье!

Впереди долгий тяжелый день. Необходимо быть на пике формы, командуя большой бригадой, отвечая на неизбежные вопросы помощника главного констебля Питера Ригга, принимая важные решения в отношении средств массовой информации. Но самая главная, первоочередная задача — уберечь сидевшую за рулем «ауди» женщину от неминуемой грозной опасности. 4:01.

Над городом пробиваются первые рассветные лучи, а в душе сгущается тьма. Как ее уберечь, черт возьми, не упрятав в неприступное убежище? Она не хочет уезжать из дома, что было бы наилучшим решением, хотя отказ тоже понятен.

Снова вспомнился Ивен Прис в утопленном фургоне. И закопченный Стюарт Фергюсон на мясницком крюке. И видеокамеры. Особенно вторая.

Диапазон передатчика видеокамеры несколько сотен метров, под водой еще меньше. Значит, киллер ждал поблизости с приемным устройством — наверняка в машине. Понятно, достать камеру из затонувшего автомобиля непросто, но вторую он должен был забрать. Две

водонепроницаемые видеокамеры с приборами ночного видения стоят добрую тысячу фунтов каждая. Куча денег выброшена на ветер.

Что это за киллер? Умный, ловкий, предусмотрительный. За всю свою карьеру Рой с таким не сталкивался.

Видеозапись напомнила дело, над которым он работал прошлым летом, связанное со съемками и распространением гнусных фильмов с реальными убийствами и сценами насилия. Вдруг показалось, что тут то же самое, хотя сразу возникли сомнения. Это месть за погибшего Тони Ревира. Факт жестокой казни водителя рефрижератора, доставлявшего в коптильню «Спрингс» замороженную рыбу и морепродукты.

По оценке патолога, Фергюсон умирал в холодильнике часа два, возможно, чуть меньше. Если киллер был поблизости и принимал изображение до самой смерти, почему не снял камеру?

Не хотел рисковать? Его кто-то спугнул? Мимо проехала патрульная машина? Или он оставил сообщение — знак… кому? Циничное предупреждение очередной жертве? Вот что с тобой будет, и плевать на деньги?..

Неужели киллер просидел в машине два часа, наблюдая страдания Фергюсона? По словам Фрейзера Теобальда, кожа жертвы частично обожжена, в легких дым, но не столько, чтобы задохнуться. Крючок, воткнутый в нёбо и вышедший под глазом, причинял страдания, но не угрожал жизни. Смерть в холодильнике была невероятно мучительной.

Что садист приготовил для Карли Чейз?

Команда следователя Лэнигана расспрашивает родителей Тони Ревира и брата Фернанды, который занял место главы преступного семейства после отправки отца в тюрьму, но американцы особого оптимизма на сей счет не питают.

Грейс хлебнул воды и с предельной осторожностью взбил подушки.

Клио тоже долго не спала — трудно заснуть на левом боку, подсунув под руку подушку, как ее учат. Вдобавок почти каждый час бегала в туалет. Сейчас заснула, дышит тяжело. Может, для успокоения стоит чуть-чуть почитать? На полу у кровати прерывисто похрапывает пес Хамфри.

Медленно протянув руку, чтоб не побеспокоить Клио, Рой на самую малую мощность включил лампу для чтения, уставился на небольшую стопку книжек на тумбочке, половина из которых куплена по рекомендации коллеги Ника Николла.

«Отцовство». «От папы к лучшему приятелю». «Новая книга о малыше». «Секретные сведения о младенцах».

Взял верхнюю — «Отцовство», — начал читать оттуда, где остановился прошлой ночью. Но через несколько страниц вместо успокоения еще сильней озаботился из-за груза отцовской ответственности. Слишком много проблем, слишком много обязанностей.

С той секунды, как Клио впервые сообщила ему о беременности, Рой решил стать по-настоящему заботливым отцом. Теперь, читая все эти книги, он приходит в полное замешательство, прикидывая, сколько сил и времени отнимают родительские обязанности. Хочется выделить время, исполнять свой долг, но разве это возможно?

В 5:30 он, наконец, отказался от попыток заснуть, выскользнул из постели, пошел в ванную, плеснул в лицо холодной водой. В глаза будто песок насыпан. Пожалуй, короткая пробежка взбодрила бы, но он слишком устал. Вместо этого натянул спортивный костюм и решил просто пройтись по кварталу, сосредоточившись на грядущем дне, взяв с собой Хамфри на поводке, который упорно настаивает на совместных прогулках. Потом выпить кофе, принять душ, одеться и отправляться в офис.

Приехав в контору около семи, он хлебнул «Ред Булл», позвонил сотруднику из бригады охраны, скрытно расположившейся вокруг дома Карли Чейз. С облегчением услышал, что ночь прошла спокойно.

По крайней мере, эта ночь.

72

— Прошу всех запомнить, — начал Рой Грейс утренний инструктаж, — что я не веселый кролик, черт побери.

Повестка совещания посвящена убийству водителя рефрижератора.

Хлебнув кофе и заглянув в записки, суперинтендент продолжил:

— Первое, о чем считаю важным сказать: продолжающаяся утечка информации. Кто-то работает на нашего друга Кевина Спинеллу из «Аргуса». Ясно?

Он оглядел тридцать пять мрачных лиц. Жуткое сообщение о водителе рефрижератора потрясло даже самых закаленных членов команды.

— Я никого из вас не обвиняю, но кто-то сболтнул репортеру, что руки Приса были приклеены к рулю фургона. Это член либо нашей следственной бригады, либо специальной поисковой бригады, либо работник Шорэмского порта, либо кто-то из служащих морга. Когда найду его, повешу сушиться на чем-то похуже железного крюка. Понятно выражаюсь?

Все кивнули. Те, кто работает с Роем Грейсом, знают, что он миролюбив и сдержан, редко выходит из себя. Сотрудники с удивлением видят его в таком раздражении.

— Наша стратегия по отношению к средствам массовой информации может сыграть очень важную роль. Мы уверены, что в Брайтоне действует профессиональный убийца, по всей вероятности нанятый членами семьи Ревир в Нью-Йорке, чтобы отомстить за смерть сына. Необходимо склонить прессу к попытке добиться общественного содействия в поисках киллера, пока он не нанес очередной удар, по возможности не вызывая негативной реакции.

— Сэр, — сказала инспектор Стейси Хоробин, недавно включенная в команду тридцатилетняя броская женщина с всклокоченными по моде волосами, — что вы конкретно понимаете под негативной реакцией?

У Ника Николла зазвонил телефон, он мигом заглушил его под грозным взглядом Грейса. На секунду показалось, что суперинтендент взорвется, однако он спокойно ответил:

— Думаю, можно заверить общественность, что гражданам в целом ничто не угрожает. Нельзя допустить впечатления, будто полиция не может защитить невинного человека.

— «Осман» произвел впечатление на миссис Чейз, шеф? — осведомился Дункан Крокер.

— Да, — ответил вместо Грейса сержант Брэнсон. — Вчера в шесть вечера с минутами мы с Беллой все разыграли по нотам. Предложили немедленно переехать. Миссис Чейз отказалась из-за родных, друзей и работы. Если честно, по-моему, не слишком умно. Белла провела ночь в ее доме, нынче утром руководит установкой камер наблюдения, а бригада личной охраны прошлым вечером с девяти залегла вокруг дома. Пока без происшествий.

— А по пути в контору ее тоже будут охранять? — уточнил Норман Поттинг. — И на рабочем месте?

— Я говорил с инспектором Хаззардом, — сказал Грейс. — Сегодня, завтра и первую половину будущей недели ее будут возить на службу и домой в патрульной машине. В конторе я ставлю волонтера. Хочу дать понять киллеру, если он здесь и нацелился на эту женщину, что мы о нем знаем.

— С Нью-Йорком кто-нибудь беседовал? — спросил Ник Николл.

— Да, они там работают. По их мнению, наши убийства по стилю похожи на действия бывшего боевика мафии Ричарда Кулински, известного под прозвищем Снеговик. Он использовал холодильники, и у него был фирменный номер: запихивал в подземелье

связанную жертву и ставил там камеру, которая записывала, как человека заживо съедают голодные крысы.

Белла Мой, готовясь вытащить конфету из коробки, отдернула руку и с отвращением сморщилась.

— Похоже, наш человек, шеф! — оживился Норман Поттинг.

— Да, — подтвердил Грейс. — Есть только одна проблема.

Поттинг ждал с нетерпением.

— Ричард Кулински скончался в тюрьме четыре года назад.

— Пожалуй, тогда можно его исключить, — согласился Поттинг, оглядываясь с ухмылкой, на которую никто не ответил. — Вчера в том холодильнике жареным пахло, — добавил он и опять оглянулся в надежде на поддержку, но встретил только презрительный взгляд Беллы.

— Спасибо, Норман, — кратко бросил Грейс. — Прошлым вечером следователь Лэниган навещал мистера и миссис Ревир и сообщил мне о результатах беседы. Честно сказать, я с этой стороны ничего не жду. То, что пока известно, не радует: американской полиции ничего не известно о каких-либо их контрактах с наемными убийцами.

— А тот самый Кулински предварительно обездвиживал жертв? — спросил Ник Николл.

— Пока не знаю. Хотя Прис не был парализован — только Фергюсон.

— Почему, как вы думаете?

Грейс пожал плечами:

— Может быть, чтобы сильнее помучился. Или чтобы легче было с ним справиться. Надеюсь, — сказал он, вздернув брови, — получим возможность спросить лично киллера.

— Босс, что вы сообщите прессе о смерти водителя рефрижератора? — спросила констебль Эмма Джейн Бутвуд.

— Пока только то, что его обнаружили мертвым в холодильной камере коптильни «Спрингс». — Рой взглянул на молчавший мобильник, лежавший рядом, вспомнив о неизбежных звонках Спинеллы. Но пока телефон не звонит. — Что еще, я пока не решил. Впрочем, не сомневаюсь, что кто-то решит за меня.

Он окинул команду воинственным взглядом, ни на ком конкретно не задерживаясь, и снова уткнулся в заметки.

— Итак, по свидетельству работодателей, Стюарт Фергюсон выехал из парка в Абердине в четырнадцать ноль семь во вторник. Рефрижератор необходимо найти. — Он взглянул на инспектора Хоробин. — Стейси, уточните маршрут и проверьте, где видели автопоезд после выезда из Абердина до нынешнего места его нахождения. Обязательно надо найти. Маршрут установить нетрудно по записям с камер регистрации номеров.

Подобные камеры установлены вдоль многих английских автострад. Они фиксируют регистрационные номера проезжающих автомобилей и загружают их в базу данных.

— Есть, сэр.

Затем Грейс зачитал резюме полученных на данный момент результатов посмертного вскрытия, ответил на многочисленные вопросы по этому поводу, допил кофе и перешел к следующему пункту повестки.

— Пересмотрим направления следствия. Продолжается расследование смерти в тюрьме Форд Уоррена Талли, приятеля Ивена Приса. — Он взглянул на сержанта Крокера. — Есть что-нибудь, Дункан?

— Ничего нового, шеф. Заключенные встали стеной и воды в рот набрали. Служащие беседуют с каждым — пока безуспешно.

Грейс поблагодарил сержанта и обратился к констеблю Николлу:

— Как насчет клея, Ник?

— Выездная бригада обходит торговые точки в Брайтоне и Хоуве, где продается клей «Суперглю». Дело нелегкое, шеф, людей мало. Надо заглянуть в каждый газетный киоск, в каждый магазин «Сделай сам», в отдел хозяйственных товаров в каждом супермаркете…

— Продолжайте, — кивнул Грейс и повернулся к Норману Поттингу: — Что с камерой?

— Проверены все места розничной продажи подобной аппаратуры. В «Кэш конвертерс», где торгуют подержанной видеотехникой, один любезный тип проверил серийный номер камеры из фургона и сказал, что такая модель в Соединенном Королевстве не продается, ее можно купить только в Соединенных Штатах. Я не успел заняться той, что из холодильника, хотя с виду они идентичные.

По окончании совещания Гленн Брэнсон получил вызов по рации от дежурного на проходной, выслушал, поблагодарил и повернулся к суперинтенденту:

— Внизу ждет миссис Чейз.

Грейс нахмурился:

— Здесь?

— Да. Хочет со мной срочно встретиться.

— Может, одумалась?

73

Зуб сидел за письменным столом в своем номере в «Премьер-Инн» перед открытым ноутбуком, присматривая краешком глаза за автомобильной стоянкой. Вдали за окном виден северный терминал аэропорта Гатуик и голубое небо над ним. Он скоро взлетит в это небо по пути домой, к ясному голубому небу над островами Теркс и Кайкос. Любит тепло. Полюбил на военной службе в жарких странах. В Англии бесконечный дождь.

Неприятно.

В губах висит сигарета «Лаки страйк», глаза смотрят на монитор, он думает о голубом небе, перебирает картинки. Хоув-Парк-Роуд, где живет Карли Чейз. Ее дом спереди, сзади и сбоку. Во вторник ночью, покончив с делами в коптильне «Спрингс», он проехал по улице, запомнил стоявшие на ней машины. Потом нанес краткий визит на участок. В доме залаяла собака, наверху вспыхнул свет, он ушел. Прошлой ночью снова приехал, заметил «ауди» темного цвета с фигурой в тени за рулем. В первый раз «ауди» не было.

В полиции не дураки. Давно усвоено, что противника нельзя недооценивать. Только так останешься живой. Только так не попадешь в тюрьму. В Штатах группы слежения составляются из восьми полицейских, дежурят посменно по восемь часов — за двадцать четыре часа сменяются двадцать четыре человека. Разумеется, рядом есть и другие. Незаметно прячутся в заднем саду и по сторонам от дома.

Прослушан вчерашний разговор с полицией, уловленный направленными на окна крошечными микрофонами, которые он расставил в саду. Она переезжать отказалась.

Зуб просмотрел заметки. Мальчишку в школьной форме увезла сегодня в 8:25 женщина в черном «лендровере», где сидели еще двое детей. В 8:35 уехала Карли Чейз в черной полицейской патрульной машине.

В 9:05 он позвонил к ней в офис, представившись клиентом, которому надо срочно переговорить, и услышал, что миссис Чейз еще нет. То же самое и при втором звонке в 9:30.

Где она?

74

Карли Чейз сидела рядом с сержантом Брэнсоном за небольшим круглым столом в кабинете Роя Грейса. Вошел суперинтендент.

— Рад с вами познакомиться, миссис Чейз, — сказал он, усевшись. — Жаль, что при не совсем приятных обстоятельствах. Желаете чего-нибудь выпить?

С перепугу ничего в горло не лезет.

— Э-э-э… н-нет… спасибо. — Правая нога трясется, не удержишь. Полицейские пристально ее разглядывают, отчего она все сильней нервничает, переводя взгляд с одного на другого. — Хочу с вами поговорить… Вчера вечером сержант Брэнсон с коллегой обрисовали сложившуюся ситуацию. Я всю ночь думала. Не знаю, известно ли вам, что я солиситор, специализируюсь на делах о разводе…

— Я о вас много слышал, — кивнул Грейс.

Карли стиснула руки, сглотнула, чтоб уши не закладывало, стрельнула глазами на коллекцию старых зажигалок на полке, на дипломы в рамках на стенке, на чучело трески в застекленной коробке и снова на суперинтендента.

— Больше верю в компромисс, чем в конфронтацию, — продолжала она. — Стараюсь спасти брак, а не разорвать. Такова моя философия с давних пор.

— Весьма благородная, — опять кивнул Грейс.

Она на него покосилась — не насмехается ли, — и вдруг сообразила, что ничего не знает о его личной жизни. Пожала плечами.

— Могу сказать по опыту, в любом конфликте необходим диалог, чего люди часто не понимают…

Грейс внимательно смотрел на нее, не догадываясь, к чему она клонит.

— Пять лет назад я потеряла мужа. Он погиб в горах, катаясь на лыжах. Попал под лавину в Канаде. Сразу хотела лететь туда, найти инструктора, который послал его на вершину — а сам остался жив, — и задушить собственными руками. Понятно?

Грейс оглянулся на Брэнсона, сержант беспомощно поежился.

— Каждый по-своему реагирует на горе, — изрек суперинтендент.

— Вот именно, — кивнула Карли. — Поэтому я и пришла. Вы, — обратилась она к Гленну Брэнсону, — вчера сказали, что родители бедного мальчика-велосипедиста хотят меня убить из мести. Но ведь я не виновата. Знаю, меня осудили за вождение в нетрезвом виде, но, даже если б я была трезва как стеклышко, ничего бы не изменилось — дорожная полиция подтвердит. И водитель белого фургона виноват только в том, что уехал с места происшествия, и водитель автопоезда тоже наверняка ничего не мог сделать. Во всем виноват сам несчастный парнишка, выскочивший на встречную полосу!

Брэнсон собрался ответить, но Грейс его опередил:

— Миссис Чейз, мы все это знаем. Только мои коллеги вам уже объяснили, что мы имеем дело не с нормальными разумными людьми. Насколько нам известно, в среде, к которой принадлежит семья Ревир, проблемы решаются не в судебном порядке, а с помощью грубой силы. Им предъявлены все доказательства, что вы с велосипедистом не сталкивались. Возможно, их страшная месть завершилась, если два последних убийства совершены с этой целью. Но мы отвечаем за вашу безопасность и обязаны принять меры.

— Я не могу жить в постоянном страхе, мистер Грейс… простите… суперинтендент. Проблему всегда можно решить, и, кажется, я знаю способ.

— Знаете? — с сомнением переспросил Брэнсон.

— Да. Ночью глаз не сомкнула, старалась придумать, что делать. Решила к ним съездить. Полечу в Нью-Йорк, поговорю с миссис Ревир как женщина с женщиной. Она потеряла сына, я мужа. Мы обе винили других людей в своем горе. Я все думала о глупом инструкторе, который ни в коем случае не должен был пускать Кеса на склон в такую погоду.

Но никакая месть не вернет его и не облегчит моих страданий. Пришлось искать способ жить дальше. Миссис Ревир с мужем должны поступить так же.

— Мне все это знакомо, — мягко сказал Грейс. — Я сам терял близких. Хорошо вас понимаю, но, располагая конкретными сведениями о Ревирах, не советую лично с ними встречаться. Полиция Суссекса безусловно не даст санкции.

— Почему? — Карли бросила на него такой бешеный взгляд, что он слегка опешил от неожиданности.

— Потому что мы отвечаем за вашу безопасность. Мы можем охранять вас в Брайтоне, но не в Нью-Йорке.

Она обратилась к Брэнсону:

— Вы вчера говорили, что будете охранять меня всего две недели. Так?

Сержант кивнул и добавил:

— До окончания срока условия вероятно могут быть пересмотрены.

— Но не до конца моей жизни. Вот чего я боюсь. Я не сумею еще пятьдесят лет постоянно оглядываться через плечо. Необходимо сейчас все уладить. — Она чуть помолчала и спросила: — Хотите сказать, что не пустите меня в Америку?

Грейс развел руками:

— Это не в моей власти. Просто не гарантирую безопасность, если поедете. Могу кого-нибудь с вами отправить, хотя, честно сказать, он мало чем сможет помочь вне сферы своей юрисдикции.

— Я поеду одна, — решительно заявила Карли. — Справлюсь. Постоянно общаюсь с трудными людьми.

Гленн Брэнсон восхитился решимостью этой устрашающе настырной женщины, сожалея в душе, что вместо нынешней размазни не обратился к ней насчет собственного развода.

— Миссис Чейз, — сказал Грейс, — у нас имеются серьезные данные о семье Ревир. Желаете ознакомиться, прежде чем примете окончательное решение?

— Все, чем сможете мне помочь, пригодится.

— Хорошо. До недавнего времени им принадлежал клуб в Бруклине под названием «Наложница». Туда приглашали недругов выпить, и прибывших «почетных гостей» вели в эксклюзивный салон. Там их встречали трое, в том числе высокий обаятельный американец итальянского происхождения, прозванный Дракулой за сходство с Бела Лугоши.[18] Четвертый, которого они не видели, стрелял им в затылок из пистолета с глушителем. Дракула сливал кровь в ванну. Один из троицы, бывший мясник, разрубал тела на шесть частей. Другой упаковывал части туловища и голову, которые потом выбрасывались на окрестные свалки и в реку Гудзон. По оценкам, там были убиты более трехсот человек. Сол Джордино, дед Тони Ревира, в данный момент отбывает за это несколько пожизненных сроков, то есть как минимум восемьдесят семь лет. Понимаете, с кем вам придется иметь дело?

— Я в Гугле смотрела, — кивнула Карли. — Там много всякого про Сола Джордино, а о его дочери ничего не нашлось. После вашего рассказа тем больше оснований поехать и постараться их урезонить.

— Таких не урезонишь, — заметил Грейс.

— По крайней мере, дайте мне шанс. У вас есть их адрес? Домашний?

— Может, лучше сначала связаться с миссис Ревир по электронной почте или по телефону, посмотреть, как отреагирует? — предложил суперинтендент.

— Нет. Надо поговорить с глазу на глаз, как мать с матерью, — ответила Карли.

Детективы переглянулись.

— Я дам вам адрес при одном условии, — сказал Гленн Брэнсон.

— При каком?

— В Нью-Йорке за вами будет установлено наблюдение.

Карли долго молчала.

— Можно… подумать?

— Нет, — решительно отрезал Рой Грейс.

75

Утром в 10:17 в ноутбуке прозвучал сигнальный звоночек. Началась запись звукового файла. Значит, в доме Карли Чейз кто-то заговорил.

Зуб щелкнул клавишей и прислушался. Она сама расспрашивает по телефону какую-то Клер о сегодняшних рейсах в Нью-Йорк. Видно, Клер служит в транспортном агентстве. Сообщает время отправления самолетов… проверяет наличие свободных мест… бронирует билет на имя Карли Чейз на рейс «Бритиш эруэйз» в 14:55 из Лондона до аэропорта Кеннеди в Нью-Йорке. Обсуждают отели… Агентша заказывает номер в «Шератоне» в аэропорту.

Зуб взглянул на часы, перепроверил время и улыбнулся. Дамочка сильно облегчает дело. Даже не догадывается.

Теперь она заказывает такси в компании «Стримлайн». Машина должна забрать ее в 11:30 — через час с небольшим, — и доставить к пятому терминалу лондонского аэропорта Хитроу.

Снова звонит некой Саре, должно быть подруге. Объясняет, что на завтра на 11:30 ее сын записан на прием к дантисту для поправки зубной пластины. Обычно его возит бабушка, но завтра врач направляет ее на ультразвук — в кишечнике ему что-то не нравится, — пренебрегать обследованием нежелательно. Карли собиралась сама ехать с сыном, но возникло одно неотложное дело — не выручит ли Сара?

Сара не может — отец сломал руку, — но ее муж Джастин взял отгул на неделю, чтобы поработать в их новом доме. Он наверняка отвезет мальчика. Сара через пять минут перезвонит.

Зуб заварил еще кофе, закурил другую сигарету. Снова звякнул ноутбук. Сара сообщает, что все в полном порядке. Завтра Джастин в 11:15 заедет за Тайлером в школу. Карли Чейз диктует адрес и благодарит.

Зуб задумался. Заказан билет в один конец до Нью-Йорка.

Интересно, играет ли Карли Чейз в боулинг?

Впрочем, вряд ли Ревиры пустят ее в боулинг.

Остается надеяться, что не убьют, нарушив его план.

76

— Нельзя ее пускать, — объявил Грейс, опираясь ладонями на стол и наклоняясь к Гленну Брэнсону.

— Она перепугана до потери сознания, — заметил сержант.

— Знаю, видел. На ее месте я тоже бы перепугался.

Прошел час после ухода Карли Чейз из офиса. У суперинтендента куча неотложных дел, в первую очередь организация брифинга для журналистов. Давно усвоенный урок заключается в том, что пресса гораздо охотней сотрудничает, когда *полиция* уведомляет ее об убийствах, а не наоборот. Особенно в случае с Кевином Спинеллой.

Но ни на чем невозможно сосредоточиться. Очень страшно за женщину. В Нью-Йорке сейчас 5:30, и телефон следователя Лэнигана сразу переключается на голосовую почту. Везунчик, подумал Рой. С тех пор как он возглавил отдел тяжких преступлений, выключать телефон на ночь непозволительная роскошь.

Зазвонил мобильник Брэнсона. Сержант ответил и коротко бросил:

— Перезвоню, сейчас не могу говорить. — Отключился, посмотрел на трубку и сказал: — Сука. Не понимаю. За что она так меня ненавидит? Было бы понятно, если б бегал на сторону, но ведь я никогда, никогда не смотрел на других женщин. Эри сама меня уговаривала делать карьеру, а потом… как будто взбеленилась. Говорит, для меня работа важнее семьи. — Он пожал плечами. — Ты когда-нибудь понимал, что творится в голове у женщин?

— В данный момент хотелось бы знать, что творится в голове у нашей свихнувшейся женщины, — вздохнул Грейс.

— Легко. Я тебе объясню, не потребовав, в отличие от психоаналитика, двести пятьдесят фунтов в час. Страх. Понял, старик? Она боится до чертиков. И я ее не упрекаю. Сам бы боялся.

Грейс кивнул. Раздался звонок. Коллега приглашает на еженедельный покер по четвергам. Рой пропускает вторую неделю. Пришлось извиниться — не выйдет. Игра длится годами — к счастью, все участники, служащие полиции, хорошо понимают, что значит работа.

— Плохо дело, когда кто-то знает, что мы не можем его защитить, правда? — сказал Брэнсон.

— *Можем,* если сам захочет, — объявил суперинтендент. — Если согласится переехать, сменить личность, можем обеспечить безопасность в разумных пределах. Хотя я понимаю. Тоже не захотел бы оставлять дом, работу, забирать ребенка из школы. С другой стороны, многие так делают — собираются и переезжают, причем не только потому, что их кто-то преследует.

— Неужели мы пустим ее в Нью-Йорк одну? Разве не надо кого-нибудь от нас послать? Беллу?

— Нью-Йорк не в нашей юрисдикции. Единственная надежда — передать ее под надзор нью-йоркской полиции прямо в аэропорту. Будем по-прежнему следить за домом, где остаются мать с сыном, ради предосторожности накроем дорогу в школу. Наш коллега в Нью-Йорке, следователь Лэниган, хороший парень. Лучше знает, что делать, чем любой наш посланник. — Тут Грейс скорчил гримасу, переменив тему: — Значит, Эри не меняется, а?

— Еще как изменилась. На голове уже рога выросли у чертовки.

77

Карли стояла в длинной змеистой очереди в переполненном зале прилета аэропорта Кеннеди. Через каждую пару минут тревожно поглядывала на часы, переведенные на пять часов назад на нью-йоркское время, проверяла и перепроверяла белый бланк таможенной декларации, заполненный в самолете.

Нервы на пределе. Ни разу в жизни она не испытывала такой неуверенности в себе. Рейс задержали почти на два часа, остается надеяться, что заказанный по Интернету лимузин дождется. В Англии половина двенадцатого, здесь половина седьмого. А кажется, будто полночь. Возможно, не надо было пить в самолете «кровавую Мэри» и два бокала шардоне. Думала успокоиться и немного поспать, теперь же дико болит голова, во рту пересохло, ощущение полного одурения.

Как странно. В прошлом декабре она возила в Нью-Йорк Тайлера — это был ему рождественский подарок. Тогда они оба стояли в очереди, охваченные радостным волнением.

Карли позвонила домой, страстно желая услышать сына. Ответила мать, и тут вдруг возник сердитый мужчина в форме, указав на табличку, запрещающую пользоваться мобильной связью. Карли виновато разъединилась.

Наконец, еще через двадцать минут, добралась до желтой линии. Перед ней всего один человек. Представительница иммиграционного контроля, веселая плотная чернокожая женщина, без умолку болтала со стоявшим перед ней тощим мужчиной с рюкзаком за спиной. Когда он прошел, Карли шагнула вперед. Протянула паспорт, ее попросили взглянуть в объектив камеры, прижать к электронной подушечке пальцы.

Улыбавшаяся и шутившая с предыдущим пассажиром женщина больше не веселилась.

— Жмите сильней, — приказала она.

Карли нажала.

— Отпечаток не снят.

Карли поднатужилась, и красный огонек в конце концов сменился зеленым.

— Теперь большой палец правой руки.

Она изо всех сил давила, пока женщина хмурилась на монитор.

— Большой палец левой.

Карли повиновалась.

Женщина внезапно сказала:

— Так. Прошу пройти со мной.

Ошеломленная Карли проследовала за ней мимо пропускных пунктов к дальней двери. В открывшемся за ней помещении переговаривались вооруженные офицеры иммиграционной службы, сидели усталые люди, принадлежавшие к разным расам, глядя перед собой пустыми глазами.

— Миссис Карли Чейз из Соединенного Королевства, — громко объявила женщина, ни к кому конкретно не обращаясь.

К ней шагнул высокий мужчина в клетчатом спортивном пиджаке, простой белой рубашке с коричневым галстуком и уточнил с бруклинским акцентом:

— Миссис Чейз?

— Да…

— Следователь Лэниган из окружной прокуратуры. Управление полиции Суссекса попросило о вас позаботиться во время пребывания в Соединенных Штатах.

Карли уставилась на него. За пятьдесят, могучий, с рябоватым лицом под седеющим ежиком, выражение озабоченное, но дружелюбное.

— Как я понимаю, вы сообщите мне домашний адрес миссис и мистера Ревир? — пробормотала она.

— Я вас туда доставлю.

Карли тряхнула головой.

— Я машину заказала. Должна ехать одна.

— Ни в коем случае, миссис Чейз. Одна не поедете.

Твердый тон дал понять, что решение принято и не изменится.

Карли напряженно задумалась.

— Слушайте, давайте так: вы меня проводите, а дальше я одна справлюсь. Пожалуйста!..

Лэниган смотрел на нее какое-то время.

— Отсюда до них приблизительно два с половиной часа. Поедем друг за другом. Я останусь у ворот, только вот что мы сделаем. Вы будете отправлять мне сообщения каждые четверть часа. Не получив текст, я войду. Понятно?

— У меня есть выбор?

— Конечно. Иммиграционная служба посадит вас в первый самолет до Лондона.

— Спасибо, — сказала она.

— Всегда пожалуйста, леди.

78

На заднем сиденье «линкольна» темно и тихо. Карли сидела, погрузившись в думы, прихлебывая время от времени воду из бутылочки в держателе на среднем подлокотнике. Возможно, надо было согласиться с нью-йоркским детективом, позволив иммиграционной службе отправить ее обратно в Англию. В горле стоит ком, все тело трясется в ознобе от страха и холодного воздуха из кондиционера.

В салоне с черными кожаными сиденьями и тонированными стеклами мрачно, как на душе. Шофер, кажется, тоже в плохом настроении, произнес не больше двух слов после отъезда из аэропорта. У него постоянно звонит телефон, он что-то сердито бормочет на незнакомом языке и разъединяется.

С каждым разом Карли все сильней раздражается. Нужна тишина. Надо подумать. Сев в машину, она тут же позвонила матери, которая сообщила, что все в порядке. Карли напомнила о завтрашнем визите Тайлера к дантисту, пожелала удачи с ультразвуком.

Бабушка по материнской линии умерла от рака прямой кишки, теперь врачу что-то не нравится в кишечнике матери. После смерти Кеса мать остается единственной прочной опорой в жизни. Если с Карли что-то случится, останется опорой для Тайлера. Мысль, что мать может заболеть, умереть, невыносима в данный момент. Надо только надеяться и молиться о хороших результатах обследования.

Карли мысленно вернулась к тому, что скажет, войдя в дом Ревиров. Если вообще ее впустят.

Время от времени она оглядывается, смотрит в заднее окно. Темно-серый седан следователя Лэнигана неотступно сидит на хвосте. Его присутствие угнетает, инстинкт подсказывает, что она должна быть одна, если хочет чего-то добиться от той самой женщины.

Впереди нескончаемый скучный хайвей, обрамленный зеленью и низкими деревьями. Солнце садится, очень быстро темнеет. Через час будет совсем темно. Она представляла встречу с Ревирами днем. Взглянула на часы. 19:30. Спросила шофера, когда доедут.

Тот кисло ответил:

— Часам к девяти. Хорошо, что не лето, а то бы к одиннадцати. Трафик летом кошмарный.

Головная боль усиливается с каждой минутой. Сомнения тоже. Утренняя уверенность начисто испарилась. Тошнит от страха. Карли постаралась мысленно поменяться ролями. Как бы себя чувствовала на месте той женщины?

Неизвестно. Внезапно возникло искушение попросить шофера повернуть обратно, приехать в заказанный номер отеля, забыть обо всем.

А дальше что?

Может быть, ничего. Возможно, те два убийства простое совпадение. Возможно, семья уже всем отомстила. Когда голова слегка прояснилась, встал вопрос — как в этом убедиться? Как избавиться от страха?

Известно, что никогда не избавиться, если не решить проблему.

Уверенность внезапно окрепла. Правда на ее стороне. Надо лишь рассказать правду другой женщине.

Неожиданно въехали в город.

— Ист-Хэмптон, — чуть дружелюбней объявил водитель, оживившись. Должно быть, припомнил, что близятся чаевые.

Карли взглянула на часы. 20:55. 1:55 в Соединенном Королевстве. Желудок сжался в спазме. Нервы натянуты до предела.

Лимузин повернул направо перед гаражом «Мобил ойл» и направился по лиственной аллее с двойной желтой линией посередине. Четкие мысли внезапно превратились в клубящийся панический туман. Карли глубоко задышала, покрывшись испариной. Оглянулась, видя в заднем окне фары автомобиля следователя Лэнигана, и на этот раз не разозлилась, а чуть успокоилась.

Один ком стоит в горле, другой в желудке. Руки трясутся. Карли сделала три глубоких вдоха. У водителя вновь зазвонил телефон, но он, будто чуя ее состояние, заглушил его, не ответив.

Двойная желтая линия кончилась, дорога стала однополосной. В свете фар видны по обочинам конусы ограждения с протянутой между ними лентой.

Лимузин замедлил ход, остановился. Впереди высокие закрытые ворота, выкрашенные серой краской, с острыми пиками наверху. На столбе рядом переговорное устройство с кнопкой, табличка с предупреждением: «Вооруженная охрана».

— Хотите, чтоб я позвонил? — спросил шофер.

Карли, выглянув в заднее окно, увидела выходившего из машины детектива. И сама вылезла.

— Так, леди, — вздохнул Лэниган. — Посмотрим, пустят ли. Если да, я здесь буду ждать. Не забудьте через пятнадцать минут отправить первый текст, ладно?

Карли попыталась ответить, однако ничего не вышло. Во рту пересохло, горло перехвачено железной рукой. Просто кивнула.

Лэниган ввел в ее телефон номер, набрал текст: «О'кей».

— Передавайте каждые четверть часа.

Воздух неподвижный, теплый. Карли оделась свободно, но консервативно, в легкий бежевый макинтош поверх темно-серого пиджака с простой белой блузкой, в черные джинсы и черные кожаные ботинки. Последние крохи уверенности улетели, она совсем растерялась, несмотря на бушующий адреналин. Надо выбросить из головы, что сейчас два часа ночи по тому времени, к которому привык организм.

Нажала квадратную металлическую кнопку. В лицо сразу ударил свет. Сверху на нее уставилась видеокамера.

Голос проскрипел на ломаном английском:

— Кто там?

Карли взглянула прямо в объектив и выдавила улыбку.

— Я приехала из Англии повидаться с миссис и мистером Ревир. Меня зовут Карли Чейз.

— Они вас ожидают?

— Нет. Но, по-моему, знают, кто я такая. Я имею отношение к происшедшему с их сыном Тони.

— Обождите, пожалуйста.

Свет погас. Карли ждала, стискивая айфон, держа палец на кнопке «отправить». Оглянулась на следователя Лэнигана, который, привалившись к своей машине, курил сигару. Он выставил большой палец, желая удачи. Уловив ароматное облачко дыма, она на мгновение вспомнила Кеса.

Через минуту ворота начали открываться — абсолютно беззвучно в смазанных маслом петлях. Слышен только слабый электрический гул. Карли влезла обратно в машину. К горлу подступила тошнота.

79

«Линкольн» двигался по подъездной дорожке, усыпанной древесной стружкой. Фары высвечивали резкие тени кустов и деревьев за безупречным газоном. Впереди появился фасад огромного модернистского дома. Дом темный, неприветливый, света почти нигде не видно. Проехали мимо припаркованного «порше-кайен», остановились перед впечатляющим портиком с прямоугольными современными пилястрами.

Карли вышла в тихую ночь. Вблизи дом кажется еще больше, темнее, опасней. Нервы рвутся, из темных окон на нее смотрят лица. Она дважды судорожно сглотнула.

«Господи, зачем я здесь?»

Захотелось вернуться к «линкольну», попросить шофера развернуться, уехать. Тишина давит со всех сторон. Слышен слабый далекий неумолчный плеск моря. Карли вдохнула пряный соленый воздух, запах свежескошенной травы. Обычные естественные запахи пугают. Жизнь этих людей идет нормально. Сын умер, а они газон стригут. В этом есть что-то жуткое. Она не косила газон после смерти Кеса. Позволила саду зарасти, а дому ветшать. Только со временем, ради Тайлера взяла себя в руки.

Мысли остановились, потому что парадная дверь распахнулась и нетвердым шагом вышла женщина в бирюзовом спортивном костюме и шикарных кроссовках. Короткие светлые волосы, привлекательное, но жесткое лицо, в одной руке бокал с мартини, в другой сигарета. Все своим существом источает враждебность.

Карли сделала несколько поспешных шагов ей навстречу.

— Миссис Ревир?.. — Попыталась улыбнуться, как репетировала, но, похоже, это не подействует. — Фернанда Ревир?

Женщина устремила на нее ледяные глаза. Кажется, смотрит в самую душу.

— Хватило пороху явиться, — не совсем четко вымолвила она. — В мой дом тебя не звали. Катись откуда пришла.

Карли испугалась, но не отступила. Она заранее приготовила массу разнообразных ответов, только не предвидела встречи с пьяной Фернандой.

— Я прилетела из Англии, чтобы поговорить. Всего пару минут. Не стану утверждать, что хорошо понимаю ваши переживания, но у нас с вами есть кое-что общее.

— Правда? Ты живая, вот что общее. Больше ничего не вижу.

Карли знала с самого начала, что дело будет нелегкое. Но питала надежду, что удастся вступить в диалог с этой женщиной, найти общую почву.

— Можно войти? Я уйду сразу, как только прикажете. Только, пожалуйста, давайте немного поговорим.

Фернанда Ревир затянулась сигаретой, выпустила дым изо рта и ноздрей, презрительным щелчком отшвырнула окурок. Он упал на дорожку, рассыпав искры. Мартини выплеснулся из бокала, когда она попятилась, махнув рукой — жест ненависти, чуть разбавленной любопытством.

Карли заколебалась. Женщина угрожающе непредсказуема, и еще неизвестно, как отреагирует ее муж. Хорошо, что за воротами сидит в своей машине следователь Лэниган. Карли украдкой глянула на часы. 13 минут до первой отправки текста.

Она шагнула в огромный вестибюль с вымощенным плитами полом и большой лестницей, и направилась следом за женщиной, которая несколько раз наткнулась на стену в коридоре, полном антиквариата, в дворцовую гостиную с галереей для музыкантов,

дубовыми потолочными балками, гобеленами на стенах рядом с броскими картинами маслом. Вся мебель здесь была антикварная, кроме одного предмета.

В неуместно современном кожаном кресле сидит мужчина пятидесяти с лишним лет с гладко зачесанными назад черными волосами и густыми черными бровями, смотрит футбол по телевизору. В одной руке банка пива, в другой толстая сигара.

Женщина подошла к нему, схватила с антикварного деревянного сундука, служившего кофейным столиком, пульт дистанционного управления, выключила звук и бросила обратно со стуком.

— Эй, ты что… — удивился мужчина.

— У нас гостья, Лу. — Она махнула на Карли. — Из самой Англии прилетела, жутко мило, правда?

Лу Ревир слабо улыбнулся, неопределенно махнул рукой. Потом, не сводя глаз с игроков на экране, обратился к жене, потянувшись за пультом:

— Как раз очень важный момент…

— Ну, еще бы, — кивнула Фернанда. — Тут у нас тоже важный момент. — Дотянулась до пачки «Мальборо лайтс», вытряхнула сигарету и устремила на Карли убийственный взгляд.

Та неловко стояла, переводя взгляд с жены на мужа и обратно, отчаянно стараясь припомнить разработанные сценарии.

— Знаешь, кто эта сука? — спросила Фернанда.

Лу Ревир схватил пульт, включил звук.

— Нет. Слушай, можно потише? — И добавил: — Налей даме выпить. — Равнодушно покосился на Карли: — Желаете?

Страшно хочется выпить. И закурить — запах сигары сводит с ума.

— Сдохну скорей, чем чего-нибудь дам этой суке, — заявила Фернанда Ревир, с трудом добравшись до антикварного бара, дверцы которого уже открыты. Неуклюже наполнила бокал из серебряного шейкера, перелив через край. Выпила, шагнула к мужу, цапнула пульт, на этот раз вообще выключив телевизор.

— Эй!.. — охнул он.

Она бросила пульт на ковер и с силой на него наступила. Пластмасса треснула.

Карли чувствовала себя полумертвой от страха — женщина сумасшедшая, абсолютно невменяемая. Она взглянула на мужчину, потом вновь на нее, потом украдкой на часы. Прошло три минуты. Что эта ненормальная сделает дальше? Надо как-то оградить себя от нее.

— Господи Исусе! — Муж поставил банку, вскочил с кресла. — Знаешь, какая важная игра, черт возьми? Не знаешь? Не интересуешься?

Он направился к двери, жена схватила его за руку, выронила бокал, разбившийся на полу, и завопила:

— А ты знаешь, кто эта сука?! Интересуешься?!

— В данный момент я интересуюсь победой «Нью-Йорк Янкиз». Знаешь, как будет плохо, даже если сыграют вничью?

— Думаешь, их волнует, что ты смотришь? Можешь сосредоточиться хоть на секунду? Эта сука твоего сына убила! Слышишь?

Карли наблюдала за ними, шныряя глазами из стороны в сторону, стараясь сохранять спокойствие. Мужчина замер на месте, повернулся к ней, равнодушное выражение сменилось напряженным вниманием. Он мельком оглянулся на жену.

— Что ты хочешь сказать, милая? — Он снова посмотрел на Карли, теперь совсем по-другому.

— Эту суку арестовали за вождение в пьяном виде. Она убила нашего сына, теперь, мать твою, стоит тут перед нами. — Фернанда пошла к бару, старательно отмеряя шаги, как на беговой дорожке с препятствиями.

Лу Ревир заговорил, и в его голосе неожиданно прозвучала угроза. Слегка раздраженный мужчина, сидевший в гостиной минуту назад, вдруг исчез.

— Что вы себе думаете, черт побери? Явились к нам в дом! Мало горя причинили, хотите добавить?

— Ничего подобного, мистер Ревир! — воскликнула Карли дрожащим голосом. — Просто хочу поговорить с вами и с миссис Ревир, объяснить, что случилось…

— Мы знаем, что случилось, — бросил он.

— Ты напилась, и наш сын умер, — едко добавила его жена и поплелась к ним, расплескивая спиртное.

Карли собрала все силы.

— От всей души сочувствую вам обоим, страшно сожалею о вашей потере. Но вы должны знать кое-что… то, что я сама хотела бы знать, если б это был мой ребенок. Прошу вас, давайте сядем втроем и обсудим. Я уйду по первому вашему слову, но, пожалуйста, позвольте рассказать, как было на самом деле.

— Мы знаем, как было, — перебила Фернанда Ревир и обратилась к мужу: — Выстави эту суку. Убила Тони, теперь наш дом поганит.

— Милая, давай послушаем, — предложил он, отведя от Карли пылающий взгляд.

— Даже не верю, что вышла замуж за такого долбаного придурка! — прокричала Фернанда. — Если ты ее не выгонишь, то я уйду. Не останусь с ней в одном доме. Гони!

— Милая, давай с ней поговорим.

— Гони ее на хрен отсюда! — И Фернанда вылетела из комнаты, грохнув дверью.

Карли осталась наедине с Лу.

— Мистер Ревир… я, пожалуй, пойду… и вернусь… если утром удобно… — пролепетала она.

Он наставил на нее палец.

— Вы приехали поговорить — говорите.

Карли молча смотрела на мужчину, придумывая, как его успокоить.

— В чем дело? Язык проглотили?

— Н-нет… я… даже не представляю, что вы сейчас переживаете…

— Да? — переспросил он с удивившей ее язвительностью.

— У меня есть маленький сын…

— *Есть?* — повторил он. — Повезло вам, леди. У нас с женой тоже был сын, пока его не убила пьяная женщина за рулем.

— Это не так…

За окном слабо хлопнула дверца машины.

— Ах, не так? — Лу Ревир вскинул руки, сцепил их и широко развел. Казалось, он в этот момент готов задушить.

Карли вдруг поняла, что имели в виду брайтонские детективы, пытаясь объяснить ей натуру подобных людей. Они действительно другие. Она поколебалась секунду, не нажать ли кнопку «отправить» на телефоне, но надо настоять на своем. *Надо* найти способ достучаться до этого человека.

Это ее единственный шанс.

Пат Лэниган, стоя возле машины и куря сигару, услышал, как взревел мотор, увидел, как открылись ворота. Чокнутая англичанка возвращается? Прошло всего пять минут. Он взглянул на часы для проверки.

Хорошо, хоть возвращается. Однако, если пробыла там всего пять минут, наверняка не добилась успеха. Может, свихнутые мозги слегка прояснились.

Но тут он к своему удивлению увидел не лимузин, а «порше-кайен» с женщиной за рулем, вылетевший из ворот на головокружительной скорости и промчавшийся мимо него, как летучая мышь, вырвавшаяся из преисподней.

Лэниган оглянулся, засек номера, проследил за хвостовыми огнями, скрывшимися за поворотом. Нехорошо. Взглянул на дисплей телефона: ни текста, ни пропущенного звонка. Нехорошо.

Отыскал номер в телефонной книге, связался с дежурной частью окружной полиции Суффолка, представился, попросил проследить за «порше-кайен». Хотелось бы знать, куда он направился.

Фернанда Ревир тормознула у заправки на дорожной развязке, вытащила из сумочки «Мальборо лайтс», вытряхнула сигарету, зажала в зубах. Щелкнула зажигалкой, свернула налево, понеслась по хайвею. Все расплывается в пьяном угаре. Она обогнала медленное такси, прибавляя скорость. 70… 80… 90… Проскочила мимо целого ряда хвостовых огней, прикурила, хотела вставить обратно в гнездо зажигалку, а та упала под ноги.

Ее трясет от ярости. Дорога змеей ползет вдаль. Дым от сигареты лезет в глаза. Перехватила руль одной рукой, другой нащупала в сумочке трубку, инкрустированную бриллиантами, прищурилась сквозь дым на дисплей. Все размыто, ничего не видно. Поднесла ближе к глазам, нашла номер брата, нажала кнопку вызова.

Обошла трейлер, по-прежнему держа руль одной рукой. Надо убраться подальше. Просто убраться подальше от суки, испоганившей дом. После шести звонков включилась голосовая почта.

— Мать твою, Рики, ты где? — прокричала Фернанда. — Что за чертовщина? В дом явилась английская сука! И сейчас там. Слышишь? Убийца Тони в моем доме! Почему она жива? Я деньги заплатила, почему она еще жива? Что происходит? Разберись, Рики! Перезвони мне. Перезвони, черт возьми!..

Разъединилась, бросила трубку на пассажирское сиденье. Сама не знает, куда едет. Лишь бы подальше от дома в летящую навстречу тьму. Чем дальше, тем лучше. Лу сумеет от суки отделаться. Когда позвонит, сообщит, что она убралась из их дома, из их жизни, можно будет вернуться.

Конечно, у него не хватит пороху кого-нибудь убить.

Она обогнала еще одну машину. Ночь проносится мимо. Встречные фары на миг вспыхнули и исчезли.

Тони исчез. Погиб. Чуть не умер в младенчестве. Первый год жизни провел в больнице на искусственной вентиляции легких. В инкубаторе. Она сидела рядом днями и ночами, пока Лу работал, лизал задницу ее отцу, играл в гольф. Тони выжил, но навсегда остался слабым ребенком, хроническим астматиком. В восемь лет почти год был прикован к постели, она его кормила с ложечки. Вытирала вспотевший лоб. Помогала справиться. Откармливала, пока он постепенно набирался сил. Подростком стал крепче, как многие дети. В восемнадцать влюбился в глупую английскую девку.

Она умоляла Лу не отпускать сына, а он? Пальцем не пошевельнул. Наговорил ей кучу дерьма, будто бы дети должны жить своей жизнью. Может, другим детям неплохо в чужой стране. А Тони от нее зависел. Нуждался в ней. Вот доказательство.

Три гада лишили его жизни. Какой-то говнюк в фургоне. Какой-то говнюк в рефрижераторе. И пьяная сука, которой хватило наглости явиться в дом, проскулить: «Хочу поговорить с вами, объяснить, что случилось»…

Ну, я сама объясню тебе, что случилось, сопливая сука. Ты надралась и убила моего сына, вот что. Что-нибудь непонятно?

Стрелка спидометра дрожит на 110. Или на 120 — плохо видно. На пассажирском сиденье что-то засветилось. Телефон, сообразила Фернанда, схватила трубку, поднесла к глазам. Ничего не разберешь. Впрочем, и так понятно — брат.

Ответила, проскользнув мимо очередной машины, круто повернув руль одной рукой влево. Сигарета в губах дотлела до фильтра, из глаз хлынули слезы, потекли по щекам.

— Рики, я думала, ты все устроил. Откуда эта сука взялась в моем доме?..

— Слушай, это замечательно!

— Замечательно? Что она ко мне в дом явилась? Объясни, чего такого замечательного?

— Есть план.

Она взяла поворот, и еще один вправо, круче. Сообразила, что едет слишком быстро. Нажала на тормоз, машина вдруг лихорадочно завиляла.

— Черт…

Трубка упала. Окурок вывалился изо рта. Спереди приближаются яркие огни, становясь ярче с каждой секундой. Слышен громкий гудок клаксона. Она дернула руль. «Порше» начал пируэт. Руль с силой вырвался из рук, сам собой завертелся.

Огни еще ярче, гудок оглушает. Фары прямо перед глазами. Слепят. Она сама завертелась, как руль, во все стороны, шарахаясь вперед и назад. Слепящие огни притягивают магнитом.

Ближе.

Гудок рвет барабанные перепонки.

Свет выжигает роговицу.

Сокрушительный удар, металлический грохот, будто друг в друга ударили два гигантских жестяных барабана.

В наступившей темноте голос Рики в трубке кричит:

— Эй, детка! Фернанда! Сестренка! Ты в порядке? Детка!.. Слушай, все отлично! Слышишь?..

Она уже не слышит.

81

— Вы страшно расстроили мою жену, — отчеканил Лу Ревир. — Она и без того страдает. Я тоже. Не знаю, чего вы ожидали от встречи с нами, но мы не хотим вас здесь видеть. Не приглашаем в свой дом. — Он наставил на Карли сигару. — Я вас провожу.

— Пожалуйста, дайте мне шанс, — в отчаянии взмолилась она, чуть не плача.

— У вас был шанс, леди, когда надо было решать, садиться за руль после выпивки или нет. У вас было больше шансов, чем у моего сына.

— Все не так, мистер Ревир. Прошу вас, поверьте. Не так!..

Он замолчал на минуту, и Карли подумала, что уступает.

Потом еще яростней взмахнул сигарой.

— Конечно не так, леди. Мы получили от вашей полиции результаты токсикологического обследования нашего сына. Он был абсолютно чист. Ни капли алкоголя, никаких следов наркотиков. — Лу склонил голову, словно бык, готовый к атаке. — А у вас? А? Расскажете о результатах ваших анализов? Говорите, внимательно слушаю.

Они молча стояли лицом к лицу. Карли отчаянно искала способ объясниться. Но боялась этого мужчины. Как будто у него под кожей прячется некое беспощадное мстительное существо. С виду он играет роль скорбящего отца, но есть в нем что-то пугающее до озноба. В свое время она встречалась с дурными людьми, сталкивалась с глубокой неприязнью, но никогда не имела дела с такими, как Лу Ревир. Как будто перед ней абсолютное бесчеловечное зло.

— Я слушаю, — повторил он. — Слушаю и ничего не слышу.

— Пожалуй, я завтра зайду, — вымолвила она. — Можно?

Он сделал еще шаг вперед и содрогнулся.

— Можно. Заходите. Если посмеете появиться в ста милях от моего дома, я вас разорву вот этими руками. — Он протянул трясущиеся руки. — Вы меня поняли?

Карли кивнула с пересохшим горлом.

Он ткнул пальцем в сторону:

— Выход там.

Через пару секунд она вышла в ночь, за ней хлопнула парадная дверь.

82

Казалось, Рой Грейс проспал лишь несколько минут, как его разбудил завибрировавший телефон. Он перевернулся, нащупывая в темноте трубку с мерцавшим дисплеем. На часах 1:37.

— Ничего, я не сплю, — с легким неудовольствием пробормотала Клио.

Он включил лампу на тумбочке, схватил трубку, нажал зеленую кнопку.

— М-м-м?..

— Не спите, босс? — раздался голос Дункана Крокера.

Идиотский вопрос. Многие ли, по мнению сержанта Крокера, способны отвечать по телефону и одновременно смотреть сны? Рой вылез из постели, споткнулся о Хамфри, который отреагировал испуганным визгом. Он выронил трубку, схватился за край кровати, с трудом удержавшись на ногах. Подхватил с пола телефон.

— Минуточку, Дункан.

Прошлепал по комнате в сопровождении возбужденно скакавшего пса, больно покусывавшего ногу острыми зубами.

— Лежать! — прошипел ему Рой и закрыл дверь спальни.

Хамфри с лаем помчался вниз по лестнице, прибежал обратно, принялся бодать его в бедро. Прижав плечом к уху трубку и прикрывшись руками, Рой пробормотал сержанту:

— Еще секунду… Хватит, Хамфри! Тише!..

Спустился вниз вместе с бешено лаявшим псом, включил свет, сел на диван. Хамфри тоже запрыгнул, устроился рядом. Поглаживая его для успокоения, Грейс извинился перед собеседником и спросил:

— Что случилось?

— Вы просили сообщить, как только отыщется рефрижератор, босс.

— Нашли?.. Вы еще в конторе?

— Да.

— Спасибо за звонок. Ну, рассказывайте.

— Позвонили из дорожной полиции Бакингемшира. Автопоезд находится на стоянке станции обслуживания «Пагнелл» возле Ньюпорта на шоссе M1. Дверцы заперты, холодильная установка работает.

— Как его обнаружили? — спросил Грейс, стараясь соображать, несмотря на усталость.

— Номера засекла автоматическая камера на M1 во вторник ночью на въезде в Бакингемшир. Больше рефрижератор нигде не засветился, поэтому мы попросили тамошнюю полицию заглянуть на парковки.

— Молодцы. На станции обслуживания есть камеры наблюдения?

— На площадке для легковушек и на въезде для грузового транспорта.

— Хорошо, нам это поможет. Долго еще пробудете в офисе?

— Сколько скажете, босс.

— Запросите копии видеозаписей с того момента, как его засекла камера регистрации номеров, до нынешней минуты… Пусть как можно скорее доставят… Если понадобится помощь, кого-нибудь пошлите.

— Будет сделано.

Рой снова погладил собаку. Мозги все еще плоховато работали.

— Прошу прощения, еще одно. Рефрижератор Фергюсона… Распорядитесь оградить, как место происшествия… поставить охрану… очертить кордон в радиусе двадцати футов… Если на шофера напали, то, скорее всего, рядом с машиной. С первыми лучами пошлем розыскную бригаду. Как там сейчас погода?

— Сухо, ветер слабый. Так и держится с вечера вторника. И на утро такой же прогноз.

Большое облегчение. Дождь очень быстро смывает криминалистические свидетельства.

— Я подберу розыскную команду, Дункан. Займитесь, пожалуйста, видеозаписями. Потом отправляйтесь домой и поспите. Хорошо поработали.

— Спасибо, босс.

Грейс выпустил Хамфри в задний дворик, проследил, как он задирает лапу. Потом пошел на кухню, поставил чайник. Сверху донесся шум спущенной в унитазе воды, и он на секунду подумал, что Клио спустится к нему. Но вместо этого в спальне хлопнула дверь — громковато.

Сэнди всегда громко хлопала дверью, раздраженная поздними звонками. Клио гораздо терпимее, но, видно, беременность ее отягощает. Их обоих отягощает. Это почти всегда общая радость, общая забота. Но порой из-за нее между ними как будто вырастает стена, вот и вчера вечером Клио была в очень скверном настроении.

Грейс с извинениями позвонил Трейси Стокер и заставил ее поторапливаться. Попросил послать криминалистов на станцию обслуживания в Ньюпорте — в двух с половиной часах езды от Брайтона, — чтобы с рассветом были готовы начать. И в свете новых открытий обсудил дальнейшую совместную стратегию с розыскной бригадой.

Он всыпал в кружку растворимый кофе, налил кипятку, размешал, понес с собой в гостиную. Замерз, но поленился одеться.

Сел на диван с ноутбуком и, помешивая кофе, стал глядеть в оживающий монитор. Хамфри нашел на полу ириску и вступил с ней в борьбу не на жизнь, а на смерть. Рой улыбнулся, завидуя его беззаботному существованию. Может быть, если бы довелось выбирать, сам стал бы собакой в следующей жизни. При условии, что сам выберет и хозяев.

Нашел в Гугле станцию обслуживания «Пагнелл» в Ньюпорте. Через несколько секунд получил полный перечень услуг и всего, что там имеется. Мало полезного. Вошел в другой поисковик, ввел те же данные.

На мониторе появился глобус, он увеличил масштаб, увидел крупным планом шоссе М1 и окружающую территорию. Всмотрелся в картинку, прихлебывая кофе, усиленно размышляя.

Дверцы автопоезда заперты. Значит, Фергюсон отправился в Суссекс в другой машине. В машине убийцы? Как они встретились?

Рой поставил кружку, забегал по комнате. Хамфри вновь на него прыгнул.

— Лежать! — прошипел он.

Набрал номер отдела, с облегчением услышал голос сержанта Крокера, ответившего почти мгновенно.

— Простите, Дункан, еще одно поручение. Нужны номера машин с обеих сторон от рефрижератора Фергюсона. Запросите данные о пяти впереди и о двадцати позади. Мне нужны сведения о каждой машине, подъехавшей к станции в одно время с ним, и куда они потом направились. Скорее всего, в одной из них был Фергюсон. Добровольно или нет. Эта машина наверняка прокатная, поэтому в первую очередь ищем последние модели с малым или средним кузовом.

— Постараюсь, только, чтобы проверить каждую, нужно время. Утренний инструктаж скоро?

Нет, еще не скоро, подсчитал Грейс. Однако надо быть реалистом — судя по голосу, Крокер совсем вымотался.

— Ничего. Сделайте, что сможете, и поспите.

Рой поставил кружку, поднялся наверх вместе с Хамфри и снова лег в постель, стараясь не потревожить Клио. Завтра днем он проведет брифинг и объявит, что полиция признала смерть Фергюсона убийством, а не несчастным случаем. Но хотя он подробно обсуждал это с помощником главного констебля Риггом и отделом по связям с общественностью, сам пока еще не решил, как держаться на встрече. Хочется объяснить, что полиция знает о связи между двумя убийствами и в каком направлении работает, но прежде всего ему нужны свидетели. Если обыграть связь с мафией и гипотезу о наемном убийце, будет больше вреда, чем пользы — люди с перепугу замкнутся в молчании.

Единственный положительный факт заключается в том, что Спинелла пока вместе с прочими наивно верит в смерть Фергюсона от несчастного случая. Хоть какое-то удовлетворение.

Наконец, он провалился в беспокойный сон, проснувшись через час, когда Клио пошла в туалет.

83

Карли сидела на заднем сиденье лимузина, который покидал владения Ревиров. Следователь Лэниган остановил шофера.

— Ну?.. — спросил он с испытующим, но сочувственным взглядом.

Карли беспомощно пожала плечами.

— Вы были правы. — Она еще не оправилась от потрясения после речей Лу Ревира.

— План не сработал?

— Нет.

— А миссис Ревир почему умчалась? На вас разозлилась?

Карли выудила сигареты из сумочки, прикурила, глубоко затянулась.

— Напилась вдребезги. Не может рассуждать разумно. Я еще раз попробую. Вернусь утром, когда протрезвеет.

Инспектор пыхнул сигарой, задумчиво выпустил дым.

— Кишка у вас не тонка, леди. Точно могу сказать, — улыбнулся он. — По-моему, вам надо выпить.

— Да, — кивнула Карли и спросила: — Что посоветуете? Что мне делать? Как с ними обращаться? Должен быть какой-то способ… обязательно есть.

— Давайте поедем в отель, выпьем, расскажете, что там было. Не надо ли мне перед отъездом поговорить с мистером Ревиром?

— По-моему, нет, — сказала она. — Не сегодня.

— Ладно. Ваш шофер знает, куда ехать?

— В «Шеридан» в аэропорту Кеннеди.

— Я за вами.

Она поспешно еще пару раз затянулась, затоптала окурок, вернулась в машину, дала шоферу указания.

Уселась на краешек сиденья, мысленно прокручивая события последних десяти минут, пока лимузин шел по аллее, сворачивал влево, удаляясь от города. Тряслась всем телом от нервов и усталости. Дурной сон превратился в кошмар.

Закрыла глаза, произнесла короткую молитву. Попросила Бога, к которому годами не обращалась, ниспослать ей силы и здравомыслие. Полезла за платком в сумочку, вытерла слезы, бежавшие по щекам.

Машину объяла тьма со всех сторон. Карли не сразу удивило, что навстречу не проехала ни одна машина, ни разу не вспыхнули встречные фары. Она взглянула на часы. В Нью-Йорке 21:25, в Англии 2:25. Слишком поздно звонить сержанту Брэнсону с отчетом. Лучше утром. После пересмотра плана вместе со следователем Лэниганом.

Карли зевнула и притихла, а вскоре увидела в лобовое окно красные мигалки и яркие хвостовые огни тормозивших и разворачивавшихся автомобилей. Лимузин тоже замедлил ход, остановился за шеренгой машин.

Водитель закончил очередную беседу по телефону и оглянулся.

— Похоже, впереди стряслось что-то.

Карли молча кивнула, услышала стук в окно, опустила стекло перед наклонившимся следователем.

— Пойдете со мной? Кажется, миссис Ревир попала в аварию. Дорога перекрыта.

— В аварию?.. Фернанда Ревир?..

— Угу, — мрачно буркнул Лэниган, открыв заднюю дверцу.

Накатил черный ужас. Карли с трудом вылезла, вечерний воздух вдруг стал гораздо холоднее, чем десятью минутами раньше. Она плотней запахнула макинтош, следуя за детективом мимо стоявших автомобилей к патрульной машине, развернутой попрек дороги, с вращающимся ярко-красным маяком на крыше. Дальше на асфальте расставлены красные конусы ограждения.

Авария. Фернанда обвинит ее. Все ее обвинят. Какофония сирен приблизилась. За патрульной машиной виден искореженный автомобиль, врезавшийся боком в нос белого грузовика. Карли остановилась. Это не простое столкновение. Дело серьезное. Трагичное и ужасное. Оглянулась на Лэнигана:

— Что с ней? Не слышали, она цела? Не пострадала?..

Сирены взвыли громче.

Следователь прошагал мимо конусов, не говоря ни слова. Карли поспешила за ним, чувствуя, как все внутренности сплетаются в тысячи тугих узлов. Она старалась не смотреть на столкнувшиеся машины и не могла отвести глаза, словно загипнотизированная.

Перед ними вырос полицейский, преградив дорогу. Молодой пухлый парень в очках и слишком большой фуражке, с виду лет восемнадцати, как бы родившийся в полицейской форме.

— Отойдите, пожалуйста.

Лэниган предъявил свой жетон.

— А, все в порядке, сэр. — Парень вопросительно взглянул на Карли.

— Со мной, — бросил детектив.

Полицейский махнул рукой, пропуская их, и растерянно повернулся к скрипнувшим тормозами «скорой» и пожарной машине.

Справа неуверенно топчется мужчина в комбинезоне, как бы не понимая, где он находится и что происходит. Явно в шоковом состоянии. Шагавший впереди Лэниган включил фонарик. Луч высветил жуткую картину, вроде тех, что висят в музее современного искусства.

Передние колеса грузовика сдвинулись при ударе на несколько футов, оказавшись почти за кабиной. Бок золотистого «порше» смят так, что капот и багажник вздыбились почти под прямым углом друг к другу. Столкнувшиеся автомобили напоминают грубое скульптурное изображение плужного снегоочистителя, порожденное больной фантазией художника.

Карли почуяла запах рвоты, а еще бензина и машинного масла с глубоко неприятным медным привкусом.

— Господи Исусе! — охнул Лэниган. — Ох, проклятье!.. — Шарахнулся назад, дернув за собой Карли, чтобы не увидела. Но опоздал.

В свете фонарика она разглядела ноги, обтянутые до колен бирюзовыми спортивными штанами и голые выше. Между ногами алые, черные, темно-красные и ярко-красные пятна. Дальше дюймов на восемнадцать тянется нечто вроде белого хребта гигантской рыбы.

Карли сообразила, что это позвоночник, инстинктивно вцепилась в американского детектива, желудок подкатил к горлу. Фернанда Ревир разорвана пополам.

Она отвернулась, отошла, шатаясь, на несколько ярдов, упала на колени и зашлась в рвоте, ничего не видя сквозь слезы.

84

После большой порции виски и двух бокалов пино-нуар в баре отеля Карли чуть успокоилась, хоть из шока не вышла. Следователь Лэниган выпил маленькую банку пива. С виду он кажется вполне спокойным, будто постоянно видит такие аварии и успел выработать иммунитет. Впрочем, судя по всему, ему свойственна чуткость. Да и кто может вообще привыкнуть к такому кошмару?..

Несмотря на грубость и злобу Фернанды Ревир, Карли захлестывает нестерпимая горечь. Лэниган посоветовал не особенно переживать — у этой женщины руки в крови, она принадлежит к жестокой семье, глубоко погрязшей в насилии. Но разве об этом сейчас думаешь? Фернанда человек, несмотря ни на что. Мать, горячо любившая сына. Никто не заслужил такого конца.

В котором виновата Карли.

Следователь приказал выбросить из головы эту мысль. Фернанде Ревир нечего было садиться в машину в таком состоянии. Никто ее не заставлял уезжать, сама решила. Могла и должна была просто выставить из дома незваную гостью.

Но все-таки Карли винит себя. Постоянно твердит себе, что виновата. Если бы не явилась, Фернанда была бы жива. Отчасти хочется сейчас же вернуться в Ист-Хэмптон, попросить прощения у Лу Ревира. Пат Лэниган твердо и решительно пресек это намерение.

Они долго стояли на улице, он курил очередную сигару, она высадила полпачки сигарет. Ни один не посмел спросить вслух — *что теперь будет?*

Карли совсем растерялась. Как отреагирует муж Фернанды? И другие члены семьи? Садясь в самолет до Нью-Йорка, она хорошо понимала, что будет тяжело. Но близко даже не предвидела таких жутких последствий.

Она дрожащей рукой поднесла зажигалку к очередной сигарете.

— По-моему, Карли, — сказал Пат Лэниган, — теперь надо серьезно подумать насчет программы защиты свидетелей. Я позабочусь, чтобы кто-нибудь постоянно вас охранял до отъезда из Штатов, но у людей вроде Ревиров долгая память и длинные руки.

— Вы уверены, что программа защиты свидетелей гарантирует мне безопасность?

— На сто процентов никогда не скажешь, но это самый верный шанс.

— Знаете, что это означает? Переезд в другой конец страны, рядом из близких только сын, и больше ни одной встречи с родными и друзьями… Вам бы понравилось?

Лэниган пожал плечами:

— Не очень. Но если б я знал, что нет выбора, то решил бы, что это все-таки лучше, чем альтернатива.

— Какая?..

Он серьезно посмотрел на нее:

— Та самая.

85

Кондиционер в номере отеля слишком холодный и слишком шумный, но, какие бы кнопки Карли ни нажимала, практически ничего не менялось. Одеяла она тоже не нашла, поэтому в конце концов влезла под покрывало одетая, и на нее налетело цунами мрачных мыслей.

В шесть утра, не сомкнув глаз, вылезла из постели, подошла к окну, открыла жалюзи. В хлынувшем с безоблачного синего неба свете проследила за поднимавшимся самолетом, опустила глаза на раскинувшийся лабиринт производственных построек, на оживленную дорогу тридцатью этажами ниже.

В висках стучит молот. Голова кружится, и очень страшно. Боже, как хочется, чтобы рядом был Кес. Больше прежнего хочется просто с ним поговорить. Ему по колено любое дерьмо, в какое его бросит мир. Кроме проклятой холодной белой пудры, которая затопила и удушила его.

Бывает и дерьмо, говорил он. И правда. Гибель Кеса — дерьмо. Дорожно-транспортное происшествие, в которое она попала, — дерьмо. Гибель в автокатастрофе Фернанды Ревир — дерьмо. Все дерьмо.

Но в первую очередь — идея отказаться от собственной жизни и вечно прятаться. Этого не будет. Должно быть другое решение.

Обязательно.

Зазвонил мобильник. Карли бросилась к тумбочке у кровати, схватила трубку, посмотрела на дисплей. Написано только «Международный вызов».

— Алло!..

— Привет, — странным тоном сказал Джастин Эллис.

— Привет, — сказала она. — Как дела? — Голос плохо слушается, надо срочно принять парацетамол и выпить чашку чаю.

— По правде сказать… не очень, — пробубнил Джастин. — Кажется, с Тайлером вышла ошибка.

— В каком смысле? Я что-то перепутала насчет дантиста? — Карли взглянула на радиочасы, произвела мысленные подсчеты. Никак не разберешься в разнице. В Англии на пять часов позже. Значит, там 11:15. Прием назначен на 11:30. — В чем проблема?

— Ну, ты просила его отвезти, я сейчас подъехал к школе, а мне говорят, он уехал в заказном такси.

Карли села на кровать.

— В такси?.. Я не заказывала никакого…

В душу начал просачиваться черный ужас.

— Такси пришло полчаса назад. — Джастин начал слегка раздражаться. — Забыла?

— Ох, боже, — выдохнула Карли. — Господи помилуй… Скажи, что это неправда…

— То есть?

— Это невозможно. Какое-то недоразумение. Тайлер где-то в школе. Искали? Везде смотрели? — Голос прервался в панике. — Пожалуйста, пускай проверят. Попроси, пусть посмотрят. Скажи, чтоб обязательно посмотрели…

— В чем дело?

— Пожалуйста… он должен быть в школе. Пожалуйста, найди его, Джастин. Пойди и найди. Пожалуйста, боже, пожалуйста… — Она поднялась, задыхаясь, заметалась по комнате. — Умоляю, Джастин!..

— Ничего не понимаю. Миссис Рич проводила его до ворот, проследила, как он сел в такси…

— Не может быть. Невозможно! Пожалуйста, скажи, что это не так. Пожалуйста, скажи, что он в школе…

Немного помолчав, Джастин снова спросил:

— В чем дело, Карли? Успокойся. Объясни, в чем дело…

— Звони в полицию. Я никакого такси не заказывала.

86

Пробка на набережной достала Зуба. Планом не предусмотрено. На этот отрезок пути выделяется десять минут, а уже прошло двадцать две. Причем машина едва продвинулась по единственной свободной полосе из-за дорожно-ремонтных работ.

И шум позади раздражает, но хотя бы мальчишка отвлекся в пути, что уже хорошо. Он следит за ним в зеркало. Сидит в красном школьном блейзере, в очках в проволочной оправе, полностью сосредоточившись на электронной игре.

Кар-кар-кар… щелк-щелк… пи-и-и…

Неожиданно поднял глаза.

— Куда едем? Я думал, в «Драйв». Это не по дороге.

— Сообщили об изменении адреса, — объяснил Зуб с английским произношением. — Сегодня твой дантист работает в другой клинике в другом районе. Возле Норфолк-сквер.

— Ладно.

Чик-чирик… пи-гш-пи… кряк…

Рация в такси затрещала, раздался голос:

— Вызов на Уитдин-Кресент. Есть кто-нибудь поблизости от Уитдин-Кресент?..

Фьють-фьють… кар-р-р…

Еще чуть проползли. Скоро поворот налево.

Пи-и… пи-и… ух-ух…

— Что это за игра? — спросил Зуб, желая, чтобы мальчишка чувствовал себя нормально, спокойно, хотя бы еще пару минут.

— «Сердитые птицы». Высший класс. Играли?

Уже сосредоточившись, он не ответил. Такси «шкода» резко свернуло влево к Норфолк-сквер. При этом Зуб громко чихнул, потом еще разок.

— Будьте здоровы, — вежливо сказал Тайлер.

Он что-то буркнул, выезжая на площадь с домами эпохи Регентства, сплошь выкрашенными белой краской, в разной степени обветшавшими. Одни разбиты на квартиры, другие превращены в отели. Посередине повернул направо, объехал вокруг зеленого пятачка в центре площади, снова нырнул вниз на набережную. Направился к въезду на подземную стоянку, проехал по пандусу, вновь расчихался. Остановил машину, вытащил платок из кармана, еще раз чихнул в него.

— Будьте здоровы, — повторил Тайлер.

Водитель повернулся. Тайлер думал, что поблагодарит за пожелание, и увидел у него в руке что-то черное, вроде пистолетного курка, только отдельно от оружия. В лицо сильно с шипением дунуло, неожиданно стало трудно дышать, он тяжело сглотнул, а воздух все бил в лицо.

Зуб проследил, как глаза мальчишки закрылись, отвернулся и двинулся дальше по пандусу, опустив стекло и сняв с лица платок. Спустился витками на самый нижний уровень стоянки, где стоит всего одна машина. Прокатная «тойота-ярис» с другими номерами.

Такси остановилось в соседнем отсеке.

87

В 11:25 Рой Грейс сидел за письменным столом в кабинете, внося последние уточнения в сообщение для прессы, которое будет зачитывать днем.

Пока следствие идет совсем не так, как хочется. К тому же через две недели начинается суд над производителем мерзких садистских фильмов Карлом Веннером. А в данный момент ни о чем, кроме операции «Скрипка», некогда думать.

На сегодняшнем утреннем инструктаже не случилось прорыва ни на одном направлении следствия. Не найдены продавец камер, отснявших последние часы жизни Ивена Приса и Стюарта Фергюсона. Нет свидетелей чего-либо необычного возле дома Эви Прис. Западный филиал не продвинулся в деле об убийстве Уоррена Талли в тюрьме Форд. За последнюю неделю в торговых точках города куплено столько тюбиков клея «Суперглю», что поиски определенного покупателя грозят вылиться в бесконечный кошмар. Несмотря на это, члены команды собрали все записи с камер поблизости. Когда — если — будет получен портрет подозреваемого, начнут просматривать видео на сотни часов.

Со станции обслуживания «Пагнелл» в Ньюпорте позвонила Трейси Стокер.

— Рой, мы нашли кое-что, возможно интересное. Окурок сигареты «Лаки страйк». Пока ничего сказать не могу, но марка необычная для Соединенного Королевства, окурок свежий. По виду и состоянию я сказала бы, пролежал всего день.

Будучи курильщиком, хоть и нерегулярным, Рой немного разбирается в марках. «Лаки страйк» — американские сигареты. Если, как он предполагает, с Присом и Фергюсоном расправился профессионал, существует определенная вероятность, что это наемный убийца, известный Ревирам и присланный ими. Возможно, американец. Забилось волнение, будто этот окурок потенциально важен, хотя точно так же известно, что он мог оказаться на месте совершенно случайно.

— Удалось снять с него отпечатки? — Снять отпечатки с окурка трудно; вдобавок многое зависит от того, как держит сигарету курильщик.

— Нет. Можно отправить на химический анализ, но, возможно, больше повезет с ДНК. Хотите, чтобы я заказала срочную экспертизу?

Грейс на минуту задумался. Срочная экспертиза дает результат за 24–48 часов. Иначе уйдет рабочая неделя и больше. Процедура дорогая, особенно когда надо сокращать расходы, но при расследовании убийства деньги считают в последнюю очередь.

— Обязательно, — подтвердил он. — Хорошо поработали, Трейси.

— Перешлю вам снимки, — сказала она.

— Не повезло со следами обуви или покрышек?

— Пока нет. К сожалению, земля сухая. Но если что-то есть, мы найдем.

Рой улыбнулся, зная, что если кто-нибудь найдет, то именно Трейси. Только он разъединился, как снова раздался звонок.

По голосу кажется, что Дункан Крокер не спал всю ночь.

— Босс, есть изображение двух автомобилей, прибывших на станцию «Пагнелл» в Ньюпорте одновременно со Стюартом Фергюсоном. «Воксхолл-астра» и «тойота-ярис», обе с прокатными номерами. «Астру» мы исключаем — ее вел торговый агент компании трафаретной печати. «Тойота» интереснее.

— Да?

— Вы были правы, сэр, машина прокатная, из агентства «Авис» в аэропорту Гатуик. Оказалось, ее нынче утром в восемь засекла камера регистрации номеров возле Брентвуда. Местная дорожная полиция остановила. За рулем женщина двадцати семи лет, живет в Брентвуде, ехала на работу.

Грейс нахмурился. У Крокера в голове помутилось?

— По-моему, эта тоже не годится.

— Послушайте дальше, сэр. Когда девушка вышла из машины, то увидела, что номера не ее. Кто-то снял, поменял на другие.

— Пока она была на станции обслуживания «Пагнелл»?

— Поклясться не может, сэр, даже не помнит, когда в последний раз обращала внимание на номера. Если честно, мало кто обращает.

Грейс задумался.

— Значит, возможно, наш подозреваемый поменялся с ней номерами. Проверили?

— Да, сэр. Пока ничего.

— Хорошо. Немедленно дайте мне знать, когда кто-то увидит машину с ее номерами.

— Конечно, сэр.

— Послали кого-нибудь в «Авис» в Гатуике?

— Сару Папеш и Эмму Джейн Бутвуд.

Суперинтендент сморщил лоб:

— Кто такая Сара Папеш?

— Новенькая. Только что пришла в бригаду. Блестящий детектив из Новой Зеландии, у нас на стажировке.

— Ну, ладно.

Хочется лично знать каждого члена команды. Нехорошо, когда следственная бригада разрастается так, что туда начинают брать новых людей без его санкции. Настал один из тех редких моментов, когда кажется, будто он утонул с головой. Надо успокоиться, разбираться с проблемами по мере поступления.

Рой взглянул на круглые деревянные часы на стене. Они служили реквизитом на съемках полицейского сериала «Счет», висели в вымышленном участке. Сэнди купила их ему

в подарок на двадцатишестилетие. Под ними чучело трески весом в семь фунтов шесть унций. Сэнди купила его в антикварной лавке на Портобелло-Роуд в первый год после свадьбы. Он держит его под часами ради шутки, которой потчует подчиненных, насчет терпения, труда и рыбки из пруда.

И ради напоминания самому себе всегда быть терпеливым. Каждое расследование убийства — шарада. Триллион крошечных кусочков, которые надо найти и сложить воедино. В затылок постоянно дышит начальство и пресса, но надо как-то сохранять спокойствие. Паника заведет в тупик или подтолкнет к ошибочным некомпетентным заключениям.

Дверь открылась, вошел Гленн Брэнсон, производя обычное в последние дни впечатление, будто у него на плечах лежит вся тяжесть мира. Рой ждал продолжения саги о разводе, но сержант взялся огромными руками за спинку кресла у письменного стола и подался вперед.

— У нас новость, старик, и плохая. Мне сейчас звонила Карли Чейз из Нью-Йорка.

Грейс напрягся.

— Миссия провалилась, как и предполагалось?

— И так можно сказать, босс. Вчера вечером мать Тони Ревира погибла в автокатастрофе.

Грейс ошеломленно уставился на сержанта. Чувствуется, как пульсирует кровь в каждой жиле.

— Погибла?..

— Да.

Суперинтендент спросил:

— Что тебе известно? То есть… как это произошло?

— Потом расскажу, это еще не самое важное. Есть кое-что похуже. Пропал двенадцатилетний сын миссис Чейз.

— Пропал?.. Что это значит?

— Похоже, его похитили.

Грейс смотрел в большие круглые глаза Брэнсона, чувствуя, как внутри образовывается глыба льда.

— Когда?..

— Приятель Карли Джастин Эллис должен был забрать его из школы Святого Христофора сегодня в одиннадцать пятнадцать и отвезти к дантисту, подогнать пластину. Подъехав, Эллис услышал, что двадцать минут назад за мальчиком пришло такси. Карли Чейз твердо клянется, что никакого такси не заказывала.

Грейс не сводил с друга глаз, переваривая информацию, стараясь сопоставить ее с сообщением Дункана Крокера про номера.

— Она вчера наверняка была в невменяемом состоянии… ты уверен, что про такси не забыла?

— Я с ней только что разговаривал. Не заказывала. Стопроцентно уверена.

Брэнсон сел, сложил на столе руки и продолжил:

— Одной школьной учительнице позвонили, что пришло такси. Она знала, что парня должны забрать, — мать заранее предупреждала о подобной возможности. Даже не подумала перепроверить.

— Водителя видела?

— Собственно, нет. Он был в бейсболке. Но специально она не приглядывалась. Проследила из школьных ворот, чтобы мальчик сел в машину.

— Значит, ученикам просто позволено садиться в такси без дальнейших вопросов? — возмутился Грейс.

— Существует строгая процедура, — объяснил Брэнсон. — Родители обязаны предупреждать заранее, что Карли Чейз и сделала. Видимо, Тайлера Чейза часто привозит и увозит такси, поэтому сегодня ни у кого не было повода для сомнений.

Грейс сидел молча, усиленно думая. Посмотрел на часы.

— Прием назначен на одиннадцать тридцать?

— Да.

— Кто-нибудь спрашивал у дантиста, пришел ли мальчик?

— Эмма Джейн Бутвуд сейчас проверяет. Пару минут назад еще не появлялся.

— Где кабинет?

— На Уилбери-Роуд.

— Школа Святого Христофора частная, да? На Нью-Черч-Роуд?

Брэнсон кивнул.

— Пять минут езды. Максимум десять. Его забрали за несколько минут до одиннадцати?

— Точно.

— С агентствами такси связались?

— Со всеми. Посадил на телефоны Нормана Поттинга, Ника Николла, Беллу Мой и Стейси Хоробин.

Грейс в бешенстве грохнул по столу кулаками.

— Черт, черт, черт, почему меня не уведомили о визите к дантисту?..

Брэнсон бросил на него беспомощный взгляд.

— Мы всю ночь охраняли дом, где находились мальчик и его бабушка. Следили за подругой Карли Чейз, убедились, что она привезла его в школу в целости и сохранности. Сделали бы то же самое позже на обратном пути домой. Но никто ничего не сказал про дантиста.

Грейс тряхнул головой.

— Карли беззащитна. Значит, беззащитны и близкие. Надо было поставить сегодня кого-нибудь в школе.

— Задним числом легко говорить. Очень многие нынче утром не встали б с постели, если бы наперед видели.

Грейс мрачно посмотрел на Брэнсона.

— Если б мы наперед видели, проклятая работа была бы гораздо легче. — Он схватил ручку, принялся делать заметки в блокноте. — Фотография мальчика есть?

— Нет. Только описание. Рост пять футов, похож на маленького Гарри Поттера — непослушные темные волосы, очки с овальными стеклами в проволочной оправе, школьная форма: красный блейзер, белая рубашка с галстуком, черные брюки.

— Хорошо, приметы вполне четкие, — кивнул Грейс. — Но нужна фотография.

— Ищем.

— С бабушкой кто-нибудь разговаривал?

— Она на обследовании в окружной больнице. Я туда людей послал.

— Про такси что известно? Микроавтобус, универсал, легковушка?..

— Не знаю пока.

— Почему?

— Не успел. Хотел сразу тебе доложить.

Грейс посмотрел на карту Восточного и Западного Суссекса на стене кабинета, на книжные полки, где стоит официальный справочник «Похищение детей» с перечислением всех процедур и протокольных мероприятий в таких случаях. Многое заучено наизусть, хотя неплохо бы еще разок тщательно перечитать. Только прежде надо принять срочные меры. Он схватил со стола телефон и сказал, набирая номер:

— Гленн, надо очертить дугу вокруг школы, далеко ли можно доехать оттуда в любом направлении за тридцать минут. Необходимо описание машины. Кто-нибудь отправился к учительнице?

— В школе сейчас должны быть Питер Вулф и Пол Таннер из выездной следственной бригады.

— Надо сейчас же послать людей, опросить всех вокруг школы, может, кто-то выгуливал собак, кошек, золотых рыбок…

Грейс соединился с дежурным инспектором управления Бекки Ньюмен, кратко изложил проблему, осведомился, кто сегодня «золотой» командир. Обычно «золотым» является суперинтендент или старший суперинтендент, когда в их смену происходят критические события.

Он с радостью услышал имя старшего суперинтендента Грэма Баррингтона, нынешнего начальника полиции Брайтона и Хоува, чрезвычайно способного, грамотного офицера. Связался с ним через пару секунд, поспешно ввел в курс дела. В качестве «серебряного» Баррингтон предложил инспектора Тревора Барнса. Потом быстро выбрали «бронзовых» для полного комплекта — одного из розыскной бригады, другого из полицейской разведки, третьего из следственной бригады и четвертого из отдела по связям с общественностью. Во всех случаях похищения или насилия над детьми средства массовой информации играют критически важную роль.

— По-моему, дело настолько серьезное, что средствами массовой информации должен заняться помощник главного констебля, — объявил Баррингтон.

Грейс усмехнулся при мысли о том, что слегка высокомерный Питер Ригг займет место ниже старшего суперинтендента.

— А ваш заместитель возглавит «бронзовую» команду, поскольку им придется пошевеливаться. Как его?..

— Гленн Брэнсон.

— Сержант?

— Да, но хорошо справляется. — Рой подмигнул своему протеже.

— Ладно.

— Считаю первоочередной задачей проверку на дорогах, Грэм.

— Пошлем людей на главные магистрали в пределах сорока пяти минут или часа езды… как скажете.

Грейс взглянул на часы, подсчитал. Машинам понадобится время, чтобы добраться до места.

— Для гарантии час. Может, вызвать «отель-900»?

«Отель-900» — кодовое название полицейского вертолета.

— Немедленно. Дайте описание такси как можно скорее. Не следует ли задействовать службу спасения детей?

— Обязательно. Сейчас распоряжусь, — сказал Грейс, хотя знал, что на его команду мгновенно обрушится лавина звонков, в большинстве случаев продиктованных ложной тревогой.

Служба спасения детей создана недавно по инициативе полиции по образцу американской «Янтарной тревоги» для скорейшего распространения по стране описания пропавших или похищенных детей. Сообщения рассылаются по мобильной связи, размещаются в социальных сетях в Интернете, в сводках новостей, в плакатах, на дорожных указателях. Как правило, приходят тысячи откликов, которые надо рассортировывать. Однако это ценный источник информации, особенно в данном случае.

— Все порты тоже надо предупредить, — добавил Грейс. — Чтобы никто не выехал из страны с мальчиком без надлежащей проверки. Необходимо бросить все силы на поиски. Необходимо найти сукина сына, и быстро, чтоб он не успел причинить вред ребенку.

Он разъединился, предоставив «золотому» действовать, и обратился к Брэнсону:

— Ну, принимай «бронзовую» бригаду. Старший суперинтендент Баррингтон тебя кратко проинструктирует, но перед тобой три первоочередные задачи.

— Слушаю.

— Во-первых, доставить компьютер мальчишки — который наверняка имеется, — в наш отдел высоких технологий для анализа. Установить, с кем он общался в Facebook, Bebo, в чатах, по электронной почте.

Брэнсон кивнул:

— У бабки спрошу.

— Во-вторых, осмотреть каждый дюйм дома и сада, ближайшие окрестности и квартиры всех его приятелей. Можешь привлечь местных волонтеров.

— Есть.

— В-третьих, продолжать наблюдение за кабинетом дантиста и школой. Не хочу, чтобы меня забросали тухлыми яйцами, когда парень объявится целым и невредимым, если мамаша чего-то позабыла.

— Конечно, но этого не случится, судя по тому, как она со мной говорила.

— Надеюсь. — Грейс пожал плечами. — Хотя лучше бы это было недоразумение, надеюсь, ты меня понимаешь.

Брэнсон кивнул. Он очень хорошо понимает.

Когда дверь за ним закрылась, Грейс схватил с полки справочник «Похищение детей», положил на стол, но, прежде чем открыть, записал в блокноте еще несколько пришедших в голову мыслей. Зазвонил телефон. Помощница по организационным вопросам Элинор Ходжсон спрашивает, готово ли заявление для прессы к перепечатке.

В суматохе он об этом совсем позабыл. Сказал Элинор, что собирается полностью переписать заявление в связи с последними событиями, и попросил отсрочить брифинг на полчаса.

Очень страшно за мальчика. Убийца Приса и Фергюсона — безжалостный садист. Неизвестно, что он приготовил для Тайлера Чейза, но думать сейчас надо только о том, как вырвать из его мертвой хватки ребенка живым и здоровым. Пока прошло тридцать минут. За тридцать минут можно уехать куда угодно. Впрочем, такси приметное. Мужчина с мальчиком тоже приметные, особенно если Тайлер еще в школьной форме.

В душе поднимается черная волна. Он не виноват, но все равно несет полную ответственность за Карли и ее родных, поэтому злится на себя, что позволил такому случиться.

Через час средства массовой информации вместе со службой спасения детей оповестят всю страну о пропавшем парнишке.

Грейс взял трубку и сделал звонок, которого не планировал.

Помощник главного констебля Питер Ригг ответил практически сразу.

88

Карли кружила по гостиничному номеру, захваченная водоворотом черного ужаса. Обливаясь слезами, она думала лишь о том, как немедленно вернуться в Англию. Но мозги совсем отказываются работать, ей физически плохо.

Разве можно было так дьявольски глупо оставлять сына дома без всякой защиты? Или есть простое объяснение? Может, она что-нибудь перепутала в суматохе последних недель? Записала Тайлера на другое время к другому врачу? К какому? Возможно, давно заказала такси и забыла? Возможно, такси пришло за другим мальчиком? В школе просто неправильно поняли?..

На мгновение пришло облегчение.

Цепляешься за соломинку.

Надо выбросить из головы Фернанду Ревир в искореженном автомобиле. Порой в эту картину жутко вплетается лицо Тайлера. Ее бьет озноб, надо принять горячий душ, но нельзя пропустить звонок. Необходимо вернуться домой. Услужливый дежурный администратор уже наводит справки о рейсах в Англию по ее просьбе. Надо улететь сегодня во что бы то ни стало. Карли взглянула на часы и ничего не поняла. Зрение вышло из строя, все расплывается перед глазами.

Надо рассуждать здраво. Прояснить мысли. А перед глазами стоит только Тайлер, который садится в такси.

С чудовищем за рулем.

Карли подошла к окну, снова выглянула. Пару минут назад за окном было голубое небо. Теперь серое. Пейзаж размыт. Шофер сидит в самосвале. У него похитили сына? Женщина вылезает из малолитражки, начиная день. Очередной, самый обыкновенный день. У нее похитили сына?

Зашла в ванную почистить зубы, хоть руки дрожат так, что выдавленная из тюбика паста каждый раз попадает в раковину, а не на щетку. Внутри все туже и туже скручивается пружина. Карли направилась к мини-бару, наполнила чайник, но не нашла, куда его включать. Рука сжимает трубку в надежде на звонок Тайлера.

Карли отчаянно молилась о звонке. И телефон зазвонил. На дисплее написано: «Номер не определяется».

— Д-да… алло… слушаю!..

— Карли? — переспросил сержант Брэнсон.

— Я, — подтвердила она, стараясь не выдать разочарования. Впрочем, может, у детектива какая-то новость? Пожалуйста, боже, пусть будет новость!..

— У меня к вам несколько вопросов.

Сердце сжалось, Карли пробормотала:

— Я думаю… не знаю… может, в школе перепутали, такси пришло за другим мальчиком… Точно проверили, что Тайлер не в школе? Он любит историю и всякое такое, часто заходит в лаборатории, сам занимается… Совсем один. Смотрели? Искали?

— Школьное здание и территория сейчас обыскиваются. Такси пришло именно за вашим сыном.

— Тайлер был у дантиста?.. Что у вас вообще нового?

— Пока ничего, но мы его найдем, не волнуйтесь. Мне нужна ваша помощь.

— *Не волнуйтесь?* Вы мне предлагаете не волноваться?.. — выкрикнула она.

— Мы делаем все возможное, Карли.

— Я вернусь домой первым рейсом. Возможно, дневным, тогда буду сегодня вечером.

— По-моему, вам надо вернуться как можно скорее. Как только возьмете билет, сообщите, мы вас в аэропорту встретим. Нам уже известно о гибели миссис Ревир.

— Сплошной кошмар, — всхлипнула Карли. — Помогите, пожалуйста. Пожалуйста, найдите сына.

— Ответьте на один очень важный вопрос: кто знал, что Тайлер записан на прием к дантисту?

— Кто?.. Только… в школе… и мои друзья, Сара и Джастин Эллис… Джастин должен был заехать за ним. А больше… никого не припомню…

— У нас есть кое-какие наработки. Тайлер заходил на многие сайты в социальных сетях. Вам об этом известно?

— Ну… да…

— Мог ради шутки сообщить через Facebook или Bebo, что идет к дантисту? Об ответных сообщениях никогда не рассказывал?

— Нет… Только все две недели после происшествия был в каком-то странном настроении. — Карли старалась сдержать слезы. — Понимаете… он необычный ребенок. Невероятно талантливый, сообразительный. Никогда бы не сел в машину к незнакомцу. Вы не поверите, но я абсолютно уверена, могу поклясться. Он хорошо знает город. Проверили, что домой не вернулся?

— За домом установлено круглосуточное наблюдение. По всему судя, там нет никого. Но Тайлер определенно уехал из школы в такси.

— Пожалуйста, найдите, — снова взмолилась Карли. — Пожалуйста.

— Найдем, обещаю. Его вся страна ищет.

Глаза жгут слезы. От сочувственного тона детектива только хуже.

— Пусть Ревиры делают со мной что угодно, — всхлипнула Карли. — Скажите им. Передайте. Пусть вернут сына и убьют меня.

Сержант пообещал сразу перезвонить при любых новостях. Разъединившись, Карли опять шагнула к окну, оглядела унылый пейзаж. Господи боже мой, мир огромен. Как в нем кого-то найти? Где искать? Далеко внизу по тротуару шагает мужчина, прижав к уху телефонную трубку.

Карли смахнула слезы и, глядя на дисплей своего айфона, стала перебирать приложения, пока не отыскала нужное.

Вспыхнула искра надежды.

— Есть! Молодец, Тайлер! Умница!..

89

Грейс покинул брифинг для журналистов в 12:50 с большим облегчением, весьма довольный представлением, которое устроил помощник главного констебля Ригг. Любая встреча с прессой — минное поле. Один неверный ответ, и ты превращаешься в полного идиота. Чуткий Ригг держится строго, сосредоточенно, говорит кратко.

За Роем увязался Кевин Спинелла, у которого, как обычно, остался вопрос. Но он не настроен беседовать с репортером. Оглянулся, подойдя к двери с кодовым замком в начале коридора, и бросил:

— Мне нечего добавить. Если нужна дополнительная информация, обратитесь к помощнику главного констебля Риггу, который отвечает за связь с прессой в ходе операции «Скрипка».

— Знаю, вы на меня до сих пор сердитесь за публикацию объявления о награде в сто тысяч, но, кажется, забыли, что мы с вами делаем каждый свое дело. Вы раскрываете преступления, я обеспечиваю популярность газете. Должны понимать.

Грейс уставился на наглеца, не веря собственным ушам. На кону жизнь ребенка, идет первая скоротечная стадия одного из самых тяжких дел за всю его карьеру, а сопляк-репортер решил прочитать ему лекцию о работе газетчика.

— Чего же я, по-вашему, не понимаю? — Грейс вытащил кодовую карточку и повернулся к двери.

— Что я не марионетка в ваших руках. Хочу вам помочь, только в первую очередь подчиняюсь редактору.

— Тогда поберегите силы, бегите в контору, сочините историю, которая поможет спасти жизнь Тайлера Чейза.

— Не потребуется. Мне вот это поможет. — Спинелла вытащил «блэкберри» и предъявил с самодовольной ухмылкой.

Грейс захлопнул за собой дверь. Только он собрался позвонить «золотому» за новыми сведениями, как раздался звонок Гленна Брэнсона.

— Ушел с брифинга, босс?

— Да.

— А мы уже вовсю кашеварим. Есть подвижка с Тайлером.

— Где ты?

— На рабочем месте.

— Сейчас приду.

Грейс выскочил из кабинета и помчался по коридору в отдел. В отличие от коридора, где вечно стоит запах свежей краски, здесь во время ланча пахнет как в столовой — горячим супом, овощной запеканкой из микроволновки и карри.

Атмосфера до предела насыщена энергией, что Грейс любит больше всего на свете. Все члены команды на своих местах, за телефонами, получают и передают сообщения, стоят у белых досок, внося поправки в схемы, пришпиливая новые снимки. Без конца звонят телефоны, стучат клавиши. Кто-то ест за работой. Норман Поттинг, склонившись над принтером, жует огромный корнуэльский пирог, не обращая внимания на крошки, сыплющиеся на рубашку и галстук.

Гленн Брэнсон сидит в самом дальнем углу рядом с кулером. Грейс заспешил к нему, не обращая внимания на Ника Николла и Дэвида Хоувса, старавшихся перехватить его. Взглянул на свои часы, а потом на настенные, как бы для проверки. Часто так делает, не может удержаться. В данной ситуации каждая секунда каждой минуты имеет критическое значение.

— Пользуешься айфоном, босс?

— Нет. А что? — нахмурился Грейс.

— Там есть приложение FriendMapper. Работает как спутниковый навигатор. Если у тебя и еще у кого-то имеется айфон, вы можете постоянно следить друг за другом, знать, кто где находится в любой точке света с точностью до полусотни ярдов.

Рой, кажется, понял, к чему идет дело.

— Карли Чейз с сыном?..

— Да!

— Ну?.. Рассказывай!

— Карли купила сыну айфон при условии, что программа всегда будет работать, когда он находится вне ее поля зрения.

— И сейчас работает?

— Она звонила двадцать минут назад. Индикатор не движется, но сигнал идет с Ридженси-сквер. Неизвестно, то ли айфон выключен, то ли батарейка села, то ли, как я подозреваю, просто плохая зона приема.

— Сигнал старый?

— Она не знает — только что сообразила и посмотрела. Не понимает, почему оттуда. Ридженси-сквер в паре миль к востоку от школы и в другой стороне от дантиста. Говорит, Тайлеру там делать нечего. Она максимально увеличила карту, получается, айфон где-то рядом с въездом на подземную стоянку.

Грейса охватило волнение.

— Если мальчик на стоянке, поэтому и сигнал плохой!

Брэнсон улыбнулся.

— «Золотой» отправил туда всю полицию Брайтона. Стоянку оцепили, перекрыли выходы, обыскивают помещение и машины.

— Поехали! — бросил Грейс.

90

Хорошо помня стиль вождения Гленна Брэнсона, Рой сам сел за руль. Пока обгоняли обеденный брайтонский трафик, сержант сообщил:

— Карли Чейз вылетает рейсом «Бритиш эруэйз» в восемь сорок по нью-йоркскому времени — без двадцати два по нашему, меньше чем через час. Будет в Хитроу в двадцать тридцать пять.

Зазвонил телефон, Грейс попросил Гленна ответить, с оглушительным ревом объезжая по встречной полосе машины, остановившиеся на красный свет на перекрестке Дайк и Олд-Шорэм-Роуд. Убедился, что все его видят, сбавил тон сирены и полетел на скорости дальше.

Закончив разговор, сержант доложил:

— Эмма Джейн из прокатной конторы «Авис». Ту самую «тойоту-ярис» взял утром в понедельник на прошлой неделе некий Джеймс Джон Робертсон, как указано в водительских правах. Адрес, который он оставил, липовый, и по заключению наших экспертов, кредитная карточка Visa, которой он расплачивался, — подделка высокого качества. Агентша дала описание, да толку мало. Худощавый мужчина малого роста, с английским произношением, в бейсболке и темных очках. Предложила ему продвинутую модель, он отказался.

— Интересно… — пробормотал Грейс. — Хотелось бы знать почему.

Гленн кивнул.

— Знаешь, было бы здорово приехать в аэропорт встречать Карли Чейз вместе с ее сыном.

— Еще бы.

— Если чуть повезет, так и будет.

Рой разделяет надежды друга, но не оптимизм. Опыт долгой службы постепенно подтачивает уверенность. И если за собой не присматривать, однажды проснешься циничной скотиной, в которую он клятвенно пообещал себе не превращаться.

При нормальной скорости путь от Суссекс-Хаус до Ридженси-сквер занимает двадцать минут. Грейс доехал за пять с половиной. Свернул в сторону от набережной, невзирая на запрещающий знак, тормознул за двумя патрульными машинами и полицейскими фургонами, стоявшими по обе стороны от ведущего на стоянку пандуса. Выскочил вместе с сержантом из «форда», прежде чем колеса перестали крутиться.

Вся историческая, местами обветшавшая площадь запружена полицейскими в форме, от которых отделилась и двинулась навстречу детективам статная фигура Сью Карпентер, дежурного инспектора по Брайтону и Хоуву, сорокалетней женщины добрых шести футов

ростом, в лихо сдвинутой на макушку фуражке, под которую забраны длинные темные волосы, отчего она кажется еще выше. Грейс помнит, как еще сержантом Сью Карпентер поразила его компетентностью.

— Добрый день, сэр, — кивнула она суперинтенденту и мельком улыбнулась Брэнсону.

— Как дела?

— Только что обнаружено такси на третьем, самом нижнем уровне. Дверцы заперты, сэр. Довольно странно видеть такси на многоэтажной городской стоянке. Связались с компанией «Стримлайн», где оно зарегистрировано, запросили информацию.

— Давайте посмотрим.

На всякий случай — никогда не знаешь, что и когда может понадобиться, — Грейс вытащил из походного саквояжа голубые латексные перчатки и пару пакетиков для вещественных доказательств. Быстро окинул взглядом круглую лужайку в центре площади. За ней ближе к выезду стоит «ягуар» с открытым багажником, окруженный полицейскими.

— Надеюсь, на въезде и выезде есть камеры наблюдения?

— Да, сэр. И внутри кое-где. Прошлой ночью все выведены из строя вандалами.

— Все?..

— Так точно. Сегодня заменили, но, к сожалению, это нам не поможет.

— Черт, черт, черт… — простонал он, взмахнув крепко сжатыми кулаками. — Довольно удачное совпадение, правда?

— Стоянка неблагополучная, сэр, как фактически и весь район, — напомнила Сью, указывая на дорогу, ведущую к руинам Западного пирса — одной из главных достопримечательностей Брайтона, — сгоревшего несколько лет назад в результате крупнейшего акта вандализма.

Детективы проследовали за инспектором Карпентер мимо охранявшего вход волонтера, спустились по вонючей бетонной лестнице, зашагали по почти пустому нижнему этажу парковки, где пахнет пылью и машинным маслом. Старый изношенный бетонный пол, белые стойки, красные трубы тянутся между отсеками вдаль.

Справа частично скрытое бетонной перегородкой такси «шкода» с закрытым четырехместным кузовом плотно уткнулось задом в стенку. Рядом два молодых полицейских.

Приблизившись, Грейс заметил на полу возле автомобиля мелкие осколки черной пластмассы, наклонился, на всякий случай подобрал в пакетик. Из рации инспектора Карпентер прозвучал хорошо слышный всем голос. Диспетчер компании «Стримлайн» сильно обеспокоена, не получая ответа от водителя такси приблизительно с полуночи.

— Фамилия известна? — спросила Сью.

— Майк Говард, — проскрипел голос.

— Спросите номер его мобильника, — подсказал Грейс и принялся осматривать «шкоду» спереди и сзади, натянул перчатки, подергал дверцы — заперты.

Диспетчер после минутной паузы продиктовала номер, Рой записал в блокноте и сразу набрал.

Через пару секунд в багажнике глухо заиграла мелодия. Он прервал вызов, попросил дубинку у молоденького полицейского. Тот, видно, понял, сразу протянул.

— Отойдите, — распорядился суперинтендент, размахнулся и сильно ударил в окно водительской дверцы. Стекло громко треснуло, но уцелело. После второго удара, покрепче, разбилось. Он выбил дубинкой крупные осколки, просунул руку, нащупал ручку, распахнул дверцу, отпустил ручной тормоз, бросил постовым: — Помогите, — и принялся толкать машину, которая после некоторого сопротивления беззвучно и медленно подалась дюйм за дюймом.

Отодвинув «шкоду» от стенки на несколько футов, Грейс вернул ручной тормоз в исходное положение, осмотрел приборную панель, идентификационную карточку водителя на лобовом стекле с фотографией брыластого мужчины лет сорока с редеющими темными волосами и испуганным выражением. Внизу напечатано: Майк Говард. Рой пристально огляделся в поисках кнопки, которая изнутри открывает багажник. Нашел.

Крышка отскочила, первым подоспел Гленн Брэнсон. Взглянул и обомлел.

— Вот дерьмо!.. — выдохнул он.

91

Сидя в гудящем от людей зале ожидания у выхода на посадку № 47, Карли взглянула на часы, потом на двух женщин, служащих компании «Бритиш эруэйз», болтавших за стойкой. Время от времени звучит звоночек, оглашается краткое объявление. Последние предупреждения о посадке на другие рейсы. Она снова взглянула на часы. 8:22. Ее самолет отправляется через двадцать минут, а посадка еще даже не началась. Что происходит?

Она вцепилась в сумочку, придвинула к себе саквояж. В багаж ничего не сдала, чтобы дома не случилось задержки. Колени дрожат, страшно хочется чаю, чего-нибудь съесть, хотя ничего проглотить невозможно.

Позвонила матери, которая чувствует себя едва ли не хуже, без конца сокрушается, что отправилась на обследование вместо того, чтобы поехать за Тайлером. Карли оглядела пассажиров и стала просматривать многочисленные сообщения на айфоне. В основном деловые. Ответы клиентов, дополнительная информация, которую она запросила. Записки от коллег. Шутливые послания друзей, еще не слышавших о Тайлере. Она их не читала, отчаянно надеясь случайно увидеть весточку от сына.

Рядом две супружеские пары средних лет, жизнерадостные американцы, отправляющиеся в Соединенное Королевство поиграть в гольф в выходные. Рассуждают о гольфе, отелях и ресторанах. Карли злится на обыденный треп. Ее сына похитили, а они серьезно обсуждают клюшки, лунки, прошлогодние проблемы с питьевой водой.

Она встала, направилась к стойке, осведомилась, вовремя ли отправится самолет. Ей ответили, что через пару минут начнется посадка.

Небольшое облегчение. Небольшое.

В сотый раз после выхода из отеля она заглянула в «Маппер». Пурпурная точка Тайлера упорно застряла на месте возле въезда на автостоянку на Ридженси-сквер.

«Почему? Зачем ты там?»

Дисплей затуманили слезы. Прошло больше часа после телефонного разговора с сержантом Брэнсоном. Может, перед посадкой еще позвонить?

Но детектив обещал сразу же сообщать новости и наверняка сдержит слово; кажется, он человек обязательный. А вдруг не дозвонится? Полет длится часов семь. Как, черт возьми, просидеть семь часов без известий?

Карли вновь просмотрела телефонные сообщения. Ничего нового. Ничего от сержанта Брэнсона. Поэтому набрала номер его мобильника и с облегчением услышала мгновенный ответ.

— Это Карли, — сказала она. — Я в аэропорту Кеннеди, сейчас посадка. Решила с вами связаться перед полетом.

— Э-э-э… хорошо. Все в порядке?

— Более или менее.

— Мы знаем время прибытия, и вас кто-нибудь встретит на выходе.

Голос звучит странновато, как будто он что-то скрывает. И куда-то торопится.

— Значит… никаких новостей?

— Пока нет, но надеемся, что скоро будут. Сейчас каждый полицейский в стране ищет Тайлера. Мы найдем его.

— Я просто подумала… знаете… если что-нибудь прояснится… сумеете передать… через пилотов?

— Конечно. С самолетами «Бритиш эруэйз» мы связываемся через сеть «Спидберд» в Нью-Йорке. Можем прислать сообщение в кабину экипажа. В самолетах, совершающих долгие рейсы, есть спутниковые телефоны. Как только что-нибудь прояснится, обязательно сразу же вам передам. Хорошо?

Карли поблагодарила и разъединилась. В ту же секунду услышала объявление о посадке, пристроилась с саквояжем в хвост быстро удлинявшейся очереди.

Семь часов.

Семь часов ожидания. Как их пережить?

Она протянула контролеру паспорт, посадочный талон, пошла дальше в тумане, одинокая и перепуганная, как никогда еще в жизни.

В плотной очереди в салоне самолета телефон неожиданно звякнул, сердце ёкнуло от внезапной надежды, Карли жадно всмотрелась в дисплей. Телефонная компания предупреждает, что лимит на международные переговоры почти исчерпан. Она уничтожила текст и нашла свое место, почти полностью занятое обмякшей разжиревшей тушей потного мужчины по соседству, вес которого опасно превышал пятьсот фунтов.

Если в этот день чего-нибудь недоставало, то подобное возвращение из ада с лихвой добавило. Карли втиснулась в остаток кресла, неудобно прижав к груди локти, сжавшись в тугой комок, объятый страхом.

Она боялась больше никогда не увидеть Тайлера живым.

92

В полной темноте болит голова. Он ничего не видит, не может шевельнуть ни руками, ни ногами. Испуган, растерян, знает, что это не игра, а что-то очень плохое.

Понимает, что куда-то едет. Движется. Раздражает сильный запах коврового покрытия, пластика, новой машины. Такой же он чувствовал недавно в новеньком автомобиле матери своего приятеля. Еще пахнет резиной. Должно быть, он в багажнике машины. Того самого такси? Машина тормозит, ускоряется. Шевельнуть можно только коленями, чуть согнуть, разогнуть. Он постарался найти опору, но его швырнуло назад, бросило на что-то твердое.

Хотел докричаться до водителя, спросить, кто тот такой и куда они едут, а рот не открывается, выходит только глухое мычание.

После того как домой явились полицейские, мама после ухода приятелей зашла к нему в комнату, рассказала, что злые люди задумали плохое. Если увидишь незнакомых людей рядом с домом, надо звонить в полицию.

Теперь его везет куда-то злой человек?

По крайней мере, в кармане пиджака включенный айфон. «Маппер» сообщает маме, где он находится. Она точно знает и скажет полиции. Бояться нечего — его найдут.

Только лучше бы поскорее, потому что не хочется пропускать сегодняшние занятия по информационным технологиям. И потому что плохо в темноте, и нельзя шевельнуться, и руки болят. Но все будет хорошо.

93

Грейс бросился к багажнику в ту же секунду, как над ним склонился Брэнсон.

Там в смертном ужасе лежит мужчина, от которого несет застарелой мочой. Мясистое лицо бледное, обмякшее. Руки, ноги и рот замотаны липкой лентой, такой же, какой был связан Прис, отметил Грейс, предъявляя несчастному удостоверение, чтобы его успокоить.

— Полиция. Не бойтесь, вы в безопасности, сейчас мы вас вытащим. — Оглянулся на Брэнсона и на подскочившую Сью Карпентер. — Сначала снимем с губ пластырь. Сью, вызывайте «скорую», волонтеров, розыскную бригаду, пусть принесут воды, чаю, если найдется. Закрыть этот этаж и лестницу на случай, если преступник с мальчиком уходили пешком.

— Есть, сэр.

Грейс с предельной осторожностью отодрал краешки липкой ленты. Без перчаток было бы легче. Он понимал, что причиняет боль, и в то же время старался сохранить максимум материала для криминалистического анализа.

Когда лента была удалена с губ, мужчина завопил.

— Прошу прощения, — пробормотал Грейс. Пластырь обмотан вокруг головы, прихватывая волосы на затылке, лишних страданий причинять не хочется. — Майк Говард? — уточнил он, держа в руке конец липкой ленты.

— Да… Господи боже мой, чертовски больно… — простонал мужчина и улыбнулся.

— Извините. Сейчас мы вас вытащим. Есть травмы? Болит где-нибудь?

Таксист затряс головой:

— Вытаскивайте.

Майк Говард крупный здоровяк. Вдвоем с сержантом Брэнсоном им с трудом удалось подтащить его к краю багажника, освободить руки-ноги, по возможности снять пластырь с затылка. Наконец, они поставили его на ноги, немного поводили, поддерживая, чтобы восстановилось кровообращение в спине и ногах. Однако шофер сильно задыхался, поэтому вскоре его посадили на задний бампер.

— Можете рассказать, что случилось? — мягко спросил суперинтендент.

— Извиняюсь, — выдавил таксист, — не стерпел, обмочился…

— Ничего, не смущайтесь. Рассказывайте.

— Сколько времени?

— Половина второго, — ответил Гленн Брэнсон.

— А день какой?

— Пятница.

Шофер нахмурился.

— Пятница? Ночь?..

— День. Обеденное время.

— Черт побери!..

— Долго пролежали? — допытывался Грейс.

Майк Говард громко выдохнул.

— Откатал вечернюю смену. Только к дому направился около часа ночи, как меня остановил тот самый тип на набережной.

— Где именно?

— Прямо возле статуи Мира. Сел на заднее сиденье, велел ехать в Шорэмский аэропорт, вроде у него ночное дежурство. Я свернул на окружную, и больше ничего не помню.

Известно, что окружная дорога не освещается.

— Совсем ничего?

— Очнулся от тряски… Унюхал дизельное топливо… Понял, что лежу в багажнике. Струхнул до смерти, не знал, что дальше будет.

— Разглядели того человека, запомнили? — расспрашивал Рой.

— Бейсболка на глаза напялена… Я старался в лицо заглянуть, знаете, как обычно, когда сажаешь клиента на улице в позднее время… Ничего толком не разглядел.

Грейс с облегчением констатировал, что таксист начинает приходить в себя.

— А произношение?

— Да он мало чего говорил. По-моему, англичанин. Воды у вас нет?

— Сейчас принесут. Еще что-нибудь нужно?

— Лекарство. Я диабетик.

— «Скорая» прибудет с минуты на минуту, поможет. Еще чуть-чуть продержитесь?

Майк Говард кивнул, Грейс продолжил допрос:

— По нашим предположениям, ваш пассажир похитил ребенка, поэтому его срочно надо найти. Хорошо понимаю, как вы пострадали, но нам очень поможет все то, что вам запомнилось.

Таксист подался вперед, распрямился, притопнул одной ногой и другой, простонал:

— У-у-у… жуткие судороги… попробую вспомнить… маленький, тощий, как ящерка… Даете слово?

— Какое?

— Когда найдете, позволите взять с него плату за ездку и врезать как следует в самое драгоценное место?

Грейс усмехнулся впервые за долгое время:

— Возьмешь плату и врежешь, даже если не позволю.

— Точно, друг, даже не сомневайся.

— Кому-нибудь сообщить, что вы живы-здоровы? — вмешался Гленн Брэнсон.

Рой взглянул на часы. 13:20. Тайлер Чейз сел в такси почти два с половиной часа назад. Зачем его привезли на стоянку на Ридженси-сквер? Предположительно у похитителя здесь стояла другая машина — хорошо бы, чтоб «тойота-ярис». На стоянке удобно оглушить мальчишку и сменить автомобиль. Тем более что камеры выведены из строя. Пусть инспектор Карпентер винит грязных брайтонских вандалов, но ему-то ясно: тут просматривается почерк профессионального киллера.

Суперинтендент произвел мысленные расчеты. На набережной адская пробка из-за ремонтных работ. Поэтому дорога от школы Святого Христофора до парковки на Ридженси заняла пятнадцать-двадцать минут, если преступник с жертвой направился прямо сюда. Отморозок явно любит снимать умирающих. Значит, логично предположить: здесь он действовать не будет. Повезет ребенка в подходящее место для съемки. Причем представление будет весьма драматичным. Только где оно разыграется?

В границах города или за его пределами?

Рой снова просчитал время. Если гад привез сюда мальчишку примерно в 11:20, то, скорее всего, не мешкал и выехал со стоянки через несколько минут. Определенно не позже чем через полчаса.

Навстречу бегут парамедики из подкатившей «скорой» в сопровождении патрульного полицейского. Грейс посторонился, потянул за собой Гленна Брэнсона.

— Поехали отсюда.

— Куда?

— В машине объясню.

94

Зуб, строго соблюдая ограничение скорости до 30 миль в час, вел «тойоту-ярис» на запад по главной дороге над Шорэмской гаванью, глядя на тихие воды слева, где

завершилась последняя поездка Ивена Приса, и не заметил, как светофор на развилке переключился на красный.

Он с силой ударил по тормозам, услышал стук в багажнике, визг покрышек и на секунду представил, как в него врезается идущая следом машина.

Еще больше встревожил внезапный вой сирены. Навстречу летит патрульный автомобиль с синей мигалкой. Он внимательно проследил за ним в зеркало, но полицейские промчались дальше, либо не заметив его, либо не заинтересовавшись. Он с облегчением двинулся мимо производственных построек слева, пока не увидел приметное низкое белое здание администрации порта.

Повернул на узкую дорогу напротив, проехал современный магазин на углу, торгующий кухонным оборудованием, дальше пошли совсем гнилые постройки, впереди показался туннель под железной дорогой. Снова свернул направо в беспорядочную промышленную зону с хорошо запомнившимися невысокими многоквартирными домами. Кажется, ничего тут не изменилось.

Слева массивная грязная типография, вдоль дороги выстроились машины. Здесь его никто не заметит — если даже заметит, не заинтересуется.

Уже совсем близко место, подмеченное шесть лет назад, — широкая полупустая стоянка за обветшавшим десятиэтажным жилым домом, огражденная с двух сторон потрескавшимися стенками, с третьей деревянным забором, а с дальней примыкающая к корпусу.

Зуб въехал туда задом, плотно прижался к стенке, посидел, съел сэндвич с курицей, купленный раньше на заправочной станции, запил клюквенным соком, вылез, запер дверцы, низко нахлобучил бейсболку, надел темные очки, оглядел грязные окна, отыскивая любопытные лица, но видя только болтавшееся на ветру белье на нескольких балконах. Постоял у машины, прикидываясь, будто осматривает задние покрышки, прислушиваясь, не шумит ли пассажир.

Услыхав стук, сердито рванул крышку багажника, взглянул в перепуганные глаза за очками. Крепко связанному мальчишке не за что удержаться. Может, надо было сломать ему спину и обездвижить, только тогда пришлось бы тащить на руках, что рискованно. Поэтому Зуб сказал:

— Еще раз стукни, и тебе конец. Понял?

Парень кивнул.

Крышка захлопнулась.

95

Тайлер очень сильно боялся нехорошего злого мужчину в бейсболке и темных очках, но и сам тоже злился. Руки больно связаны, правую ногу свела судорога. Он изо всех сил прислушивался к затихавшему хрусту шагов.

Когда водитель вылез, машина качнулась, с тех пор не колышется — значит, он не вернулся в кабину. Куда-то ушел.

Надо бы выяснить, сколько сейчас времени и что это за место. В открывшийся ненадолго багажник проник дневной свет. Тайлер разглядел облупленную стену, окна, которые можно увидеть в любой части города. Однако мгновенно узнал свежий воздух с привкусом соли, смешанный с запахом распиленных досок, выхлопных газов и всяких других промышленных запахов. Значит, рядом гавань. Скорее всего, это Шорэмский порт.

Дневной свет был не яркий, но и не вечерний; пожалуй, как в пасмурный день, когда вот-вот пойдет дождь.

Его скоро найдут. Мама видит в айфоне. Может быть, позвонит, хоть ответить нельзя.

Тут нахлынула паника. Вдруг машина стоит на огромной забитой парковке? Как ее тогда отыщут?

Тайлер воинственно с силой ударился в стенку багажника. Еще раз. И еще. Бился, пока не устал. Кажется, никто не слышит.

И все-таки его скоро найдут. Обязательно.

96

Грейс с Брэнсоном взлетели на третий этаж полицейского участка на Джон-стрит, откуда ведется круглосуточное видеонаблюдение.

В просторном помещении с синим ковровым покрытием и синими креслами находятся три рабочие станции с многочисленными мониторами, на которых постоянно крутится калейдоскоп живых картинок из разных районов Брайтона и других мест в Суссексе; здесь же просматриваются записи со всех полицейских камер наблюдения в графстве; непрестанно постукивают клавиатуры, пищат телефоны.

В двух отсеках сгрудились контролеры в наушниках. Один деловито следит за текущей полицейской операцией, другие оглянулись, приветствуя суперинтендента с сержантом. На лацкане легкого черного пиджака сорокалетнего мужчины со свежим лицом и аккуратно причесанными темными волосами именная табличка с надписью «Джон Памфри». Через пару секунд явился старший суперинтендент Грэм Баррингтон, «золотой» командир — высокий худощавый мужчина лет пятидесяти пяти, подтянутый, спортивный, регулярно пробегающий марафонскую дистанцию, в белой рубашке с погонами, черных брюках и туфлях, с рацией в одной руке и с прицепленным к поясу телефоном.

— Джон, — сказал он, — где ближайшие камеры возле парковки на Ридженси-сквер?

— Одна прямо напротив, — ответил Памфри, — только безнадежно, сплошные помехи. — Он застучал по клавишам, и по одному монитору сразу побежали волны.

— Давно это? — прищурившись, уточнил Грейс.

— Как минимум с год. Без конца прошу исправить. Никто не реагирует. Еще есть с востока и с запада — откуда надо?

— Давайте быстренько прикинем, — задумался суперинтендент. — С парковки на Ридженси-сквер выезд либо налево на набережную по Кингс-Роуд, либо вокруг на Вестерн-Роуд, что неудобно. — Часть Вестерн-Роуд выделена исключительно для автобусов и такси. Вряд ли похититель рискнул, его могли там задержать. — Можно задать кое-какие параметры. Необходимо просмотреть записи, зафиксировавшие машины, которые сегодня ехали по Кингс-Роуд рядом со стоянкой на Ридженси к востоку и западу с одиннадцати пятнадцати до одиннадцати сорока пяти. В первую очередь ищем темно-серую «тойоту-ярис» с закрытым четырехместным кузовом. За рулем мужчина, в салоне, возможно, двенадцатилетний мальчик.

— Давайте, работайте, — распорядился Грэм Баррингтон. — Если что понадобится, только скажите.

Грейс поблагодарил «золотого» и стал смотреть на экран вместе с Брэнсоном через плечо дежурного инспектора.

— Модель «ярис» весьма популярная, сэр, — заметил Памфри. — Ежегодно продается больше семи с половиной тысяч темно-серых машин. Наверняка немало увидим.

— Для начала отметим пять первых, — решил Грейс. — Если свернут влево, значит, пошли дальше к востоку, хотя, может быть, недалеко, до кругового поворота на запад. Давайте сначала взглянем на восток.

На мониторе почти сразу возникла темная «тойота-ярис», двигавшаяся к востоку в конце Вест-стрит. Камера установлена на южной стороне улицы.

— Стоп! — крикнул Брэнсон. — Можно увеличить?

Джон Памфри стукнул по клавишам, кадр укрупнился, появилось крупнозернистое изображение водительской дверцы и кабины, в которой виднеются две пожилые дамы.

— Дальше, — приказал Грейс.

Просмотрели быстро мелькавшие картинки с суетливо дергавшимися машинами.

— Стоп!.. Назад! — вдруг воскликнул суперинтендент.

Запись перемоталась.

— Так… вот!

В темно-серой «тойоте-ярис», кажется, один водитель. На таймере 11:38.

— Увеличьте, пожалуйста.

Зернистое изображение на этот раз похоже на мужчину, лицо которого практически скрыто под низко надвинутой бейсболкой и темными очками.

— Не такое уж яркое солнце, чтоб носить очки, — заметил Памфри.

— Что сказала школьная учительница? — обратился Грейс к Брэнсону. — Таксист был в бейсболке. И тот, кто взял напрокат машину в агентстве «Авис»! — В крови запульсировал адреналин. Рой повернулся к Памфри: — Получше нельзя сделать?

— Можно, но на это уйдет время.

— Ладно, давайте дальше. Номера разглядим?

Памфри пустил покадровое изображение.

— Гольф-виктория… ноль-восемь… дабл-ю… дельта-хвост, — по складам прочел Брэнсон, а Грейс записал.

— Хорошо… можно проверить по камерам автоматической регистрации номеров?

— Да, сэр, — кивнул Памфри.

Просмотр продолжился, суперинтендент все больше волновался, снова видя ту же «тойоту», которая уже двигалась к западу.

— Развернулся у Дворцового пирса, — заключил он. — Где следующая камера?

— Кроме слепой у въезда на стоянку на Ридженси, в миле к востоку, на Брунсвик-Лаунс.

— Посмотрим.

Через пять минут — значит, при строго выдержанном скоростном режиме, с остановками перед парой светофоров и задержкой на участке ремонтных работ, — опять появилась машина, идущая в том же направлении.

— А дальше?

— В ту сторону это последняя камера наблюдения в городе, сэр, — объявил Памфри.

— Хорошо, проверим, засекались ли номера нынче утром с одиннадцати пятнадцати. Где первая камера к западу оттуда?

Памфри перешел к другому компьютеру, ввел данные. Рой заметил на столике рядом его недоеденный завтрак — пустая пластмассовая упаковка, срезанная спиралью кожица апельсина, неоткупоренная бутылочка йогурта. Здоровая еда — конечно, в зависимости от начинки сандвича.

— Вот… Одиннадцать сорок пять. Конец Баундери-Роуд в Хоуве на пересечении с Кингсвей.

На экране появился снимок спереди темно-серой «тойоты-ярис» с хорошо видными номерами, но с почти неразличимым водителем за мутным стеклом. Впрочем, пристально присмотревшись, можно разглядеть бейсболку и темные очки.

— Лицо нельзя поправить? — спросил сержант Брэнсон.

— В зависимости от освещения, — пояснил Памфри. — Автоматические камеры специально рассчитаны на номера, не на лица. Если желаете, отошлю, попрошу увеличить.

— Оба кадра, пожалуйста, — кивнул Грейс. — Взяла одна эта камера?

— Сегодня работает только одна.

Рой поразмыслил. Водитель старается не нарушать правил, не хочет, чтобы его остановила полиция с похищенным ребенком. Значит, двигался на восток до конца Кингс-Роуд, развернулся у Дворцового пирса и вернулся обратно. С учетом расстояния и задержек перед светофорами время точно укладывается в интервал после засечки номеров на Кингс-Роуд.

Сейчас «тойота» находится возле Шорэмской гавани, ближе к Саутвику. Садист наверняка хорошо знает этот район. Многие преступники делают свое дело в знакомых удобных местах. Возникает новая линия расследования — надо поручить Дункану Крокеру поднять в архивах все прежние акты насилия в тех самых местах. Но сначала, глядя на застывшее на мониторе изображение автомобиля со смутным силуэтом водителя, Грейс запросил данные о машине.

Почти немедленно пришел ответ: зарегистрирована на имя Барри Саймонса, проживающего в Уортинге в Западном Суссексе, милях в пятнадцати к западу от Брайтона. Волнение угасло. Все совпадает — водитель направляется к дому. Остается единственная надежда, что «тойота» остановилась где-то в районе Шорэмской гавани или в Саутвике. Он уже собрался звонить «золотому», чтобы направить туда вертолет и перекрыть район, когда телефон сам зазвонил.

— Рой, — сказал Дункан Крокер, — мы нашли «тойоту-ярис» с номерами, снятыми на станции обслуживания «Пагнелл» в Ньюпорте с машины двадцатисемилетней женщины, задержанной под Брентвудом. Она идет к северу от Брайтона по двадцать третьему шоссе.

97

Тайлер вновь попытался брыкнуться. Машина ответила гулким металлическим звуком.

А вдруг водитель не вернется?

Он читал один рассказ — книжка, кажется, называется «Оседлавший бурю», — где героя закрыли в багажнике, и тот чуть не задохнулся. Долго можно так пролежать? Есть какой-нибудь острый угол, чтоб сорвать пластырь?

Тайлер попробовал перевернуться, как следует оглядеться, но тесный багажник полностью покрыт ковром. Часы на руке светятся, хотя циферблата не видно. Счет времени потерян. Неизвестно, давно ли ушел мужчина, день сейчас или ночь. Если он не вернется, когда кто-нибудь обратит внимание на брошенную машину?

Вдруг вспомнился айфон. Не забыла ли мама про приложение? Работает ли «Маппер» в Америке, чтобы она по-прежнему видела, где он находится? Она ему приказывает держать его включенным, а сама частенько забывает. Плоховато разбирается в технике.

Может, надо стучать — кто-нибудь пройдет мимо, услышит. Но страшно. Если плохой мужчина вернется, то сильно рассердится. Тайлер решил чуть-чуть обождать и тут же услышал быстрые скрипучие шаги. Машина слегка накренилась.

Кто-то сел в кабину.

98

В просмотровом зале Рой Грейс пристально разглядывал фронтальный снимок темно-серой «тойоты-ярис» на знакомом отрезке шоссе A23 к северу от Брайтона. К его разочарованию, лобовое стекло еще мутнее, чем в подобной машине у Шорэмской гавани на предыдущем кадре. Внутри ничего не видно, ни тени, ни силуэта, никакого намека на количество людей в салоне.

Брэнсон немедленно проинформировал «золотого» и теперь прислушивался к рации.

Грейс велел Джону Памфри поставить на этой «тойоте» общенациональный маркер «пристальное внимание», ни в коем случае не желая рисковать. Присел на минуту, стиснув кулаки. Возможно, в конце концов это она.

— Какие камеры стоят на двадцать третьем? — спросил он.

— Только для автоматической регистрации номеров. Следующая в Гатуике, если он и дальше поедет на север.

Волнение соседствует с унынием. Хорошо бы быть там, на дороге, когда темно-серый автомобиль остановят. Памфри вывел на один монитор дорожную карту, показывая расположение двух автоматических камер. У подозреваемого масса возможностей свернуть с А23. Но если повезет, его обязательно с вертолета заметят.

Грейс повернулся к монитору с машиной, отснятой по пути на восток по набережной, зарегистрированной на имя Барри Саймонса. Ради предосторожности позвонил в управление и поручил ответившему Нику Николлу разыскать владельца, чтобы точно выяснить, ехал ли он сегодня утром в своей машине вдоль берега в Брайтоне.

Судя по нынешнему положению подозреваемого на шоссе А23, камера в Гатуике засечет его примерно через двадцать пять минут. По рации слышно, как идет дело. Поистине оперативно. Вертолет, тоже оснащенный камерами автоматической регистрации номеров, будет на месте через девяносто секунд. Одна полицейская машина без опознавательных знаков уже на шоссе, примерно в двух милях от цели, еще две идут за ней на некотором расстоянии. В погоне за похитителями детей по мере возможности используются обычные машины. Тогда преступник не ударится в панику, как при виде патрульного автомобиля, и не бросится удирать вместе с жертвой на головокружительной скорости. Если одна машина без опознавательных знаков пойдет впереди, другая позади и еще одна сбоку — предпочтительно две с обеих сторон, — можно взять подозреваемого в «коробочку» так, что он даже не догадается.

— Гленн, мне надо вернуться в Суссекс-Хаус, — сказал Грейс.

— Мне тоже, — ответил Брэнсон.

— Могу переслать все картинки к вам в отдел, — предложил Джон Памфри.

Грейс поблагодарил и вышел вместе с сержантом. По дороге к машине у него зазвонил телефон. Инспектор Сью Карпентер со стоянки на Ридженси-сквер сказала:

— Сэр, не знаю, имеет ли это значение, но, как я понимаю, на эту стоянку указывает сигнал с телефона пропавшего мальчика?

— Да, — подтвердил Грейс с новой надеждой. — Если у него включен навигатор, то он приведет нас к нему.

— К сожалению, сэр, в мусорном баке рядом с такси на парковке только что обнаружены обломки айфона.

99

Садясь в машину, Грейс распорядился, чтобы Сью Карпентер немедленно сняла с осколков отпечатки, поискала следы обуви и сразу отправила все в отдел высоких технологий. Отпечатки должны быть посыпаны порошком и проявлены за полчаса. На данном этапе анализ сообщений на айфоне гораздо важнее криминалистических доказательств.

Повернув налево с крутого холма, он сказал Брэнсону, который выслушивал по рации указания:

— Все стараюсь осмыслить мотив. Гад забрал ребенка, потому что не добрался до матери?

— То есть она неожиданно улетела в Нью-Йорк, а парнишка ее ближайший родственник? Это ты имеешь в виду?

— Да, — подтвердил Грейс. — Или это входит в изначальный план?

— Что ты хочешь сказать?

— Похоже, он все планирует. Ничего не оставляет на волю случая. По-моему, Карли Чейз, улетев в Штаты, сильно ему облегчила похищение мальчика.

Брэнсон кивнул и взглянул на часы.

— Больше шести часов до прибытия.

— Может быть, встретим ее с хорошими вестями.

— Я обещал сообщить ей на борт, как только что-нибудь узнаем.

— Если повезет, с минуты на минуту узнаем, — сказал Грейс с тоскливой улыбкой и взглянул на часы на приборной панели.

Половина третьего. Надо что-нибудь съесть, хотя нет аппетита и не хочется тратить драгоценные минуты, куда-нибудь заезжая. Он пошарил в кармане, выудил батончик «Марс» в сильно помятой обертке, пролежавший там несколько дней.

— Не ел еще сегодня. Ты голодный? — обратился он к Брэнсону. — Хочешь, поделим?

— Умеешь обрадовать человека, старик, — кивнул Гленн, сдирая обертку. — Шикарный бесплатный ланч с Роем Грейсом. Половина завалявшегося батончика «Марс»! Таскаешь в кармане со школьных времен?

— Пошел ты!..

Сержант разломил батончик пополам, протянул кусок побольше другу, который сразу затолкал его в рот.

— Наверняка не видел тот фильм, где…

Зазвонил телефон. Суперинтендент, держась на большой скорости, переключился на громкую связь, и оба детектива услышали голос инспектора Тревора Барнса, новоиспеченного «серебряного», опытного и методичного старшего следователя, занимавшегося, как и Грейс, множеством тяжких преступлений.

— Рой, — сказал он, — мы только что остановили «тойоту-ярис» на двадцать третьем на развязке у Кроли.

Грейс, с полным ртом вязкой сладкой массы, радостно ударил кулаком по рулю.

— Блестяще! — крикнул Брэнсон.

— Неужели это Гленн? — переспросил Барнс.

— Я. Мы в машине. Какова ситуация?

— Ну, — ответил Барнс без особого энтузиазма, хотя говорить невозмутимо и слегка озабоченно — его всегдашняя манера, — не уверен, что взяли того, кто нам нужен.

— Объясните, пожалуйста, — попросил Грейс, слегка смущенный тоном «серебряного», и остановился перед светофором.

— Вряд ли преступнику восемьдесят четыре года…

— Что вы хотите сказать? — Сердце оборвалось.

— «Тойота-ярис» номер янки-дельта-пять-восемь-виктория-джули-клио, верно?

Грейс вытащил блокнот, заглянул.

— Да. Это номер, снятый на стоянке «Пагнелл» в Ньюпорте, которым, по нашему мнению, пользуется подозреваемый.

— Водителю этой «тойоты» восемьдесят четыре года, с ним жена, которой восемьдесят три. Машина принадлежит им, а номера другие.

— Другие? — переспросил Рой. Светофор переключился, и он поехал.

— Чужие. Хоть водитель старик, у него все шарики на месте. Свой номер наизусть знает. Похоже, кто-то поменял.

— Откуда он едет? — уточнил Грейс, кажется, уже зная ответ.

— Они были в Брайтоне. Дышали морским воздухом, возили собаку побегать на пирсах. Такой у них обычай. Держат рыбный ресторанчик в Арче.

— Сейчас угадаю, где оставляли машину. На парковке на Ридженси-сквер?

— Точно. В «Мастермайнд»[19] никогда не участвовали?

— Всего один раз, когда мозги работали. Диктуйте их собственный номер, который увели.

Брэнсон записал.

Грейс молча вел машину, думая о киллере с невольным восхищением. Умная сволочь, кем бы он ни был. И явно с чувством юмора.

Опять запищал телефон, Ник Николл озадаченно доложил:

— Шеф, я насчет владельца машины, которого вы мне велели проверить, Барри Саймонса…

— Слушаю, спасибо…

— Только что с ним разговаривал. Послал людей по адресу, те обратились к соседу, который знает, где он работает, и в фирме мне дали номер мобильника.

— Хорошо.

Констебль замешкался.

— Вы просили узнать, ехал ли он нынче утром по Кингс-Роуд мимо развязки на Кингсвей и Баундери? Номер гольф-виктория-ноль-восемь-дабл-ю-дельта-хвост?

— Правильно.

— Он немножко смутился, сэр. Они с женой в данный момент валяются на пляже в Лимасоле на Кипре. Отдыхают почти две недели.

— Никто не мог в их отсутствие взять машину?

— Нет, — заверил Ник Николл. — Они ее оставили на долгосрочной стоянке в аэропорту Гатуик.

Грейс круто вильнул к обочине и остановился.

— Ник, поставьте на этот номер маркер «пристальное внимание» и введите данные в базу — мне нужны все записи с камер регистрации номеров с того момента, как Барри Саймонс приехал в Гатуик, до нынешнего.

Рой включил мигалку и сирену, повернулся к Брэнсону:

— Едем в Шорэм.

— Давай я поведу, — предложил сержант.

— Спасибо. Я должен остаться живым, чтобы помочь Тайлеру Чейзу.

100

Зуб сидел в «тойоте» на стоянке за многоквартирным домом. Кругом те же машины, что были тут час назад, когда он уходил на разведку. Еще только середина дня; возможно, площадка заполнится, когда люди вернутся с работы. Хотя в прошлый раз, шесть лет назад, она не заполнялась. И окна дома с тех пор, видно, не мылись. Может, там живут одни старики. Может, все уже умерли.

Он уставился на полученный текст, из-за которого раньше вернулся в свою машину. Всего одно слово — «перезвони».

Вытащил из трубки сим-карту, как обычно, расплавил над зажигалкой. Потом выбросит. Вытащил из сумки еще неиспользованный мобильник, набрал номер. Рики Джордино ответил сразу.

— Просили перезвонить.

— Чего тянул так долго, мистер Зуб?

Он не ответил.

— Слушаешь, мистер?..

— Да.

— Слушай. У нас в семье другая трагедия, и снова из-за той самой миссис Чейз. Моя сестра погибла, теперь *я* твой клиент, понял? Теперь на *меня* работаешь. Я хочу, чтобы той самой женщине было больно. Чтоб она эту боль никогда не забыла, понятно?

— Делаю все возможное, — сказал Зуб.

— Слушай. Я плачу миллион баксов не за возможное. Понял? Я плачу за невозможное. За то, чего еще не делал. За другое, понятно? За творческую фантазию. Удиви меня. Чтоб я упал в обморок. Покажи, что можешь взять за яйца.

— За что? — переспросил Зуб.

— За яйца. И на видео сразу сними для меня.

— Завтра, — сказал Зуб, разъединился, сжег сим-карту и закурил. Не нравится ему этот тип.

Он не любит жестокость.

101

Рой Грейс выключил сирену и мигалку, проезжая мимо Хоувской лагуны с мелкими искусственными оздоровительными прудами за детскими площадками. Выше на променаде стоит длинный ряд пляжных кабинок, обращенных к морю.

Лагуна заканчивается у Олдрингтонской бухты на восточном краю Шорэмской гавани, откуда до пригорода Шорэм несколько миль по дороге через промышленную и портовую зону. Грейс сбросил скорость, приближаясь к развязке на Баундери-Роуд. Ткнув пальцем в лобовое стекло, он сказал:

— Вот камера, которая засекла утром номера Барри Саймонса.

Из рации раздался голос Ника Николла.

— Шеф, я получил информацию о «тойоте-ярис» гольф-виктория-ноль-восемь-дабл-ю-дельта-хвост. Получается что-то странное, поэтому я добавил еще две недели и получил все кадры за прошедший месяц. За две первые недели ее регулярно засекали камеры утром по дороге из Уортинга в центр Брайтона и вечером обратно. В воскресенье утром как раз две недели назад она проследовала из Уортинга в Гатуик.

— Соответствует показаниям Саймонса, — заметил сержант Брэнсон. — Отправляясь на Кипр, он оставил машину на долгосрочной стоянке в аэропорту.

— Да, — подтвердил констебль Николл. — А потом начинается полная белиберда. Сегодня утром ее засекла камера наблюдения на набережной в конце Вест-стрит и другая на Баундери-Роуд. Она шла на восток. Как попала из аэропорта на Кингсвей, неясно. Даже если ехала из Гатуика прямо в Брайтон, ее взяла бы камера на двадцать третьем шоссе, и другая на подъезде к городу, и в самом Брайтоне…

— Если она не выехала со стоянки на Ридженси-сквер, — задумчиво вставил Грейс. — Могла выехать на Кингс-Роуд, повернуть налево на набережную и поэтому дважды проехала мимо камеры наблюдения в конце Вест-стрит — один раз к востоку, другой через несколько минут к западу. Потом попала в камеру на Брунсвик-Лаунс, потом в эту.

— Вы меня не поняли, сэр, — сказал Ник Николл. — Это не объясняет, как машина попала из Гатуика на стоянку на Ридженси.

— Она туда не попадала, — объяснил Грейс. — Просто наш подозреваемый ловко фокусничает с номерами. Мы считаем, что он взял напрокат «тойоту-ярис» в агентстве «Авис» в аэропорту. Готов спорить на деньги, что мистер и миссис Саймонс, вернувшись с

Кипра, не увидят своих номеров на машине. Неплохая работа. Есть еще записи после Баундери-Роуд?

— Нет, сэр.

Значит, либо машина стоит на какой-то стоянке, либо киллер опять поменял номера.

Рой разъединился и сразу же перезвонил Грэму Баррингтону с новостями.

— По-моему, он где-то в районе Шорэма. Только на это нельзя полагаться. Надо останавливать и обыскивать каждую «тойоту-ярис» темного цвета на расстоянии трех часов езды от Брайтона.

— Уже начали.

— И бросить все силы в Шорэмскую гавань и ближайшие окрестности.

— Район слишком большой.

— Знаю. Надо осмотреть каждое уходящее судно, каждый самолет, отправляющийся из Шорэмского аэропорта. Канал необходимо проверить до прилива — вход мелкий, при отливе с обеих сторон собирается много судов. Это я как моряк помню.

— Понял. Вы сейчас где?

— В конце Баундери-Роуд с сержантом Брэнсоном, там, где в последний раз засекли подозреваемого. По-моему, можно задать начальные параметры поиска в радиусе полумили к западу от этой камеры.

— В гавани и на земле?

— Да. Осмотреть каждый дом, все постройки, гаражи, сараи, производственные помещения, суда, лодки. Городских камер здесь нет, поэтому надо искать торговые точки, где они установлены. Машина не растаяла в воздухе, ее кто-нибудь видел, поймала какая-то камера.

— Позвольте уточнить еще раз: машина засечена в конце Баундери-Роуд на пересечении с Кингсвей и шла к западу?

— Верно, Грэм.

— Положитесь на меня.

Известно, что «золотой», которого Грейс особенно уважает, перевернет каждый камень. Можно предоставить дело Баррингтону, вернуться в Суссекс-Хаус, помочь своей команде, приготовиться к вечернему совещанию. Хорошенько приготовиться, ибо на нем будут присутствовать главный констебль Том Мартинсон и помощник главного констебля Питер Ригг. Однако не хочется прекращать поиски.

Киллер точно где-то в Шорэме. Если кто-нибудь спросит, откуда такая уверенность, Рой Грейс только пожмет плечами и сошлется на *чутье легавого* — слабоватый довод. А Гленн Брэнсон поймет. Поэтому приятель однажды достигнет профессиональных вершин, если переживет крушение семейной жизни.

Грейс свернул вправо при первой возможности и медленно поехал по запутанным улицам, мимо жилых домов и промышленных построек, ища иголку в стоге сена. Он твердил, как мантру, слова, сказанные когда-то отцом, тоже полицейским. Самая страшная ошибка — ничего не делать только потому, что почти ничего нельзя сделать.

102

Машина внезапно заколыхалась. Послышался громкий стук, будто захлопнулась дверца. Потом захрустели шаги.

Тайлер дождался, пока они совсем стихнут, и снова начал изо всех сил брыкаться, ударяя в крышку багажника ногами, правым плечом, головой, обливаясь потом, пока совсем не обессилел.

Он лежал и думал.

Почему его еще не нашли?

Включи «Маппер», мам! Вспомни!..

Где айфон? Должен быть где-то тут. Если б как-нибудь содрать пластырь со рта, можно было бы покричать. Тайлер перекатился на живот, потерся лицом, но кругом только ковровый ворс. Где-то должен быть острый край, обязательно. Прополз червем вперед, поднял голову — нет, один мягкий новый ковер, все равно что тереться о щетку.

Вдруг послышался скрежет. Машина! Он снова начал бешено толкаться. Сюда! Я здесь! Здесь!..

Хлопнули дверцы, заскрипели шаги.

И удалились.

103

За весь полет Карли не слышала ни слова от суссекской полиции. Каждый раз, как по проходу в ее сторону шел кто-то из членов экипажа, она надеялась получить сообщение. Уже 20:45. Тайлера нет почти десять часов.

Чувствуя себя все хуже с каждой минутой, она ничего не ела, только хлебнула воды на обратном пути из ада, съежившись на краешке кресла, почти полностью занятого ожиревшим мужчиной, от которого разит потом и непрерывно поглощаемой водкой с колой.

Она снова и снова обдумывала свое решение лететь в Нью-Йорк. Если б не полетела, сама забрала бы Тайлера из школы, и все было бы в порядке. Он сидел бы сейчас в своей комнате за компьютером, один или с друзьями, занимался коллекцией окаменелостей или музыкой…

Фернанда Ревир могла остановить убийцу, но погибла.

Лу Ревир очень страшный. В нем чувствуется беспощадная жестокость. С трезвой Фернандой можно было бы договориться, как женщина с женщиной. А с ее мужем нет. Никаких шансов. Особенно теперь.

Самолет остановился. Прозвенел звоночек, можно отстегнуть ремни; над головой открылись багажные секции. Люди встают. Карли тоже с облегчением избавилась от вонючего толстяка, вытащила из багажника пальто и сумку, поспешно позвонила матери, сообщая о приземлении, надеясь услышать какие-то новости. Новостей нет.

Через пару минут она раскланялась со стюардессами на выходе, проследовала за другими пассажирами в крытый туннель и сразу увидела среди встречающих высокую фигуру сержанта Брэнсона, рядом с которым стоит молодой незнакомый полицейский в форме и сержант Белла Мой.

— Ну что?.. — задохнулась Карли.

Брэнсон взял у нее сумку, отвел в сторону от потока пассажиров. Она взглянула на него, на сержанта Мой, на незнакомого полицейского, стараясь прочесть в их глазах хоть что-нибудь хорошее, но напрасно.

— К сожалению, ничего, — сказала Белла Мой. — Видимо, и у вас никаких новостей?

— Я всех его друзей обзвонила… родителей… перед полетом. Никто его не видел.

— Они искали в доме, в саду, в гараже?..

— Везде, — уныло подтвердила Карли.

— Как долетели? — спросил сержант Брэнсон.

— Ужасно.

— Одно хорошо, — сказал Гленн. — Мы определенно уверены, что Тайлер находится в Брайтоне и Хоуве. Скорее всего в Шорэме, Саутвике или Портслейде. У вас есть там родные, знакомые, к которым он мог убежать?

— От похитителя, вы хотите сказать?

— Да.

— Есть друзья, которые живут на Шорэм-Бич. Но Тайлер вряд ли знает адрес.

— Мы немедленно отвезем вас домой, — сказала Белла Мой, — и будем постоянно держать в курсе дела. — Она указала на полицейского в форме. — Это констебль Джексон из Столичной полиции,[20] аэропорт Хитроу в его юрисдикции, он любезно согласился срочно вас провести через иммиграционный контроль.

Карли поблагодарила и через пятнадцать минут сидела на заднем сиденье патрульной машины, выезжавшей через туннель из аэропорта. Гленн Брэнсон сидел за рулем, Белла на пассажирском сиденье.

— У нас много вопросов о Тайлере, — сказала она, оглянувшись на Карли. — Начнем сейчас или лучше доедем до дома?

— Сейчас. Вдруг что-нибудь срочно пригодится…

— Вы уже назвали фамилии и адреса его приятелей. Мы проверяем, с кем он еще общался вне этого круга по компьютеру и телефону.

— По айфону? — переспросила Карли. — Вы его нашли?

Лицо сержанта Мой заледенело. Она взглянула на Брэнсона, потом смущенно посмотрела на Карли.

— Простите… вам не сообщили?

— О чем? — Карли затряслась в ознобе и одновременно покрылась испариной. — О чем? — повторила она. — Что вы хотите сказать?

— Айфон нашли на подземной автостоянке… на той самой, которую вы указали по сигналу с «Маппера».

— Нашли? Что это значит?..

Белла Мой замешкалась, не зная, что можно сказать. Впрочем, мать имеет право знать правду.

— На земле обнаружены осколки… и сам аппарат в мусорном баке…

— Нет, — вымолвила Карли дрожащим голосом. — Нет… нет! Пожалуйста…

— Может, Тайлер его выронил, — предположил сержант Брэнсон, стараясь облегчить ситуацию, вселить во всех хоть какой-нибудь оптимизм. — Потерял, когда убегал. Пока будем надеяться, что он где-нибудь прячется.

В беспредельном отчаянии Карли выдавила:

— Только не это… Тайлер умница. Я думала, у него включен навигатор. Думала, он нас к нему приведет. По-настоящему надеялась…

Не в силах сдерживаться, она разрыдалась.

104

В половине десятого совсем стемнело, поднялся ветер, пошел дождь. Зуб с маленьким рюкзаком за спиной вернулся в Шорэм в «форде-фокус», который взял напрокат в агентстве «Сикст» неподалеку на Баундери-Роуд в Брайтоне, воспользовавшись другими документами. Проехал сбоку от многоквартирного дома на темную стоянку позади, свернул на свободное место рядом с «тойотой», выключил мотор и фары.

Настроение поганое. Как ни планируй, что-то не стыкуется. Кое-что невозможно учесть. В данном конкретном случае отлив и прилив. Даже в голову не приходило. Сейчас в рюкзаке карта и график, распечатанные полчаса назад в интернет-кафе. Он старательно изучил его и запомнил. Надо скорее увезти мальчишку. Кругом кишит полиция, похоже на массовую облаву. В четверти мили выше дорога перекрыта, но, кажется, интересуются только «тойотами».

Эта машина слишком опасна. Слишком опасно, что ее найдут. Поиск пока идет далеко, сюда доберутся не сразу, часа через полтора по прикидке, а то и через два. Надо позаботиться, чтобы ничего не нашли.

Зуб вылез из «форда», открыл багажник и метнулся к «тойоте».

Тайлер изо всех сил сдерживал позыв помочиться, который становился все сильнее. А еще ему отчаянно хотелось хотя бы смочить пересохший рот. Он услышал, как рядом остановилась машина. Он собрался снова брыкнуться, но багажник внезапно открылся с громким металлическим щелчком. В лицо ударил сырой свежий воздух, дневной свет уже погас, его сменила темнота с оранжевым отсветом.

Он разглядел в мерцающем луче фонарика очертания темной бейсболки, темные очки. Его пронзил страх. Если б можно было заговорить, может, мужчина дал бы воды и чего-то поесть?

Тайлер почувствовал, как его поднимают, на лицо капнул дождь, и он снова упал, больно ударившись. Место другое, со знакомым, но немного другим запахом.

Раздался стук, и опять воцарилась кромешная тьма. Он старался расслышать шаги, но вместо этого заурчал мотор. Машина запрыгала — значит, поехала. При резком ускорении его швырнуло назад, голова ударилась обо что-то острое. Он издал сдавленный крик, перекатился вперед — машина тормознула.

Под головой было что-то действительно острое. Он отполз назад, пока машина снова набирала скорость, уткнулся носом в заднюю стенку багажника, нащупал что-то торчащее. Что — неизвестно. Попробовал прижаться губами, содрать пластырь, но автомобиль сильно дергался, трудно удержаться.

Машина сбавила ход, начала разворачиваться. Тайлер перевернулся на бок. Последовал сильный толчок, голова опять ударилась о крышку, его снова бросило вперед.

Зуб внимательно оглядывался, съезжая с дороги над гаванью. Перевалив через бровку тротуара, машина запрыгала по траве. Надо отъехать достаточно далеко, чтобы машину не было видно с шоссе. Мимо пролетают огни фар, виден свет в домах через дорогу, почти на всех окнах задернуты шторы, опущены жалюзи.

Он остановился у небольшой ветхой постройки размерами с павильон автобусной остановки напротив массивного корпуса шорэмской электростанции за Олдрингтонской бухтой на дальнем краю гавани. Маленький домик сложен из кирпича, крыт шифером, снабжен ржавой железной дверью, запертой на большой ржавый висячий замок. Этот замок он повесил здесь в прошлый раз шесть лет назад. С тех пор явно никто сюда не заходил, и это хорошо. Заходить сюда незачем. Это место проклято, очень опасно, токсично. На крупной черно-желтой табличке изображение молнии и надпись: «Не влезать — убьет».

Вдали слышится вертолет. Почти весь день и вечер он летает вокруг. Руками в перчатках Зуб вытащил из рюкзака фонарик, который надевается на лоб, прикрепил к бейсболке, достал кусачки, купленные в хозяйственном магазине. Включил свет, перекусил дужку замка и выключил фонарик. Еще раз оглядел окна домов, вытащил мальчишку из багажника, занес в будку вместе с рюкзаком, закрыл дверь с гулким стуком.

Снова включил фонарь. Перед ним короткий пролет узкой бетонной лестницы, ведущий вниз между двумя кирпичными стенами. Внизу в темноте на мгновение вспыхнули красные глазки и сразу исчезли.

Зуб поставил мальчишку на ноги, чуть поддерживая, чтобы не упал.

— Писать хочешь?

Тот кивнул. Зуб помог, застегнув потом молнию. Потащил его вниз по ступенькам, сметая по пути паутину. Внизу оказалась решетчатая металлическая платформа с оградой и массой труб над головой и вдоль стен — почти все голые, совсем ржавые, только некоторые покрыты чем-то вроде осыпавшегося асбеста. Тихо, как в гробнице.

По ту сторону ограды шахта с металлической лестницей с перекладинами, которая тянется вниз вертикально на сто девяносто футов. Зуб взглянул на мальчишку, игнорируя умоляющий взгляд, наклонил его через ограду, посветил вниз фонариком в шахту. Мальчишка в ужасе выпучил глаза.

Зуб вытащил из рюкзака моток голубой сверхпрочной веревки, старательно обвязал ему лодыжки и опустил неглубоко. Парнишка забился в панике, жалобно мыча сквозь пластырь. Другой конец веревки Зуб привязал к поручням.

— Скоро вернусь, — сказал он. — Не брыкайся, а то упадешь.

105

Очки съехали на кончик носа. Тайлер запаниковал, что они свалятся в бездну, но хуже того — веревка соскальзывает, особенно с левой ноги. Голова кружится, ориентация утрачена полностью.

По носу ползет что-то крошечное. В лицо дует холодный сырой воздух со слабым омерзительным запахом гнили.

Веревка еще чуть подалась.

Тот мужчина вернется?

Где айфон? Остался в машине? Как же его отыщут без «Маппера»?

Веревка еще соскользнула. Очки тоже. Тайлер замер, изо всех сил напряг связанные ноги, чтобы удержаться. Что-то уже ползло по губам, защекотало ноздри. В голове шумно бьется кровь. Вдруг кто-то коснулся правого плеча.

Тайлер взвизгнул, и крик застрял в горле.

Он понял, что просто наткнулся на стену шахты. Он успел заметить в кратком свете фонарика, что стены не гладкие. Перекладины лестницы тоже. Может быть, даже острые. Раскачался с максимальной осторожностью, снова ударился в стену, потом больно в лестницу.

Есть!

Очки съехали ниже. Насекомое ползет по глазу.

Веревка на ногах еще чуть-чуть съехала.

106

На прошлой неделе здесь все прошло гладко. Темно, никто не видит, камеры отсутствуют. На дальней верфи только склады лесоматериалов, закрытые на ночь. Вода глубокая.

Кто-то сменил висячий замок на проволочной ограде. Зуб срезал его кусачками и распахнул ворота. Южный ветер поминутно крепчает, дуя прямо с беспокойной гавани. Ворота рывком захлопнулись. Он их снова открыл, сунул между створками старую канистру из-под машинного масла, валявшуюся рядом.

Потом вскочил в «тойоту-ярис», проехал по причалу мимо наклонного пандуса, заваленного мусором с прошлой недели. На том же месте стоит пригодившийся в прошлый раз автопогрузчик, который сейчас не понадобится.

Зуб вылез из машины, внимательно осмотрелся. Слышен плеск воды, далекое тарахтение моторной яхты, снова гул вертолета. Подсвечивая фонариком, он в последний раз оглядел салон, вытащил пепельницу, пошел к воде, выбросил окурки в темные волны. Удостоверившись, что ничего не осталось, приготовился, сделав несколько глубоких вдохов.

Подал машину немного назад, опустил все стекла, открыл крышку багажника. Снова сел за руль, оставив водительскую дверцу открытой, набрал скорость и рванулся к краю причала. В последнюю секунду выбросился из кабины, перевернулся на твердом покрытии, услыхав позади громкий плеск.

Поднялся на ноги, увидел плывущую машину, погрузившуюся до нижних краев окон, ныряющую передом и задом. Собрался включить фонарь, чтобы лучше разглядеть, как вдруг с досадой уловил треск мотора. Кажется, приближается. В бухте идет моторная лодка.

Зуб замер.

Вокруг машины пошли пузыри, начали громко лопаться. «Тойота» тонет. Нос почти под водой. Мотор трещит ближе.

Тони! Тони ко всем чертям… Давай!

Справа свет становится все ярче.

Тони!..

Лобовое стекло почти полностью скрылось в воде.

Тони!

Мотор еще громче. Свет быстро разгорается.

Тони!..

Крыша ушла под воду. Заднее окно. Остался багажник.

Тоже погрузился.

Через пару секунд вспыхнули навигационные огни и прожектор, показался патрульный катер с двумя полицейскими в форме на палубе.

Зуб нырнул за пандус. Катер проследовал мимо. Сквозь грохот мотора и плеск воды под килем на секунду пробился треск рации. Но шум уже слабел, огни потускнели.

Он выпустил из груди воздух.

107

Раздался громкий металлический стук. Шаги. На секунду взметнулась надежда.

Шаги приближаются. Запахло сигаретным дымом. Послышался знакомый голос:

— Понравилась картина?

Зуб включил фонарик, отвязал веревку от перил, принялся опускать мальчика ниже, старательно придерживая шнур руками в перчатках, слыша, как парень бьется о стенки. Потом веревка ослабла.

Хорошо. Он на первой платформе из трех, расположенных с интервалами в пятьдесят футов.

Закинув за спину рюкзак и подсвечивая фонариком, Зуб начал спускаться по перекладинам, цепляясь одной рукой, держа в другой веревку. Добравшись до первой платформы, повторил все сначала, потом еще раз, пока мальчишка не лег лицом вниз на дно шахты. Зуб преодолел последний пролет, присоединился к нему, вытащил из рюкзака лампочку, включил, поставил на пол.

Впереди туннель, идущий под гаванью. Зуб его обнаружил, копаясь в архивах в ходе подготовки к предыдущему делу. Прежде чем туннель угрожающе обветшал, по нему тянулись кабели от старой электростанции. Одновременно с постройкой новой станции проложили другой, а этот отрезали.

Как будто находишься в ржавой бездонной железной бочке, которая уходит вдаль, обрамленная с обеих сторон металлическими трубами в асбестовой оболочке, где находятся

старые кабели. Под ногами подгнившие доски, кое-где залитые водой. На массивных листах клепаной обшивки расплываются живые пятна ржавчины, кругом острые сталактиты и сталагмиты сливочного цвета, похожие на оплывшие свечи.

Но Зуб смотрел совсем на другое — на человеческий череп, валявшийся неподалеку в туннеле, приветствуя его широким оскалом. Он смотрел на него с неким удовлетворением. Двенадцать крыс, купленных в суссекском зоомагазине и проголодавших за пять дней, хорошо поработали.

Форма и фуражка капитана эстонского торгового судна исчезли вместе с плотью, сухожилиями и волосами. Даже морские сапоги съедены. Кости рассыпались по полу, кроме одного предплечья и кисти, прикованной цепью к железной трубе. Не хотелось, чтоб крысы сгрызли пластырь, позволив ему убежать.

Зуб посадил мальчишку, прислонил спиной к стенке, лицом к туннелю и скелету. Тот заморгал — что-то в нем изменилось. Он догадался — очки исчезли. Посветил вокруг фонариком, увидел и надел их мальчишке.

Тот уставился на него, потом покосился на кости, в глазах отразился смертный ужас.

Зуб присел, сорвал со рта пластырь.

— Ну, как ты?

— Не очень. Домой хочу. К маме. Хочу пить. Кто вы и чего вам нужно?

— Слишком многого хочешь.

Тайлер покосился на череп.

— По-моему, вид не слишком здоровый, — заметил Зуб. — Что скажешь?

— Мужчина лет пятидесяти-шестидесяти. Восточноевропейский тип.

Зуб нахмурился:

— Откуда тебе такое известно?

— Изучаю археологию и антропологию. Пожалуйста, дайте воды… и поесть.

— А ты хитрый, как я погляжу.

— Просто пить хочу, — объяснил Тайлер. — Зачем вы меня сюда привезли? Кто вы?

— Вон тот, — кивнул Зуб на скелет, — пролежал тут шесть лет. Никто про это место не знает. Шесть лет здесь никто не был. Понравилось бы тебе провести тут шесть лет?

— Не понравилось бы, — сказал Тайлер.

— Еще бы. Я хочу сказать, кому понравится, правда?

Тайлер кивнул. Тип не совсем нормальный, решил он. Чокнутый, но, может быть, ничего. Не сильно хуже некоторых учителей.

— Что он такого сделал?

— Кое-кого обчистил, — ответил Зуб. — Ясно?

Тайлер пожал плечами:

— Ясно. — Голос испуганно хрипит в пересохшей гортани.

— Обожди, и я все устрою. У нас с тобой большая проблема. С приливом уладится, понял?

Тайлер вытаращился на него, потом на скелет. То же самое будет с ним через шесть лет?..

— С приливом?.. — переспросил он.

Мужчина вытащил из рюкзака сложенный лист бумаги, развернул.

— Разбираешься в таких вещах, парень?

Поднес бумагу к глазам Тайлера, направил фонарь и сказал:

— Большие суда не входят и не выходят из гавани два часа после начала отлива и еще два после начала прилива. — Внимательно всмотрелся в разграфленный лист, где под буквами О и П проставлено время. Сбоку напечатано: «Предполагаемый уровень в метрах выше нуля графика водомерного поста». — Нелегко разобраться. Похоже, отлив начинается в восемь вечера, хоть я не совсем уверен. Значит, суда пойдут в час тридцать одну.

— Вы на дату посмотрите, — подсказал Тайлер. — Сегодня пойдут в два ноль шесть. На судно меня посадите?

Зуб не ответил.

108

Телефоны в отделе не умолкают с той самой минуты, как служба спасения детей взялась за дело, и объявление о похищении Тайлера Чейза появилось на первых страницах многих газет и прозвучало по радио и телевидению. Оно вышло в 12:30, и почти через четырнадцать часов после исчезновения мальчика практически каждый житель страны, обитающий не в скалистой пещере, знал его имя, а многие видели фото.

В кабинете такая же суета, как в разгаре рабочего дня, кажется, воздух сгустился от непрерывных звонков мобильных и стационарных телефонов. Рой Грейс сидел без пиджака, с закатанными рукавами рубашки, с распущенным галстуком, читая только что присланный инспектором Лэниганом по электронной почте список известных на данный момент наемных убийц с описанием их способа действий. Поисками в США не ограничились, полиция всех европейских стран тоже начинает поставлять информацию.

Пока ничего похожего на их киллера.

И на его машину.

Учитывая, что он часто меняет номера, Грейс приказал полиции Соединенного Королевства останавливать и обыскивать каждую «тойоту-ярис» темного цвета, а не только серые. Хочется исключить любую возможность выскочить из сети, включая ошибку, допущенную каким-нибудь дальтоником.

Возможно, мальчика уже куда-нибудь погрузили, несмотря на контроль, установленный в аэропортах, морских портах, в туннеле под Ла-Маншем. Частные суда и самолеты легко ускользнут. Но Грейс практически уверен, что с парковки на Ридженси-сквер Тайлера Чейза увезли в «тойоте», принадлежащей Барри Саймонсу, а это означает, что он вряд ли покинул район Шорэма.

Проверку проводит портовый инспектор, администрация порта и береговая охрана. Осматриваются все суда, выходящие сегодня из гавани. Из-за отлива ни одно грузовое судно не вошло в шлюз после восьми вечера. Только несколько рыбацких лодок.

Внезапно перед ним предстала Стейси Хоробин.

— Сэр, — сказала она, — звонит Линн Сиббидж из топографический фирмы Би-эл-би, хочет поговорить с Норманом Поттингом, а он по мобильному не отвечает. Говорит, всю ночь искала информацию, которую он срочно запрашивал, и, кажется, нашла.

— Из топографической фирмы? — нахмурился Грейс.

— Би-эл-би.

— Топографы, то есть инженеры-проектировщики?..

— Да, сэр, — подтвердила Хоробин.

— Что им надо в такое время?

— Не знаю.

— Где сержант Поттинг?

— Сержант Мой думает, что отправился куда-нибудь перекусить.

— Ладно. Дайте я поговорю с этой женщиной. Сиббидж, вы говорите?

— Линн Сиббидж.

Грейс взял трубку.

— Суперинтендент Грейс слушает. Чем могу помочь?

— Здравствуйте, — сказала женщина бодро и четко, как в середине нормального рабочего дня. — Я партнер Би-эл-би, старой, хорошо известной в Брайтоне топографической фирмы. Днем к нам приходил детектив, сержант Поттинг, насчет похищенного мальчика, спрашивал, есть ли вокруг Шорэмской гавани такие места, где можно надежно спрятаться. Главный инженер сообщил, что моя фирма в прошлом столетии выполняла там много работ, особенно при строительстве угольных электростанций. Упомянул о существовании подземного туннеля, которым десятки лет никто не пользуется.

— Что за туннель? — уточнил Грейс.

— Ну, я всю ночь копалась в архивах, накопленных за сто с лишним лет, и, думаю, нашла то, что нужно. Этот туннель проложен от старой электростанции лет семьдесят назад, по нему шли кабели под гаванью. Он уже двадцать лет заброшен после строительства новой станции.

— Кто о нем может знать, кроме работников порта?

— Любой, кто изучает историю того района, найдет с легкостью. Возможно, в Гугле, если старательно поискать. — И она объяснила, где вход в туннель.

Через пару минут к Грейсу подошел Гленн Брэнсон с двумя дымящимися кружками.

— Кофе тебе принес.

— Спасибо… Не желаешь прокатиться? Нам обоим полезно сменить обстановку.

— Куда?

— В одно место, где мы с тобой никогда не бывали.

— Спасибо, босс, но я не готов к морским круизам в час ночи.

— Не беспокойся, не поплывем — под водой прогуляемся.

— Жуть. С каждым разом все лучше. Нырять будем?

Грейс поднялся.

— Надевай пальто, бери фонарь.

— У меня клаустрофобия.

— У меня тоже. Возьмемся за руки.

109

— Сколько шансов, по-твоему? — спросил Гленн, пока Грейс медленно ехал, глядя налево в поисках будки, описанной Линн Сиббидж. Машина шла против сильного ветра, на лобовом стекле расплющивались крупные капли дождя. — Один на миллион? На миллиард? На триллион?..

— Ты не стараешься рассуждать как преступник, — заметил Грейс.

— Скажи спасибо, а то я бы уже подвесил тебя на крюк и включил видеокамеру.

Рой улыбнулся:

— Не думаю. Ты постарался бы нас перехитрить. Сколько раз он менял номера? Камеры оставил, будто показал нам два пальца. Очень умный малый.

— Похоже, ты им восхищаешься.

— Восхищаюсь… профессионализмом. За все прочее всей душой ненавижу, а хитростью восхищаюсь. Если он где-то прячется с мальчиком, то не в садовой сторожке, заросшей грибами. В таком месте, какое нам в голову не придет, по его убеждению. Поэтому шанс не один на миллион. По-моему, шанс довольно велик.

— Мог бы пару патрульных послать, — проворчал Брэнсон. — Или Нормана Поттинга.

— Испортить нам с тобой удовольствие?

Грейс перевалил через бровку.

— Похоже, тут.

Через минуту в свете фонарика увидел сорванный висячий замок на земле, нагнулся, пристально обследовал.

— Дужка перекушена…

Открыл дверь, пошел вниз по бетонным ступеням. Брэнсон за ним. Внизу они ступили на решетчатую металлическую платформу с ограждением и старыми металлическими трубами вокруг.

Брэнсон принюхался:

— Кто-то сортир тут устроил.

Грейс заглянул за поручни, направил луч фонарика в вертикальную шахту.

— Проклятье! — выдавил он сквозь зубы. Очень, очень глубоко. И заорал во все горло: — Полиция!.. Тут есть кто-нибудь? — Голос гулко разнесся. Он прокричал еще и еще. Ответило эхо, потом тишина.

Детективы переглянулись.

— Кто-то снова приходил, — сказал Брэнсон.

— Возможно, еще здесь, — сказал Грейс, опять глядя в шахту, на лестницу с перекладинами. — Я чертовски боюсь высоты.

— Я тоже, — кивнул Брэнсон.

— И высоты, и замкнутого пространства? Чего не боишься? — с ухмылкой поддразнил его Рой.

— Мало чего.

— Посвети… Там платформа футах в пятидесяти… Жду тебя там.

— Как насчет закона об охране труда?

Грейс стукнул себя в грудь.

— Вы только на него посмотрите! Если упадешь, поймаю.

Он перелез через поручень, решив не смотреть вниз, схватился за перекладину обеими руками, нащупал ногами нижнюю и медленно, осторожно начал спускаться.

Спуск занял не одну минуту.

— Честно скажу, не развлечение, — заметил Гленн Брэнсон. Повел вокруг фонариком, и луч ушел в туннель. — Господи помилуй!.. — Он вытаращил глаза на скелет.

Они шагнули к нему.

— Похоже, еще один замороженный на твою голову, босс.

Но Рой уже не смотрел на скелет. Он смотрел на скомканную бумагу на земле. Надел резиновые перчатки, поднял, развернул и нахмурился.

— Что? — спросил Брэнсон.

— График приливов и отливов.

— Черт!.. Думаешь, давно тут лежит?

— Недавно, — ответил Рой. — Составлен на семь дней для Шорэма, начиная со вчерашнего.

— Зачем кому-то график?

— При отливе на входе в гавань глубина всего шесть футов. Для больших судов мало, поэтому они ждут два часа с начала отлива и еще два с начала прилива.

— Думаешь, как-нибудь связано с Тайлером?

Грейс чуть не упустил маленький предмет, лежавший под ржавой трубой. Снова наклонился, осторожно подобрал двумя пальцами, поднес к глазам.

— Теперь точно знаю, — объявил он. — Сигарета «Лаки страйк». — Прижал к щеке кончик фильтра. — Еще теплая.

Гленн тоже натянул перчатки, взял график, вгляделся, взглянул на часы.

— Устье гавани, если это так называется, открывается в два ноль шесть. Через пятьдесят шесть минут. Черт, нельзя никого выпускать!

Боязнь высоты мгновенно испарилась, сержант бросился к лестнице, суперинтендент за ним.

110

До предела испуганный Тайлер кряхтел и подвывал от страха, но в то же время старался не особенно дергаться. Чернильные волны набрасывались на него, словно злые дикие звери, хватая за ноги. Сверху хлестал дождь. Он висел на ужасно болевших руках, как распятый.

Сначала он решил, что его бросят в море, но теперь был крепко привязан чуть выше уровня воды. Крик рвался из него, но рот опять заклеен. Кажется, что голова разорвется от безмолвных воплей.

Он плачет, всхлипывает, зовет мать.

Сильно пахнет водорослями. Мужчина снял с его глаз глухую повязку в последнюю минуту перед тем, как подвесил.

Сквозь плеск воды слышен шум приближающегося вертолета. Ослепительный луч прожектора упал на него, а потом снова тьма.

«Сюда, сюда, я здесь!» — молил он.

«Пожалуйста, помогите, пожалуйста! Мама, помоги!..»

111

Только добравшись до самого верха железной лестницы, Грейс с Брэнсоном сумели поймать сигнал рации и телефона. Грейс немедленно связался с «серебряным» командиром Тревором Барнсом, который был у себя в кабинете в Суссекс-Хаус.

Детективы помчались по бетонным ступеням, выскочили под дождь и ветер, радуясь свежему воздуху. Сверху слышен треск вертолета, низко летящего над бурной водой в широком круге света прожектора.

Через пару секунд Барнс радировал, что, по словам начальника порта, единственное судно, которое должно выйти из гавани через большой шлюз, — драга «Арко Ди». Она уже отошла от причала и направляется к шлюзу.

— Я бывал на той драге, — крикнул Рой Брэнсону сквозь шум вертолета и вой ветра. — Там много возможностей убить парнишку! — И передал «серебряному»: — Тревор, надо остановить ее в шлюзе и обыскать.

Немного постоял, следя за лучом света, накрывшим массивный корпус шорэмской электростанции. Она состоит из двух блоков: нижний с плоской крышей высотой футов в шестьдесят, потом главный, футов в сто. Одинокая дымовая труба на западном краю поднимается в небо на двести футов. Неожиданно в свете прожектора показалось, что на плоской крыше что-то шевельнулось.

Рой сразу обратился к диспетчеру:

— Свяжите меня с «отелем-900».

Через пару секунд прокричал наблюдателю в вертолете сквозь жуткий треск:

— Вернитесь, еще раз посветите на крышу электростанции!..

Детективы ждали, пока вертолет развернется. Луч ударил сначала в трубу с железной лестницей с перекладинами до самого верха, потом осветил плоскую крышу первой секции. По ней прошмыгнула фигура, нырнула за вентиляционную шахту.

— Еще круг! — приказал Грейс. — На крыше кто-то есть. — И повернулся к Брэнсону: — С той стороны все заперто на ночь. Знаю кратчайший путь!

Они побежали к машине, запрыгнули, Рой включил мигалку с сиреной на полную мощность и вылетел на шоссе.

— Звони «серебряному», — велел он. — Пусть пришлет всех, кого можно, на станцию.

Через четверть мили резко тормознул, вильнул влево перед белым зданием администрации порта, дальше вниз по крутой дороге, пока не доехал до высокой ограды с заостренными стальными прутьями.

На остриях табличка: «Территория Шорэмского порта — проезд только по пропускам — проход через шлюзы».

Бросив машину, детективы помчались по дорожке, обнесенной с обеих сторон высокой оградой. Грейс светил перед собой фонариком. Справа видны в ярком свете прожекторов с башни два шлюза — малый для яхт и рыбацких лодок и другой, гораздо больше, для танкеров, драг и контейнеровозов.

Между ними длинный причал, посередине которого стоит внушительное строение, откуда осуществляется управление шлюзовыми воротами. В сторону берега выходит огромное окно, перед ним вертикальный светофор с тремя красными огнями.

Суперинтендент мельком заметил предупреждающий знак на воротах причала, запрещающий вход посторонним. Обратил внимание, что ворота не заперты, но смотрел главным образом влево на электростанцию, частично освещенную прожектором вертолета. Бежал вместе с пыхтевшим Брэнсоном, топая по металлическим плитам, мимо других предупреждающих красных огней, к главному шлюзу. Еще одна табличка запрещает вход при мигающем красном свете и сирене.

Добежав до того места, где смыкаются две массивные створки старых деревянных шлюзовых ворот, вновь оглянулся на электростанцию. Если это подозреваемый шмыгает, какого черта он там делает? Конечно, отличная точка для наблюдения, но за чем он собирается наблюдать? Мальчика тоже туда затащил?

Они выскочили на набережную, бросились к электростанции. Впереди Грейс увидел у высокой решетчатой ограды по периметру станции груду ящиков.

— Жди тут, — велел он сержанту, взобрался, перелез через острые пики и спрыгнул с высоты в десять футов.

Хотел сгруппироваться, но упал на грудь, больно ударился, воздух вышибло из легких. Наверху трещит вертолет, луч упал на него на секунду, осветил стальную пожарную лестницу на боковой стене нижнего блока.

Грейс рванулся к ней и начал подниматься как можно быстрее, преодолевая порывы резкого ветра.

Полное сумасшествие, решил Грейс, но продолжал взбираться, крепко хватаясь за перекладины на хлещущем ветру, под дождем, которые как будто сговорились его сбросить. Внезапно раздался жуткий жалобный крик, как бы женский. Прямо на него что-то вылетело из темноты, хлопая огромными черными крыльями.

Он резко отвернулся и увидел внизу, как бы за много миль, огни порта и города за гаванью.

Черное существо кружит, хлопает, снова кричит. Сапсан, вдруг вспомнил Рой. Какие-то проклятые экологи устроили при строительстве гнезда в стене.

Птица снова ринулась на него.

Потрясающе. Двадцать лет прожить копом и погибнуть от чертовой птицы, взятой под охрану!..

Он прижался к перекладинам, внезапно почувствовав головокружение.

Не отпускай. Держись. Помни первое правило поведения на приставных лестницах — всегда должны быть три точки опоры, тогда не упадешь.

Четвертой опорой — правой рукой — он широко махнул в воздухе, не заботясь в данный момент о сохранности редкого пернатого хищника. И полез дальше на крепчавшем ветру. Птица, видно, поняла намек и исчезла в ночи.

Наконец, он добрался до крыши, влез на асфальтовое покрытие, отполз на четвереньках подальше от края. Остановился, пригнувшись, стараясь отдышаться, с разрывавшимся сердцем, вглядываясь в темноту. Через несколько секунд услышал вертолет, свет полностью залил крышу и стену второго блока.

В этом свете Грейс увидел камеру.

Стоит прямо перед ним на металлической треноге, с телескопическим объективом, направленным вниз.

Рой на секунду вгляделся в даль, ища раньше замеченную фигуру и не видя никаких ее признаков. Когда луч прожектора ушел в сторону, он бросился к камере — сложному аппарату, — нашел видоискатель, прищурился.

Ох, черт… Нет! Нет…

В призрачном зеленом свете прибора ночного видения Тайлер Чейз крупным планом. Подвешен к двум створкам шлюзовых ворот, ноги в паре дюймов от воды, руки растянуты в стороны. Крошечный огонечек указывает, что камера работает, идет запись или передача.

Рой с ужасом понял, что означает график приливов и отливов.

Попробовал связаться с Гленном по рации — канал занят. В отчаянии повторил вызов. При третьей попытке послышался голос сержанта сквозь треск зависшего над головой вертолета.

— Повтори, босс, не слышу! — крикнул он.

— Не дай открыть проклятые ворота! — рявкнул Грейс.

Удар по голове свалил его на землю.

Смутно слышен треск и голос в рации:

— Говоришь, шлюз не открывать?..

Он попытался встать, но пошатнулся и упал, чувствуя сильный позыв к рвоте. Заметил скользнувшую и исчезнувшую за краем крыши фигуру. Уставился на камеру в свете прожектора, подполз в ярости, ударил в треногу и перевернул. Снова попробовал встать — ноги не держат. В отчаянии поднялся на четвереньки, оглядываясь в поисках рации, но она пропала.

Снова встал и рухнул на ветру. Нет, нет, нет… Опять распрямился, не обращая внимания на безумную боль в голове, заковылял по крыше. Схватился за первую перекладину лестницы и по ошибке глянул вниз.

Мир перевернулся на триста шестьдесят градусов.

Надо слезть. Надо. Надо. Вцепился в перекладину, спустил с крыши ноги. Ветер толкнул обратно. *Не смотреть вниз!*

На мгновение подумал о Клио. О еще нерожденном ребенке. Об их дальнейшей жизни. О возможной гибели в ближайшие минуты. Стоит оно того или нет?

Потом вспомнил мальчика, подвешенного за руки к створкам ворот. Его спасение многого стоит.

Наполовину ступая, наполовину съезжая по пожарной лестнице, он спешил сколько мог. Глядя только вверх. Предохранявшие руки латексные перчатки порвались о железные прутья, и ладони теперь жгло огнем.

Неожиданно ноги ударились в землю, Рой упал на спину, с трудом поднялся. Справа видны огни на носу драги «Арко Ди», медленно проплывающей мимо электростанции. Красный свет на шлюзе замигал.

Нет… Нет. Нет!..

Он метнулся к железной ограде и с ужасом понял, что заперт в ловушке. Сюда он с легкостью влез по штабелю ящиков, а отсюда не выбраться. Некуда поставить ногу.

— Гленн! — заорал Грейс, не имея понятия, где тот находится в данный момент. — Гленн!..

— Здесь, босс, — крикнул из-за ограды сержант, к его колоссальному облегчению.

— Помоги, руку дай…

Через пару секунд перелез через острые прутья, Гленн схватил его сильной рукой, дернул, он спрыгнул на брезент, накрывающий ящики, соскочил на землю. Землечерпалка поравнялась с ними.

— Есть кто-нибудь у шлюзовых ворот? — выдохнул Рой.

Брэнсон покачал головой.

— Нельзя открывать!

Грейс рванул с места, сержант за ним. На бегу они услышали какофонию приближавшихся полицейских сирен. Детективы неслись по причалу. Красные фонари мигают, громко воет клаксон. На дорожке над шлюзовыми воротами чувствуется вибрация. Она все усиливается. Наконец, Рой достиг створа.

Внезапно тряска прекратилась. Ворота замерли. Он взглянул вниз, видя мальчика. Вертолет над головой ярко освещает его, похожего на жуткое скульптурное распятие над бешено бурлящей водой.

— Останови чертовы ворота! — крикнул Рой Гленну, не отводя взгляда от Тайлера. Увидел конец веревки, прикрученный к деревянному столбику, лихорадочно дернул.

Внизу кипит пенистая поднимающаяся вода. Ворота содрогнулись и дюйм за дюймом начали раздвигаться.

Брэнсон бежал изо всех сил, прорываясь к пункту управления сквозь все преграды, пока створки шлюза расходились все шире. У самой цели что-то вдруг обвилось вокруг его ног, и он рухнул ничком на причал.

Грейс снова дернул веревку, которая с каждой секундой натягивалась все туже. Сквозь рев вертолета, ветра, дождя и сирены слышен сдавленный крик. Прежде чем ворота разъехались шире, веревка внезапно ослабла.

Мальчик с громким плеском упал в воду и скрылся из виду.

Рой бросился в холодное взбаламученное море. Кругом пошли пузыри. В десять раз холоднее, чем можно представить.! Он вынырнул на поверхность, хватая ртом воздух. Прямо перед глазами высится драга, как небоскреб; нос в паре сотен ярдов, не больше. Попытался отплыть — течение относит назад. Снова вынырнул, захлебнувшись едкой маслянистой водой. Отплевался, откашлялся и, несмотря на тяжесть одежды, изо всех сил поплыл в открывавшиеся ворота к веревке, свисающей в море.

Поймал, дернул, еще, изо всех сил, и вскоре груз вынырнул. Рой обеими руками обхватил голову мальчика, стараясь сорвать с губ пластырь мокрыми скользкими пальцами. Оба ушли под воду и вынырнули.

— Ничего, ничего, все в порядке… — бормотал Грейс.

Снова ушли под воду, опять поднялись. Кажется, драга остановилась. Их осветил луч с вертолета. Мальчишка бьется в дикой панике. Грейс упорно старался держаться на плаву, выпутываясь из водорослей и одновременно держа парня. Его колотила дрожь. Голова Тайлера вновь под водой, он его снова вздернул, изо всех сил стиснул онемевшей от холода рукой.

Перевернувшись, Гленн Брэнсон увидел маленького человечка, бегущего к двери пункта управления. С трудом поднялся на ноги и бросился за ним, схватив как раз в тот момент, когда тот рванул дверь.

Мужчина оглянулся, нанес удар в лицо, побежал обратно по причалу.

Напрасно, заключил Брэнсон. В глазах и в голове туман, но не настолько, чтобы потерять всякое соображение. Заковылял за ним, отрезал дорогу, когда он попробовал проскользнуть мимо зигзагом, оттесняя сержанта к краю причала, сделав ложный финт, но Гленн его поймал. Мужчина нацелился ударить в почки, однако сержант, освоив приемы самообороны во время службы вышибалой в ночном клубе, предотвратил попытку и выполнил левой ногой классический трюк кикбоксинга, обездвижив правую ногу противника. Когда тот свалился, Гленн крепко пнул его в поясницу, даже не поняв, что они на самом краю. Мужчина перевалился за край причала и исчез в водовороте.

Сцену накрыл прожектор вертолета. Мужчина пропал.

Послышался крик:

— Эй!.. Кто-нибудь!.. Гленн! Где вы все, черт побери? Вытащите нас отсюда! Адский холод…

112

Выдался первый поистине теплый день в этом году, когда термометр в Брайтоне дошел до 75[21] и городские пляжи с кафе и барами заполнились народом. Рой Грейс с Клио вернулись после недолгой прогулки с Хамфри, помня о распоряжении доктора не переутомляться.

Уселись на высокой веранде, Рой с бокалом розового вина, Клио с настойкой бузины, Хамфри с искусственной косточкой.

— Что же будет дальше с Карли Чейз? Подозреваемый предположительно утонул, мать Тони Ревира погибла, верно?

— Гавань обыскали ныряльщики и прочесали. Только вода там мутная. Подводная подсветка не помогает, приходится работать с гидролокатором. И течение местами сильное. Тело могло быстро вынести в море.

— Я думала, тела всплывают через несколько дней…

— Газы накапливаются с неделю. Но если всплывут, скажем, ночью, когда вода и ветер идут в другую сторону, то уходят в море. Со временем снова тонут, и их начисто объедают рыбы, крабы, раки и креветки.

— А отец Тони Ревира?

— Я говорил со следователем Лэниганом, нашим коллегой в Нью-Йорке по этому делу. Самый серьезный тип, который, скорей всего, может продолжить дело, — брат Фернанды Рики Джордино, дядя погибшего велосипедиста. Пока отец в пожизненном заключении,

видимо, он на посту. По мнению Лэнигана, именно он нанял киллера. Будем еще какое-то время охранять Карли Чейз и ее родных, но лично я пока не вижу серьезной угрозы.

Клио взяла его за руку, притянула к животу.

— Пузырь сегодня суетится.

Рой почуял, как ворочается их ребенок.

— Может, из-за шоколадного мороженого? Сама говоришь, что он возбуждается от шоколада, возможно, будет шокоголиком…

— *Он?..* — лукаво прищурилась Клио.

Рой ухмыльнулся.

— Только ты веришь старым женским байкам, что если ребенок высоко лежит или сильно брыкается, то это мальчик.

Клио пожала плечами:

— Легко проверить.

— Хочешь? — спросил Рой.

— Нет. А ты? Не хотел, когда в прошлый раз обсуждали.

— Буду любить и мальчика, и девочку. Потому что ребенок будет *наш.*

— Правда? Не надеешься на мальчика, который станет повторением моего героя Роя Грейса? Будет страдать клаустрофобией и полезет в глубокий подводный туннель… Бояться высоты и карабкаться на электростанцию. Бояться плавать и нырять в гавань, *спасая* жизнь чужого парнишки…

— Я коп, — вздохнул Рой. — Иногда вредно думать, чего ты боишься. Как только задумаешься, то поймешь, что ошибся в выборе профессии.

— Любишь свое дело?

— Не люблю спускаться в туннели по железным лестницам с перекладинами. Не люблю лазать по крышам электростанций. Но, по крайней мере, с маленьким Тайлером все будет хорошо. Надо было видеть его мать, когда мы привезли ее к нему в больницу… Ради этого я и работаю. Не представляю другого такого дела на всем белом свете.

— Представляешь, — возразила Клио, чмокнув его в лоб. — Для тебя любое дело всегда будет особенным. За это я тебя и люблю.

— Правда?

— Угу. — Она прихлебнула свою бузину. — Знаешь, порой думаю о вас с Сэнди.

— В каком смысле?

— Ты рассказывал, что вы долго старались зачать ребенка, и безуспешно, правда?

Рой кивнул.

— А если бы получилось? Я имею в виду, мы с тобой были бы вместе?

— Не знаю. Одно скажу: я рад, что мы вместе. Ты — самое лучшее, что мне выпало в жизни. Ты моя опора.

— А ты моя.

Клио стиснула его руку.

— Позволь спросить. Сэнди когда-нибудь называла тебя *опорой?*

Рой крепко ее обнял и сказал, чуть помолчав:

— Знаешь, говорят, что прошлое — это чужая страна…

Клио кивнула.

— Так не будем туда возвращаться.

— Хорошее предложение, — согласилась она.

113

— Восемь тридцать, среда, двенадцатое мая, — объявил суперинтендент Грейс, как всегда глядя в свои записки. — Последние данные по операции «Скрипка». Кратко напомню, что после исчезновения неизвестного подозреваемого, предположительно утонувшего, специальная поисковая бригада пятый день осматривает Шорэмскую гавань. Вчера в Олдрингтонской бухте на глубине в тридцать футов обнаружена «тойота-ярис», примерно в четверти мили от места, где был найден Ивен Прис в белом фургоне. На машине стоят номера, с которыми был в последний раз замечен подозреваемый. Сейчас с ними работают криминалисты.

Дункан Крокер поднял руку:

— Шеф, нет никаких известий из тюрьмы Форд насчет убийства Уоррена Талли? Не обнаружилось никакой связи с нашим подозреваемым?

Рой обратился к Поттингу:

— Что скажешь, Норман?

— Сегодня разговаривал с Лизой Сеттерингтон и с ребятами из Западного филиала, которые ведут следствие. Готовят обвинение против Ли Рогана, который сидел вместе с Талли.

Грейс поблагодарил сержанта и продолжил:

— Пока охрана Карли Чейз и ее родных не снята. Я жду информации из Соединенных Штатов, которая позволит решить, надолго ли она понадобится и в каком виде.

* * *

Информация пришла раньше, чем ожидалось. Как только суперинтендент ушел с совещания, запищал мобильный телефон, извещая о пропущенном звонке от следователя Пата Лэнигана.

Вернувшись в кабинет, Грейс сразу же перезвонил в Нью-Йорк, хотя там была глубокая ночь.

Лэниган, как всегда с полным ртом камешков, ответил самым бодрым тоном:

— Тут у нас что-то странное, Рой. Может, для вас имеет значение.

— Что?..

— Ну, фактически, я плакать не стану. Помните Рики Джордино, брата Фернанды и сына Сола?

— Крестного отца мафии, который отбывает пожизненное заключение?

— Правильно. Кажется, я уже говорил, что, по нашему мнению, именно Рики нанял того парня, который устроил вам столько проблем.

— Говорил.

— Ну, тогда вам надо знать, что пару часов назад Рики Джордино найден мертвым в собственной квартире. Картина довольно жуткая. Знаете, как бы один умник перемудрил другого. Он привязан к кровати с отрезанными причиндалами. Видно, кровью истек. Член засунут в рот и пластырем заклеен. Похоже, яйца кто-то с собой унес.

— До или после смерти? — уточнил Грейс.

Лэниган рассмеялся:

— Наслушавшись ваших рассказов, я о том парне лучшего мнения, если вы меня понимаете.

— Абсолютно.

— Поэтому будем надеяться, что до того. Кстати, еще одно… Наверняка вам интересно: сцена заснята на видеокамеру.

114

Йоссариан лежит на обычном месте, посапывает, укрывшись от полуденного солнца на пороге постоянно открытых дверей патио. Раз в день его будит женщина, которая приносит еду, меняет воду в миске. Он ест, пьет и вновь дремлет.

Скучает по партнеру. Скучает по прогулкам в горах, по рыбалке и по свежей рыбе.

А сегодня совсем другой день.

Воздух завибрировал. Йоссариан возбудился. То и дело стряхивает дрему, топчется по дому, выбегает на жаркое солнце, снова прячется в тень.

Услышал сквозь сон, как открылась передняя дверь.

Женщина по-другому ее открывает. Сейчас слышен знакомый звук. Хвост заколотился, он вскочил, бросился к двери с взволнованным лаем.

Партнер дома.

Партнер его гладит, ласково бормочет:

— Привет, парень, рад тебя видеть, ну как ты?..

Партнер ставит кейс на пол, открывает, вытаскивает белый пакет и вываливает содержимое в пустую миску, стоящую в тени у дверей в патио.

— Угощение привез из самого Нью-Йорка, что скажешь?..

Йоссариан с надеждой взглянул на него, потом в миску. Туда смачно шлепнулись два овальных мясистых куска — плюх-плюх. Он сожрал их, как волк, и взглянул на партнера, прося добавки.

Зуб покачал головой. Его не интересует количество.

Его интересует качество.

115

Контора яхт-клуба располагается в деревянном беленьком домике на берегу широкого Боденского озера. Впереди неделя каникул, хочется вместе поплавать под парусами.

Симпатичный подтянутый немецкий менеджер за стойкой любезен и внимателен.

— Значит, вы раньше ходили на яхте?

— Да, — кивнула она. — Мой… бывший муж… был хорошим яхтсменом. Мы плавали вдоль южного побережья у Брайтона. Однажды даже отправились в Грецию.

— Отлично. — Менеджер с улыбкой принялся заполнять бланки. — Для начала, сколько лет молодому человеку?

— Скоро десять.

— Когда?

— В марте будущего года.

Менеджер улыбнулся мальчику.

— Значит, унаследовал от отца моряцкие гены?

— Ох, он много чего унаследовал от отца, правда? — сказала она, оглянувшись на сына.

— Возможно, — пожал тот плечами. — Не знаю. Я его ни разу не видел.

Улыбка с лица менеджера моментально исчезла.

— Назовите, пожалуйста, полное имя молодого человека.

Она вписала в графу «Бруно Вальдхайм».

— Прошу прощения, нужно полное имя. У Бруно есть второе?

Она виновато улыбнулась:

— Да, простите.

Подтянула к себе бланк и вписала посередине: *Рой.*

Примечания

1

Гэлбрейт Джон Кеннет (1908–2006) — американский экономист, автор теории «нового индустриального общества». *(Здесь и далее примеч. пер.)*

2

Несчастье, мучение *(англ.).*

3

Солиситор — поверенный, юридический консультант частных лиц и организаций, выступающий в нижних британских судах.

4

Парамедик — медицинский работник, оказывающий первую доврачебную помощь.

5

Барристер — адвокат, выступающий в высших британских судах.

6

«Уловка-22» — роман американского писателя Джозефа Хеллера (1923–1999) об абсурдности войны и военно-бюрократической машины.

7

Маленькая Италия — район в Южном Манхэттене, где традиционно проживают американцы итальянского происхождения.

8

«Топ гир» («высшая передача» — *англ.)* — регулярная телепрограмма, посвященная автомобилям и автоспорту.

9

«Мэк Тракс» — компания по производству большегрузных грузовых автомобилей.

10

Флорида-Кис — цепь коралловых рифов и известняковых отмелей у южной оконечности полуострова Флорида.

11

В Британии принято тесное сотрудничество официальных правоохранительных органов с представителями местного сообщества, включающее совместное патрулирование и пр.

12

«Моисеева корзинка» — переносная плетеная колыбель, получившая название в честь корзинки, в которой, по преданию, был найден библейский пророк Моисей.

13

Листерии — вид бактерий.

14

Крокетт Дэви (1786–1836) — легендарный охотник, герой Фронтира (западных территорий, осваивавшихся американскими переселенцами).

15

Линн Вера — британская певица, популярная в годы Второй мировой войны.

16

Знаменитый американский мюзикл «Звуки музыки» Р. Роджерса и О. Хаммерштейна написан в 1959 г.

17

«Банковские каникулы» — официальный выходной, в который первоначально не работали только банки.

18

Лугоши Бела (1882–1956) — исполнитель роли Дракулы в театральной постановке на Бродвее и в кино.

19

«Мастермайнд» («быстрый и находчивый») — популярная телевикторина, в которой побеждает участник, правильно ответивший на максимальное количество вопросов за отведенное время.

20

Столичная полиция — полиция Большого Лондона за исключением Сити.

21

Около 24° по Цельсию.
